

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как упоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

108

*QCA

ПРОГРАММА.

1. Собрание трудовъ гг. ученыхъ и литераторовъ.

2. Обобщеніе наукъ и содѣйствіе ученой жизни и дѣятельности въ обществѣ, направленныхъ къ истинному и прочному просвѣщенію.

3. Направленіе (словомъ и дѣломъ) литературы къ истинной образованности.

4. Обширная критика, прямо содѣйствующая тому и другому.

5. Обработка элементовъ истинной философіи по Русски.

6. Вообще же чтеніе пріятное и полезное.

И все это направленно къ одной, постоянной, преобладающей цѣли: просвѣщенію и образованности истинной, прочной и народной.

Для достиженія этой цѣли, Маякъ избралъ себѣ раму, въ которую могло бы все войти. Всѣ предметы распределяются въ пяти главахъ.

1. *Науки.* Сюда входятъ статьи, представляющія полный очеркъ какой либо науки со всеми ея элементами, главными истинами, вопросами, законами и проч. Изложеніе въ нихъ наглядное, свободное отъ частныхъ подробностей, обширныхъ доказательствъ, разсужденій, но которое, бывъ построено въ одно органическое цѣлое, и выставляя всѣ главные части содержанія въ

полномъ свѣтѣ, удовлетворительно изображало бы самую сущность науки. Сюда входятъ всѣ науки отъ богословія, медицины, физики, естественной исторіи, политики, до математики, технологіи и торговли — нѣтъ надобности исчислять ихъ подробно.

2. *Взяццна Словесность* въ стихахъ и прозѣ. Романы, повѣсти, разказы, отрывки изъ путевыхъ, историческихъ и политическихъ записокъ, отрывки и цѣлыя пьесы драматическія, очерки нравовъ, статьи юмористическія.

3. *Матеріалы для наукъ и словесности.* Рѣшеніе частныхъ вопросовъ. Разсужденія, описанія отдельныхъ предметовъ. Выдержки изъ ученыхъ записокъ и всякія частности наукъ и литературы, не входящія въ составъ первыхъ двухъ главъ. — Биографіи, некрологіи, легенды. Новыя изобрѣтенія по части наукъ и промышленности, компаніи, и прочая.

4. *Библиотека избранныхъ сочиненій.* Разборъ книгъ Русскихъ и иностранныхъ, достойныхъ вниманія человека просвѣщеннаго и образованнаго.

5. *Неорлама, смѣсь и разныя извѣстія.* Новости Русской и иностранной литературы, учености, торговли, промышленности, политическаго и гражданского быта, анекдоты, афоризмы — разныя мѣлочныя свѣдѣнія.

МАЯКЪ

СОВРЕМЕННОГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
И
ОБРАЗОВАНОСТИ.

ТРУДЫ
УЧЕНЫХЪ И ЛИТЕРАТОРОВЪ,
РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ.

РЕДАКТОРЫ-ИЗДАТЕЛИ:

П. КОРСАКОВЪ и С. БУРАЧЕКЪ.

Luceat lux vestra coram hominibus.

ЧАСТЬ X.

КОММИСИОНЕРЪ

Книгопродавецъ Ю. Юнгмейстеръ.

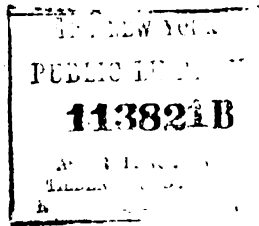

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1840.

Digitized by

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи были представлены въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, Ноября 1840 года.

Ценсоръ *А. Крыловъ.*

СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПѢСНЬ ПЛѢННИКОВЪ.

ПСАЛОМЪ 136

(ПРѢЛОЖЕНІЕ)

У рѣкъ Вавилона
Мы, дѣти Сіона,
Сидѣли въ слезахъ.
На нашихъ рукахъ
Оковы звучали;
А мы вспоминали
И вольные дни
И отчія страны,
На вѣрбахъ органы
Развѣсивъ свои
Средь стѣнъ Вавилонскихъ.
Чтожь пѣсень Сіонскихъ
Не слышимъ отъ васъ?
Иль вы ихъ забыли?
Коварно спросили
Плѣнившіе насъ.

Нѣтъ, пѣсни священной,
Намъ Богомъ внушенной
Мы пѣть не деранемъ
На брегѣ чужомъ.
О родима! звуки
Той пѣсни твоей —
И смолкли они!
Въ часъ нашей разлуки!
А если тебя
Твой сынъ позабудеть,
Часть X. Гл. II.

Забвенна да будетъ
Десница моя!
Языкъ пусть къ горстамъ
Прилипнетъ, когда
Лишу тебя дани
Моихъ воспоминаій;
Иль ты не всегда
Мнѣ высшая мѣта
Веселья, обѣта,
Молитвы моеѣ,
Въ годину скорбей!

О Боже правдивый!
Напоми врагамъ,
Эдома смирить, *)

*) Эдомъ — соименованіе Исаву, брату
Иакова, коему Исавъ продалъ первенство
свое за вариво и сочиво, почему и проз-
ванъ былъ Эдомъ, толкуется «черный»,
т. е. красноватый, библи. 25 червленый;
отъ чего часть Аравіи каменистая назы-
вается земля Эдомская или Идумея. Вы-
писка изъ церк. слов. Алексѣева ч. 2, 10
стр. Идумейцы или Эдомляне соединя-
сь Вавилонянами противъ Иудеевъ, были
своими ожесточенными врагами послед-
нихъ.

PERLSTEIN 10 DEC 1940

Тотъ день несчастливый,
Тотъ день роковой,
Какъ градъ нашъ святой
Они разрушали —
И грозою кричали
Со злобой въ очахъ:
«Разсыпьтеся во прахъ
Твердыни Сіона!
О дочерь Вавилона!
Сколь будетъ блаженъ,
Кто мстя за нашъ плѣнъ,
За вопли, за пламень,
За кровь и за стыдъ,
Твоихъ раздробить
Младенцевъ о камень!

И. ВОРОЗДНА.

ДВѢ ДУМЫ БИЛЬДЕРДЕННА.

1.

ЛОЗА ВІНОГРАДА.

Изъяденъ червями и ржей
Духовный мой стебель какъ лоза виног-
рада

Тянулся надъ тощей землей
Заглохшаго сада

Хозяинъ! очисти лозу отъ червей
И ржавчину вырвавъ въ пору
Отъ бури дай стеблю опору! —
Не хочешь? . . . да будетъ по волѣ твоей:
Возьми же ты ножъ свой и тонокъ рукою,
Которою лозу ты вѣдрилъ въ свой садъ,
Подрѣжь ее вровень съ землею,
Чтобъ въ новыхъ побѣгахъ процвѣлъ
виноградъ!

2.

ОСЕННИЙ ЛИСТОКЪ.

Вѣднjacka — поблеклый осенний листокъ
Дыханіемъ вѣтровъ гонимый!
Зачѣмъ ты покинулъ пріютъ свой роди-
мый

Душистый вѣтвистый кустокъ,
И нищешь, скиталецъ, защиты, привѣта
На скорбной груди ты моей?
Жорой лединою снаружи одѣта,
Тягнется въ ней Этна огней
Искалъ бы, скиталецъ, ты ложа инаго,
Гдѣ бъ не было бурь ни тревогъ;

Искалъ бы, изгнанникъ, ты ложа земнаго
Гдѣбъ вѣчно покоиться могъ!

Но если ты, листокъ осенній,
Какъ истощенія символъ —
Мнѣ возвѣщаешь часъ послѣдній,
О, смерти вѣстникъ и посоль!
Тебя привѣтствую добланыемъ,
Двойникъ — бездомецъ, образъ мой:
И у меня одно желанье —
Отъ бурь мірскихъ найти покой;
Истѣть какъ ты въ землѣ сырой;
П. К. — В. В.

ЛУНА И МОРЕ.

Покойно ты море, шумишь на простора!
Но только покажется въ небѣ луна
Съ какою то силой незримой дотолъ
Идешь на войною, на прибыль водна.
Какъ будто ты хочешь достигнуть Не-
бесной
И въ хладныхъ объятыхъ, се утопить?
Какою же силой незримой, чудесной
Стремнись ты воды къ лунѣ возносить?

Какъ любовникъ за жестокой
Ты течешь во слѣдъ за ней
И печально, одинокой
Жадно ждешь ея лучей.

Если облако случайно
Ликъ небесный омрачить
Потемнѣешь ты печально
И ревниво замуишь.

Но лишь милый, серебристый
Образъ всныхнѣтъ въ вышинѣ,
Серебромъ ты заструишься
И запепчешь о лунѣ.

Какъ грозныя тучи все небо покроютъ
И молнія вьется змѣей въ высоту
Тогда твои волны грохочутъ и воютъ
И страшнымъ концертомъ поютъ о
лунѣ.

За чтожь море любить ночное свѣтло?
Вотъ солнце на небѣ, красивый свѣтлый:
Да, пламенно солнце, чудесно-красиво
А мѣсяцъ полночный для моря милый.

ЕВГЕНІЙ ЗАКЕВСКІЙ.

ПРОЗА.

СТАРИНА

МОРСКАЯ И ЗАМОРСКАЯ. *)

A tale of the times of old!
Osian.

Представить не можете, мм. гг., съ какимъ удовольствіемъ читались бы въ вашемъ журналѣ статьи о елотѣ, о Кронштагтѣ, о корабляхъ тѣхъ, которые нѣкогда сами служили подъ красивѣйшимъ изъ всѣхъ военныхъ флаговъ, бѣлымъ съ побѣдоноснымъ Андреевымъ крестомъ. Море, со всею своимъ непостоянствомъ, со всею своею

обманчивостію, со всеми опасностями, грозными бурями, вѣроломными штормами, имѣеть свои неизъяснимыя, высокія прелести; прелести столь же заманчивыя, столь же увлекательныя, столь же неизгладимыя изъ памяти и сердца, какъ и — *sauf le respect pour les jolies dames* — прелести красавицъ. Кто разъ «мѣдною» грудью спозналъ

*) Батюшка, отецъ командерь! ваше высокоблагородіе! — по меньшей мѣрѣ; а то и, — ваше превосходительство! Да что я говорю? съ 90-хъ годовъ — съ милостиве Божіей, царскою и командерскою, просто, жини, такъ доживеши — ваше высокопревосходительство, да и тонцо! — откуда благодѣнье чикала! этакого жемчугу бурмидраго! этакыхъ камной самоцѣтныхъ, да

и нашъ братъ горюнь съ малчюй каланчи такаго клада слыхомъ не слыхалъ, и очью не видалъ! ахъ, ты родимой нашъ! да подавай намъ цѣлыхъ три коробка про нашу старину морскую и заморскую — есть куда положить! а ужъ челоука, такъ ужъ нѣко мѣдучина сырой земли пробивъ вашему высокопревос... вашему правосх... вашему высокоблаг..

съ нимъ, до гроба не забудеть, не разлюбить его, — и, удаленный, съ такимъ же восхищеніемъ слушаетъ рассказы о немъ какъ Швейцарецъ свою родимую «*Ranz **) *des vaches.*» ... Жаль старымъ морякамъ, что извѣстія о подобыхъ предметахъ рѣдки и въ газетныхъ листкахъ, и не имѣютъ своего непремѣннаго въ нихъ мѣста. Кромѣ моряковъ, сколько есть отцовъ и матерей, которымъ хотѣлось бы знать, когда, куда и на долго-ли попалин дѣти ихъ на громоносныхъ лебедяхъ океана. Эй, ей! Мм. Гг. смѣемъ предсказывать вамъ значительное приращеніе усердныхъ подписчиковъ, если вы заведетесь постоянными корреспондентами въ Кронштатъ, Ревель, Свеаборгъ, Николаевъ, Севастополь, Одессъ, — не мѣшаетъ и у «города», — и будете извѣщать о вооруженіи флота, о выходахъ на рейдъ, объ именахъ и рангахъ кораблей и капитановъ; объ отплытіи, о назначеніи, о возвращеніи, и о всѣхъ случайностяхъ, какія только въ состояніи занимать родителей и друзей молодыхъ моряковъ. Подумайте, не болно-ли иногда изъ Берлинской газеты и Гамбургскаго корреспондента, узнать болѣе о нашемъ флотѣ, нежели изъ своихъ газетъ. Представьте, случится бѣд-

же знаешь, право, куда и поставитъ-то! да надо ужъ поставить — высоко! только, отецъ родной, не клепи на насъ, что-де маячные не для морскихъ: да и теперь ужъ одиннадцать братьевъ изъ морскихъ и приморскихъ работаютъ на маякѣ, и прѣвду сказать изъ строки не выкинешь — а валились то гдѣ-кто: кто подъ палами въ Кронштатѣ, кто въ Слободкѣ въ Николаевѣ, кто въ Безрадной въ Астрахани, кто въ Ситхѣ съ бобрами, а кого и изъ архивной пыли вытащили! что разъ, то клань и клануть съ каланчи: и у кого-де душа болитъ, а въ сердце кипитъ по матушкѣ по Руси: по батюшкѣ бѣломъ царѣ, по святымъ храмахъ Божиимъ православнымъ, да по дѣламъ

*) Отъ слова: *garçon des vaches* — возвращеніе коровъ. Пѣсня Швейцарская.

ствіе, разобьетъ корабль, фрегатъ; объ этомъ крылатая молва донесетъ невѣрные слухи до кровныхъ, которымъ сердцу юные моряки такъ близки сколько догадокъ, опасеній, горести и слезъ безвременныхъ о «погибшихъ», между тѣмъ какъ они всѣ спасены, и являи при этомъ случая столько мужества, неустрашимости и присутствія духа, что надо бы радоваться только и восхищаться, а не плакать. Несчастіе со всѣми бываетъ, тѣмъ чаще съ моряками; таится нечего: тутъ нѣтъ ничего безславнаго для флота вообще. У Англичанъ, за которыми покаместъ морская слава, кораблекрушенія почти ежегодны; а купеческій ихъ флотъ каждую осень теряетъ чуть не десятый процентъ. Въ 1799 году, прийдя на Спиттедской рейдъ, мы любовались ихъ 120-ти пушечнымъ кораблемъ «Королевою Шарлоттою» (*Queen Charlotte*) только-что съ иглочки. На немъ вице-адмиралъ лордъ Кейтъ отправился тогда въ Средиземное море, и едва дошелъ до Ливорны, корабль взорвало на воздухъ. Отчего бы вы думали? — съено лежало близъ кухни и загорѣлось ночью! Они однакожъ не потаили грѣха, все рассказали цѣлому свѣту, какъ

Русскимъ славнымъ — милости просимъ къ намъ! да и откликаются же молодецъ къ молодцу: а погодите, то ли будетъ; вотъ къ слову, хоть бы ваша милость — имя, отчества не знаю — съ неба свалился просто, пальчики обсосешь; что твой сотъ медовый съ Муромскихъ липъ! ну, ужъ спасибо, трижды съ пяткомъ да съ одиначкою, спасибо! милости просимъ, пожалуйте, да и другихъ зовите — да распояхитесь путемъ, да раскиньтесь намъ стариной про Чичаговыхъ, да Лукиныхъ, да Сенявскихъ; и про смачей, и про питуховъ и про раздрогъ старинныхъ; и пѣсенку то спойте намъ: «Во первыхъ саняхъ такой-то, во вторыхъ, такой-то... и Господи, какъ зарадуется Русское сердце! не утернимъ, и грянемъ молодецкимъ хоромъ: Ой-ли!...»

СТОРОЖЬ.

дво было. Тутъ узнали вѣроятное присутствіе духа перваго лейтенанта (first lieutenant), который, до послѣдней минуты, распорядился съ полною энергіею моряка, и не хотѣлъ оставить корабля, изъ любви къ нему. И по-длинно было во что влюбиться; мы тогда молодые, вчужь, горевали, узнавъ объ этомъ происшествіи. Горестъ наша тѣмъ была сильнѣе, что тутъ погибъ и нашъ, незаменимый для товарищей, молодой, много общавшій морякъ Куличкинъ, служившій волонтеромъ. Онъ могъ бы съѣхать на берегъ, какъ сами Англичане писали, и не съѣхалъ — Русской! сказали бы, «что въ немъ менѣе духа, нежели въ Британцѣ;» этой мысли онъ не хотѣлъ, онъ не долженъ былъ пережить; еще повторимъ «Русской и морякъ!» Подобнаго несчастія на нашемъ флотѣ не случалось, и при нашей дисциплинѣ и порядкѣ, быть не можетъ. Правда, въ 1800 году, въ самый день Высочайшаго смотра при Красной-Горкѣ, по утру, загорѣлся было у насъ 100-пушечный адмиральскій корабль «Санктъ» влд, какъ матросы вымывали, «Самъ» Николай; но отъ такой причины, которой, при тогдшнемъ незвѣденіи о теоріи возгораемости, простительно было не предупредить осторожностью. Въ шхиперскихъ каютахъ, около самой крытой-камеры, заглазлась недавно выкрашенная олифою тарусина, изготовленная на бортовыхъ сѣтки. Корабль спасенъ догадливостію, проворствомъ и неустрашимостію подшхипера. Имя его должно бы сохраниться въ памяти моряковъ, и въ самой исторіи флота; но, именно, по молчаливости нашихъ газетъ, оно лишено этой справедливости, и самый примѣръ потерянъ для предостереженія другихъ. Англичане, народъ рысковой; съ ними и не такія еще бѣдствія бывають. Въ пяти-лѣтнее пребываніе нашего флота у британскихъ береговъ случилось одно, какому также у насъ не бывало примѣра. Воен-

ный ихъ брикъ, сплывшій къ голландскимъ берегамъ, въ виду крейсерованной эскадры «зарылся» — и, какъ ключъ ко дну! Онъ шелъ на фордевиндѣ, и несъ слишкомъ много парусовъ, при сильномъ волненіи. У нихъ это считается молодечествомъ, и оно часто доводитъ до бѣды; чего, впрочемъ, они никогда не скрываютъ. У Французовъ недавно въ Архипелагѣ разбило корабль, помнится, Сю+рэнъ, и они всю подноготную рассказали, не таясь и не стыдась. Нѣтъ, ей, ей, извѣщайте подробнѣе, откровеннѣе о флотѣ, о моряхахъ, обо всемъ что «наносить» моремъ и смолою, увидите, увидите бездну новыхъ подписчиковъ. Пусть молодые моряки пишутъ намъ чрезъ васъ проще и отчетливѣе; мы будемъ довольны, рады, благодарны. Не всемы имѣть талантъ Евгенія Сю, да и къ чему онъ тамъ, гдѣ требуется болѣе правоты и точности. Послушайте совѣта, дайте сигналъ съ вашего маяка, что вы ждете картинъ съ флота — художники лѣятся! Пустите пчелку на приморской берегъ, пусть она и съ морскихъ растений, съ самыхъ моллюсковъ собираетъ медъ для своихъ сотовъ, отведите для этого особый уголокъ въ ульѣ, подъ этикеткою «Nautisages» — для пелагофиловъ этотъ съ присолью медокъ будетъ слаще меда горы Гимета. Все, что мы здѣсь сказали, пусть послужитъ «прелюдіею» къ тому, чѣмъ намъ хочется позабавить, если удастся, васъ и вашихъ читателей-моряковъ.

Однажды въ одномъ изъ журналовъ позабавили насъ сочиненіемъ молодаго, любезнаго питомца Цептунова подъ рубрикою: «Варіаціи на тему Кронштатъ.» Изъ этихъ варіацій, приятныхъ, утѣшительныхъ для сердца и для самой гордости Русскихъ, нѣкоторые тронули насъ за живое, иныхъ ухо наше почувствовало невѣрность. Мы ждали отъ кого-нибудь изъ нашей братьи, смольныхъ нивалдовъ, отголоска,

но старые моряки, на покой, не очень, видно, любят приниматься за рупоръ; ожиданіе о сю пору остается ожиданіемъ; вздумалось самимъ попробовать — подыграть юному моряку. Чувствуемъ несоразмѣрность искусства; за молодыми нынѣ не угоняемся; но такъ и быть, просвищемъ хоть на засорившейся квартермейстерской дудкѣ «варіаціи на варіаціи,» какъ бывало смолоду разыгрывали Гантошкина «Горюна.» За аплодированіемъ не гонимся; наша пора куда-ужъ прошла; только бы не ошкали. Вотъ же тѣ варіаціи, которыя беремъ за тему.

«Царствованіе Николая доказало Европѣ, что Россія *обладаетъ* великимъ флотомъ.... Не мудрено превзойти совершенствами невѣжду, немудрено побѣдить слабаго; теперь флотъ нашъ стремится превзойти совершенствами флоты западные, флоты, уже ломавшіе копыя свои на поприщахъ Абукира и Трафальгара. Вы, ветераны флота времени Екатерины и Павла, уже давно покинувшіе флотъ, и удалившіеся въ свое сельское уединеніе, уже давно невидавшіе ни Петербурга, ни Кронштата, ни вымпела корабельнаго — не правдали, въ васъ еще не застыло морское чувство? Не правда-ли, что хоть разъ въ годъ, вы любуетесь на ваши бывае флотскіе мундиры, вспоминаете юность, вашу службу въ чинѣ лейтенанта или мичмана, и восклицаете: «Вотъ то-то бывало у насъ на флотѣ... вотъ то-то былъ въ наше время флотъ!» . . . О! если бы *теперь* вы посѣтили нашъ военный корабль на рейдѣ, и нашъ флотъ во время его маневровъ на морѣ! . . . «Вы бы назвали каждый корабль яхтою, по изящности и чистотѣ его отделки, по легкости и правильности его вооруженія!

«Я мало знаю Кронштатъ и въ его прошедшемъ, и въ его настоящемъ. Я не имѣю яснаго, подробнаго понятія о

томъ, что была Кронштатъ въ ваше время; не могу рассказать вамъ прогрессивнаго хода ея усовершенствованія, ея обстройки отъ вашего до нашего времени. Чтобы узнать исторію Кронштата, надо пожить не одинъ мѣсяцъ въ Кронштатѣ. Надо много побѣгать по Кронштату и Петербургу, много и много спрашивать, много рыться въ архивахъ морскихъ присутственныхъ мѣстъ: ибо мы не имѣемъ еще ни подробной, полной печатной исторіи флота, ни подробной, полной печатной исторіи Кронштата. Но пойдемте со мной, читатель, взглянемте на Кронштатъ, хоть ограниченнымъ, тѣлеснымъ, современнымъ, окомъ. Нынѣ превосходный майскій день. Гавани Кронштата кипятъ жизнью юности. — Я подслушалъ фразу вашу: «что-то невѣрился ли нашъ голубчикъ, Кронштатъ,» и вижу, что вамъ, хоть разокъ бы, хотѣлось взглянуть на него.

Теперь у насъ въ Балтійскомъ флотѣ 27 кораблей, и почти столько же фрегатовъ. Всѣ суда Балтійскаго флота не умѣстятся въ гаваняхъ Кронштата, и потому одна дивизія флота всегда зимуетъ въ Ревель и Свеаборгъ. — Пушки, огромныя осадныя пушки, покрываютъ почти всѣ морскія Кронштатскія укрѣпленія. Много пушекъ на флотѣ. Много пушекъ на Кронштатскомъ артиллерійскомъ дворѣ. Много пушекъ въ Ревель и Свеаборгъ. О, у насъ на Балтійскомъ морѣ довольно пушекъ, чтобы заглушить гулъ Бородинскихъ выстрѣловъ!.. Въ ваше время, флотъ только въ воображеніи былъ комплектенъ. Въ ваше время, только въ воображеніи онъ раздѣлялся на дивизіи синяго, бѣлаго, краснаго флага. Теперь, по первому слову Императора, въ полномъ числѣ кораблей, фрегатовъ, мѣлкихъ судовъ, въ высочайшемъ развитіи совершенства, онъ, какъ громовыя тучи, покрываетъ воды Финскаго залива!

. . . «Палы. Не отъ того-ли произо-

«шло это название *Памы*, что эта часть «низменна, *спала?*»

... «Такіе ли были корабли въ вѣще время?» (Сѣв. Пч. 1834. № 146.)

Не знаемъ, гдѣ любезный, юный морякъ подслушалъ восклицаніе ветерановъ того времени, надъ которымъ нынѣ забавляются, называя «онимъ временемъ.» Принадлежа къ числу ихъ, мы, по крайней-мѣрѣ далеки отъ подобныхъ восклицаній. Напротивъ, съ восхищеніемъ любимъея настоящимъ, и смалчиваемъ больше о быломъ; потому-что прошлое мертво; а — *post mortem, nihil aut bene!* . . . Но, когда вызываютъ, надо говорить правду, и одну правду. Просимъ же прислушать.

Нынѣ со 100-пушечнымъ кораблемъ лавируютъ по Кронштатскому рейду, утврѣаетъ юный морякъ; а мы въ 1795 году съ 74-хъ пушечнымъ кораблемъ «Сысой-Великій» завозами тянулись вдоль рейда, да и тутъ свалились съ кораблемъ Болеславомъ, и у него «орьбрамъ-стенгы какъ не бывало!—за то у насъ были капитанъ Потапъ Петровичъ . . . Ныдѣшнее поколѣніе моряковъ едва ли составитъ идею о немъ. Бывало у Толбухина маяка снимаются съ якоря, а въ Кронштатѣ слышно. Любимая команда вахтеннаго, «лихаго» лейтенанта, при наVERTываніи шпика, была: «шуми ребята, шуми!» и, нечего сказать, шумѣли всѣмъ міромъ прѣусердно. Тогда только, какъ побывали въ Англіи, узнали истинную прелѣсть — сняться, и чтобъ «ни гугу!» . . . Изрядка нептуно-державный голосъ лейтспанга и лудочка боцмана; а при шпикѣ, барабанъ и флейточка. Переспали тотчасъ, за этимъ у насъ не стапеть. До Англіи, чуть къ концу сентябрь, и брамъ-стенгы въ ростры; а бомъ-брамъ-стенгы и не знали; «авраломъ» становился на якорь, авраломъ поворачивали черезъ «ордевинды; даже съ рѣшаніи возніясъ по получасу, а потомъ стали спорить съ Англичанами, у

кого «возьмутъ» скорте, и бирали въ полторы минуты, и менше. Рѣдкой тогда офицеръ квадрантъ умѣлъ взять въ руки; о сектантахъ чуть еще слышали, барометровъ въ поминѣ не было; за то вахтенные часто «придерживались къ вѣтру,» и нерѣдко «заглядывали въ нахтоузъ» . . . для наблюденія за курсомъ, конечно. Что такое были штурманы, шхиперы, комиссары, констапели, объ этомъ палецъ на уста; къ нимъ тогда тогда прилагалась пословица: «курица не птица.» Матросы, не говоря о костюмъ, кто поразваливствѣ, да ноги колесомъ, тотъ и молодець; а солдаты морскихъ баталіоновъ, подъ названіемъ «гороховиковъ,» только-что толкались, и мѣшали дѣлу. За то команда корабля бывала таже деревенька для капитана. Храни Богъ, сказать это обо всѣхъ: были исключенія; вспоминаемъ большинство, массу. Капитаны тогда были мужи пожилые, лѣтъ такъ за-40, румяные, съ окладистымъ брюшкомъ; потому-что, изволите видѣть, ранги различались позументомъ по камзолу, вмѣсто того, что нынѣ знакъ различія подвинутъ ближе къ головѣ. Бывало съ какимъ-то благоговѣніемъ смотримъ, какъ «онъ» изволить идти къ шлюбокъ, подпираясь длинною тростию, какія нынѣ употребляются одними священниками. Тогда не соблюдалась строгая точность въ униформѣ, всякой одѣвался по своей фантази, или, какъ тогда говаривали, «по вольности дворянства.» Можно было встрѣтить капитана въ бѣломъ мундирѣ съ цвѣтнымъ жилетомъ, и въ черномъ, атласномъ, короткомъ нижнемъ платьѣ, на которомъ бросалась въ глаза длинная золотая цѣпочка, эмалью украшенная, съ сердоликовыми и халцедоновыми печатками. Шелковые, бѣлые чулки и башмаки съ большими серебряными пражками, или короткіе, козловые сапоги, непременно со скрипомъ, для важности; алый, голубой или пестрой платокъ на шеѣ, и круглая шляпа довершали ко-

стюмъ капитана. Шагу, съ золотымъ темлякомъ, или безъ темляка, если была золотая, съ надписью «захрабрость» и бѣлый плащъ, съ золотыми кистями, непременно уже несъ вѣстовой изъ гребцовъ, идя сзади, шагахъ въ пяти или десяти, судя потому, сердитой-ли «отецъ-командиръ,» или милостивецъ; чаще, помнится, держались вѣстовые въ десяти шагахъ. Капитана ожидалъ катеръ или «десятка,» подъ зеленымъ суконнымъ или и бархатнымъ зонтикомъ, съ золотою бахромою, и рисованнымъ сверху его гербомъ. На круглыхъ шляпахъ гребцовъ были большія бляхи, тоже съ собственнымъ гербомъ капитана, и султаны чаще зеленые, черезъ тулюю перегнутые. Гребцы составляли какъ-бы гвардію его, и непременно должны были жить при домъ; а квартирмейстеръ шляпою былъ въ родѣ метръ-дотеля, если не назначалось другаго постоянного изъ урядниковъ или кутыръ.

Въ это время флотъ, между капитанами, имѣлъ своего Трунсона, и можетъ быть не безъ Перигринъ-Пикля. Онъ ничего знать не хотѣлъ, что и какъ на сухомъ пути дѣлается и называется; но во всемъ видѣлъ море и морское. У него коляска именовалась барказомъ, линейка катеромъ, дрожки шляпою; закрыты ставни на его языкъ выходило — «задрать порты;» заряди мушкатонъ, значило — набей большую пѣнковую трубку кнастеромъ, и т. п. Играя въ бостонъ, не рѣдко съ дамами, онъ всѣ четыре «квали» называлъ по отечествамъ «служивыхъ» старушекъ въ Кронштатъ, Спиридоновна, Мелентьевна и т. д; за столomt, изъ серебряной круглой табакерки, преважно бралъ щепотку и посыпалъ всякое кушанье — табакомъ, думаете? — нѣтъ, перцомъ! словомъ, оригиналь; и кто тогда не зналъ Степана Васильевича, царство ему небесное! давно покоенъ, а преудивительной былъ капитанъ! Пунши его имѣли

десятка полтора разныхъ названій, а кто «медвѣдя» бывало откушаетъ, то врядъ-ли домой доплетется. Весело за то время проводили! . . . О, если бы все поразсказать; но перейдемъ скорѣе къ кораблямъ.

Стопушечные корабли были-таки на что-нибудь похожи, имѣли довольно прямые батареи, и «сидѣли» ровно, казисто на водѣ; особенно красивъ былъ корабль Ростиславъ, Катасанова *) постройки. Другой «Двѣнадцать Апостоловъ» славился мѣдною артиллеріею. Это при тогдашнемъ дурномъ литіи чугуновыхъ пушекъ, увеличивало его силу. Напротивъ, корабли втораго ранга имѣли сѣдистой видъ; корма и носъ были вздернуты, а середина низкая. Шканцы и баки цѣлою ступенью были выше узкихъ шкафутовъ, и когда подымались на ростры гребня суда, выходило нѣчто похожее на дромадера. Случалось видѣть корабли, при сѣдистой этой фигурѣ, съ переломомъ батареи оконечностями внизъ. Великой стоило, въ Англии, заботы выпрямлять ихъ наружность краскою и бортовыми сѣтками. До того красились въ одну полосу, тоже съ погибью, грубо-желтою охрою, оставляя порты красными; а на шканцахъ зеленою или голубою краскою; но рѣзба гака-борта часто, ни-дать-ни-взять, походила на Новгородскія расписныя ставни. Какихъ ужъ тутъ красокъ не было: бѣлая, красная, синяя, голубая, и наконецъ, золотисто-желтая, рапиментомъ называемая, все скрапивала; но—*de gustibus non est disputandum*,—давно говорить. Такимъ образомъ, мы на настоящемъ «Эмгетенъ» явились было пощеголять подобною кормою въ Портс-

*) Катасановъ, при Государѣ Павлѣ Петровичѣ, былъ оберъ-сарваеромъ флота, и для малтійской эскадры построилъ 136-пушечный «Благодатъ» и 74-пушечный «Михаилъ».

муть; но какъ насъ осмѣляли свои да-же, не только Англичане — то мы въ одну ночь грѣхи закрасили одною блѣдно-палевомъ краскою. Въ вооруженіи, за красотой и чистотой не слишкомъ гонялись; многое часто бывало даже не въ пропорцію. Станутъ ли поднимать барказы, и «сей-тали» такъ завязать, что можно подумать — живую свинью палать. Случалось тоже и съ «марса-фалами.» Марсели крѣпились «по марсельному,» съ рубашкою опущенною на марсь; «гачелей» и «гиковъ» не знали; ихъ замѣняли «бизань-ру» и «драйверъ-рей»; боканцовъ для яликовъ не было; флагъ и гюйсъ подымались на флагштакахъ. Корабли не обшивались мѣдью; объ ней еще не знали. Въ 1787 году, когда капитанъ Муловской готовился въ первую кругосвѣтную экспедицію, которой помѣшала тогда шведская война, приготовленные суда обшиты были гвоздями съ широкими шляпками. Муловской палъ въ последовавшей битвѣ, и славу, которую готовилъ ему покровитель его, графъ Чернышевъ, оставилъ въ наследство знаменитому теперь Крузенштерну. Такъ справедливо: *à l'honneur prouvé et Dieu dispose!* Когда въ 1795 году, по оборонительному трактату, заключенному съ Англією въ февралѣ мѣсяцѣ, наша эскадра ушла въ Штѣтское море; то вскорѣ корабли обросли бородами, и насилу двигались, сравнительно съ Англіискими. Это заставило нѣкоторые обшить, и когда вводили ихъ въ доки, находили всю подводную часть въ тинистой корѣ, на четверть толщиною, съ ракушками, морскою канустою и нестерпимую воню; а фальшивую обшивку — всю источенную червями.

Англичане пожимали только плечами, и повторяли сквозь зубы свой любимый «god damn!» За то мы видели зрѣлище, какое нынѣшнимъ, счастливымъ морякамъ едва ли удастся видѣть. Бывало весь флотъ идетъ полнымъ бак-

штагомъ, неся всѣ возможные паруса, и обшитые мѣдью корабли имѣютъ одни только марсели на эзелгофѣ. Такихъ было немного; корабли: Елена, бывшій нѣкоторое время подъ вице-адмиральскимъ флагомъ Ханькова; Елисавета, на которомъ сидѣлъ вице-адмиралъ Макаровъ; Ретвизонъ, которымъ начальствовалъ П. В. Чичаговъ, и потомъ А. С. Грейгъ; фрегатъ Венусъ, взятый у Шведовъ храбрымъ Кроуномъ; катера Диспачъ (Dispatch), купленный у Англичанъ, и Меркурій, передъ которымъ испуганный Венусъ спустилъ свой флагъ.

Перейдемъ собственно ко времени Павла I. Этотъ Государь, столь долговременно готовившійся къ своему царствованію, и столь долговременно бывшій наблюдателемъ, взошелъ на престолъ, съ преобладающею идеею о необходимости истребить роскошь, положить конецъ злоупотребленіямъ вообще, и водворить повсюду строгій порядокъ съ экономією. Хотите ли, съ изумленіемъ, увѣрится въ отвращеніи его отъ роскоши, взгляните въ оружейной палатѣ на костюмъ его, въ которомъ онъ короновался: увидите вещи, изготовленные въ комиссаріатѣ для гвардейскихъ солдатъ того времени. Вообще для приведенія въ дѣйствіе этой преобладающей идеи, взятые мѣры были скоры, рѣшительны, сильны; потому что давно были обдуманы. Онъ выразился и на флотѣ, на который Государь обратилъ особенное вниманіе. Онъ былъ и остался его генералъ-адмираломъ. — Изданъ былъ тотчасъ новый морской уставъ. Имъ перемѣнены флаги синій и красный; вмѣсто прежняго и нынѣшняго блага флага въ углу ихъ, помѣщенъ былъ гюйсъ, какъ у Англичанъ. Для сохраненія кораблей, повелѣно желтую краску замѣнить свѣтлымъ тиромъ. Это придадо кораблямъ необыкновенный для военныхъ судовъ, и какой то мрачный видъ, который въ торжественные дни только, и при на-

радахъ, нѣсколько разъяснялся отъ алыхъ, суконныхъ, съ бѣлою бордюрою шканць-клетней, какихъ нынѣ уже нѣтъ. Для экономіи въ порохѣ, отъменъ былъ салютъ въ царскіе дни, и это много отнимало у эфекта при разсвѣщеніи кораблей флагами. Перемена мундировъ изъ лебедино-бѣлыхъ въ темнозеленые какъ ворона крыло, усиливала мрачное впечатлѣніе, особливо въ первый годъ; но вскорѣ привыкли и нашли этотъ цвѣтъ и удобнѣйшимъ и приличнѣйшимъ. Съ другой стороны, на кораблѣ стало доходить все положенное по штату съ совершенною точностію. Команды употреблялись для настоящей службы только; барщину положенъ рѣшительный конецъ, и навсегда. Смѣха достойная пестрота костюмовъ исчезла; ввелось точное соблюденіе формъ. Оригиналы вышли въ отставку, и многіе изъ молодыхъ, за отличие по службѣ и за приводъ рекрутскихъ партій, повышены чинами. Отъ этого всѣ чины, которые прежде, въ частномъ обращеніи, какою - то жалости достойною гордостію, были почти совершенно разобщены, вдругъ сблизились, что впрочемъ ни мало не повредило строгости дисциплины. Тутъ узнали, и часто твердили: «дружба дружбою, а служба службою.» Въ 1797 году, когда Государь, поднявъ штандартъ на фрегатѣ Емануэль, самъ повелъ двѣ дивизіи, бѣлаго и краснаго флаговъ, къ Сескару, по соединеніи съ дивизіею синяго флага, пришедшею изъ Ревеля, явилось 47 вымпеловъ. Корабли были хорошо снабжены, и готовы къ бою, хоть сейчасъ. До того, флотъ не бывалъ никогда въ такой исправности, и въ такомъ полномъ строѣ. Въ 1800 году три новые корабля и два фрегата составили Малтійскую эскадру, и мы видѣли флагъ Іерусалимскихъ рыцарей развѣвающимся въ Кронштадтѣ. «Благодать» со 136 жерлами была величайшимъ кораблемъ русскаго флота, и дѣствъ свидѣтельствомъ неудоб-

ства подобнаго разитрѣ кораблей для нашего моря и портовъ. Впрочемъ, по краткости времени, не могло и произойти ни какой важнѣйшей перемены ни въ наружности кораблей, ни въ сущности всего касающагося до благоустройства флота. — Какъ же прикажете намъ восклицать: «вотъ те-то былъ флотъ; вотъ те-то бывало у насъ на флотѣ?». Лучше ужъ молчать! По крайней мѣрѣ мы останемся въ правѣ попросить юнга моряка поправить ноты въ своихъ вариацияхъ, и писать впредь: «я знаю, старость не всегда пристрастна къ прошедшему, и охотно готова признавать превосходство настоящаго.» Между тѣмъ, позвольте. Если дѣло пойдетъ на то, какъ и тогда проявлялась сила русскаго духа въ моряхъ, мы не множко приосамимся. Вспомните, что этотъ несовершенный флотъ громилъ Турокъ, и заревоу при Чесмѣ освѣтилъ будущую свою славу. Онъ дрался потомъ со Шведами, въ полтора раза сильнѣйшими, и остался побѣдителемъ; а съ какими средствами? съ какими людьми? — Многіе корабли, въ 1790 году комплектованы были ночными бродягами, нахватанными полиціею въ Петербургѣ, и даже крѣпостными арестантами изъ Рогервика: такова была крайность того времени. Здѣсь кстати помѣстить анекдотъ не многими нынѣ извѣстный.

Когда шведскій флотъ угрожалъ паденіемъ столицъ, Императрица сама изволила посѣтить Кронштадтъ, и зѣмѣта капитана надъ портомъ Оudinцова, — истинный типъ старыхъ моряковъ того времени, — спросила: «а вы какого мнѣнія о шведскомъ флотѣ?» — «И, матушка, Государыня,» отвѣчалъ простодушный морякъ, «я думаю, напрасно изволите беспокоиться; шведской флотъ, ей, ей, двухъ грошей не стоитъ.» Монархия улыбнулась, и когда, послѣ троскратнаго сраженія, Шведы были прогнаны, изволила прислать съ варочнымъ Оudinцову золотую табак-

керку, туго набитую червонцами, прикинув сказать, что это «ты гроши, которые шведской флоту не стоить».

При Государь Павль Петровичъ, когда, въ 1800 году, объявлена была война Англичанамъ, надо было видѣть, съ какимъ духомъ, съ какимъ нетерпѣниемъ все моряки желали сразиться съ гордыми «Джеками.» Насъ не страшило, что опытомъ знали ихъ во всемъ превосходство. И, Богъ знаетъ, что-бы было, если-бъ Провидѣніе не положило преждевременный конецъ жизни Государя. Славный, и всѣми любимый адмиралъ А. Н. Крузъ, былъ еще живъ. Въ походѣ: «нести всевозможные паруса;» при нападеніи на непріятеля: «спуститься на пистолетный выстрѣлъ» — были его обыкновенные сигналы. Исторіографъ флота не ошибется, если придастъ ему наименование «адмирала на пистолетный выстрѣлъ.» — Съ какимъ то болзненнымъ чувствомъ смотрѣли мы все на послѣдовавшія оборонительныя мѣры, когда обнаруживалось намѣреніе — не высылать флота изъ портовъ и выжидать нападенія. Переговоры П. В. Чичагова съ лордомъ Нельсономъ отвратили и послѣднее. Заключенъ миръ. Военные не философы, не филантропы, и потому между моряками только и слышно было тогда: «Ахъ, канальство, не удалось!».

Хорошо кавалеристу гарцовать, когда конь во всѣхъ статяхъ лихой, спод-гора моряку служить и отличаться, когда надежный корабль или фрегатъ летаетъ какъ птица, какъ «Паллада» заглядѣніе!.. съ которой стороны ни посмотри, залюбуешься. А какъ въ наше время бывало, капитанъ прикажетъ поставить послѣдній стаксель, посмотреть, посмотритъ, тонетъ съ досады ногою о шпанцы, стиснувъ зубы, и уйдетъ въ каюту. А прочность какая была! — Чуть буря, полважты у помпъ; все скрипитъ, все расходится; китцы лопаются, болты выходятъ изъ гвоздъ. Съ такими кора-

блями, пять лѣтъ, въ военное время, несли службу въ Нѣмецкомъ морѣ, съ Англичанами. Бывало весь корабль, что-бы, такъ сказать, не развалился, стянуть найтовами, и, отливая воду во все помпы безпрестанно, все — таки держатся въ крейсерствѣ до срока, тнугел за гордыми Британцами. Когда, послѣ того, чинились въ докахъ; то ихъ моряки не могли надивиться смѣлости Русскихъ, увѣряя, что «за сто гиней» — вы знаете это пес plus ultra англійскаго соблазна, — «не принудили бы ихъ служить на такихъ корабляхъ.» — Въ 1798 году, въ сентябрѣ, изъ Ревеля послана была небольшая эскадра въ Англію съ контръ-адмираломъ Карцовымъ. Едва вышла она изъ Категата, какъ и застигъ штормъ, и адмиральской корабль «Прицъ-Густавъ» изъ плѣнныхъ у Шведовъ, до того раскочало, что онъ погрязъ въ хляби Нѣмецкаго моря. По счастью, изъ разсыянной эскадры, одинъ корабль «Алексій» оказался въ виду, и, по сигналу, успѣвъ подойти. На него спаслись адмиралъ и вся команда, только въ чемъ были; все прочее погибло. Не смотря на такое состояніе кораблей, на тѣхъ, которые были чуть поисправнѣе, и потому въ рукахъ у лучшихъ капитановъ, служили такъ, что Англичане указывали пальцами. У нихъ, въ это время, былъ строгій вице-адмиралъ Онсло; бывало, разсердясь на своихъ капитановъ, онъ часто крикивалъ имъ: There is an young captain of the young fleet; let ye teach from him. — «Вотъ молодой капитанъ молодаго флота; учитесь у него.» Эти слова относились къ капитану Ретивову, П. В. Чичагову. Если наши любезные, юные моряки сообразятъ все это, и слѣчатъ свои корабли «скованные» по Сепингсовой и Сютермееровой методамъ, и вооруженные Пексаповыми бомбовыми пушками, съ тѣми, какіе сплывались по дѣдовскому обычаю — «тяпъ да ляпъ, клетка» и обставлялись пушками, какія Богъ пошлеть; то

отдадут и старикамъ должное. Русская пословица говорить: «тутъ устоя, гдѣ кисель густой!»

Досада беретъ, когда слышишь, какъ незнающіе дѣла утверждаютъ: «куда нашимъ тягаться». Нѣтъ, мы не такъ думаемъ. Шансы Англичанъ далеко теперь не равны съ нашими. Надо вспомнить, что у нихъ, при воминальной многочисленности кораблей, въ дѣйствительной службѣ столько, сколько нужно для ихъ многихъ инстанцій, не болѣе; и они теперь только хлопочутъ, чтобы укомплектовать флотъ до 35 тысячъ. Если у насъ рекруты на флотъ, то и у нихъ 20 лѣтъ не было выстрѣла. Возгорись война, они неавистымъ, насильственнымъ своимъ «пресомъ» нахватаютъ людей, такъ сказать «съ борку и съ сосенки,» кого ни попало, недовольныхъ, непривычныхъ ни къ пушкамъ, ни къ ружьямъ, и притомъ треть команды ихъ кораблей составляютъ морскіе солдаты, которые, по собственному сознанию ихъ капитановъ — послушайте Базилъ Галъ — только что служатъ помѣхою въ маневрахъ, и оттого называются ими *empty bottles*—«пустыя бутылки.» Напротивъ у насъ экипажи кораблей составляютъ 45 тысячъ самаго дисциплинированнаго войска, въ полномъ цвѣтѣ мужества, съ равнымъ искусствомъ владѣющихъ ружьемъ и веревками, и что того важнѣе, на корабль—въ одну душу! Это нравственная сила, которую, ни Французы, ни Англичане не могутъ на своихъ корабляхъ хвалиться. Съ такими людьми, если наши примутъ абордажную систему войны, все можно сдѣлать. Мать-Россія можетъ быть крѣпко увѣрена, что юные моряки не ударятъ лицомъ въ грязь: Назаринъ — живая порука; а смерть вылетающая изъ англійскихъ пушекъ, ни чѣмъ не страшнѣе зившей тогда изъ пушекъ Ибрагима! . . . Но, порывъ къ отечественной славы непримѣтно отклонилъ наши варіаціи отъ темы.

. . . Угодно имѣть ясное понятіе о Кронштадтѣ «нашего времени?»—Слушайте. Мы зазнали его, когда докладывали гранитный Кроншлотъ, и только что начали рыть «Италянскій прудъ.» Нашимъ варіаціямъ на эту варіацію—тему, не было бы конца, если бы стали переливаться изъ *lamentabile* въ *allegro*; отъ *largo* пускаться въ *ad libitum*; но мы постараемся разыграть *pizzicato*, или попросту «на щипокъ.»

Первый военный портъ Россійской Имперіи, въ это время, былъ въ совершенномъ запущеніи. Что прочнаго осталось отъ гениальнаго основателя съ надписью: «дѣло являетъ, каковъ былъ трудъ,» то только и держалось. Пушки съ раковинами, на подгнившихъ станкахъ, составляли оборону бастіоновъ и куртннъ, едва державшихся отъ дряхлости. А гарнизонъ? — вполнѣ отвѣчалъ укрѣпленіямъ. Нынѣшнее поколѣніе не въ состояніи представить себѣ настоящаго о немъ понятія. Гарнизонной солдатъ того времени въ такомъ же разстояніи, если не далѣе, стоялъ ниже послѣдняго нынѣшняго рядоваго инваидной команды, въ какомъ этотъ отъ гренадира лейбъ-гвардіи. Повѣрьте, безъ преувеличенія. Что за костюмъ линало-травяно-зеленый; что за выправка; что за амуниція! Бѣдность была такова на всемъ, что даже коньцы у знаменъ были желзные, какъ на простыхъ пикахъ. И этого гарнизона, въ самое время войны со Шведами, было такъ мало, что кадеты морскаго корпуса, который помѣщался тогда въ зданіи, занимаемомъ нынѣ штурманскимъ полуэкипажемъ, выводимы были три раза на земляной валъ, съ ружьями безъ курковъ, единственно для маскированія, чтобы издали могли быть приняты за войско. . . Качаете головою, сомнѣваетесь, не врете? . . Снимаемъ образъ со стѣны! . . Послушайте далѣе. У крѣпостныхъ воротъ, которые ведутъ на «косу», стоялъ часовой въ будкѣ,—это

было родъ избушки на курьихъ ножкахъ, — какъ бы вы думали, лѣтъ 15 безсмысленно! Онъ молоть и продавалъ табакъ. Тогда и во всѣ караулы ходили понедељно. Въ субботу съ вечера отдавалось отъ главнаго командира въ приказъ, кто куда назначался. Отъ этого у моряковъ нашего времени осталась поговорка: «а Прохору Лежневу быть по прежнему.» Быль, вотъ видите, когда-то мячманъ шалунъ, потомъ, однакожъ дослужившійся до контръ-адмирала, котораго, въ заключеніи каждаго приказа, оставляли такимъ образомъ на слѣдующій караулъ. Можно легко вообразить какъ соблюдалась служба при такомъ «недѣльномъ» квартирваніи на гауптвахтѣ. Полиція была столь слаба, что не проходило ночи безъ грабежа, и даже убійства. Ходили на ходуляхъ такъ называемые «смертовки,» и желзными кохтями обдирали прохожихъ. Около «огненной,» какъ тогда называли, машины, проходу подъ вечеръ не было, и это почиталось какъ бы «неотвратимымъ» зломъ. Государь Павелъ Петровичъ всему положилъ конецъ: какъ рукой сняло! гарнизоны сравнялись съ лучшими армейскими полками; у полиціи откуда взялась бдительность. Внутренность порта и города была немощная, и чуть дождь, грязь по-колѣно. По отстройкѣ Екатерининскихъ казармъ, когда отъ нихъ провели открытыя капавки, подобныя прежнимъ васьиловостровскимъ, къ морю для стока нечистоты, — къ той части города, безъ насморка, не лзя было приближаться. . . Не договариваемъ. Это-то недоступное захоlustье называлось тогда, не «Палы» просто; а «Задніе Палы» не отъ «впалости;» а по аналогіи. Въ военной и средней гаваняхъ, въ задніе палы ставились суда, никуда уже не годныя, предназначенныя къ сломкѣ. Слѣдовательно эта часть гаваней почиталась какъ-бы «заброшенной;» такова точно была и та часть города. Нынѣ, когда весь Кронштадтъ вымощенъ, при-

чина отвращенія исчезла, и притомъ, время, какъ видно, отъѣло, эпитетъ «заднія,» не мудрено, что юный морякъ не доискался прямого происхожденія названію «Палы.» — Дряхлое состояніе гаваней, и прегрязное города, долге бы еще существовали, еслибъ не особенный случай, по многимъ отношеніямъ стоющій разсказа. Вотъ видите, какъ это было. Въ 1801 году, весною, по вскрытіи рейда, юный Государь Александръ дважды посѣтилъ Кронштадъ. Освобожденные тогда изъ плѣна Англичане, вооружая отданныя имъ суда свои, въ купеческой гавани, при въѣздѣ Императора, по собственному побужденію, раскидывались по реямъ и вантамъ, бросали вверхъ шляпы, и оглашали воздухъ громкими: Huga, huga! Alexander for ever! О Русскихъ и говорить нечего: все сливалось въ одинъ истинный восторгъ. Въ этомъ триумфѣ, Государь проходилъ по всей купеческой гавани до адмиралтейства, и по осмотру доковъ и бесѣдки, гдѣ рельефный планъ Кронштадта, изволилъ садиться на шлюбку у рундука средней гавани, и отплывалъ въ Ораніенбаумъ, довольный всѣмъ что видѣлъ и слышалъ. Въ это самое время контръ-адмиралъ П. В. Чичаговъ возвратился съ благопріятнымъ окончаніемъ порученныхъ ему переговоровъ съ Нельсономъ, и ему Высочайшимъ приказомъ повелѣно было состоять въ свитѣ Государя. Слыша отъ окружавшихъ Монарха, какъ были въ Кронштадъ, и какъ Государь былъ всѣмъ доволенъ, П. Вас. съ свойственною ему улыбкою, сказалъ: «попробовалъ бы Государь заглянуть туда, гдѣ 75 лѣтъ ни одного Монарха нога не бывала, онъ увидѣлъ бы совсѣмъ другое.» Это было пересказано Императору, и при первой встрѣчѣ съ Павломъ Васильевичемъ, Государь ему объявилъ, что въ слѣдующій разъ, какъ вздумаетъ ѣхать въ Кронштадъ, возьметъ его съ собою, и надѣется увидѣть все «въ настоящемъ видѣ.» Такъ это и случилось.

Павелъ Вас. привезъ Государя къ среднимъ воротамъ военной гавани, гдѣ на силу дождались, чтобы отворили бонь; кое-какъ взопли потомъ по гнилой лестницѣ на гавань, и когда Императоръ пошелъ по изгнившему помосту, Пав. Вас. на каждомъ шагу предостерегалъ Его Величество: «нѣ, оступитесь, Государь!» Показавъ магазину военной гавани, онъ повелъ Государя по «брамъ линіи» мимо «губернскихъ» казармъ, запачканныхъ, съ бумажками вмѣсто стеколъ въ окнахъ. Тутъ, какъ на грѣхъ, встрѣтилась толпа трѣкающихъ матросовъ съ зашученными брюками, по-кодвно въ грязи: они тащили деревянный брусъ. «Что это значить?» спросилъ изумленный Монархъ. «Это люди въ работѣ», отвѣчалъ Павелъ Васильевичъ. «Положено до 120 лошадей при адмиралтействѣ; а ихъ нѣтъ и третьей доли, и тѣ обращены на собственное употребленіе.» — Можно представить, какое дѣйствіе произвелъ столь смѣлый отвѣтъ на юнаго Монарха и на окружающихъ. Отъ казармъ «губернскихъ» Государь проведенъ былъ черезъ такъ называвшуюся «перемычку», къ Екатерининскимъ казармамъ, и наконецъ даже въ самые «Задніе Палы.» Тутъ Государь, просто, ужаснулся. Разсмотрѣвъ такимъ образомъ оборотную сторону медали, а не ту, которую обыкновенно хвалить показывать, Императоръ отвѣчалъ съ неудовольствіемъ; но съ отличною благодарностію къ контръ-адмиралу Чичагову. На другой же, или на третій день, послѣдовало Высочайшее повелѣніе о составленіи «комиссіи исправленія Кронштатскаго порта.» Этому смѣлому и правдивому поступку, Чичаговъ обязанъ что вскорѣ сдѣлался морскимъ министромъ. Министерство его тѣмъ уже составляетъ незабвенную эпоху въ исторіи Россійскаго флота, что съ нею всѣ военныя суда безъ-изъятія начали обшивать мѣдью. Но пишу не *mémoires*, а «аваріаціи», которыя

становятся, можетъ быть, и быть того утомительны.

Показать ли еще нравственную сторону? . . . Вызывать ли изъ гробовъ тѣни силачей, цитуховъ, оригиналовъ, остряковъ и такъ называемыхъ «раздрогъ» того времени, о которыхъ гввали: «во первыхъ-то санахъ такой-то, во вторыхъ-то такой-то,» и припѣвали хоромъ: «ой-ли!» . . . ? . . . Нѣтъ, не достасть смѣлости. Миръ праху ихъ! они жили въ безмятежномъ духѣ своего «Кронштатскаго» времени. Вотъ все, что о нихъ сказать себѣ позволяемъ.

Юные, любезные моряки! не осуждайте-же насъ стариковъ. Мы не виноваты, что, по закону природы, родились прежде васъ и не могли имѣть того образованія, которое, вашею счастливою звѣздою, вамъ досталось въ удѣлъ. Не забудьте, мы вамъ братья, «единоутробные.» Мы изъ тѣхъ же сосцевъ сосали млеко познанія, изъ которыхъ и вы; ваши щи гуще, сытнѣе: передъ вами! но квасъ, вѣроятно, остается въ одной добротѣ, и мы пили его изъ тѣхъ же серебрянныхъ, съ позолотою внутри, стопъ, въ которыхъ и вамъ, лѣтъ 30, 40 спустя, подавали. Священныя связи! они выше всякаго родства! нѣтъ, право, не кичитесь надъ нами стариками! Посмотрите: теперь Царь и Князь съ васъ не спускаютъ глазъ; лелѣютъ васъ, тѣшатъ въ васъ всѣ прихоти моряка; а ласки, а милости—нѣтъ, добрые внуки! на нашемъ мѣстѣ мы, быть можетъ, втрое бы работали, когда и въ то время, какъ за нами и смотреть то порядкомъ не хотѣли, мы гдѣ требовалось, работали также усердно какъ и вы.

ТРИДЕЧНЫЙ.

Автору не угодно было поставить подъ своей статьею даже псевдонимъ. Въ надеждѣ, что его умное и опытное перо не перестанетъ украшать Маякъ, мы осмѣлились статьи его отличать фирмою *Тридѣчный*, до тѣхъ поръ, пока автору угодно будетъ объявить намъ настоящее свое имя. *Редикт.*

КАКЪ ИНОГДА ЖЕНЯТСЯ.

I.

НЕВЪСТА НЕВИДИМКА.

Что за комиссія, Создатель,
Быть взрослой дочери отцемъ!

Утромъ «одного прекраснаго дня» въ январь 185. мой вѣчносердитый Матвей, съ самою хитрою улыбкою, къ какой только способна его иппократическая фizioномія, — докладываетъ мнѣ, что уже нѣсколько дней сряду какаля-то дама является къ намъ — все хочеть меня видѣть.

«Ну?»

— «Я каждый разъ говорю ей, — какъ вы изволили наказывать, — что вы ушедши.

«И она все-таки приходитъ?»

— Да вотъ она и теперъ только-что ушла; обещалась быть завтра.

«Отказать.»

Надобно вамъ доложить: многіе, особенно дамы, въ полной увѣренности, что

по моей должности, я могу имѣть вліяніе на службу ихъ дѣтей и родственникововъ. — очень часто бомбардировали меня прежде своими посѣщеніями.

Чтобы избавить милыхъ посѣтительницъ отъ моихъ вѣжливостей, вовсе для нихъ безполезныхъ, — я рѣшился на самую ужасную мѣру: приказалъ Матвею отвѣчать всѣмъ дамамъ, которыя станутъ спрашивать обо мнѣ, «что меня нѣтъ дома и что онѣ могутъ видѣть меня въ департаментъ,» — гдѣ какъ-то скорѣе отъ нихъ увернешься. Съ той поры — не скажу ни одна женская нога, — по ужъ рѣшительно ни одна ножка не переступаетъ черезъ заѣтный порогъ мой. Когда говорю «ножка,» то разумью здѣсь настоящую женскую ножку, крошечную, полную, стройную,

воспитательную ножку; ну словом такую ножку, что если воспеть ее въ хорошихъ стихахъ, то сразу можно попасть въ великіе знатоки и физиологи женской красоты, — прославиться колоссально, а если пріятели поддержать, то чего добраго, — и въ гениі залетѣть.

Толстая Зѣньковка, соседка моего дяди, временно поселившаяся здѣсь гдѣ-то на Выборгской, — довольно часто посылаетъ меня отшельника, для политическихъ совѣщаній по слѣ тяжбному дѣлу, — но да сохранять меня въ граціи отъ дерзновения думать, что въ геркулесовскихъ формахъ 45-тилѣтнихъ ногъ ея являются ко мнѣ женскія ножки! Нетъ, въ моей обители настоящія ножки не обольщаютъ мой слухъ своею легкой поступью.

Только во снѣ иногда чудится мнѣ обольстительный шелестъ платья, сладостно волнуемаго чудной ножкой, робко и таинственно приближающейся ко мнѣ. Я вздрагиваю, просыпаюсь и полный мечтой упительнаго видѣнья, пламенно протираю къ нему руки, и обнимаю одинъ воздухъ

Схвативши тутъ добрую охапку воздуха, тотчасъ же сажусь и пишу стихи. Позвольте, не дальше какъ вчера, я написалъ истинно «художественные» стихи Я вамъ прочту, послушайте.

О ты прелестнѣйшая ножка!

Мала, мила ты какъ десертна ложка...

Начало безподобно и *по себѣ и для себя*, и такое знаете, *замкнутое*, что сразу не отопрешь. Конечъ, въ другое время, когданибудь.

Незнакомка посылительница наконецъ рѣшительно объявила, что ей необходимо видѣться со мною, что это свиданіе касается собственно меня, и что я долженъ назначить день и часъ для переговоровъ съ нею.

Увлеченный желаніемъ узнать, какимъ образомъ это свиданіе можетъ касаться собственно меня, я велѣлъ принять ее въ первый же разъ, когда она прійдетъ, если буду дома, въ против-

номъ случаѣ просить на другой день, въ 11 часовъ утра. Въ это время я, обыкновенно, уже выхожу изъ халата, исключая тѣ «прохладныя» утра, кото- рыя слѣдуютъ за экстренными случаями оперныхъ дней, повѣздки на дачу и прочая.

Незнакомка не долго заставила ждать себя; черезъ два дня она снова пріѣхала и была пріята.

Послѣ обыкновенныхъ извиненій: со стороны Матрены Ивановны, что она такъ докучливо желала меня видѣть, съ моей, — что меня, какъ нарочно не бываю дома, разговоръ нашъ, самый оригинальный — перешелъ къ настоящему предмету ея посѣщенія; однако я не передаю вамъ подробности его, а расскажу просто въ чемъ дѣло.

Есть здѣсь весьма почтенный старикъ-холостякъ, Федоръ Федоровичъ; онъ очень полюбилъ меня и чувствуя самъ вполне всю тягость одинокой жизни на старости, непрерывно толкуетъ мнѣ, «что высшее счастье дано намъ въ жизни семейной; что онъ не проститъ себѣ никогда, за чѣмъ не женился въ пору и пр. проч.» При подобныхъ разговорахъ, Федоръ Федоровичъ удивительно краснорѣчивъ. Однажды, въ пылу расположенія ко мнѣ, онъ далъ слово, непременно сыскать мнѣ невесту богатую, прекрасную, милую, — однимъ словомъ полную всѣхъ возможныхъ совершенствъ. Я считалъ слова его за шутку, но это не была шутка.

Дуль Трифоновичъ — первостатейный купецъ и вдовъ. Въ его преклонныя лѣта два клада служатъ ему отрадой. Первый кладъ дочь — невеста; другой кладъ 3-хъ этажный домъ въ 30 т. годового дохода; первый кладъ онъ хочетъ сбыть съ рукъ, — послѣдній, покаместъ, намѣренъ сохранить для себя, — какъ Пушкипа Кочубей.

Ф. Ф. знакомъ съ Дуломъ Трифоновичемъ и, любя меня, наговорилъ ему столько интереснаго обо мнѣ, что Дуль

совершенно растаяла слушая его. — **Ө.** **Ө.** отъ намъ вѣкъ перешелъ ближе къ своей цѣли; словомъ, послѣ трехъ-четырехъ разговоровъ Дуль Трифоновичъ рѣшился узнать меня короче. Около полугода длились его распросы (**Ө. Ө.** ни чего про нихъ не зналъ); наконецъ Дуль совершенно увѣрился въ неисчислимыя добродѣтели моихъ, которыхъ, какъ я теперь только узналъ отъ Матрены Ивановны, числомъ своимъ едва ли не равняются 99 совершенствамъ благословеннаго Пророка.

Странное дѣло! какимъ образомъ я самъ до сихъ поръ не зналъ, что въ особѣ своей вмѣщаю такую тѣму достоинствъ? Не обрати на меня вниманія Дуль Трифоновичъ, не авись ко мнѣ Матрена Ивановна, — и я цѣлый бы вѣкъ провелъ въ непростительномъ незнаніи, какой я отличный человекъ! Не даромъ же философы твердятъ: *вознай самого себя!*

Въ этомъ, очевидно, заключается и абсолютная и прикладная мудрость, и самое вѣрное средство — составить выгодную партію. Только лишь уйдетъ Матрена Ивановна, сейчасъ же подпишусь на Отечественныя Записки и Маякъ и стану изучать Нѣмецкую и Русскую философію разомъ.

По обычаю купцовъ, — вездѣ одинаковому на Руси, — Дуль Трифоновичъ приступилъ прямо къ дѣлу, и Матрена Ивановна, записывая сваха, — изъ высшаго разряда свахъ, — явилась отъ имени его съ предложеніемъ знакомства и дажде, если «Богъ положить намъ по сердцу.» Весь разговоръ съ нею показался мнѣ такимъ забавнымъ, что я рѣшился слушать ее до конца.

«Глафира Дуловна — говорила Матрена Ивановна — дѣвушка хорошо воспитанная, очень милая, умная, прекрасная хозяйка. Конечно ея образованіе не самое блестящее; но если вы не очень *требовательны*; если вы ищете сердца добраго, чистаго, не избалованнаго свѣтскимъ шумомъ, если ищете

умнаго ума *) и пріятной наружности, — вы все это найдете въ Глафирѣ Дуловнѣ.

— «Но вы говорите такъ положительно, — замѣтилъ я, — будто мнѣ стоитъ только видѣть ее, объявить мою волю и дѣлу конецъ.

«Почти такъ: Дуль Трифоновичъ не зная еще васъ лично, души въ васъ не слышитъ.»

— «Но кажется нужно, чтобъ я сколько нибудь понравилась самой Глафирѣ Дуловнѣ, а это мудрено знать напередъ.

«О, вы не должны сомнѣваться! Глафира Дуловна такъ скромна, — послушна: она не выйдетъ изъ воли отца.

— «Признаться вамъ: у меня нѣсколько другой образъ мыслей на счетъ женитьбы: едва ли рѣшусь когда нибудь избрать подругой дѣвушку, которая согласится выдти за меня только потому, что этого желаютъ ея отецъ и мать.

«Вовсе не потому только, что желаетъ отецъ! Здѣсь согласіе отца главное начало дѣлу и лучшее ручательство за успѣхъ, въ которомъ вы не имѣете никакого права сомнѣваться на счетъ самой Глафиры Дуловны. Простите моей искренности, но при вашей наружности, (она окинула меня взглядомъ внимательнаго одобренія), при вашемъ образованіи, конечно ни одна дѣвушка не останется равнодушною къ исканіямъ молодого человека, какъ вы.»

Я вспомнилъ мои 99 достоинствъ, о которыхъ сей часъ только узналъ отъ Матрены Ивановны, и въ душѣ *смѣренно* согласился: что дѣйствительно ни одна дѣвушка въ мірѣ не въ состояніи оставаться равнодушною къ иска-

*) Что вы думаете? — вѣдь М. И. выразилась логически, какъ нельзя больше. Въ самой вещи, иной умъ до такой степени глупъ, и этихъ умовъ такая пропасть расплодилось, что я предлагаю новѣйшимъ психологамъ внести это подразделение въ свои лекціи, въ книги и въ статьи, съ тою выгодною, что рядомъ съ теоріей — тутъ же у нихъ и практика. *Соч.*

нѣмъ такого молодого человека, какъ Дуловна Куличь-Будянская!» чрезвычайно прелестно, удивительно какъ нѣжно!

«Что касается до Глафиры, Дуловны, — продолжала Матрена Ивановна — думаю, что я могла бы предсказать вамъ впередъ успѣхъ вѣрный, — и если тутъ можетъ быть сомнѣнiе, то конечно скорѣе съ ея стороны, чѣмъ съ вашей; вы, какъ слышно — говорила она улыбаясь — очень избалованы вниманiемъ... (отъ кого она все это узнала! словно ходила за мною слѣдомъ ровно двѣнадцать лѣтъ и подсматривала. Я догадываюсь: вѣрно она видѣла, когда мое сердце порхало по 10 линiи? — Такъ и есть Экая!»)

— «Далеко нѣтъ! отвѣчала я. Но обратимся къ прежнему: Дуль Трифоновичъ очень выгодно предупрежденъ въ мою пользу, — но дѣвушки не всегда смотреть глазами отцовъ»

Въ этомъ тонѣ разговоръ нашъ продолжался около часу. Матрена Ивановна наговорила мнѣ кучу привѣтствiй, быть можетъ для того, чтобы заглядить невыгодное впечатлѣнiе своей фразы: «Глафира Дуловна скромна, послушна, она не выйдетъ изъ воли отца.»

Накопецъ Матрена Ивановна ушла, назначивъ у меня новое свиданiе.

«Чортъ возьми, думалъ я, вѣдь этакое же счастье: невѣсты сами преслѣдуютъ меня. — Распрашивать цѣлые полгода!... Ну, узнали же молодца, нечего сказать, узнали!» я хохоталъ, какъ сумасшедшiй.

«Но билляхъ-милляхъ!» что же я за собака, чтобы жениться на какой-нибудь купчихѣ, у которой въ головѣ только аршинны газовой, тюлей, блондъ; да кофеи, да чай, да жирный обѣдъ, да выѣзды на масленцѣ и свѣтой подъ качель. Роднись потомъ съ цѣлымъ гостиннымъ дворомъ, принимай у себя сотни разношерстныхъ бородъ, — любезничай съ ними! добро бы еще она была не Глафира, а то Глафира, да еще Глафира Дуловна! Удивительная гармонiя имени съ приставкой моею фамили: «Глафира

Дуловна Куличь-Будянская!» чрезвычайно прелестно, удивительно какъ нѣжно!

«Нѣтъ не хочу, рѣшительно не хочу! пусть въ назначенный день Матрена Ивановна снова раскладываетъ съ моими дверями, и въ послѣднiй ужъ разъ. . . При томъ же, она намекнула что-то о неблестящемъ воспитанiи Глафиры. Ужъ это мнѣ купеческое воспитанiе, — смѣсь ватрушекъ съ блинами!»

«А онъ: Дуль Трифоновичъ! онъ, варваръ, какое имя! . . Злодѣй, убилъ, зарѣзалъ, — помогите — мнѣ дурно, умираю!!!»

«Впрочемъ, — разсуждалъ я почти вслухъ, гигантски шагая по комнатѣ, — бояться имени! что я за дѣвочка? . . вѣдь это глупость: и глупость N 1. Имя такъ имя: ну, хоть въ три аршина, хоть съ мизиницею, — не все ли равно. А все проклятые романы, Юлиа да Вальмонъ . . . Эмилия да Адольфъ — провалитесь вы, Глафира да Дуль? . . . прекрасное имя! — вздоръ, вздоръ . . . это все Французы съ толку сбили . . . вѣдь за нею 150 т. чистагану. . . полтора тысячь! (я улыбнулся), да, объ этомъ можно подумать! а тамъ, если Всевышнiй, по благодати своей, воззоветъ Дула отъ сей юдоли плача, процентовъ и вздорныхъ книгъ — вѣдь и 30-т. дохода съ дому всѣ мои, т. е. наши: мои и моею Глафиры. Конечно, пусть почтенный Дуль живетъ себя на здоровье хоть сотню лѣтъ, пусть тѣшится своими внуками и внучками, а нашими дѣтками. Но если . . . если?.. Ну положимъ, что въ наказанiе за какiе — нибудь грѣхи нашихъ предковъ, почтенный Дуль, лучшiй изъ Дуль, добрѣйшiй изъ отцовъ, — къ неутѣшной скорби моею и Глафиры, — особливо моею, — воззовется въ мiръ лучшiй, — тогда и 30-т. доходу въ единственномъ нашемъ владѣнiи; да сверхъ того доходу съ 150-т. приданого, да мои 5-т. руб., и того болѣе 40-т. . . чортъ бери! вѣдь это славно: чудесная квартира, въ

своимъ бель-этажъ; аборированный бель-этажъ въ оперѣ и французскомъ спектаклѣ; лѣтомъ дача въ Павловскомъ, Царскомъ, или на Каменномъ по преимуществу; своя четверня; чудесный поваръ; вторники или четверги съ обѣдомъ, ужиномъ и танцами. Да это просто—прелесть! я рѣшительно растаяла.

«О моя Глафира, Глафирушка!—вскричала я пламенно,—Глафиретта, Глафироночка, Glafilletta, Glafiretina, Glafiretta bella! вотъ я у ногъ твоихъ, существо неземное; ты, идея души моей, прилетѣвшая на призывъ моего сердца! я весь твой! О, обними меня твоимъ волшебнымъ объятіемъ, дай исчезнуть въ блаженствѣ твоего поцѣлуя; не своди съ меня твоихъ черныхъ очей (я узналъ отъ Матрены Ивановны, что они черные), пусть они каждый мигъ блестятъ мнѣ солнцемъ, луною, звѣздою моего счастья! о, о, о!!! ты моя, я твой, навѣки, не нарушимо.

«Глафира, Глафира Дуловна! что за гармонія въ этомъ имени, какая мягкость звуковъ! Дуловна: тутъ цѣлый міръ мелодіи! Глафира Дуловна: можетъ ли быть что-нибудь нежнѣе, воздушнѣе ея имени? могутъ ли сравниться съ нимъ всѣ эти романтическія и оперныя имена: Матильда, Луиза, Джульета, Адагиза? Нѣтъ, о нѣтъ никогда, ни за что въ свѣтъ!

«Пронзая имя Глафиры, вотъ какъ будто чувствуешь сладость поцѣлуя. Оно молніей горитъ на устахъ. «Это имя,—какъ говорить Полевой,—соединяетъ въ себѣ и слова поэзии, и звуки музыки, и цвѣты живописи, и формы ваянія, и всѣ мечты души, и всѣ думы сердца;» — да, именно все это есть въ имени моей Глафиры!

«Не знакъ, чтобы и сдѣлалъ на мѣстѣ живописца, или скульптора; но будь я музыкантъ, будь поэтъ . . . о!!!!

«Чувствую, если бы я былъ поэтъ,—разумѣется великій поэтъ,—на удивленіе міру, я написалъ бы цѣлые томы о мелодіи и гармоніи ея имени. Да по-

чему жъ мнѣ и не быть поэтомъ? Въдь ножки же воспѣвалъ я? Одушевленный моей Глафирой напишу ей на первый разъ,—пу хоть поэму.

«Какъ бишь начинали свои поэмы всѣ наши великіе поэты? Да! у нихъ непременно являлось въ началѣ: «пою, лира,» потомъ: «Парнасъ; Пегасъ.» — Начнемъ же:

ГЛАФИРИАДА.

Поэма въ XII пѣсняхъ, съ прологомъ и эпилогомъ.

пѣснь 1.

Греми, греми звучнѣе, лира,
Пою я не дѣянья міра,
Пою тебѣ, моя Глафира!

«Прекрасно, любезнѣйшій А. П., право прекрасно:

Сказать по чести,
Сказать безъ лести:
У васъ есть даръ,
И какой жаръ!

Господи; какой жаръ! ради Бога продолжайте. О вы далеко уйдете: въ трехъ стихахъ у васъ уже цѣлыхъ два слова величайшихъ поэтовъ: «пою и лира»

Начнемъ снова:

«Греми, греми звучнѣе, лира,
Пою я не дѣянья міра,
Тебя пою, моя Глафира!
О милый другъ, о Глафилетта.
Тобою вся душа согрѣта;
Дороже всѣхъ сокровищъ свѣта
Твоя любовь, о Глафиретта!
Глафира,—душечка моя!
Тебя люблю всѣмъ сердцемъ я.
О Глафиретта, Глафиронка,
Когда жъ ты будешь моя женка?
Глафирюшонечка *златая*,
Глафириота неземная.
Любовью огненной нылая,
Сердечнымъ пламенемъ старая . . .

.....
Чтоже конь ты мой, Пегасъ,
Что не скачешь на Парнасъ?

Сталь — и ни съ мѣста! проклятая
кляча! не вывезешь ты меня въ поэты.
Простите же мои восхитительныя XII

привести съ эпидемиою! увы, мнѣ не удалось воспеть въ васъ очаровательной Глафиры!

Мой Пегасъ захромалъ
И, какъ вкопанный, сталъ.

«А еслибъ я былъ музыкантомъ? что еслибъ я былъ музыкантъ? . . . Я сочинилъ бы цѣлую оперу, гдѣ *арти* составили бы одно восхитительное ея имя — Глафира; *дуэты* — имя и отечество — Глафира Дуловна; *терцеты* — имя, отечество и моя звучная фамилія — Глафира Дул. Куличь-Будянская; хоры наконецъ соединеніе нашихъ именъ, съ именемъ «самаго» Дула Трифоновича.

«Я увѣренъ, моя опера далеко бы оставила назадъ все мелодическія оперы Россіи и Бельгии, которые такъ страстно я люблю, не исключая даже и Семирамиды, обаятельной Семирамиды, послѣ которой я всегда три дня сладостно болѣю. О, за чѣмъ я не музыкантъ! какое бы громкое имя составилъ я себѣ моею оперою! Живо воображаю: какъ ея чудесные мотивы, съ именемъ Глафиры, повторались бы всѣми и вездѣ. Чудная была бы опера!»

И увлеченный жаромъ мечтаній, за недостаткомъ собственной музыки, я запѣлъ, сперва арію, на голосъ: «О Арзема, другъ безцѣнный» — изъ Семирамиды.

Piano

«О Гла—фира Гла—а—а—фи—и—и—и—и—ра Гла—а—фи—ра Гла—а—а—фи—и—и—и—и—ра.»

Pianissimo.

Арія шла чудесно! имя Глафиры, варіированное въ безконечность, упоило меня прелестью «художественною, проявляло мнѣ идею безконечнаго въ конечномъ» Особенно хорошо выходило у меня то мѣсто аріи, гдѣ нашъ соловей — Петрова, голосомъ одушевленнымъ, полнымъ страсти и восторга, поетъ: «ахъ горитъ душа моя» Гла—а—фира, Гла—фи—ра! . . . Чудесно!»

Потомъ слѣдовалъ хоръ, на тему хора чертей въ 5 дѣйствіи Роберта.

Forza.

«Гла—фира фи—фира Ду—дуловна, Ду—ду—ла, Ду—ла—ла Три—фо—новичъ. (bis)

Crescendo.

Ду—у—у—у—у—у Ду—у—у—у—у—у

Fortissimo.

Ду—ду—ла Ду—ла—ла Тррррри—фо—новичъ!

Упонтельно!

«Чортъ возьми, какую истинно дьявольскую экспрессию имѣетъ имя моего теста. Самъ Мейерберъ не могъ бы найти въ человѣческомъ языкѣ ничего, столь чудно чертовскаго, ничего, что бы такъ вполне дышало совершенно дьявольскою прелестью! клянусь, самъ Мейерберъ ничего бы не нашелъ чертовистые этого: Ду—у—у—ла—ла—ла—ла—Тррррр.»

«И что же — разсуждать я далѣе, нѣсколько успокоясь отъ восторговъ — что Матрена Ивановна говорить о неблестящемъ воспитаніи Глафиры? ихе! плюю я въ бороду блестящаго воспитанія, топчу гробы его предковъ и слышать не хочу.»

«А Дуль Трифоновичъ! что за почтенная борода должна быть у этого старика! какъ мы съ Глафирой будемъ любить, лелѣять его! Правда, меня бьетъ лихорадка отъ варварскаго имени его. Ну что жъ за беда: каждый разъ передъ тѣмъ, какъ долженъ буду произносить это имя, или когда вѣрнее предчувствіе подскажетъ мнѣ, что его произнесутъ другіе, я могу выпить добрую чашку кофею для предупрежденія лихорадочнаго параксизма, — и все тутъ. При томъ же онъ долженъ мнѣ порядкомъ поплатиться за то, что онъ «Дуль Трифоновичъ», и что дочь его — которую я обожаю — «Глафира Дуловна.»

«Да и чѣмъ виноватъ этотъ почтеннѣйшій Дуль Трифоновичъ, съ 30 т. дохода, что онъ «и Дуль и Трифоновичъ.» скажите: чѣмъ онъ виноватъ? Виною всему люди, которые назвали его

этимъ именемъ при самомъ рожденіи и еще прежде позаботились назвать отца его «Трифономъ». О люди, люди, за что вы почтеннѣйшаго изъ людей такъ преслѣдовали? Развѣ не могли вы предвидѣть настроеніе ушей 40-выхъ годовъ XIX столѣтія? — Развѣ не приходило вамъ на умъ, что по закону развитія чловѣчества, «философія построить на «конецъ систему замкнутости, въ эту «замкнутость» запретъ «художественность», а художественность обособляя «чувство слуха индивидуальнымъ утонченіемъ по себѣ и для себя, приспосабливать его только къ бархатнымъ комбинаціямъ членораздѣльныхъ звуковъ, «успокаивая его музыкальностью гармоническаго ихъ сочетанія, такъ что всякая «дизгармонія именъ, разрываясь въ диссонансъ матеріи и духа, будетъ источникомъ невыносимыхъ страданій индивидуумовъ, подобно мнѣ, образованныхъ новейшею философіею, переведенною русскими буквами съ нѣмецкаго оригинала? правосудные боги! Развѣ вы не предвидѣли, что гениально-слабая, изощренно-изнѣженная натура благороднаго «созданія, вѣнца вселенной, однимъ словомъ чловѣка, утонченнаго современною образованностью до тонины эфирна и до чуткости цвѣтка «не тронь меня» — не въ состояніи выносить извѣстныхъ комбинацій? и это благороднѣйшее созданіе, — этотъ вѣнецъ вселенной, разомъ назвать «и Дуломъ и Трифоновичемъ»? соединить въ одномъ смертномъ два такихъ «отрѣшенныхъ сочетанія»? куда покажешься съ такой бѣдою? Вѣрите, — милый Дуль Трифоновичъ, я плачу вмѣстѣ съ вами: за чѣмъ вы Дуль Трифоновичъ, — а вы, безъ сомнѣнія плачете, да и какъ вамъ не плакать объ этомъ? — Вѣрите, я вмѣстѣ съ вами проклиная свѣтъ и людей, которые назвали васъ такимъ именемъ.

«Впрочемъ, чего это я такъ испугался имени Дула? Видѣ говорятъ — нѣтъ зла къ которому бы нельзя было наконецъ привыкнуть; положимъ теперь

(чего ужъ тутъ полагать!), положимъ говорю, что имя «Дуль» есть зло, но это зло — зло неизбежное, какъ чума въ Константинополь, какъ самумъ въ Африкѣ, какъ война, какъ мой рожденіе въ департаментъ, какъ любовь къ чужимъ женамъ у мужей, — отъ чего да сохранить Всевышній мою нѣжную Глафиру! (и конечно сохранить; «неблестящее» воспитаніе на этотъ разъ — золото)! или, какъ у женщинъ, кокетство, капризы, слезы и истерики, когда женѣ именно хочется того, чего мужъ не хочетъ; — слѣдовательно, если уже доказано, что имя «Дуль» есть зло; то послѣдствіе оно зло неизбежное, какъ всѣ вышерѣченные случаи золь, неизбежныхъ подъ солнцемъ: ибо женись на Глафирѣ, — а я женюсь непременно, — нельзя же избѣгать, чтобъ отецъ ея Дуль, не былъ Дуль мой тесть, — и послѣдствіе, какъ сказано выше, нѣтъ зла, къ которому бы нельзя было привыкнуть, слѣдственно къ имени Дула, съ 30 т. дохода, можно также привыкнуть, какъ привыкаетъ чловѣкъ къ чумѣ, къ войнѣ, къ департаменту. : привыкнемъ! и я, и всѣ ты, кто пожелаетъ пользоваться результатами 40 т. дохода.

Звонъ колокольчика въ передней прервалъ длинную нить моихъ умозаключеній; ко мнѣ пришли короткіе пріатели мои Александръ Васильевичъ и Александръ Дмитріевичъ.

Странность предшествовавшаго разговора съ Матреной Ивановной и весело-злая иронія моихъ мечтаній, оставили во мнѣ слишкомъ живое впечатленіе: оно не скрылось бы отъ пріателей, еслибъ я даже и желалъ этого; а мнѣ вовсе не было надобности скрываться. Черезъ четверть часа они узнали все.

Нужно ли объяснять настоящій взглядъ мой на это сватовство? оно доставило мнѣ очень забавный разговоръ съ почтенной Матреной Ивановной и, еще болѣе забавныя, собственные мечты мои о Глафирѣ, разсматриваемой съ ея 150 т. приданаго. Я помогалъ тамъ в кон-

читать эту историю; но приятели, особенно Александр Васильевич, смотрели на все иными глазами. Сначала я сильно защищаюсь противъ доказательствъ ихъ, что мнѣ необходимо осмотрѣть дражайшую невесту. «Ретирада всегда возможна, — говорили они, — отъ рекогносцировки тебя не убудетъ; а воспоминаніе въ будущемъ объ этомъ походевиіи во всякомъ случаѣ стоитъ труда предпринять его. Къ тому же если вздумается бросить въ журналъ статью, то вотъ тебѣ и повѣсть. Въдь нынче все называютъ повѣстью: всякую страницу, «написанную безъ цѣли;» а тутъ, самъ посуди, — цѣль благая: ты можешь жениться, остепениться, выполнить одно изъ назначеній челоуѣка. Не удастся? — не беда: ты съ новою опытностью, ну хоть съ новою шуткою для пріятелей; а если изъ шутокъ выйдетъ серьезное, если Глафира твой искомый идеаль?» (я до сихъ поръ еще брежу идеалами).

«Полно вамъ — ради Бога переставьте. За чѣмъ вы хотите ввести меня въ это смѣшное знакомство? Глафира идеаль! ха, ха, ха! и я запѣлъ:

«Гла-фира-фи-фи-ра.»

Пріятели смѣялись со мною, но не измѣнили своего мнѣнія; я наконецъ уступилъ ихъ убжденіямъ и далъ обѣщаніе вѣхать къ Дулу, какъ скоро получу приглашеніе и даже не отступить «въ случаѣ неопредѣлительности впечатлительнѣйшаго воззрѣнія.»

Вскорѣ потомъ я заболѣлъ; болѣзнь была самая незначительная: я только долженъ былъ оставаться дома и вѣсть по два сладкихъ гомеопатическихъ порошка. Матрена Ивановна нѣсколько разъ посѣщала меня, передавая всегда усердный поклонъ и искреннее сожалѣніе Дула, и еще искреннѣйшее желаніе видѣть меня скорѣе у себя въ домѣ. Лишь только я выздоровѣлъ, тотъ часъ назначенъ былъ день посѣщенія. Это было въ воскресенье, въ посту.

Обративши особенное вниманіе на подробности туалета, чтобы не испугать Дула какою нибудь щеголеватостію, я отправился на *смотръ* въ самомъ комическомъ расположеніи духа.

Надо сказать, что я не изъ фаланги робкихъ, — следовательно, во всякомъ случаѣ, я безъ смущенія могъ бы предстать Дулу Трифоновичу, не смотря на всю щекотливость предстоявшаго посѣщенія; но теперь, когда на моей сторонѣ была увѣренность, что моего прибытія ожидаютъ у Дула, какъ появленія новаго свѣтила, отъ котораго его домъ озарится блескомъ 99 совершенствъ моихъ; когда я былъ убѣжденъ, что Дулъ, послѣ полугодичныхъ распросовъ, вѣрилъ въ меня душою, и что еслибъ я показался ему глупѣе Молчалина, онъ скорѣе бы обвинилъ самого себя въ неумѣній понять меня, чѣмъ усомнился во мнѣ хоть на одно мгновеніе, да, съ такимъ убѣжденіемъ, смущеніе духа, — думаю, неизбежное въ положеніи подобномъ моему, — было далеко меня: я вѣхалъ къ торжеству, приготовленному для меня; вѣхалъ пожинать мирты и розы и вѣхалъ съ истинно драгунскою смѣлостію, посмѣиваясь надъ собою, Дуломъ и Глафирою. Однако, думалъ я дорогою, видно это очень не дурно, что я вѣду на *смотръ*, когда самъ Александръ Васильевичъ, — этотъ угрюмый весельчакъ, этотъ неумолимый Катонъ, самъ вызывался вѣхать со мною, только бы меня ободрить. «Право поѣхалъ бы — говорилъ — да боюсь, не выдержу, расхохочусь; а на это не должно смотрѣть, какъ на шутку, какъ на матеріалъ для нынѣшнихъ повѣстей. Изъ 1000 партій, 999 начинаются шуткою, пустымъ вопросомъ, а тамъ смотриши. — и стопъ!» Успокоенный такимъ образомъ, я мчался какъ духъ, и только облако снѣжной пыли, бурно взвѣваемой быстрымъ конемъ, означало путь мой. Я мчался такъ, что конечно даже фонари по улицамъ слились бы въ непрерывную огненную ленту,

еслибъ на счастье фонарей тогда была ночь.

Прѣзжаю. Домъ — прелесть. Вхожу на дворъ, — вездѣ необыкновенная чистота; самое зданіе раскинуто въ три этажа чудеснымъ, соблазнительнымъ, огромнымъ «покоемъ» (II) Удивительно какъ сильно дѣйствуетъ на патриотическую душу мою эта истинно-Русская буква П, выраженная трехъ этажныхъ домомъ, который жаждетъ имѣть меня своимъ обладателемъ! Я объявляю торжественно, что во всѣхъ письменахъ всего земнаго народонаселенія рѣшительно нѣтъ и ничего быть не можетъ прелесть, восхитительнѣе, сладостнѣе, виртуознѣе «нашего русскаго «покоя», изображеннаго рукою хитраго архитектора въ формѣ 3-хъ и 4-хъ этажнаго дома, въ 30 т. годоваго дохода и болѣе, который или принадлежитъ вамъ или обѣщаетъ быть вашимъ. Безподобная буква П! я обожаю тебя и скоро, скоро я еще страстнѣе буду обожать въ *собственнои* образѣ, т. е. въ образѣ собственно мнѣ принадлежащаго дома, что нынѣ, — временно, — домъ Дула Трифоновича.

«Непреренно женюсь,» думалъ я, кидая на все взглядъ одобренія, — «женюсь непременно. Матрена Ивановна говоритъ, что мнѣ остается только сказать «хочу» — (а я хочу) — и я женатъ, — ну чтожъ, я рѣшительно хочу имѣть Глафиру своею, съ ея прекраснымъ домомъ; я уже по уши влюбленъ, въ него . . . въ нее, хотѣлъ я сказать! Непременно, первымъ словомъ Дулу будетъ прѣсба благословить насъ скорѣе. Зачѣмъ теперь этотъ скупный постъ, ну зачѣмъ онъ такъ не кстати?»

Вхожу въ переднюю. Между тѣмъ какъ человекъ снималъ съ меня шубу, другой услышавъ мою фамилію, опреметью кинулся впередъ и исчезъ въ боковой комнатѣ; не успѣвъ я, слегка оправившись, дойти до конца передней, и уже самъ смущенный Дулъ, съ рыжесѣдою бородою, явился предо мною.

«Позвольте мнѣ рекомендоваться вамъ, Дулъ Трифоновичъ, и благодарить за честь обязательнаго знакомства съ вами.» Полагая, что человекъ успѣвъ уже доложить обо мнѣ, я счелъ ненужнымъ повторять мою фамилію.

«Милости просимъ, батюшка, очень ради.»

Мы прошли черезъ залу въ гостиную; онъ былъ въ видимомъ замѣшательствѣ; казалось само чортъ робости засѣвъ ему въ горло, — а известно, черти то и всѣ претрусливый народъ. — Дулъ, глухимъ голосомъ, спрашиваетъ наконецъ: «скажите батюшка, какая же дама говорила вамъ объ насъ.» — Ого-го! подумалъ я, — такъ по этому у васъ много «Матренъ Ивановнъ разослано по бѣлу свѣту!» Тутъ только пришло мнѣ на мысль, что по скорости выхода Дула Трифоновича не было ему возможности знать положительно, кто къ нему прѣвхалъ: слуга побѣжавшій извѣстить о моемъ прѣвздѣ, — какъ я увѣрился теперь по расположенію пройденныхъ комнатъ, — не могъ такъ быстро объѣхать кругомъ, съ нужнымъ докладомъ обо мнѣ. По всему этому видно, что Дулъ вышелъ въ переднюю на стукъ дверей. Я посиѣшилъ сказать мою фамилію. Дулъ оробѣвъ еще пуще, вѣроятно почувствовалъ дѣйствіе 99 достоинствъ!

«Ахъ извините, очень ради! но я не предполагалъ, что бы это были вы.» Ожидалъ васъ съ параднаго подъезда.»

Причина, по которой Дулъ не узналъ во мнѣ меня, была, какъ изволите видѣть, очень важная: день и часъ моего прѣвзда были ему извѣстны; онъ меня уже ожидалъ, — по я, на бѣду, явился съ другаго входа; какъ же было угадать, что это *былъ я?* конечно невозможно!

Мы чинно усѣлись. Тутъ мнѣ нужно было развернуть всѣ свои познанія по коммерческой части, чтобы «не съѣсть грязи» передъ Дуломъ. Онъ скоро оправился и разговоръ потекъ медовой

струей, и такъ изящно, что я нанослѣ-докъ сталъ опасаться его «безконечно-сти въ вѣчномъ.»

Вскорѣ однакожъ Дуль вышелъ. Я едва могъ выдержать, едва не захохоталъ вслухъ. Положеніе мое было такъ забавно, что я чуть-чуть не забылъ своей роли. И въ самомъ дѣлѣ, что могло быть для меня смѣшнѣе самаго меня во все это время? Я цѣлое утро верчусь передъ зеркаломъ, сто разъ мѣняю прическу, двадцать разъ перемѣняю галстукъ, жилетъ, фракъ для того чтобы «всей своей особой» произвести выгодный эффектъ и на молоденькую обожаемую Глафиру и на почтеннаго, уважаемаго Дула. Я вду и повторяю мысленно разговоръ, который долженъ былъ вести съ обоими, приноминая, для Дула, коммерческія свѣдѣнія, почерпнутыя только вчера изъ послѣднихъ номеровъ коммерческой газеты. Я расточаю дѣятели Дулу, между тѣмъ какъ тотъ и не догадывается даже кому за нихъ обязанъ, и все потому, что я вошелъ къ нему въ другую дверь. Мудрено ли, что полное сознание комизма во всемъ этомъ едва не выразилось сильнымъ взрывомъ долго удерживавшагося смѣха?

Я однакожъ успѣлъ преодолѣть неу-мѣстную веселость, и очень кстати: въ боковой двери изъ зала во внутреннія комнаты, лучъ свѣта, проходившій чрезъ замочную скважину, вдругъ исчезъ; вмѣсто его являлась черная искрившаяся точка. «Коварный глазъ слѣдитъ меня, думалъ я, — быть можетъ самой Глафиры; что мудренаго? Въ подобныхъ случаяхъ дѣвичья скромность уступаетъ любопытству видѣть суженаго; а такъ какъ это любопытство касалось именно меня, то я, по сродному мнѣ, въ подобныхъ случаяхъ, великодушнѣе, со всей искренностію извинялъ въ немъ мою Глафиру.

Замѣтивъ, что на меня обращено вниманіе, — я принялъ величественную позу, небрежно поправилъ волосы и

галстукъ и бѣгло, съ видомъ знатока и свисходительнаго одобренія, началъ осматривать сперва гостинную, потомъ залъ, сколько онъ былъ видѣнъ, не переставая между тѣмъ слѣдить и за агатовымъ глазомъ. Убранство комнатъ доказывало, что Дуль Трифоновичъ не совсемъ запоздалъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ: прекрасный паркетъ; на столахъ бронза; окна драпированы со вкусомъ; на потолкахъ не рисуются толстые амуры, съ розовыми гирляндами, въ саженъ шириною; мебель не самая щегольская, но и не изъ тѣхъ купеческихъ хозяйственно дюжихъ мебелией, для перестановки которыхъ необходимо каждый разъ содѣйствіе подъемнаго крана. Словомъ, все показывало присутствіе вкуса и богатство хозяина.

Черезъ нѣсколько минутъ Дуль явился, принося извиненіе въ долготѣ отсутствія. Въ замочной скважинѣ снова блеснулъ свѣтъ. «Вотъ, думалъ я, еще минута и я увижу обожаемую Глафиру. Но минуты проходили за минутами, а ее нѣтъ какъ нѣтъ!

Между тѣмъ Дуль Трифоновичъ, ободренный вниманіемъ своего слушателя, переходилъ отъ предмета къ предмету; извѣдывалъ поль-Россіи, жалуясь то на плохія станціи, то на грубость зрителей, то, наконецъ, на дерзость провѣзжавшихъ, во время путешествія его въ Воронежъ и въ Кіевъ

Какъ онъ рассказывалъ. Боже мой, какъ онъ рассказывалъ! Умѣеть же человѣкъ вести разговоръ съ такимъ не поддѣльнымъ искусствомъ, съ такимъ достоинствомъ, съ такимъ увлекательнымъ интересомъ, возрастающимъ все больше и больше, все выше и выше, какъ морская волна, переходя изъ перваго въ девятой валъ! Вѣдь родятся же на свѣтъ такіе люди! — Такъ бы все и слушалъ его! Ну право: и не вѣдь бы и не спать, а вѣдь, да все только и думалъ бы, что слушалъ Дула Три-

«Фоновича. Вотъ, что называется: «говорить — жемчугъ нижесть».

Сколько разъ трепеталъ я, во время разсказа Дула Трифоновича, за страхъ чувствительной Глафиры, въ дремучихъ лѣсахъ, въ мрачныя сентябрьскія ночи; бѣдняжка: ей всюду чудились разбойники, ножи, кистени! Сколько разъ, при его разсказѣ, я былъ преисполненъ негодованія на дерзость взглядовъ и намековъ этихъ проважнихъ: «Злудьи! — готовъ я быть воскликнуть въ справедливомъ гнѣвѣ, — какъ смѣете вы? она моя! Громъ, молнія, тысяча смертей, миллионъ бомбъ!»

Какъ я уважаю Дула Трифоновича, и какая у него почтенная борода, какъ величественно его бр ко! Боже мой! что за человекъ Дуль Трифоновичъ! — Этакихъ людей давай намъ побольше. Какъ счастливъ я, что буду имѣть такого теста! (а ужъ буду, буду непременно). Не менѣе счастливъ и онъ, что удостоится имѣть затемъ такого прекраснаго, такого отличнаго молодаго человека, какъ я, человека исполненнаго 99 совершенствъ, по словамъ Матрены Ивановны, которая, какъ то не безъизвѣстно каждому, ни когда не дѣжеть; человека, который такъ умѣетъ, понимаетъ и цѣнитъ его! Счастливый Дуль, счастливый стократно!

Но Глафиры все еще нѣтъ! не разъ, забывая вовсе о почтенномъ Дулѣ, я напрягалъ весь слухъ, стараясь разслушать отдаленный шелестъ ея платья, ея походку. Тщетно! Наконецъ, нпѣ, уже не чудилось: легкой стѣпой приближался кто-то къ затвореннымъ дверямъ гостиной, ведущимъ во внутренняго комнаты; я могъ уже различить шорохъ шелковаго платья; дверь распахнулась, я вздрогнулъ невольно — она? . . . ,

Вижу, вамъ хочется, чтобъ я сей часъ же представилъ мою Глафиру.

Извините, вы ее не увидите; я съ умысломъ привелъ разсказъ мой на исторію о появленіи Глафиры и здѣсь останавлиюсь. Пожалуй еще позабудете, сглазите . . о ваши глаза преопасны!

А жаль, право жаль, что не могу познакомить васъ съ Глафирой: вѣдь преннтересная двушка. Не даромъ я напередъ уже влюбился въ нее. Представьте только: черные глаза, черные локоны, легкій станъ, стройная ножка, крошечная, пухлая ручка, прекрасный бюстъ, лебяжья грудь, къ которой такъ страстно прильнула пелериночка, то подымаясь, то опускаясь вмѣстѣ съ ея дыханіемъ. Хороша моя Глафира!

Ну-что еслибъ вы увидѣли мою Глафиру? ужъ полно, не показать ли ее вамъ? нѣтъ, нѣтъ! ни слова болше. А жаль! кто знаетъ: быть можетъ я уже счастливый женихъ; быть можетъ и сію жъ минуту полечу къ ней съ жадной страстнаго поцѣлуя? А можетъ быть я уже и женатъ, и въ это время, можетъ статься, она, очаровательница, такъ нѣжно прильнула къ моей груди, и ея волнистый, благоуханный локонъ такъ сладостно нѣжится и вѣется по моему лицу, и ея обольстительная, робкая ручка такъ трепетно обвилась вокругъ моей шеи, и я восторженный, упоенный, мѣю и горю, и пламенемъ ся вздохомъ и жаромъ ея поцѣлуешь, — между тѣмъ какъ Дуль Трифоновичъ, мой тестъ, — въ справедливомъ чапнн внуковъ, — любитъся нами, съ улыбкой поглаживая правою рукою пушистую бороду, и покоя лѣвую на великолѣпномъ бр . . . къ, котораго объемъ да не уменьшается во вѣки.

II.

НЕВѢСТА НА СЦЕНѢ.

Гдѣ же ты, мой идсаль?

Да, мнѣ ясно слышался близкій шелест шелкового платя. «Она» — говорило предчувствіе: «она» — прошептало сердце. Сердце въ такихъ случаяхъ въшунъ. Дверь распахнулась, сердце ударило тревогу; является кулебяка . . .

Да, кулебяка! не обожаемая Глафира въ образѣ кулебяки, фи! какъ вы могли это подумать? какія странныя мысли родятся иногда у васъ! нѣтъ; — настоящая «расейская» кулебяка: длинная, жирная, парящая, — только что изъ печки, съ полнымъ «букетомъ» кулебячности.

Представьте мое положеніе: я приготовленъ былъ къ появленію прекрасной дѣвушки, вдругъ является вмѣсто ее пирогъ, — ужасно! . . .

Конечно, хорошій пирогъ вещь «хорошая», кто объ этомъ спорить; но все таки пирогъ, какъ ни верти его, — есть пирогъ, не больше, и онъ тогда только хорошъ вполне, когда именно *ѣсть* хочется; но пирогъ — вы знаете, — не замѣна дѣвушки, когда ожидаешь ее, а не пирогъ.

Признаюсь, я былъ пораженъ явленіемъ кулебяки, — сильно, глубоко пораженъ; но не умеръ отъ этого поражения, — остался жить и ѣсть кулебяку.

Впрочемъ, сказать правду, я былъ особенно пораженъ не тѣмъ, что вмѣсто прелестной Глафиры предстала мнѣ кулебяка, — нѣтъ; но величественнымъ зрѣлищемъ самой кулебяки, — говоря слогомъ нынѣшней философіи — ве-

ликозвимо, грандіозно, *цѣлостно, рационализированно*, во всей кулебячій художественности *залитой* въ себя по себѣ и для себѣ, со всею своею идеею — начинкой, и пластическою формой идеала пироговъ, и съ своимъ *мировымъ* значеніемъ основы русской народности, русской кухни, русской жизни, — на огромномъ блюдѣ, которое съ трудомъ несла толстая, грудистая женщина, кланяясь мнѣ съ кулебякой.

Я совершенно согласенъ съ философіей О. З. которая доказываетъ неоспоримую истину, именно:

«Не говоря уже о важнѣйшихъ произведеніяхъ древняго рѣвца — камня, барельефъ, медаль, посуда въ формѣ челоуической или львиной головы, каждая бездѣлка въ этомъ родѣ есть художественное произведеніе, и въ тысячу разъ выше лучшей статуи даже Кановы (*).

Міровая истина! въ этихъ не многихъ словахъ — «дивный, очаровательно-прекрасный», «роскошно-употѣлительный» міръ фантастической истины! Но что ни говорите, а кулебяка Дула Трифоновича, такое «торжественно-высокое, «художественно-изящное» произведеніе, вальше русскойстряпухи, что не только самъ Канова — гдѣ ему! — самъ Пракситель конечно бы растаялъ — «глядя!» подумаете вы? — нѣтъ, кушая такую кулебяку.

(*) О. З. Январь 1940. Критикъ стр. 4 столб. 2.

Картина, по истинѣ достойная поэтического пера: жирная няня, (какъ я послѣ узналъ ее званіе), предшествуемая пирогомъ, появившимся въ дверяхъ нѣсколькими мгновѣніями ранѣе самой няни; позади ее лакей, съ «безграничнымъ» подносомъ водки, вина; бабка, икры; и сельдей; и все это клапается мнѣ, все приветствуетъ будущаго владыку: и няня, и лакей, и кулебяка, и сельди, — честолюбцы, завидуйте!

Рѣшительно не понимаю: какимъ образомъ соединено здѣсь въ домъ Дула Трифоновича столько богатства, вкуса, — вмѣстѣ съ явленіемъ няни, съ кулебякою и всеобщими поклонами.

Вы думаете, что въ отмщеніе кулебякъ за пораженіе, ею мнѣ нанесенное, я, съ благородною помощью Дула, принялъ пораженіе ее въ свою очередь? Ни чуть не бывало: я зналъ, что мнѣ, какъ жениху, слѣдовало вѣстъ всего меньше, пить и того меньше, и — я оставилъ дѣйствовать и на этомъ поприщѣ одного Дула, какъ прежде уступилъ ему поле краснорѣчія.

Не думайте однако, будто я въ самомъ дѣлѣ съ такою утонченностію принялся за новую роль свою, или опасался, чтобы прелестная Глафира при входѣ не застала меня сортомъ, преисполненнымъ кулебяки и сельдей, — со всѣмъ нѣтъ! я очень хорошо понималъ, что дѣвушка, такъ деликатно воспитанная какъ Глафира, не можетъ явиться въ первый разъ суженому въ то самое время, когда онъ, съ будущимъ тестемъ, прозаически занятъ уничтоженіемъ домашнихъ запасовъ. При томъ же ей очень хорошо было извѣстно, что я, готовый забыть для нее цѣлый міръ, безъ сомнѣнія, при ея появленіи, забылъ бы тотчасъ же какуюнибудь кулебяку, будь даже она у меня во рту. Согласитесь теперь, что при такомъ деликатномъ воспитаніи, какое получила Глафира, она не могла явиться въ явный ущербъ моего аппетита, который обязана уже была беречь, какъ буду-

щая полная хозяйка моего дома, слѣдовательно и моего stomachus, — сколько онъ относиться можетъ къ хозяйственной части домашняго управленія. Видите ли: какъ я тонко угадывалъ эту тонкость расчета Глафиры, — и не ошибся. О, восторгъ! когда я женюсь на ней, какое дивное соединеніе достоинствъ представимъ мы взаимно! какъ мы будемъ любить и понимать другъ друга! не попадайся намъ ни кто съ «толстымъ» взглядомъ на вещи, Глафира моя терпѣть этого не можетъ: она привыкла во мнѣ, въ своемъ мужѣ, встрѣчать одиѣ тонкости и требуетъ этого отъ всѣхъ...

Причина, по которой я не могъ раздѣлять подвиговъ Дула, заключается въ томъ, что я продолжалъ еще гомеопатическое лѣченіе, запрещающее употребленіе всѣхъ жирныхъ «лѣствъ», въ томъ числѣ и пироговъ, на зло любителямъ ихъ, въ числѣ которыхъ и я. Поэтому я наслаждался только видомъ Дула, плотно принявшагося за кулебяку, самъ же едва отвѣдалъ ее: деликатесь!

Съ зловѣщимъ появленіемъ кулебяки и прочаго, мрачное предчувствіе закралось въ мою душу: «не видать мнѣ сего дня моей нѣжной Глафиры; тысячу, 150 т. разъ, (по количеству подарка) повторилъ я себѣ; — «да, я не увижу моей пльнительной горлицы! Какимъ образомъ она можетъ явиться теперь посреди руинъ кулебяки, икры и сельдей, она, — перлю красоты и гармоніи?»...

И точно я не видалъ ее. Впрочемъ я одобрилъ вполне дѣйствіи Дула, поступившаго въ этомъ случаѣ съ расчетомъ, основаннымъ на самой «тонкой политичности». Я самъ того мнѣнія, что Глафира рѣшительно не должна была выходить въ первый день моего посѣщенія. Что за умъ у этого Дула Трифоновича! Вотъ ужъ умъ, такъ умъ, — первый сортъ ума! хитерь, умень зловѣдъ Дулъ Трифоновичъ. Что за дели-

катная манера, какъ у него все разотчено; что за утонченная разборчивость въ каждомъ дѣйствіи! прекрасный человекъ Дуль Трифоновичъ, истинно прекрасный и гражданинъ, и отецъ и всё. А въ домъ его: какъ все это полно, удивительно полно — вездѣ, всё и всё. Какое счастье, что я буду имѣть такого тестя, «алмазь тестей». Мы очень дружески простились съ почтеннѣйшимъ Дуломъ Трифоновичемъ; онъ просидѣлъ меня любить и жаловать его «домъ.» — «И ненужно просить объ этомъ, — хотѣлъ я сказать, — я уже вполнѣ люблю прекрасный домъ вашъ, который такъ эстетически развернуть восхитительнѣйшимъ въ мірѣ, русскимъ «покоемъ» (П), и какъ долженъ быть покоенъ!»

Я возвращался домой, преисполненный удивленія ко всему, что видѣлъ и глубокой, неліцемерной любви къ Глафирѣ, которой еще не видѣлъ.

Матрена Ивановна не замедлила явиться ко мнѣ на другой день. Почтенный Дуль чрезвычайно заботился знать мое мнѣніе о немъ и о томъ: не слишкомъ ли невыгодно было растолковано мною первоначальное его замѣшательство?

Возсѣвъ на «коверъ лести», я увѣрялъ Матрону Ивановну, *что Дуль Трифоновичъ одинъ изъ превосходнѣйшихъ людей, какихъ я когда либо встрѣчалъ; что самое меньшее, о чемъ могу говорить на счетъ Дула Трифоновича, это конечно то, что онъ «отличнѣйшій» человекъ въ подлунной; что онъ былъ чрезвычайно милъ въ своемъ замѣшательствѣ; что я нахожу одного себя виновнымъ передъ нимъ, потому во первыхъ, что не умѣлъ воспользоваться наставленіями ея, Матрены Ивановны, съ какою подъезда входитъ къ Дулу Трифоновичу, и во вторыхъ, что плохо расцѣлъ возможность круговаго обхода человека и не сказалъ Дулу прямо о себѣ, при первой рекомендаціи; что и всякой на мѣстѣ Дула Трифоновича сталъ бы въ тупикъ, при появле-*

ніи ожидаемаго человека не въ ту дверь, въ которую его ожидали, что никто бы въ подобномъ случаѣ не сумѣлъ такъ тонко найтись, какъ Дуль Трифоновичъ, спросить у меня очень вѣжливо: «какая же дама говорила объ насъ?» это и т. д. — однимъ словомъ, я не щадилъ похвалъ.

Да и въ самомъ дѣлѣ: какъ не отдать полной справедливости самоточайшей политичности Дула Трифоновича? ну будь другой на его мѣстѣ, вѣдь вмѣсто этого деликатнаго вопроса: «какая же дама» другой пожалуй, сдуру, сказалъ бы прямо: «позвольте спросить съ кѣмъ имѣю честь говорить-съ?»; или, чего добраго, «позвольте узнать-съ чинъ, имя и фамилію-съ»? Нѣтъ, Дуль Трифоновичъ не таковъ! насъ не проведешь, прошу не погнѣваться. Нѣтъ Дуль Трифоновичъ, съ своимъ тонкимъ умомъ, тотчасъ смекнулъ, что въ такомъ щекотливомъ случаѣ «неизвѣстности» гораздо приличнѣе вопросъ «о третьемъ лицѣ.» Ахъ! что за умница этотъ почтенный Дуль Трифоновичъ, какъ онъ умѣетъ найтись вездѣ! Да, съ такимъ человекомъ не ударишь лицомъ въ грязь! Мы разстались съ Матреною Ивановною весьма довольные другъ другомъ.

По словамъ ея, я очень понравился Дулу Трифоновичу, — иначе и быть не можетъ! желалъ бы я спросить когонибудь: какъ можетъ не понравиться такой прекрасный человекъ, какъ я? — человекъ съ 99 совершенствами, извѣстными уже цѣлому свѣту, не считая неизвѣстныхъ, быть можетъ еще многочисленнѣйшихъ. Я даже удивляюсь, за чѣмъ Матрена Ивановна говорила мнѣ объ этомъ, — я ее вовсе не спрашивалъ о мнѣніи Дула на свой счетъ: само собою разумѣется, что онъ влюбился въ меня по уши, даже нѣсколько выше ушей, — дѣло извѣстное.

Я увѣренъ, что и Глафира страдаетъ по мнѣ, если это-только ея глазъ свѣ-

тился чрезъ замочную скважину: видѣла, следовательно ялюблена,—это ясно!

Въ назначенный день я снова отправился къ Дулу. Это было на вербной недѣль поста, послѣ объѣда, часу въ 7-мъ. — Матрена Ивановна предупредила, что меня будутъ ждать въ это время, и что я непременно увижу и Глафиру. День клонился уже къ вечеру, когда я прѣѣхалъ. Дуль Трифоновичъ встрѣтилъ меня со всѣмъ вниманіемъ; съ нимъ былъ мужчина во фрактъ.

«Рекомендую вамъ моего брата, Сергѣя Трифоновича,» сказалъ Дуль.

— «Очень радъ познакомиться съ вами.

— «Покорнѣйше благодарю, отвѣчалъ Сергѣй Трифоновичъ, пожимая мнѣ руку, — просимъ полюбить.»

Сергѣй Трифоновичъ, «по поводу фрака и бритаго подбородка», считалъ себя вправѣ на разговоръ исключительно «свѣтскій» о погодѣ, о музыкѣ, о театрѣ. Онъ былъ гораздо моложе Дула Трифоновича.

— «Погода сегодня прекрасная,» — сказалъ онъ.

«Очень таетъ, отвѣчалъ я,

— «Тѣмъ лучше: скорѣе весна. Уже свѣжку весьма не много, и ледъ-то плохонекъ. Говорятъ, Англичане бились на 14 ч. апрѣля. Кто-то выиграетъ! страшный народъ эти Англичане: все у нихъ пари. Ну, пусть бы себѣ Нева шла, когда ей угодно,—нѣтъ давай держать пари.»

Не помню моего отвѣта.

Сергѣй Трифоновичъ продолжалъ: «ужъ кажись на нынѣшней недѣль конецъ и свѣжку и концертамъ. Что батюшка, А. П., я думаю частенько, сударь, изволили бывать въ концертахъ?»

«Да, въ нынѣшній постъ я слышалъ всѣхъ лучшихъ концертистовъ и прѣѣзжавшихъ и здѣшнихъ.»

— «Нечего сказать — прѣѣзжали молодцы! Да и наши и Бемъ и Герке, да мало ли ихъ! у Бема хватская скрипка; но прѣѣзжій, какъ бишь его? да, Липинскій, ужъ удружилъ! Его скрипка

такъ-сказать поетъ и какъ поет! — чрезмѣрно-съ. Когда его слушаешь, такъ за душу и тинетъ. Это чудо такая гармонія!

Дуль въ это время вышелъ,—я молчалъ. «Я гораздо больше впрочемъ люблю оперы,—продолжалъ словоохотливый Сергѣй Трифоновичъ; въ концертахъ, знаете, какъ то все скучно потому, что хоть оно играютъ и поютъ распрекрасно, да не успеешь послушать, — ужъ и кончиль; потомъ жди себѣ снова пока другой выйдетъ. Нѣтъ ужъ въ операхъ: поютъ тебѣ, поютъ и арин, и эти тирцеты, — какъ бишь ихъ?—да еще и хоры,—слушаешь, слушаешь — часа два сряду, ужъ въ волю наслушаешься, особенно Семирамида... конечно изволили видѣть?»

«Да! — Я люблю эту оперу.»

«Такъ-съ! вѣдь два часа, батюшка, слишкомъ каждое дѣйствіе, — есть чего послушать; особенно отлично идетъ маршь въ 1-й то актъ, ужъ его и играютъ и поютъ; а играютъ и наши-то въ оркестръ и военные на сценѣ — люблю! а тѣнь? удивительная механика: смотришь во всѣ глаза,—нѣтъ не замѣтишь, какъ себѣ хочешь, когда она выйдетъ, и ужъ настоящей нашъ мертвецъ!.... Въ Робертъ — мертвечы-то народъ развеселый: вертятся и пляшутъ не хуже живыхъ.»—продолжалъ онъ улыбаясь.

— «Да вы большой любитель музыки, Сергѣй Трифоновичъ!»

— «Грѣшенъ батюшка, двѣтъ нечего. Ужъ мнѣ и достается отъ брата, все говоритъ, что деньги даромъ трачу; да не потерплю: — какъ взгляну на афишку, да увижу, что концертякъ или опера, кажись бы и не пошелъ, анъ пойдешь по неволѣ: не выдержишь ни какъ.»

«Вы вѣрно видѣли также Капулетти, Норму, Жидовку, — спросилъ я, желая что нибудь сказать.

«Жидовки, признаться, нѣтъ. — Въ Нѣмцы не вѣжу; но Капулетъ и Норму

видалъ не разъ, — то же знатныя оперы: гармонической меледіи въ нихъ не оберешься.»

Замучилъ меня этотъ ужасный меломанъ, болтая безъ умолку и не давая мнѣ «ни отдыха ни сроку.»

Нѣсколько разъ хотѣлъ я сказать Сергью Трифоновичу, подражая одному изъ героевъ Гоголя, — (кажется Ивану Ивановичу): «почтенный Сергій Трифоновичъ, да ради Бога перестаньте говорить такія рвчи! любите музыку и слушайте ее сколько вашей душѣ угодно, — но повѣрьте, что ужъ ваша натура не такъ Господомъ Богомъ создана, чтобы говорить объ ней.»

Не думайте однакожъ, что Сергій Трифоновичъ всѣ свои сужденія о погодѣ и музыкѣ высказалъ въ одинъ разъ, тотчасъ по моемъ приходѣ, нѣтъ: для главнѣйшей части своего краснорѣчія онъ воспользовался уходомъ Дула, когда мы съ глазу на глазъ остались съ нимъ; это было уже по крайней мѣрѣ чрезъ часъ послѣ моего пріѣзда. Разговоръ съ Сергьемъ Трифоновичемъ я привелъ здѣсь въ одно цѣлое для того, чтобы не возвращаться къ нему въ другой разъ; да оно какъ-то вынуклае, *цѣлостилье*.

Снова переносу васъ къ первымъ минутамъ вторичнаго посѣщенія Дула.

Я только что отрекомендованъ Сергью Трифоновичу и Сергій Трифоновичъ, — своимъ тоненькимъ голоскомъ, позволявшимъ слышать полетъ мухи, — едва пустился въ скачъ на Англичанъ и ихъ пари, — какъ я вновь сталъ различать женскую поступь и мнѣ снова, какъ и въ первое посѣщеніе. — Явственно слышались легкій шорохъ платья. Помня всеобщій обычай купцовъ потчивать гостей виномъ, тотчасъ послѣ ихъ прихода, я предположилъ навѣрное, что няня — новалъ Геба, явился къ намъ съ дарами Вакха, вмѣсто нектара.

«Глафира не можетъ, не должна такъ скоро выдти, — думалъ я, — любящему

сердцу ея конечно очень грустно скрываться столь долгое время отъ любимого предмета; но чтожъ дѣлать: злое приличіе не позволяетъ сдѣлать тайному влеченію души.»

Бѣлое платье мелькнуло въ залѣ.... «няня» — думалъ я, и оставался покойнымъ.

Но это не была уже прежняя няня съ кудебкой, или, правильнѣе, кудебьяка, съ няней, это была самая Глафира. Но ахъ! за чѣмъ это была она? скажите, за чѣмъ это не была снова кудебьяка!!

— «Не ужели это Глафира!» вскрикнулъ я мысленно при ея входѣ. Но нѣтъ сомнѣнія: ее рекомендуетъ Дулъ, — это она, Глафира, о беззаконіе!... Праведные боги, такъ это — то она! «идея души моей» — Чортъ возьми! нѣтъ, никогда, ни за что въ мірѣ не женюсь, — хоть будь она съ 150 т. годового дохода, а не приданого, — не женюсь и слышать не хочу, — слышитель ль: не хочу, — ужъ съ тѣмъ возьмите!» «Глафира! Глафира Дуловна! варварство, безчеловѣчіе; хорошъ я!»...

«О глупецъ, глупецъ, — повторялъ я въ душѣ, — чего же ты могъ ожидать отъ Глафиры, да еще отъ Глафиры Дуловны, дщери какого-то Дула Трифоновича? жалкій слѣпецъ! Ну Глафира, конечно — «Глафира.» какъ и должна быть настоящая, перваго сорту купеческая Глафира. Но возможно ль такъ ужасно ошибиться? нѣтъ, я не въ силахъ перенести это, я не долженъ перенести, — завтра же повѣшусь!»

«И можно ли мнѣ остаться жить, если баронъ Брамбеусъ — не мнѣ чета, — рѣшился повѣситься отъ того только, что княгиня Ч..., которую онъ обожалъ, принимая за вдову, не оказалась «таковою» по ближайшимъ мѣстнымъ справкамъ?»

Почтенный баронъ, я право боюсь за него! съ тѣхъ поръ о немъ ни слуху ни духу; ну что если онъ въ самой вещи, съ отчаянія, наложилъ на себя

руми? — Да и какое тут сомнѣніе; вѣжливый, чувствительный, страстный баронъ — могъ ли онъ остаться жить послѣ ужасной увѣренности, что княгиня Ч. не можетъ принадлежать ему? конечно не могъ ни за что въ свѣтъ! и, нѣтъ сомнѣнія, онъ рѣшилъ свою судьбу. Какъ же мнѣ послѣ этого жить?

Если ужъ баронъ умеръ отъ того только, что ему нельзя было жениться на княгинѣ, между тѣмъ какъ ни что и ни кто не мѣшалъ ему любить ее по прежнему «пламенно, глубоко, вѣжно,» — то что остается дѣлать мнѣ, когда я не только не могу жениться (чего желалъ не менѣе страстно какъ и баронъ), но не могу, сами видите, даже и любить. Какъ же мнѣ пережить мою любовь? Нѣтъ, я долженъ умереть! Безъ сомнѣнія до васъ, любезный, остроумный и глубокомысленный Баронъ, ни когда не дойдетъ вѣсть обо мнѣ, потому что вы и сами ужъ покойникъ, — иначе, съ вашимъ прекраснымъ сердцемъ, вѣрно уронили бы вы хотя одну слезу въ память собрата вашего по несчастіямъ въ любви, — собрата, въ тысячу разъ болѣе васъ злополучнаго: *въ любви вы* только должны были «перестать считать;» *я въ любви* долженъ «перестать любить.» — Вамъ должно было перестать считать: князя — управителемъ, княгиню — вдовою, ея богатство — вашимъ; но главное: *въ любви* — любовь оставалась для васъ *любовью*, для меня въ любви — обречена погибели самая *любовь*. — О Глафира, безбожная Глафира! о несчастный! сего дня же прекращу злополучную жизнь мою, сего дня же повѣшусь.

Или въ волнахъ шумящихъ
Скончаю скорбны дни.

И пусть мое пылкое я, соединясь съ хладнымъ не-я, хладной стихіи, — пусть гибнетъ, пусть станетъ минусомъ я. Ужасная Глафира! ты въ *самой* себѣ,

Часть X. Гл. II.

по себѣ и для себѣ обрекаешь гибели и людей и ихъ системы! Что сказалъ бы Фихте, великій Фихте, утверждавшій, что положительное я, становится я отрицательнымъ раздѣлѣсь на не-я ($\frac{я}{не-я} = -я$); что сказалъ бы онъ при настоящемъ доказательствѣ очевидно-мъ à posteriori, что я дѣлается — я, не дѣлѣсь на не-я, но «слагаясь» съ нимъ! И все это Глафира, — ты «индивидуальная» всему причина!

«Однакоже, — разсуждалъ я, оправясь послѣ перваго впечатлѣнія, — говоря голосомъ «безпристрастной» критики, — Глафира не то чтобы ужъ въ самомъ дѣлѣ совершенное беззаконіе; вовсе нѣтъ! она, если хотите, даже очень не дурна, (я продолжалъ ее разсматривать) весьма не дурна: немножко жеманна, немножко брикетка, немножко съ претензіями на умъ, любезность, ловкость, — претензіями больше или меньше справедливыми; — да, она не дурна, право, очень и очень не дурна! и я, отъ чистаго сердца желаю ей всякаго здравія и благополучія; я очень уважаю, люблю, — если угодно, — Глафиру Дуловну; по жениться на ней — милосердые боги! нѣтъ, нѣтъ, никогда!»

Что думалъ въ это время Дулъ? онъ не могъ не видѣть съ какимъ вниманіемъ разсматривалъ я Глафиру и какъ былъ живъ въ послѣдствіи нашъ разговоръ. Судя по огромной улыбкѣ, отъ которой такъ выразительно оцѣтенилась его борода, онъ безъ сомнѣнія полагалъ, что начатый имъ романъ теперь въ полномъ разгарѣ; что я уже плѣненъ, очарованъ. — Вѣднjack! Онъ не зналъ, что судьба этого романа была уже заранѣе рѣшена; что меня влекло въ домъ его не тайное желаніе сердца, но одно любопытство и слово данное друзьямъ; побужденія не самыя лучшія, что же дѣлать, какія есть!

Вѣрю всѣмъ достоинствамъ вашимъ, милая Глафира; но сердце мое молчитъ при васъ, а ваше золото нѣтъ

за весь сокровища міра не отдамъ я души своей! Знаю: я чудакъ, страшный ужасно. Но у меня есть свои заветныя вѣрованія сердца, нужно напередъ исторгнуть ихъ, и тогда, можетъ статься, я бы увлекся блескомъ вашихъ достоинствъ въ 150 т. Но эти заветныя вѣрованія, ихъ можно исторгнуть только вмѣстѣ съ моею жизнью, — да, только съ жизнью! . . .

И осуществитесь ли когда нибудь вы, пламенные мечты мои? сбытятся ли вамъ? Гдѣ ты, «мой идеалъ» страстная душа моей души? гдѣ скрываешься ты досель? гдѣ ты,

О комъ съ утра до поздней ночи
Тоскуетъ сердце? . . .

Если бы знала ты, какъ пустынно безъ тебя это сердце, какъ я люблю тебя, существо неизнаемое, но уже безконечно милое, родное мнѣ. . . . гдѣ ты? въ какихъ странахъ? найду ль тебя?

Нѣтъ! моя мечта,—мечта, не болѣе. Я знаю, я убѣжденъ, что для меня не существуетъ той пламенной, той чистой, высокой любви, которой такъ жаждетъ душа.

Безвѣтно и одиноко протечетъ вся жизнь моя; безотрадный, съ изнывшими надеждами, умру я, не сознанный ни чьею любовью, не утѣшенный ни чьею взаимностью. Тяжка душѣ моей эта роковая увѣренность!

И гдѣ же мнѣ, ограниченному, обыкновенному, гдѣ мнѣ найти эту беззаветную преданность сердца? Не странность ли мои «высшія» требованія? какія права имѣю я на нихъ? чувствую, что я сумасбродъ, но мнѣ такъ сладки мои мечты; онѣ такъ обаятельно лелеютъ меня! Не разрушайте же напоми-

наніемъ вещественности жизни очарованнаго міра, который такъ «чуждо», такъ «сладко-могущественно» сроднился со мною.

И если бы кто зналъ: какую безграничную, какую всесильную любовью исполнено сердце мое! Только ее одной, — только одной любви искалъ я въ мірѣ, только ее просилъ я у него, — и не будетъ отвѣта на призывъ души моей! не бейся, же сердце такъ сильно, не жги меня бурнымъ пламенемъ своей тоски!

О, какимъ бы блаженствомъ окружилъ я ту, которая отдала бы мнѣ всю душу, всю любовь свою! Для нее сохранилъ я неприкосновенною святыню чувствъ моей души и ей отдалъ бы себя всего! . . . Я утопалъ, я утопалъ бы ее въ морѣ восторговъ моей любви. Она забыла бы цѣлый свѣтъ для меня; она не въ состояніи была бы не забыть его со мною: въ моемъ сердцѣ, сохраненномъ вполне для нее, нашла бы она то, чего не доставить ей ни кто въ мірѣ.

И нѣтъ тебя, идеал души моей и вѣчно не отзовешься ты на призывъ мой!!!

Странно, когда подумаешь! Иванъ Никифоровичъ Перепелицигъ, Семенъ Ивановичъ Подопригора, Григорій Петровичъ Чижикъ—все счастливыцы первой величины, живутъ спокойно, сытно, пригвѣваючи. Матрeпа Ивановна ими не наладится! А я влосчастный—мнѣ суждено только писать повѣсти «о томъ какъ женятся!»

Завтра же пошлю за Матрeпой Ивановной.

Конецъ I-й части.

АЛЕКСАНДРЪ БУДЯНСКІЙ.

ВИДѢНІЕ

ВЪ ЦАРСТВѢ ДУХОВЪ.

— Кто тамъ?
— Я-сь, Иванъ.
— Что ты?
— Съ почты, сударь, четыре пакета привнесъ.

— А! добрый ты человекъ, давай!

Внутренняя температура возвысилась во мнѣ по крайней мѣрѣ градусовъ на 10 отъ удовольствія, доставленнаго мнѣ внезапнымъ появленіемъ четырехъ пакетовъ in 4-о, полненькихъ, такихъ приглядныхъ.

— Статьи!—говорилъ я самъ съ собой—должно быть чудесныя статьи! въ Маякъ присылаютъ все чудесныя статьи... сколько матеріала . . . теперь хоть по двѣ части въ мѣсяцъ — смѣло выдавай.

Такъ или почти такъ размышлялъ я перебирая въ рукахъ пакетъ за пакетомъ, и старался редакторскимъ ослзавіемъ сквозь обертку различить почтовую, голландскую и простую бумагу статей. Дѣло очень важное! Чѣмъ тоньше бумага, тѣмъ, при той же толщинѣ пакета, больше матеріала, и конечно матеріала прекраснаго — дурныхъ статей ни кто не пишетъ на хорошей бумагѣ; да и какой слѣдъ писать: бумага обойдется дороже статьи; статью бросить и бумага пропадетъ . . . «нѣтъ, нѣтъ, статьи здѣсь все прекрасныя!

Судите же о моемъ восхищеніи, когда опытное осязаніе увѣрило меня, что всѣ четыре пакета наполнены почтовою бумагою! . . «ай, почтенные сотрудники! вотъ уже любятъ Маякъ — сколько драгоценныхъ вещей! . . а еще говорить наша литература бесплодна!»

Высокое наслажденіе, предугадывать будущее! не потому ли, что оно—контрабанда? Ввозъ будущаго въ настоящее строгаише запрещенъ тарифомъ жизни. За то, какъ сладко, провезти это будущее сквозь потѣенныя извилины, ущелья догадки, которыя извѣстны лишь людямъ гениальнымъ; а кто можетъ быть гениальнѣе контрабандистовъ всѣхъ сортовъ, которыхъ отличительная черта прокрадываться «никуда» мимо заставъ добраго порядка, добраго смысла — ну, и прочая. Велика бѣда, что отъ этого страдаетъ цѣлое общество! за то имъ хорошо! а въ томъ то вся и задача людей, наукъ и теорій отрѣшпныхъ, «цѣлостно замкнутыхъ въ себя и для себя», чтобъ одному было или казалось хорошо на счетъ всѣхъ. Высокое открытіе современной философіи, наскоро и палегкѣ переведенной съ нѣмецкаго русскими буквами! Увлеченный гениальными приложеніями этой философіи къ практическому быту, я старался, по мѣрѣ слабыхъ силъ моихъ,

развивать дальнейшія ея приложения къ практикѣ, и единственно поэтому медлить распечатывать пакеты, въ надеждѣ, что философія своею глубокостію и пронизательностію поможетъ мнѣ проникнуть даже въ содержаніе писаннаго на почтовой бумагѣ, замкнутой не въ себя, а въ пакетъ, не для себя, а для меня — проклятыя «исключенія!» что ступишь вглубь системы, то такъ и паткнешься на эти гады! можно ли такъ варварски посягать на неприкосновенность уставовъ философіи! Но успѣхи мои въ философіи такъ еще ничтожны, какъ я ни маля, ни давила пакеты — ничего не могъ узнать! досадно стало... хррропъ! печать слетѣла. Вынимаю — стихи! «ого-го! какая же куча! Какъ это кстати: хорошіе стихи «у насъ» подобрались — тутъ то заблестаетъ Маякъ «повинками.»

Раскрываю второй пакетъ — стихи! третій — стихи! четвертый . . . о, блаженство! — стихи! и обомлѣлъ отъ востора. Рукописи, освобожденные отъ яга ихъ угнетавшаго, стали, по своей эластичности, подниматься, расти, расти и — вотъ передо мной на столѣ четыре холма.

Опомнясь отъ своего восторга я взялъ первый пукъ стиховъ на удачу: читаю . . . еще... дальше . . . подъ конецъ — милосердый Боже! — дичь!

— Ну, это ничего еще не значить, — думаю себѣ, въ такой громадѣ мудрено ли, одинъ пукъ попался неудалый, когда и въ избранныхъ «громадахъ» литературныхъ сплошь находишь дичь и дичь!

Я взялъ другой пукъ, не безъ трепета пробѣжалъ и — молча положилъ его: только предательскій вздохъ обличилъ затаенную оцѣнку.

Я струсилъ. Робко приближалась дрожавшая рука къ другому холму, составленному изъ стиховныхъ пуковъ; въ нерѣшимости пѣскольکو разъ она бралась за тетрадь, и опускалась. Вотъ, мелькнула счастливая мысль, я поуско-

коился: рѣшился разыграть поэтическую лотерею.

Я придвинулъ кресла къ роковому столу, усаясь съ редакторскимъ терпѣніемъ и рѣшимостью просидѣть добрые четверть сутокъ, разобрать все по совѣсти, выдергивая сперва наудачу изъ каждой стопы по очереди.

Случаюсь ли вамъ испытать дѣйствіе продолжительнаго чтенія дурныхъ стиховъ? — о, такъ вы не можете себѣ представить этого ужасающаго, разслабляющаго, томлящаго, потогонительнаго дѣйствія. Тяжко сидѣть одному въ четырехъ неотопленныхъ стѣнахъ въ осенній сумракъ, когда кругомъ ни слѣда жизни, безконечный дождь съ своимъ плачевнымъ хлопаньемъ, пронзительное завыванье вѣтра, скрипъ ставней — вы невольно закутываетесь въ мѣховую шубу и погружаетесь въ безжизненность.

Редакторское усердіе довело было меня до состоянія въ тысячу кратъ ужаснѣе этого: я потерялъ наконецъ всякое чувство, всякое сознаніе, всякую волю; въ памяти осталось одно только чуть брещущее воспоминаніе, что я переворачивалъ листы и кажется бѣгалъ глазами по строкамъ машинально, какъ человекъ въ сильномъ угарѣ — наконецъ я совершенно обезпамяталъ! — нѣтъ, не то, что обезпамяталъ: я очень хорошо видѣлъ, чувствовалъ и понималъ, но уже не то чтобы мнѣ слѣдовало . . . не сумѣю объяснить что со мною было. Мой кабинетъ, столъ, разрытыя груды стиховъ — все исчезло: я очутился гдѣ-то, и самъ не знаю, гдѣ? какъ? и что такое? . . .

Небо ясное, живительное, очаровательное, какого ни въ Крыму, ни на Кавказѣ вы не видали въ самыя прелестнѣйшія представленія тамошняго неба. Вокругъ меня ручейки, наполненные, казалось, живой водою, такъ она свѣтла, чиста, и такъ мелодически журчала между берегами восхитительно убранными вѣтви драгоцѣнностями

минералогія, ботаники и зоологія — лѣски, лужайки, рошцы, поляны — ароматы, свѣжесть; гармонически разбросанная, какъ аккорды Бетговена, зелень и разнообразіе цвѣтовъ, никогда мною невиданныхъ, пѣвіе пернатыхъ и чирликанье насѣкомыхъ, восхитительныя игры животнымъ; жизнь и разумъ, кажется выступили, какъ мельчайшія испаренія благоуханнаго сока на листь, — на всѣхъ созданіяхъ; все такъ дивно, такъ вразумительно говорило мнѣ про славу и премудрость создавшаго . . . сердце мое расширилось и отверзлось всѣмъ усадительнымъ впечатлѣніямъ — я дышалъ такъ свободно, не чувствовалъ собственного тяготѣнія. Тихое, тонкое, глубокое чувство жизни, радости и мира умошительнаго, наполняло все существо мое. Какъ теперь помню, ни одинъ земной помыслъ не напомнилъ мнѣ о чемъ либо житейскомъ — я блаженствовалъ несказанно; я даже не имѣлъ какъ-то побужденія удивляться своему положенію, не спрашивалъ, гдѣ я? что это такое?

Мирно и медленно шелъ я, какъ бы опасаясь пропустить и малѣйшее наслажденіе посреди невыразимыхъ красотъ, нѣжившихъ въ мои чувства; и вотъ, изъ за роши мною обойденной, открылось мѣстоположеніе еще восхитительнѣе всего мною видяннаго. Въ отдаленіи — обширный курганъ обращенный ко мнѣ полукругомъ: ровная и плоская вершина его вся уставлена множествомъ троновъ изъ живыхъ кустарниковъ, освѣщенныхъ, какъ бы балдахинами, причудливо нависшими вѣтвями очаровательныхъ растений: нныя въ цвѣтахъ, другія — всѣ усыяны чудной красоты плодами. По отлогостямъ кургана тянулись самыя прихотливѣйшія извилинами тропинки опушенныя богатѣйшею растительностью. Подошву кургана омывалъ ручей терявшійся обоими концами въ недосигаемой дали. «Если онъ глубокъ — подумалъ я — то мнѣ ни какъ не попасть на курганъ.»

Солнца тамъ я не видѣлъ: ни одинъ предметъ не отбрасывалъ тени; то было море свѣта, и въ этомъ свѣтѣ все такъ чудно созерцалось. Помню, я озиралъ весь небосклонъ — не было солнца; но свѣтъ повсюду такой тихій, такой прозрачный; что кажется можно было видѣть тончайшія частицы воздуха; свѣтъ оцѣчивалъ все мною видѣнное такими нѣжными, такими удивительными колерами, что самыя колера драгоценныхъ земныхъ камней ни что въ сравненіи съ тѣми.

Всѣ эти богатства и прелести особенно сосредоточивались на курганѣ. Я оставившись въ отдаленіи отъ избытка сладостныхъ ощущеній, глядя на него, и обдумывая . . . нѣтъ не то я говорю: то не были думы, не головная работа, то было нѣчто свѣтлое, тонкое, не мѣшавшее моему упоенію; но на земномъ языкѣ иначе нельзя сказать — я обдумывалъ, какъ бы мнѣ черезъ ручей попасть на курганъ и осмотрѣть его вблизи.

Пока я оставался въ этомъ восхитительномъ созерцаніи отдаленнаго кургана, — позади меня послышался шорохъ, оглядываюсь:

— Ахъ, Поэзинъ, это ты? какъ я радъ! сказалъ я ему, и — обомлѣвъ отъ восторга, услышавъ первый разъ въ этомъ мѣстѣ свой собственный, челоуѣчскій голосъ; струи тамошняго воздуха такъ тонки, такъ нѣжно звучны, что даже мой голосъ, довольно грубый, и ужъ очень обывновенный, показался самому мнѣ необыкновенно пріятнымъ. Встрѣча съ Поэзнымъ, нашимъ милымъ поэтомъ, котораго душой люблю за чистоту его помысловъ, за его доброе и нѣжное сердце, такъ полно выливающееся въ его прекрасныхъ стихотвореніяхъ, — обрадовала меня до чрезвычайности.

— Какъ ты счастливъ, — сказалъ онъ мнѣ, чудно мелодическимъ голосомъ, — что удостоился быть допущеннымъ сюда. Этотъ курганъ, что вотъ вдали — тамъ сегодня будетъ со-

бране поэтовъ всѣхъ странъ и всѣхъ вѣковъ, по случаю назначенія къ намъ на землю новаго, дивнаго Русскаго поэта.

Еще онъ продолжалъ говорить, какъ мое намѣреніе, засыпая его вопросами о томъ, гдѣ мы? — что все это? — само собой погасло. . . явилось новое зрѣлище

Съ обвѣхъ оконечностей кургана по берегу ручья тамъ протекавшаго, открылось торжественное шествіе людей. Всѣ одѣты въ бѣлое одяваніе, легко и роскошно покрывавшее ихъ члены, на головахъ вѣнцы въ родѣ коронъ изъ драгоценнѣйшихъ камней, золотые поясы и нарукавья, также увязаны каменьями. Лица ихъ необычайно свѣтлы и радостны. Безмолвно расходились они съ побережья по тропинкамъ, поднимаясь на курганъ, и сѣдлись на свои троны. Зрѣлище это поразило меня; какъ вкопанный стоялъ я и смотрѣлъ. Поэзинъ взялъ меня за руку и повелъ къ кургану; мы остановились на своемъ берегу ручья. Необыкновенная прозрачность воздуха позволяла, несмотря на довольное отдаленіе, разсматрѣть каждого въ лицѣ; я узналъ двухъ-трехъ нашихъ современниковъ поэтовъ. Прочихъ указалъ мнѣ Поэзинъ, называя каждого по имени. Я не стану исчислять: вы ихъ знаете безъ меня: я удостоился видѣть всѣхъ знаменитыхъ поэтовъ всѣхъ временъ. . . . и внезапно овладѣло мною глубоко-грустное чувство, котораго не могло погасить все меня окружавшее, радостное, великолѣпное и торжественное. Было ли то чувство, была ли то мысль, не могу и теперь сказать, что это было; только оно овладѣло всѣмъ существомъ моимъ: «за чѣмъ мы лишены присутствія и пѣснопѣній такихъ поэтовъ? Вдругъ со всею свѣжестью убійственныхъ впечатлѣній мелькнуло передо мной чтеніе стиховъ, мной полученныхъ: мнѣ казалось, вотъ они уже передо мной, и я снова начну читать ихъ — чувство горести и боязни со-

вершенно одолѣли меня, я всею силою ухватился за руку Поэзина и робко прижался къ нему какъ испуганное дитя въ виду близкой опасности.

Между тѣмъ пока все это происходило, поэты, безмолвно свѣсивъ на троны, по знаку первенствовавшаго между ими, встали съ своихъ мѣстъ и хоромъ запѣли гимнъ. Что это было за пѣніе стройное, гармоническое, восхитительное! вся природа притаила дыханіе и благоговѣнно слушала! Подобное пѣніе возможно лишь сонму истинныхъ поэтовъ, освободившихся отъ оковъ тлѣнія. Я съ жадностью ловилъ каждое слово, явственно слышное въ этомъ металически упругомъ воздухѣ, и безконечно тонкомъ. Они пѣли по Русски. То была хвалебная пѣснь Красоты. Рѣчи ихъ, капающія, можно сказать, свѣтомъ, жизнью и сладостью, и теперь еще носятъ неуловимо въ моей душѣ, но я никакъ не могу вспомнить ихъ связи и послѣдовательности, или можетъ быть земными звуками нѣтъ возможности и выразить ихъ.

Едва кончилось пѣніе, и пѣвцы съѣли на свои мѣста, грусть моя, на минуту заглушенная вохитительнымъ пѣніемъ, проснулась съ невыразимою болью; такъ излабшему и на минуту отогрѣтому и снова брошенному въ прежній холодъ, страданія становятся еще не выносимѣе.

— Что съ тобою? о чѣмъ ты такъ грустишь, житель земли, въ сихъ мѣстахъ радости и жизни? — спросилъ, обратясь ко мнѣ свѣтлымъ лицемъ и приветливою улыбкою, первенствовавшій между поэтами. То былъ нашъ Пушкинъ: какъ теперь на него гляжу. Черты тѣ же, а лице красоты необыкновенной. Годось, какъ звуки гармоники.

— Грустно мнѣ, Пушкинъ, — отвѣчалъ я ему, — тебя не стало, и нѣтъ у насъ поэта, и чѣмъкому утѣждать наши

горести и страданій, пѣснями о тайнахъ неба, жизни и любви.

При этихъ словахъ Пушкинъ показался какъ бы за облакомъ: неясный видъ его чуть мерцалъ посреди другихъ поэтовъ ясно мнѣ представлявшихся . . .

— Сынъ земли! отвѣчалъ онъ; и голосъ его не имѣлъ уже той радостной звучности. Облако его окружавшее придавало звукамъ, какъ бы земной отголосокъ скорби и вздоха: «несправедливы похвалы твои помрачаютъ мое блаженство. Я не понималъ моего земнаго призванія. Я пѣлъ вамъ пѣсни земли, смерти, страстей и любви земной. Не услаждалъ я ваши скорби, я лишь посылалъ для васъ семена новыхъ . . . Не хвалы Богу чудному пѣлъ я, я пѣлъ хвалы себѣ, алкалъ вѣнковъ: вы меня осыпали ими — я презиралъ ихъ и васъ. Мнѣ говорили это — я не хотѣлъ слушать. Вамъ это же говорилъ — послушайте ихъ! Но не скорби! вмѣсто моихъ грѣшныхъ пѣсней, вы скоро услышите пѣсни достойныя небожительницы поэзии. Вотъ юноша, котораго мы теперь собрались напутствовать вдохновеніемъ чистымъ и свѣтымъ; онъ научитъ васъ пѣснопѣніемъ достойнымъ разумаго и любимаго созданія Божія — человека.

При этихъ словахъ облако, полукрывавшее Пушкина, исчезло. Я ужаснулся. И вотъ, вижу, на одномъ берегу съ нами, двое изъ сонма поэтовъ; — когда они отдѣлились? я этого не замѣтилъ: то были Гёте и Байронъ — поставили юношу въ бѣлой же одеждѣ, но безъ вѣнца, пояса и наручниковъ. Видъ его не такъ былъ свѣтелъ, какъ видъ Пушкина и прочіихъ изъ сонма его; лице мнѣ вовсе было не знакомо. Гёте и Байронъ, поставя его на нашемъ берегу, въ некоторомъ отдаленіи отъ насъ, медленно пошли прямо къ курьему, какъ бы вовсе не было ручья насъ отдѣлявшаго, и стали на

троны, одинъ по правую, другой по лѣвую сторону Пушкина.

— Сынъ земли и сынъ неба — сказалъ Пушкинъ, обращаясь къ юношѣ — благословенно твое призваніе, велика награда ожидающая тебя по трудахъ достойныхъ поэзии — мой тронъ будетъ твой! Уразумѣлъ ли же ты свое призваніе? Какъ ты готовилъ себя къ поприщу поэта?

— Я — отвѣчалъ ему юноша, и дѣтское простосердечіе и откровенность выразились въ спокойныхъ его чертахъ и движеніяхъ, — я изучалъ великихъ поэтовъ міра, я боготворилъ тебя, Пушкинъ; въ каждомъ звучномъ стихѣ твоёмъ я научился почерпать несказанную сладость.

Снова облако полукрыло Пушкина, Байрона и Гёте. Я хотѣлъ было показать знаками юношѣ, чтобъ онъ поостерегся въ похвалахъ земнымъ пѣснопѣніямъ, но юноша не смотрѣлъ на меня. Изумленный появленіемъ облака онъ умолкъ.

— Сынъ земли, отвѣчалъ ему Байронъ, тебѣ еще неизвѣстно то, что открыто намъ. Очи твои темны еще, истина, которую и мы небрегли на землѣ искать въ глубинѣ духа нашего, тамъ, гдѣ — царствіе Божіе, сущее внутри насъ, истина еще не озарила очей твоихъ свѣтомъ живымъ и вѣчнымъ. Скажи же намъ, что бы ты воспѣлъ при появленіи твоёмъ къ земнороднымъ твоимъ собратіямъ.

— О, я написалъ поэтическое произведение; мнѣ кажется я хорошо въ немъ выразился языкомъ Гёте, Байрона и Пушкина и воспѣю въ стихотвореніи: «Метеоръ.» Надѣюсь, люди услышавъ его будутъ въ восторгѣ. Послушайте.

При этихъ словахъ простосердечный юноша вынулъ исписанный листъ бумаги, развернулъ, окинувъ смѣлымъ взоромъ все собраніе. Между тѣмъ облако закрывавшее трехъ поэтовъ исчезло. На всѣхъ лицахъ замѣтно было

вниманіе, полное участіе и снисхожденіе. Юноша сталъ читать.

МЕТЕОРЪ.

... мимо вдохъ — и се не бѣ!
Ночя.

Черни ужасъ, черни диво:
Искрометный метеоръ —
Вспылел, вырвался горделиво
Яркимъ пламени разливомъ
Ослѣпилъ усталый взоръ.

Стройной выпнулся дугою,
Лентой небо охватилъ,
Вспылъ въ нѣдра тучъ стрѣлою,
Снопъ лучей онъ за собою
Опахаломъ распустилъ.

Рѣки золота раскинулъ
Брызнулъ искрами вокругъ,
Мостъ огнистый перекинулъ
Съ тучъ на тучи, гордо вскинулъ
Величавый полукругъ.

Свился вдругъ огромнымъ шаромъ,
Распустился вновь звѣздой,
Залилъ неба высь пожаромъ,
Брызнулъ пламенемъ и жаромъ
Вспыхнулъ точкой огневой
И потухъ

Хоть за собой онъ
Не оставилъ ничего,
Хоть свѣтъ неба вновь спокоенъ,
Чистъ какъ былъ и до него,
Хоть одну минуту жилъ онъ,
Хоть мгновенно онъ блестялъ,
Все жъ природу освѣтилъ онъ
Все жъ хорошо его удѣлъ.
Чѣмъ печальною звѣздою
Вѣкъ обычный проводить,
Чѣмъ порою — надъ землею
Блѣднымъ пламенемъ свѣтить,
Чѣмъ уныло серебриться
Въ мирядахъ звѣздъ другихъ,
Лучше вспыхнуть и разлиться
Въ искрахъ ярко - золотыхъ,
Искрометнымъ метеоромъ
Небо темное зажечь,
И къ себѣ вселенной взоры
Хоть на мигъ одинъ привлечь,
Посвѣтиться и разлѣтѣсь

Предъ очами всей земли,
И потомъ — на вѣкъ сокрыться
Въ неразгаданной дали!

Когда юноша кончилъ свое чтеніе,
терзанія грусти меня раздиравшей во-
зобновились съ большою силою.

— Для васъ эта пѣснь, сыны земли
— началъ Пушкинъ, обратясь ко мнѣ
и къ моему товарищу, — какъ она вамъ
показалась?

Я не могъ отвѣчать отъ горести:
со-измы, такъ искусно застихованные
юношей, раздирали меня. Господи! ду-
думалъ я; если онъ этимъ начинается,
то чѣмъ же онъ кончится! — и посмо-
трѣлъ на моего товарища. Спокойнымъ
лицемъ, ласково обратился онъ къ юно-
шѣ, и сказалъ ему отвѣтъ.

Не согласенъ я съ тобою,
Юный, пламенный пѣвецъ —
Метеоромъ надъ землею
Пролетѣть, чтобъ подъ конецъ
Скрыться — падшею звѣздою
Въ неразгаданной дали.
Нѣтъ; не взымайтъ участь эта
Вдохновеннаго поэта,
Если въ немъ душа согрѣта
Жаромъ неба, не земли!
Сынъ небесъ, свѣтильникъ міра!
Не ракетой долженъ быть,
И не остышками свѣтить
Призванъ ты съ высотъ эфира:
Животворнымъ будь лучемъ
Для цвѣтовъ и злаковъ дольничихъ,
Благодатнымъ будь дождемъ
Для полей, луговъ привольныхъ;
Озаряй, не ослѣпляй;
Созидай, не истребляй!
Рѣчью смѣлой, огневою —
Растопи людей сердца,
Грянь въ порочнаго грозою,
Жги перуномъ гордеца,
Въ грудь невиннаго страдальца
Упованья свѣтъ пролей,
И снопомъ твоихъ огней
Заблужденнаго скитальца
Наведи на путь прямой;
Не бесплоднымъ метеоромъ —
Путеводной будь звѣздой,
И тебѣ — соимяснымъ хоромъ
Пророкомъ съ книжи хвѣтъ,

И въ вѣкахъ тотъ хоръ отгранеть,
И въ безсмертьи съ нимъ отпрянетъ
Сынъ небесъ, творецъ - поэтъ!!!

Ропотъ одобренія, какъ тихое журчаніе ручейка, послышался на курганѣ, когда товарищъ мой кончилъ. Юноша слушалъ его потупя взоры; свѣтъ блиставшій на лицѣ его, исчезъ; только румянецъ, какъ легкій пламень по догорающимъ углямъ, перебѣгала по лицу его смѣняясь блѣдностью.

— Сама истина говорила твоими устами, сынъ земли, достойный служитель поэзіи — началъ Байронъ, обратясь къ моему товарищу. Мы, желая возвеличиться на землѣ, заглушали въ себѣ ея чистыя вдохновенія, и бросались въ дикое, неслыханное. Одурманъная толпа рукоплескала нашимъ пѣснопѣніямъ, и эти шумные вопли и рукоплесканія заглушили тихіе напевы вѣщавъ истинны, добра и красоты! и мы увлеклись тщеславіемъ по скату его, гонимые страстями юности. Юноша! — продолжалъ Байронъ обращаясь къ нему — изучай въ нашихъ пѣніяхъ чистое, достойное, и поскорби о недостойномъ, которое при своемъ рожденіи еще было обрѣчено смерти и забвенію.

— Да, братъ нашъ Байронъ, правду сказалъ вамъ, сыны земли — заговорилъ Пушкинъ. — Юноша! не подражай намъ въ заблужденіяхъ ума и сердца. Твой метеоръ не достоинъ поэзіи.

Юноша воспламенился, и обратясь къ Пушкину, отдался ему:

«Эи чѣмъ же и данъ мнѣ гибельный даръ поэзіи? — за чѣмъ и самая жизнь дана, когда не вложенъ въ меня яркій свѣтъ истины, который освѣщая мой земной путь, спасалъ бы меня отъ тяжкихъ заблужденій, а собратій, мени слушающихъ, — отъ гибельныхъ увлеченій? Оставьте меня здѣсь; не хочу па землю, не хочу суетной славы и увядающихъ вѣтвочъ. Великую истину, Пушкинъ, открылъ ты намъ въ своемъ пѣснопѣніи, которымъ все мы такъ восхищаемся!»

Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, за чѣмъ ты мнѣ дана?
Иль за чѣмъ судьбою тайной
Ты на казнь обречена?

Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ,
Душу мнѣ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣваемъ взволновалъ?

Цѣли нѣтъ передо мною:
Сердце пусто, празденъ умъ —
И томить меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ . . .

Пушкинъ опустилъ взоры свои внизъ, когда кончилъ юноша, смотрѣвшій на него въ ожиданіи одобренія; Гете началъ говорить:

— «Пушкинъ, и я, и многіе изъ насъ говорили вамъ подобныя вещи: то былъ ропотъ сердца тысячекратно обманутаго тщетными поисками счастья въ суетѣ угожденія чувственности, страстямъ и самолюбію. Заблудшіе, и мы искали жизни въ смерти, нектара въ отравѣ, а не искали ихъ въ спасительномъ крестѣ Бога-Искупителя. Теперь не такъ намъ представляется земное: и вы могли бы предугадывать тоже, но не хотите. Дано вамъ слово истины, вы не изучаете въ немъ путей жизни. Вы ищете жизни въ нашемъ словѣ смерти. Вотъ бы какъ следовало, юноша, говорить о томъ, что сказалъ вамъ, въ минуту заблужденія, братъ нашъ Пушкинъ».

И голосомъ сладкозвучнымъ Гете проговорилъ:

Не напрасно, не случайно
Жизнь отъ Господа дана!
Не безъ цѣли Его тайной
На тоску осуждена!

Самъ я своенравной властью
Зло изъ безднъ земныхъ воззвалъ;
Самъ наполнилъ душу страстью
Умъ сомнѣваемъ взволновалъ.

Вспомнись мнѣ, забытый мной!
Просійи средь смутныхъ думъ —
И соиздается тобою
Сердце чисто, свѣтлый умъ!..

Радость осіяла лице Пушкина когда Гете кончилъ свою рѣчь, и вся обрест.

ность озарилась чуднымъ свѣтомъ; я не могъ, сносить его — закрылъ свои глаза рукой. Звуками гармоникъ заговорилъ Пушкинъ. Юноша, товарищ мой и я пала на колѣна, подавляемые невыносимою торжественностью всего нась окружаваго.

— Юный сынъ земли, будущій собратъ нашъ! я хочу, я долженъ поговорить съ тобой о Пушкинѣ, сынъ земли; вижу, ты его не знаешь, не понимаешь. Хочу высказать то, что думали еще при жизни его, и теперь думаютъ о немъ всѣ носившіе и носящіе въ себѣ искру Божіей истины, благонамѣренные и честные люди, не ослѣпленные пристрастіемъ и духомъ партій; думаютъ, а произнести не смѣютъ, боясь какаго то заблудшаго братства, которое съ изступленіемъ ратуетъ за своего идола, и всякое непоклоненіе ему называетъ безбожіемъ и отступничествомъ. Во всѣхъ вашихъ журналахъ и газетахъ, во всѣхъ лекціяхъ—еще такъ недавно и на торжественныхъ лекціяхъ—величаютъ Пушкина какимъ-то великимъ гениемъ, бессмертнымъ творцемъ, едва не полубогомъ! въ немъ всѣ совершенства, всѣ добродѣтели, всѣ красоты, въ немъ нѣтъ ничего слабаго, не истиннаго, посредственнаго! Великъ! великъ!...

— Вольному воля!—продолжалъ Пушкинъ послѣ нѣкотораго молчанія—еслибъ эти ратаи могли только знать, какой тяжкій ущербъ блаженства и славы наносятъ они мнѣ здѣсь, всякой разъ, какъ только принимаются безусловно превозносить своего Пушкина. Мы не можемъ страдать по земному, но и малѣйшее облачко омрачающее нашъ свѣтъ, малѣйшій ущербъ нашего блаженства, наносить намъ своего рода страданіе, для котораго на нашемъ языкѣ и слова нѣтъ. Еслибъ они это знали, еслибъ они проводили какъ видимъ мы въ чистомъ свѣтѣ, до какой степе-

ни возгласы ихъ дѣйствуютъ на возрастающее поколѣніе, сбиваютъ его съ путей правды, возбуждаютъ въ немъ ложныя понятія, и—этого ни мало не подозреваютъ они—кладутъ въ немъ сѣмена пороковъ и преступленій. Да, сыны земли, — продолжалъ Пушкинъ возвыся голосъ — преступленій! вы не видите, намъ это видно. Слушайте.

Пушкинъ вашъ былъ человекъ одаренный отъ Бога необыкновеннымъ, исполненнымъ талантомъ: имѣлъ умъ свѣтлый и быстрый, пламенное, богатое воображеніе, удивительный даръ владѣть языкомъ. Но вотъ и все. Можетъ быть въ немъ было и доброе сердце (по крайней мѣрѣ я не слыхалъ ни объ одномъ его дурномъ поступкѣ); но у него не было—или онъ погасилъ— тотъ священныи огонь, который теплится въ душахъ избранниковъ Божіихъ, истинныхъ поэтовъ, живущихъ въ нашемъ свѣтѣ какъ бы въ изгнаніи изъ другаго, лучшаго міра, который вы теперь удостоены созерцать. Безъ того священнаго огня, составляющаго душу поэзіи, поэтъ—«безъ души»: и его произведенія — художественны, но мертвы, «бездушны.» Къ этому присоединилось еще, какъ плачевное довершеніе, воспитаніе Пушкина, послѣ школы, въ дурномъ сообществѣ—вы это забыли—посреди разнаго рода людей которые величали его своимъ полубогомъ. Они уверили его, что онъ Байронъ, и онъ, далеко не имѣя таланта тогдашняго англійскаго поэта — (*Байронъ всталъ и поклонился ему*) нынѣшняго моего собрата по искупленію и блаженству — сталъ подражать ему въ его заблудшихъ и дурныхъ помыслахъ, (считая ихъ знаменіемъ глубокости, силы и могущества духа), и сколько можно, въ дѣлахъ. На что употребилъ онъ свой прекрасный талантъ? что создалъ онъ истинно великаго, благороднаго, русскаго? все отрывки, обрывки, урывки! И этотъ знаменитый его Евгений Онегинъ, —

которымъ вы не нарадуетесь — безсвязное пустословіе, наполненное всякимъ вздоромъ, писанное безъ малѣйшаго вниманія, гдѣ Пушкинъ увлекался не только лъвнью и неуваженіемъ къ своему обществу, но нередко и самою римою. Это скорѣе свовидніе, въ которомъ мелькаютъ несвязные образы, и прекрасныя и безобразныя, и вѣроятныя и невозможныя, но въ которыхъ нѣтъ ни одной чистой, святой, возвышенной мысли, ни одного благороднаго помысла и чувства. — Васъ удивляютъ мои слова — если вы не понимаете ихъ, такъ вѣруйте: потому что разстояніе между вашими и нашими помыслами и разумніями, какъ небо отъ земли! Нѣтъ мѣста жи и самообольщенію въ сей странѣ свѣта незаслужимаго, которую купили всѣ мы цвнью страданій, торжественнаго отреченія и обличенія собственныхъ лжей и заблужденій. Вѣруйте, если и не понимаете. Вы уже свыклись, вамъ слюбилося ваше земное, потому что оно прикрито звучной, красивой оболочкой стиха. Да! Пушкинъ вывелъ было одного человека съ чувствомъ честнымъ и человѣческимъ, да и того сдѣлалъ жертвою своего героя. Вообще всѣ его герои какіе-то «высшіе гении», истратившіе умъ, сердце и тѣлесныя силы въ порокахъ, которыми еще имѣють духъ тщеслаивтѣся въявь.

Переберите всѣ восемь томовъ его сочиненій: (кромя слабыхъ общихъ мѣстъ; и то очень, очень рѣдко) нѣтъ ни одной высокой мысли, о Богѣ, о вѣрѣ, о Иисусѣ Христѣ Господѣ Искупителѣ нашемъ, о православной Руси, о герояхъ прославившихъ русское имя. Въ 1830 году написалъ онъ два стихотворенія на дѣла Польши, написалъ ихъ какъ бы не хотѣ — мнѣ это лучше знать — да и замолкъ. Въ 1827 году написалъ онъ четыре стиха, относившіяся къ его благодѣтели, и зарылъ ихъ въ кучу сору. Что это значитъ? въ немъ дѣйствительно

были вложены отъ Господа зародыши добра, чести и благородства, но они заглушены были примѣрами и наущеніями окружавшей его толпы. И не столько этихъ сподвижниковъ вините въ низверженіи Пушкина: они вызвались на это дѣло, исполняли свое ремесло. Вините въ томъ людей честныхъ и благородныхъ, которые не хотѣли удержать, образумить его на пути къ несчастью и безпутству. Они боялись заглушить его талантъ? нѣтъ! они боялись — его эпитаграмъ! Съ удовольствіемъ воображаю, что лѣта, опытность, и совѣты истинныхъ его друзей наконецъ открыли бы ему глаза; что онъ, еслибъ жилъ долѣе, сдѣлался бы писателемъ образцовымъ, къ чему имѣлъ всѣ способности и дарованія; но такой, какимъ онъ остался въ своихъ твореніяхъ, Пушкинъ не можетъ и не долженъ быть поставляемъ въ образецъ. Я говорю о его Онѣгинѣ. Вглядитесь въ его историческія работы, которыя у насъ дерзають ставить на равнѣ съ исторіей Карамзина моего великаго собрата (и Пушкинъ указалъ на Карамзина сидѣвшаго по близости его), благороднаго, благочестиваго русскаго писателя. Какой предметъ злодѣянія мошенника и обманщика, душегубца и труса! какъ написалъ? слогъ, фразы — все такъ небрежно, будто съ просонья, все будто въ насмѣшку на читателей: («вотъ вамъ книга! лучшей вы не стоите!») Не знаю, какова была бы его исторія Петра Великаго; но не думаю, чтобъ изъ подъ того же настроенія вышло что либо полное, достоверное, добросовѣстно и основательно обработанное. Повесть его: «капитанская дочка», хотя грѣшитъ во многомъ и обличаетъ необдуманность и поспѣшность работы, но изубилуетъ красотою и стоитъ гораздо выше исторіи Пугачева.

«У васъ вздумали ставить Пушкина выше Жуковскаго! ну можно ли такъ

грянуть предъ Богомъ и передъ людьми? Жуковский истинный поэтъ, глашатай великихъ истинъ, сынъ церкви, сынъ Россіи, проливавшій за нее кровь свою, воспѣвавшій заслуженную славу ея царей и героев. Что намъ въ гладкомъ стихѣ, когда онъ выражаетъ постыдное чувство!

«Не вѣрьте, юные Русскіе писатели, тѣмъ, которые представляютъ вамъ Пушкина великимъ, образцовымъ писателемъ. Не вѣрьте, чтобъ онъ былъ безошибоченъ и могъ служить примѣромъ. Еслибъ въ Россіи развелось больше Пушкиныхъ, она бы скоро сгибла и пропала. Вотъ одинъ человекъ—прибавилъ Пушкинъ указавъ на моего товарища Поэзину — который въ молодости Пушкина, дерзалъ говорить ему правду. Но эта правда, посреди изступленныхъ возгласовъ толпы, или гласа неслышанная, или становилась темой эпиграмъ. Счастливый житель земли! сказалъ Пушкинъ обратясь къ Поэзину — засвидѣтельствуй мои слова, и скажи слово истины и назиданія нашему юному избраннику, готовящемуся выступить на арену въ вашей юдоли неистовыхъ похвалъ и порицаній.

Умолкъ; и весь сонмъ поэтовъ присутствовалъ его единодушнымъ поклоненіемъ.

Трепетно лежалъ я простертый вмѣстѣ съ товарищами на землѣ; съ ужасомъ выслушалъ я свѣтлую исповѣдь поэта, поправшаго всякое себлюбіе. Вмѣстѣ съ воззваніемъ его къ Поэзину мы всѣ трое стали на ноги. Поэзинъ, съ необыкновеннымъ одушевленіемъ и свѣтлымъ лицомъ обратился къ юному поэту и началъ такъ:

«Лѣтъ за двадцать, какъ ты, лицейскій трубадуръ!

(Поэзинъ указалъ послѣ этого на Пушкина).

Исполненный ума и юношеской силы
Поэтъ въ душѣ, сатирикъ, балагуръ,
Пѣвецъ Руслана и Людмилы,
Прислалъ мнѣ первые стихи
Своей таинственной и прихотливой му-

зы,
Гдѣ часто даръ боговъ раздѣлялъ
грѣхи,

Гдѣ кистью гениа украсивъ ликъ Медузы,
Его за прелестей возможныхъ идеалъ

Поэтъ художникъ выдавалъ;
Тогда былъ молодъ я не даромъ,

Съ тоюпою воожженъ поэта чуднымъ
даромъ,

Провидя въ Пушкинѣ красу павшихъ род-
ныхъ —

И я былъ увлеченъ его могучимъ да-
ромъ:

Алмазомъ Пушкина считая каждый стихъ
Какъ брату руку дать поэту,

Я первый передалъ его полѣтки сестру;
Когда же послѣ пригласилъ

Я гениа на трудъ его достойный,
Онъ улыбуясь и спокойно

Вѣнокъ похвалъ мнѣ предъявилъ,
Надѣтый на него нескромными друзьями,

И продолжалъ какъ началъ. Но съ лѣта-
ми, —

Постигнувъ цѣну бытія

Онъ самъ припомнилъ мнѣ, что я
Жедалъ ему добра, добромъ руководимый....

И въ слѣдъ за тѣмъ исчезъ въ дали не
достижимой

Пѣвецъ любви, ума и славы напечатлѣ
дней,

Какъ недопѣвшій пѣснь полночный со-
ловей,

И лира Пушкина осталась сиротою....
Но отъ него письмо храню я какъ завѣтъ,

Гдѣ съ гениальной простотою
Онъ вспоминаеть мнѣ бывшее ирежнихъ

лѣтъ. ♣

О! еслибъ въ день печальной тринины
Судьба не сорвала съ него вѣнца

И не пресѣкла дней его блестящей жи-
зни,

Намъ Пушкинъ бы явилъ народнаго пѣв-
ца

Достойнаго громить клеветниковъ отчи-
зны.

Чего не кончалъ онъ, ты доверши — ат-
летъ;

Допой намъ жизни пѣснь, пѣвецъ того же
дней,

Гдѣ юный Пушкинъ пылъ! и ты въ ду-
шѣ поэтъ:

Но тѣмъ же жаромъ пламени,
Направь его на путь прямой:
Не увлекайся похвалою.

Толпы бессмысленной, всегда несправе-
дливой:

И въ оскорбительныхъ хулахъ,
И въ тѣхъ безстыдныхъ похвалахъ,
Въ которыхъ для души поэта гордели-
вой

Тантеся лесть, какъ лѣдъ въ сосудѣ золо-
томъ.

Тогда дерзай, твори! и ежели вѣнцомъ
Тобой заслуженнымъ отъ свѣта
Украдется чело *народнаго поэта*,
Не позабудь и ты радушнаго совѣта,

Который далъ тебѣ, о юноша! пѣвецъ,
Другъ опытный — не лстецъ;
А если не при мнѣ свою раскинешь силу
Тогда брось горсть цвѣтовъ и на мою
могилу!

Рвалась моя душа на встрѣчу этимъ
свѣтлымъ и правдивымъ словамъ. Юный
поэтъ порывался восторгомъ, и при
словахъ: «Тогда брось горсть цвѣтовъ и
на мою могилу» онъ бросился на шею
Поэзину. Съ улыбкой благоволенія смо-
трѣлъ на это зрѣлище весь сонмъ увви-
чанныхъ поэтовъ. Когда первые поры-
вы восторга утихли, юноша, съ пла-
меннымъ излияніемъ чувствъ, отвѣчалъ
такъ:

Воспитанный въ тиши, бурь жизнен-
ныхъ не зная,

Я дару своему не доверялъ,
И въ звукахъ — чувствъ моихъ порывы
изливалъ,

На сердцахъ молодомъ ихъ сохранялъ;
Невольные лились они; — робѣя

Я ихъ слѣгалъ, мечтой руководимъ,
Въ обители моеи, въ садахъ Лицея

Такъ чудно вѣкогда воспѣтыхъ имъ!
Онъ былъ одинъ всегда мой кумиромъ,

Я пламенно великаго любилъ
Въ его стихахъ, гдѣ онъ съ людьми и
съ міромъ

На брань такъ гордо выходилъ.
Онъ былъ мой добрый духъ, хранитель-

геній,
Благословлялъ меня на смѣлый путь;

При имени его, — порывомъ вдохновен-
нымъ
Поэзии огнемъ пылала грудь.

И думалъ я: прекрасенъ путь поэта!
Великъ поэтъ — душъ жаждущихъ ро-
динки!

Но тотъ, кто разгадалъ его на сценѣ
свѣта

Кто руку далъ ему, чья грудь была со-
грѣта

Участіемъ къ пѣвцу — тотъ болѣе ве-
ликъ!

Понять пѣвца съ любовью друга
Въ дорогѣ жизни наставлять,
И жаръ душевнаго недуга
Холоднымъ разумомъ смягчать,
Внушить любовь къ природѣ, къ міру,
Желаньямъ пылкимъ дать законъ,
Настроить молодую лиру
На чистый, вѣрный, звучный тонъ,
Спаси его отъ заблужденій
Отъ грѣшныхъ мыслей охранить,
И пѣсни чистыхъ вдохновеній
На пользу родины внушить,
Быть покровителемъ искусства,
Советы опыта давать,
Свои возвышенныя чувства
Младому сердцу передать;
Быть выше и Зоилъ строгихъ,
И низкихъ генія лстецовъ —
Высокій жребій! данъ немногихъ
Душъ чистыхъ, доблестныхъ умовъ!

Въ потомствѣ дальнемъ имя Мецената
Вѣкъ съ именемъ поэта не умретъ!

И вмѣстѣ съ нимъ оно какъ имя брата
На судъ вѣковъ грядущихъ перейдетъ.

Тяжка для свѣта будетъ ихъ утрата,
Объ нихъ обоихъ грустно свѣтъ вздох-

нетъ,
И можетъ быть поэтовъ много было,

И многимъ покровительствовалъ онъ —
Но ихъ давно потомство позабыло,

А Меценатъ живъ въ памяти временъ!

Благодарю тебя, мой добрый покрови-
тель!

Я радостно услышалъ твой привѣтъ.
Ты первый Пушкина цѣнителъ,

Благодарю тебя, — ты самъ поэтъ!
Не чудѣ тебя, поэзии высокой

Прекрасный и таинственный языкъ;
Ты чувствомъ понималъ стихи, а мыслью

душей глубокой,
Ты музъ языкъ и даръ наукъ по-

стигъ

И думу чудную въ груди развилъ ты
Смѣло:

Даръ мыслей съ даромъ чувствъ соединить,

И двѣ враждебныя стихіи, въ цѣлой
Составъ — для славной цѣли слить!

Ты помирилъ поэзію съ наукой
Огонь съ водой, мысль съ чувства полнотой —

И твой талантъ, и умъ высокій твой,
Намъ будетъ вѣрною порукой,
Что совершишь ты подвигъ свой;
Что жаръ кипучихъ вдохновеній
Спокойной прозой уменьшишь;
И холодъ скучныхъ разсужденій
Огнемъ небеснымъ оживишь,
Что мысль согрѣта будетъ чувствомъ
А чувство мысли оживлено,
И что наука и искусство
Содьются въ неразрывное звѣно.

И такъ прими привѣтъ павца
Одушевленнаго тобою!

Мой первый шагъ ты встрѣтилъ похва-
лою,

И эта похвала дороже мнѣ вѣнца!

Такъ я твой надежды оправдаю!

Я чувствую въ груди избытокъ юныхъ
силъ,

И первый опытъ мой тебѣ я посвящаю
Увѣренность во мнѣ ты поселилъ!

Прими жъ даръ скудный въ возда-
данье

Отъ сердца полного любви,

И на высокое призванье

Поэта ты благослови!!...

По окончаніи этихъ словъ, сонмъ по-
этовъ выразилъ свой восторгъ и бла-
говоленіе уопительною пѣснью, во сла-
ву Творца и поэзіи, воспѣтою хоромъ.
Не могу вспомнить этихъ чудныхъ
словъ. Вся природа, все творило
хору. Въ это самое время Байронъ и
Гёте, снявъ вѣнецъ съ Пушкина поне-
сли его съ кургана черезъ ручей и
увѣнчали имъ юнаго поэта. И когда
они возвратились на свои мѣста, — я
увидѣлъ блистательный свѣтъ вокругъ
чела Пушкина какъ вѣнецъ. Снова ди-
кая пѣснь благодареніи Творцу, явив-
шему новую милость падшему міру,
посланиемъ юнаго поэта; снова хоръ

всей природы вторилъ пѣмъ поэтовъ.
Насталъ часъ. Пушкинъ обратился къ
юному увѣнчанному поэту,

И когда роскошной жизни
Закипѣлъ веселый пиръ
Изъ надоблачной отчизны
Отпускалъ его онъ въ міръ.
И блаженному созданью
Съ трона славы говорить:

• Не для счастья, — для страданья
• Въ міръ тебя Господь пустилъ:
• Знаю я что міръ забудетъ
• Благодать Бога и Творца,
• И твой голосъ не пробудитъ
• Въ немъ, уснувшія сердца.
• Но въ юдольныхъ обольщеньяхъ
• Ты небесъ не забывай,
• Въ горь, въ бѣдѣсти, въ мученьяхъ
• Не грусти, не унывай!
• Будь гонителемъ порока;
• Не страшись людской молвы,
• Подъ ударомъ злаго рока
• Не склоняй святой главы!
• Слава Творца на звучной лирѣ,
• Лишь небесное любя;
• Не забудь, что въ этомъ міръ
• Ты живешь не для себя;
• Что ты посланъ въ слабомъ сердцѣ
• Вѣру въ небо укрѣпить,
• Что ты волю Мiroдержца
• Долженъ міру возвѣститъ.
• Ты гремучіе поруны
• Въ злобу никакую бросай,
• Но во вѣкъ въ святыхъ струны
• Безъ нужды не ударяй.
• Знаю! — будешь, обличитель,
• Ненавидимъ ты толпой,
• И возстанетъ, какъ гонитель,
• Свѣтъ на избранныхъ судьбой,
• И начнетъ въ порока съти
• Онъ заманивать тебя:
• Противъ козней всѣхъ на свѣтъ
• Есть защитникъ — знаю я! —
• И когда въ коварномъ міръ
• Не найдешь покоя ты, —
• Мчись — и въ радужномъ эфирѣ
• Отдохни отъ суеты.
• Чтобы низкому народу
• Ты отнестить достойно могъ, —
• Вотъ, дадутъ тебѣ свободу
• Возвратиться въ нашъ чертогъ:
• Чтобы въ низкомъ зломъ усилии
• Міръ вредить тебѣ не смѣлъ, —

• Вот лазоревыя крылья
 • Поданы тебѣ въ удѣлъ.
 • Если злобный міръ забудеть
 • Чѣмъ Творцу обзанъ онъ;
 • Если гнать тебя онъ будетъ,
 • Громкой славой раздраженъ; —
 • Ты лазурными крылами
 • Вольный воздухъ разсыбай,
 • Отъ земли съ ея грѣхами
 • Устремляйся въ свѣтлый рай.
 • Помни! свѣтъ неблагодаренъ,
 • Въ людяхъ есть твои враги!
 • Міръ обманчивъ и коваренъ;
 • Даръ свой чудный береги!
 • Если жъ хитрости навѣтомъ
 • Дашь себя ты обмануть —
 • Никогда въ эиры свѣтломъ
 • Не вдохнетъ больная грудь.
 • Никогда въ сей край надзвѣздный
 • Ты не будешь прилетать;
 • Въ міръ хладномъ и желѣзномъ
 • Будешь плакать и страдать.
 • Береги жъ святые крылья!
 • Міръ карай и васталяй,
 • И, презрѣвъ людей усмѣя, —
 • Въ рай сей свѣтлый прилетай!

Сказавъ эти слова, Пушкинъ умолкъ. Все собратія его привѣтствовали одобреніемъ. Юный поэтъ слушалъ слово его преклонивъ колѣна. Послѣ нѣкотораго молчанія Пушкинъ снова обратился слова свои къ юному поэту.

— «Сынъ земли и неба! ты долженъ знать, что каждый избранный поэтъ посылаемый на землю, напутствуется подобными откровеніями и даромъ поэтическихъ крыль, способныхъ возносить его отъ мѣста изгнанія въ нашу страну родную. Но почти все увлекаются прелестями суеты и тщеславія, и безславно погибаютъ на распутьяхъ страстей. Вотъ и предместникъ твой былъ удостоенъ видѣнія нашего сонма; все это же самое онъ видѣлъ, слышалъ, подучилъ какъ ты, и — послушай!

Смогло царственное слово,
 Вкругъ раздался чудный свѣтъ,
 И горѣлъ въ восторгѣ новомъ
 Вотомъ изысканный поэтъ.
 Вотъ одвину онъ лучами,
 Грудь восторгомъ *разцѣпая*,

За могучими плечами
 Распустились два крыла,
 Ихъ заря рукой багровою
 Разцѣпила, убрала,
 Мотылекъ далъ пухъ шелковый, —
 И луна своимъ перловымъ
 Ихъ сіяньемъ облила.
 Силу Ангелы имъ дали,
 И огнями изъ очей
 Ночи — звѣзды, они блистали:
 Серафимы крылья ткали
 Изъ эиры и лучей.
 И поэтъ надъ темнымъ міромъ
 Мощно крыльями взмахнулъ,
 За сияющимъ эиромъ
 Свѣтлой точкою блеснулъ;
 Долго взорами святыми
 Обращался онъ назадъ, —
 И раздался хоръ незримый
 «Возвращайся, милый братъ!»

Веселье, радость и свѣтелъ
 Онъ носился надъ землей.
 Тотчасъ злобный міръ примѣтилъ
 Гостя съ чудною душой.
 Онъ сначала въ изумленьи
 Пѣснямъ сладостнымъ внималъ,
 И въ нѣмомъ благоговѣннѣ
 На великаго взиралъ:
 Но потомъ воздвигъ гоненье
 На небеснаго пѣвца,
 Злобъ низкой и мученью,
 Горю не было конца.
 Онъ завидовалъ высокимъ
 И божественнымъ дарамъ;
 Но поэтъ крыломъ широкимъ
 Вдругъ взмахнулъ, и къ небесамъ,
 Свѣтлыя эиры волны
 Разсыкая, полетѣлъ;
 Міръ коварный, злобы полный,
 Въ слѣдъ могучему смотрѣлъ.

Вновь вернулся небожитель
 Къ дѣтямъ міра, дѣтямъ зла;
 Вновь юдольная обитель
 Пѣснямъ царственнымъ вняла.
 И замыслилъ міръ коварный
 Исполина погубить,
 Крыльенъ свѣтлыхъ, лучезарныхъ
 Гостя чуднаго лишитъ;
 Цѣпью крѣпкою желѣзной
 Къ міру на вѣкъ приковать,
 Чтобъ не могъ онъ въ край надзвѣздный,
 Вольной птицей улетать.
 Избралъ онъ для оболъщенья
 Дѣву съ пламенной душой,

Съ пылкой жаждой наслажденья,
 Съ неземною красотой:
 Усть горячее дыханье,
 Полный нѣги, страстный взглядъ,
 Стана стройность, трепетанье,
 Вѣлой груди колыханье,
 Черныхъ кудрей ароматъ,
 Губокъ поцѣлуй ревнивый,
 Вороненыхъ грань очей,
 Страстной нѣги пылъ бурливый;
 Нѣжный свѣтъ луны стыдливой,
 Мракъ таинственныхъ ночей.
 И поэтъ отъ обольщенья
 Тайныхъ чаръ не избѣжалъ,
 Полный страсти, упоенья,
 Жадный нѣги наслажденья,
 Онъ на грудь земную палъ.
 Тщетны слабыя усилія!
 Блескъ небесъ потухъ во мглѣ,
 И лазоревыя крылья
 Опустились въ беззалии
 И когда въ грѣха пучины
 Палъ заоблачный пѣвецъ; —
 Мы уныли отъ кручины,
 Отвратилъ свой взоръ Творецъ.

И лазоревое царство
 Нашъ, развѣнчанный забылъ:
 Аести, злобѣ и коварству
 Струнь аккорды посвятилъ.
 И любовь и страсть земную
 Въ стройныхъ звукахъ воспѣвалъ,
 И порой въ страну родную
 Лишь мечтою улеталъ.
 И когда отъ козней міра,
 Отъ печали и скорбей,
 Черезъ области ээира
 Рои свѣтлыя тѣней,
 Чистой вѣрою водимы
 Возвращались назадъ,
 Раздавался хоръ незримый:
 Не вериуся ль милый братъ?.

Онъ предъясъ дѣвъ милой
 Вѣдь не видя впереди:
 Дочь земная уснула
 Сына неба на груди.
 Міра злаго Немезида
 Факель мщенья подала,
 И коварная Далида
 Крылья чудныя сожгла.
 Силы дивныя пропали,
 Блескъ съ чела его исчезъ:
 Злобно люди хототали
 Надъ изгнанникомъ небесъ.

Берегись, милый братъ! — продолжалъ Пушкинъ вставая съ мѣста; и за нимъ всѣ поднялись — чтобъ и съ тобой этого не случ

Вдругъ послышался издали неистовый крикъ, странно разносившійся въ звукомъ воздухъ.

— Пушкинъ! Пушкинъ! пусти насъ! пусти!

Слышались дикіе голоса; отдаленное мрачное облако заслоняло ихъ отъ насъ, и препятствовало видѣть, кто они?

— Кто вы такіе? — откуда? — отвѣчалъ Пушкинъ кротко — аминь, говорю вамъ, не знаю васъ!

— Пушкинъ! великій, гениальный Пушкинъ, пусти насъ! громче прежняго зывали голоса, и мрачное облако страшно колебалось какъ море волнами, — «не въ твое ли имя мы пророчествовали? не твое ли имя разнесли мы по всѣмъ четыремъ вѣтрамъ? не твоимъ ли именемъ мы разогнали всѣхъ отъ упраздненнаго послѣ тебя престола поэзіи. И вотъ мы нашли избраннаго, достойнаго и способнаго содѣйствовать всѣмъ нашимъ теоріямъ. Освяти его!

— Не знаю васъ! — отвѣчалъ Пушкинъ — отыдите отъ насъ, всѣ любящіе тревогу, брань и крикъ!

Съ этими словами гамъ и вопли за облакомъ умножились, облако быстро понеслось къ намъ. Вотъ ужъ оно близко, близко . . . и все померкло мрачностью тартара. Я совершенно потерялъ память. Долго ли это продолжалось, не знаю, только мнѣ стали мерещиться голоса и бѣготня вокругъ — послышался, будто бы, знакомый плачь моего семейства.

— Докторъ! милый докторъ! спасите его! и рыданія заглушили голосъ.

— Надо непременно кровь пустить, отвѣчалъ твердый мужской голосъ.

Открываю глаза. Вижу: я въ своемъ кабинетѣ, на диванѣ. Вокругъ меня суетятся съ бабками, стаканками, тарелками; правая рука моя туго перевязана, докторъ разжималъ лангетъ. Глаза мои

объявляете всю компату остановились на письменномъ столѣ. Я увидѣлъ разбитыя груды стиховъ присланныхъ въ редакцію.

— Ахъ, дайте мнѣ, пожалуста дайте эти стихи! зачѣмъ вы разбудили меня!... Я райски блаженствовалъ... дайте, я опять прочту, опять усну, только не будите.

— Успокойтесь — отвѣчалъ мнѣ докторъ — какіе стихи! вы въ такой опасности — вамъ надобно

— Ничего мнѣ не надобно! мнѣ надобно только читать стихи, стихи, стихи — пустите!

Я хотѣлъ было вскочить: силы мнѣ измѣнились, я не могъ пошевеливать рукой.

— Безжалостные! сказалъ я окружающимъ — позвольте мнѣ хоть продиктовать вамъ то, что я видѣлъ и слышалъ; не равно забуду. И тогда двѣлите со мной что вамъ угодно.

Сотрудники, сбѣжавшіеся на тревогу моего семейства, въ нѣсколько рукъ принялись писать. Спасибо имъ!

Только лишь это было кончено — принесли *объявленіе* о подпискѣ на послѣдняго сочиненія Пушкина. Я обрадовался; мнѣ показалось будто Пушкинъ опять явился ко мнѣ въ своей славы, и опять усладить меня своею поэтической бесѣдой.

Да; много пролито чернилъ, много испорчено *юной, двѣтаеюной, могоучей* крови изъ за Пушкина. Но это необходимо. Боже упаси идолопоклонства! Оно и въ литературѣ столько же пагубно какъ и въ быту общества.

Пушкинъ самъ по себѣ — иное дѣло!

Вліяніе Пушкина на современниковъ, вліяніе современниковъ на Пушкина, и его заслуги — особая статья!

Пушкинъ самъ по себѣ до сихъ поръ не имѣетъ соперника, не говорю въ стихахъ, да и въ прозѣ — гдѣ они, кромѣ Жуковского, который всегда былъ

и есть выше его. Пушкинъ до сихъ поръ украшеніе нашей литературы — лучше его нѣтъ.

Что же касается до *заслугъ* Пушкина, до его *вліянія* на литературу и общество, — Маякъ уже представилъ читателямъ свои положенія и доводы; ихъ оспариваютъ: прекрасно! значить вопросъ будетъ рѣшенъ.

Подъ прикрытіемъ-то этого спора я съ восторгомъ прочелъ *объявленіе* объ изданіи послѣднихъ, 9, 10 и 11 частей его сочиненій *). Ихъ появленіе оживить нашу литературу, застигнутую октябрьскою осенью мимо майской весны и лѣта, тѣмъ болѣе, что философія, опыт-

*) Издатели: *Илья Глазуновъ, Матвей Заикинъ и Ко.* — Содержание 9-й части: ститотворенія: *Мягкий осадникъ, Каменкый гость, Русалка, Голубь, мягкя стихотворенія. Памятникъ. — Разлука. — Желаніе. — Стваніе. — Не дай Богъ сойти съ ума. — Живописцу. Антологическія стихотворенія: Жалоба. — Добрый совѣтъ. — Къ *** — Подражаніе Арабскому. — Ленла. — М. А. Г. — Лицейская годовщина. — Къ Н **. — Разставаніе. — Романсъ. — Аквилонъ. — Ночью во время безсонницы. — Заклинаніе. — Капризь. — Отрывокъ. — М **. — Пажъ, или пятнадцатый годъ. — Подражаніе Данту. — Родригъ (отрывокъ). — Альбомъ Онгилла. — Альфонсъ. — Осень. — Начало поэмы. — Кромѣшникъ. — Сказка о купцѣ Кузьмѣ Остолопѣ, и работникѣ его Балдѣ. — Герой. — Послѣднія три стихотворенія Пушкина: *Лицейская годовщина, Молитва, Опять на родинѣ.* Въ этомъ же томѣ помѣстятся *Лицейскія стихотворенія*, плоды юной его музы, любопытные для всѣхъ, кто хочеть вполне изучить ходъ таланта Пушкина. Къ моей чернильницѣ. — Бова, отрывокъ изъ поэмы. — Красавицѣ, которая нюхала табакъ. — Къ молодой актрисѣ. — Князю Горчакову. — Леда, (кантата). — Осгаръ. — Эвлега. — Окно. — Разсудокъ и любовь. — Къ Наташѣ. — Наслажденіе. — Къ Машѣ. — Погребъ. — Истина. — Заснольшая псѣнд. — Стансы. — Делія. — Къ Делія. —*

ность и талант Пушкина,—справедливо сказали кто-то—*перевысились!* и только въ послѣдніе годы стали приходиться въ зрѣлость, стали принимать истинное, прямое направленіе, и конечно, отразились, въ послѣднихъ его сочиненіяхъ.

Воспоминаніе. — Сонъ. — Къ ней. — Слеза — *Элегія*. — Пирующіе друзья. — Къ Принцу Оранскому. — Усы, философская ода. — Къ молодой вдовѣ. — Къ Дельвигу. — Мое завѣщаніе. — Наѣздникъ. — Фіалъ Анакреона. — Сраженный рыцарь. — Эпиграмма. — Твой и мой. — Эпиграма. — Экспромтъ. — Къ портрету К. . . . Къ письму. — Къ дядѣ, назвавшему сочинителя братомъ. — Въ альбомъ Илличевскому. — Сновидѣніе. — Она. — Къ товарищамъ передъ выпускомъ. — Боже! Царя храни. — Къ Г***. — Мечтатель. — Къ П. — Городокъ. — Безвѣріе. — Къ Б. — Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ. — Къ Лицинію. Тутъ собрано всё, что можно было отыскать.

10-й части: *Арапъ Петра Великаго, Лъ-*

Ежели что дорого для Русскихъ—такъ это послѣднее завѣщаніе Пушкина. Нельзя достойно возблагодарить благонамѣренныхъ его издателей. Ждемъ съ нетерпѣніемъ выпуска.

тописи села Горюхина, Дубровской, Египетскія ночи, Сцены изъ рыцарскихъ временъ.

11-й части: *Шоссе, Москва, Ломоносовъ, о Цензурѣ, Русскія избѣ; Этикетъ, Дельвигъ, о Мильтонѣ и Шатобриано-вомъ переводѣ Потерянаго Рала, Лордъ Байронъ, Послѣдній изъ родственниковъ Юанны д'Аркъ, Желтая маска, Романистъ, Четыре незаконныя вѣрности, Анекдоты.* Особнаго вниманіе читателей должны обратитъ *Отрывки изъ записокъ Пушкина, гдѣ онъ дѣлаетъ свои литературныя, критическія и грамматическія замѣчанія, и является опытнымъ мастеромъ и знатокомъ замѣчательныхъ имъ предметовъ. Не менѣе любопытны и важны: Записки Бундгарда Маро о походѣ 1811 года, съ предисловіемъ и примѣчаніями Пушкина.*

С. БУРАЧЕКЪ.

МАТЕРІАЛЫ.

ВИЛЬНА,

ОТЪ ОСНОВАНІЯ ДО 1750 ГОДА.

Соч. Крашевскаго.

ВВЕДЕНІЕ.

I.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ И ФИЗИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ.

1. Вильна лежитъ между $54^{\circ}41'0''$ сѣверной широты, и между $22^{\circ}57'45''$ восточной долготы, 1) возвышаясь на 306 Парижскихъ футовъ, 1 дюймъ, 2 линіи надъ поверхностью моря.

Вильна расположена въ долину, обнесенной съ трехъ сторонъ горами, которые прежде покрыты были дремучими лѣсами. Съ запада и юга защищена горами Понары, а съ сѣвера въ нѣкоторомъ разстояніи проходятъ горы Шишкине. Вся окрестность города усѣ-

яна песчаными холмами, среди которыхъ рѣка Вильна впадаетъ въ Вилью, гдѣ положено первое основаніе Литовской столицѣ. Вильна сѣвернымъ вѣтрамъ совершенно открыта, чрезъ что въ самомъ городѣ температура замѣтна холоднѣе чѣмъ въ окружающихъ его мѣстахъ, притомъ съ сѣверной только стороны путешественникъ можетъ видѣть городъ издали; съ прочихъ же сторонъ смежныя горы совершенно заслоняютъ его, и только у заставы, городъ представляется глазамъ.

Вокругъ Вильны множество болотъ и озеръ, которые въ прежнія времена служили большимъ препятствіемъ для путешественниковъ 1). Еще въ XVII столѣтіи между Полоцкомъ и Вильною были мѣста, издревле покрытыя

1) У нѣкоторыхъ астрономовъ, Вильна полагалась подъ $49-18$ долготы и $54-52$ широты; по наблюденіямъ Почобута (Wilenski Dziennik) Виленскій Денникъ 1815. 1.2) полагалась подъ $54^{\circ}41'2''$ широты. У Меховита ed. 1521 у Вьетора въ Краковѣ с. III Vilna, ut aestimo (non enim vidi Litvianiam) 50 gra. lat. vero s. cundum experimentatores, et qui instrumentis astronomicis viderunt 57 gra.

1) Vide. Atlas. Mercatoris. Braun, Jansonius

дремучими и непроходимыми лѣсами 1).

Грунтъ земли въ окрестностяхъ песчаный, но вмѣстѣ съ тѣмъ плодородный, доказательство — необыкновенная дешевизна фруктовъ и овощей, которыми Вильна искони славится. Долины очень живописны и изобилуютъ множествомъ разнообразныхъ цвѣтовъ, между ними, по словамъ Янковскаго, есть очень рѣдкіе и красивые. Ботаники Гибертъ и Юцзиллы собирали ихъ въ большомъ количествѣ, въ особенности возлѣ Рибишекъ.

КАЧЕСТВО ЗЕМЛИ.

II) Виленскія окрестности богаты озерами (примѣчательнѣйшее изъ нихъ Троицкое, по своимъ историческимъ памятникамъ; до сихъ поръ на островѣ этого же озера находятся развалины древняго замка), земля возлѣ нихъ, 2) по большей части состоитъ изъ известковаго туфу съ примѣсью глины, которая мѣстами покрываетъ песчаную скалу. Горы, всѣ наплывныя 3).

Въ городѣ два ключевыхъ источника, одинъ у подошвы замковой горы, другой на ровномъ полѣ, первый заключаетъ въ себѣ частицы сѣры, другой желѣза. Одна часть города (мѣсто древняго замка и храма) стоитъ на болотахъ и ключахъ, а прочія на

1) Рончинскій. Tract. V. Sec. II p. 159. Inter Vilnam et Polociam numerosi lacus, in illis smarides cubitales. Idem Tr. V. S. III p. 156. Tractus inter Vilnam et Polociam non sine crebris paludibus. Herberstein. Com. Rev. Moschov. VII. S. L p. 186. Inter Vilnam et Polociam ingentes sylvae, num ad quinquaginta milliaria Germanica, excurrentes. Herberstein.

2) Civitas Trocensis, quatuor a Vilna miliaribus posita, cingitur paludibus inaccessibilibus, atque etiam intensissimo frigore, non plane constringuntur. Starov. Pol. Cell. Descriptio R. Pol. Рончинскій с. 155.

3) Яковицкій Виль. Дзенникъ 1830. III. 72.

пескахъ нмѣющихся подъ собою мѣстами глину. Слои земли близъ города и въ окрестностяхъ слѣдующія.

1) Возлѣ горъ по большой части лежитъ песчаный слой толщиной иногда въ нѣсколько десятковъ футовъ; въ мѣстахъ низменныхъ и приближенныхъ найдется камни известковой и кремнистой породы, множество прекрасныхъ окаменѣлостей; на вершинахъ горъ и въ глубокихъ долинахъ по большой части булыжникъ.

2) Подъ пескомъ полоса обыкновенной красной глины (называемой пецувскою, piécówka), она негодится для кирпича, ибо заключаетъ въ себѣ множество известковыхъ частицъ, которыя по обжогѣ кирпича соединяясь съ сыростию изъ воздуха, приходятъ въ большій объемъ и кирпичъ трескается. На воздухѣ, она твердѣетъ.

3) Подъ красною глиною слой желтой глины; это родъ желтаго рухляка, коего главное свойство, при смѣшеніи съ кислотою, производитъ кипѣніе; при томъ же она очень мягка, высохнувъ на воздухѣ превращается въ мѣлкій порошокъ. Кромѣ сихъ породъ есть множество разноцвѣтныхъ жидъ гончарной глины, она вовсе не заключаетъ въ себѣ известковыхъ частицъ, послѣ выжеги дѣлается твердою, но не такъ какъ прежняя, и хотя также всасываетъ сырость, но не лопаются — этотъ родъ глины преимущественно употребляютъ на дѣланіе кирпича, почему и называютъ ее кирпичною глянью (цегловка segłowka).

4) Въ окрестностяхъ города, въ наплывныхъ горахъ находятъ очень часто кремень, минералы и органическія ископаемыя вещества (fossilia).

Бѣлый гранитъ съ сѣрымъ фельдшпатомъ очень рѣдко попадается, но чаще всего съ краснымъ, не подалеку отъ Вильны на днѣ р. Вилія 1) найденъ

1) Яковицкій Виль. Дзен. с. 82.

камень цвѣта корицы, вещь очень рѣдкая: съ одной стороны оканчивается поверхностью сферическою, а съ другой вогнутою, длина его одинъ дюймъ, ширина полъ дюйма.

Касательно органическо-ископаемаго царства здѣсь найдены 1) слоновыя зубъ, мамонтовы кости и слѣдующія fossilia, все это въ пескахъ, на берегахъ рѣкъ Вилии и Виленки: *Ostracites*, *te-rebratulites*, *amonites* (рѣдко), *umbilicites*, *bolempites*, *orthocerolites* (часто), *echimites*, *trochites*, (часто) *epitomites*, *tubiporites*, *milleporites*, *isidites*, *fungites*, *reteporites*, *eschorites*. Къ этимъ можно прибавить и слѣдующія: *Coenides juniperinus*, *C. intertextus*, *Pocillpora approximata*, *A. favosa*, *Antophyllum cespitosum*, *A. pentagana*, *Flossularia corelligera*, *Fluxurians sancinilla organon*, *Lam-cylindripora sapuloides*, *Harmodites con-cellatus*, *H. elegans*, *H. radians*, *Favosites gothlandicus* (часто), и проч.

ТЕМПЕРАТУРА.

III) Вообще температура въ городѣ болѣе холодная нежели жаркая; ибо съ востока и юга Вильно окружена горами, напротивъ, съ сѣвера открыта въ-

трамъ и вьюгамъ, да и соседство озеръ и болотъ имѣетъ большое вліяніе на температуру. Средняя температура + 4,854 градусовъ Реомюра; по географическому положенію города, надлежало бы 7,5. Но физическое положеніе перемѣняетъ географическую температуру на 2,648 градусовъ, вѣроятно оттого что сѣверная сторона города ни чѣмъ не защищена.

Извѣстно, что возвышенность Азіи надъ поверхностью моря очень значительная, слѣдовательно дующіе оттуда вѣтры, охлаждають виленскую атмосферу лѣтомъ — а зимою приносятъ вьюги и морозы.

Весна обыкновенно начинается въ первыхъ числахъ апрѣля и погода постоянна до тѣхъ поръ, пока не начнутъ таять снѣга въ Лапоніи и Норвегіи, тогда водворяется вѣтеръ, холодъ, и весьма часто бываютъ морозы въ послѣднихъ числахъ мая.

Одинъ мѣзъ двухъ мѣсяцевъ, июль или августъ, бываетъ отъменно теплый — декабрь и январь самые холодные. Господствующіе вѣтры: югозападный приноситъ дождь или снѣгъ, восточный и юго восточный погоду. Должайщій день въ Вильнѣ 17 часовъ.

II.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЛИТОВЦЕВЪ.

IV. О первоначальномъ происхожденіи жителей страны, въ которой лежить Вильна, равно какъ и обо всѣхъ прочихъ нельзя сказать ничего рѣшительнаго. Мнѣнія историковъ весьма

1) *Id.* стр. 88.

(2) Средняя высота барометра въ Вильнѣ есть 27,8,910. годичное среднее движеніе 20557. Термометра 44°448 по наблюденіямъ Ивана Снядецаго.

различны, напримѣръ, Шлецеръ производитъ ихъ отъ Алланговъ, прочіе отъ другихъ народовъ, какъ то отъ Неуровъ, Вендовъ смѣшанныхъ съ Эстами; отъ Герулловъ, Италловъ; а въ одной старинной рукописи найдено, что будто около Вильны находились Троглодиты 1). Слѣдовательно отъ какихъ

(1) Рукописи Зелизовъ смот. Визерунки (Wizerunki) No IX о Троглодитахъ, гдѣ

народовъ происходятъ Литовцы, пришлецы ли они или коренные жители? эти вопросы исторіи не скоро еще разрѣшить.

Оставимъ разборы и выводы о происхожденіи Литовцевъ, неоснованные ни на какихъ справедливыхъ историческихъ фактахъ, скажемъ только, что одинъ языкъ отличаетъ ихъ отъ Русскихъ обитавшихъ вблизи Вильны; въ окрестностяхъ же самаго города, языки этихъ двухъ народовъ весьма сходны между собою, вѣроятно потому, что Вильно прилегалъ къ землѣ Русской по причинѣ частыхъ сношеній съ древнею столицею, приняла многое изъ языка сосѣдей, и этимъ смѣшаннымъ замѣнилось первоначальный Литовскій — но мы не имѣемъ на то ни какихъ доказательствъ.

ЯЗЫКЪ.

V. Что касается собственно до Литовскаго языка, то одни утверждаютъ, что это отрасль языка Геруловъ 1), другіе считаютъ его отраслью Славянскаго смѣшаннаго съ Финскимъ 2).

Геродотъ говоритъ, что они обитали у береговъ Аравійскаго залива; въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія показываетъ ихъ обиталище въ Африкѣ. Геродотъ первый писалъ объ нихъ; по его словамъ это были люди обитавшіе въ пещерахъ, питавшіеся змѣями и лицирицами, слѣды существованія этого народа будтобы находятся у насъ въ Крыму, куда они прибыли изъ Египта. Древніе обыкновенно узнаютъ то мѣсто гдѣ они обитали по пещерамъ. Странное преданіе Зелізювъ ни чѣмъ не можетъ подтвердить. Гораздо правдоподобнѣе, что *troulo-dna*. отъ *trouly* caverna и слова *drw* induo есть общее названіе дикихъ людей, но не собственное имя какого либо народа.

1) Между прочими, Pinckerton. Recherches sur l'origine et les divers établissemens des Scythes ou Goths, servant d'introduction à l'histoire ancienne et moderne de l'Europe p. 1. Pinckertou, trad. de l'Angl. Paris. au XII. p. 27.

2) Tooke. Vue de Russie. T. 1 p. 455.

Но все эти догадки основаны болѣе частью на наблюденіяхъ извлеченныхъ изъ сходства словъ, которое весьма можетъ быть ошибочно. Между тѣмъ все ученые болѣе всего обращаютъ вниманіе на это, иногда ничего незначащее матеріальное сходство, часто перемѣнчивое и непостоянное, въ особенностяхъ въ языкѣ, который необработанъ не только для письма, но даже и для разговора: гораздо лучше было бы вникнуть прежде въ составъ языка, потомъ уже судить о его свойствахъ.

Нарвчія Литовскаго языка суть слѣдующія 1).

1) Польско-Литовскій у Ребиновъ (жителей города Рѣжицы въ Витебской губерніи). 2)

2) Финляндскій или Финско-Литовскій.

3) Курляндскій на границѣ Литвы съ Курляндіею.

4) Суицкій, смѣсь Русскаго, Польскаго и Литовскаго.

5) Нарвчіе острова Руно.

Впрочемъ какихъ бы небылъ свойствъ этотъ языкъ въ настоящее время; но удивительно, что въ XII столѣтіи, если вѣрить словамъ Сноръ-сона (Snorr-son), путешественника съ острова Исландіи, Литовскій языкъ былъ такъ близокъ къ его отечественному, что съ жителями Трокъ, Вильны, Мендзиржеча онъ могъ очень свободно объясняться безъ помощи переводчика. 3)

ЛИТОВСКІЯ РУНЫ.

VI. Большая часть ученыхъ согласны въ мнѣніи, что Литовскія руны очень сходны съ рунами Славянъ и другихъ сѣверныхъ народовъ. Нѣкоторые утверждаютъ, что южная Европа заимствовала руны отъ сѣверныхъ на

1) Keppen (Dzien. Wil. 1828. N. 1. p. 3) Stender, Adelong.

2) Keppen l. c.

3) Snorr-sonn у Чацкаго о правахъ I. 9

родовъ, въ особенности отъ нѣмецкаго покладня (Nordmoepner), Датчанъ и Шведовъ; но въ послѣдствіи времени, когда сдѣлаво открытіе рунъ въ Татарин, Россіи и южной Паноніи, то мы явно убѣждаемся въ томъ, что онѣ были перенесены съ юга на сѣверъ, а не съ сѣвера на югъ.

Главный источникъ рунъ, Азія, отсюда они перешли въ Европу и прежде всего явилась у Гетрусовъ, Панонскихъ и Оботритскихъ Славянъ. Отъ Славянъ заимствовали ихъ Датчане, которые были съ ними въ тѣсныхъ связяхъ по торговлѣ и проч. Названіе рунъ весьма многіе производятъ отъ слова ринуть (рвать). (Но это слышкомъ натаанутое словопроизводство.)

Въ южной Штириіи найдено множество шлемовъ съ руническими надписями, которыя очень легко читаются на славянскомъ языкѣ, они писаны отъ правой руки къ лѣвой, что именно обнаруживаетъ ихъ азіатское происхожденіе. Они служатъ тоже памятникомъ славянской письменности до введенія христіанской религіи. Слѣдовательно изъ этого видно что не Иеронимъ, Кириллъ и Меѳодій первые принесли къ намъ письменность, она уже существовала до ихъ прибытія.

Что же касается до Литвы, то и она имѣла свои руны; еслибъ даже не отыскали слѣдовъ ихъ существованія, то доказательствомъ послужили бы надписи, которыя очень часто попадаются на берегахъ Одера: они писаны на языкѣ сродственномъ Литовскому. 1).

1) Богушъ. Памятникъ товарищества Варшавскаго пржіяцель наукъ т. VI (Pamiętnik Towarzystwa Warszawskiego Przyjaciół nauk. t. VI.)

Находимъ новый и удивительный выводъ названія Литовцовъ въ Orbis. Gothici lib. II etc. per. Math. Praetorium. Momebensem Praep. Waiber etc. A. 1689. Tur. Mon. Olitensis. f. 16. Lieta quod fuscum roctum et proserum significat, hinc Lietaive afficina est Jusoria.

Употребленіе этого рода письменности было очень рѣдко, потому что по составу оно очень ограничено.

ХРОНИКОНЪ.

1128—1300.

Кому именно принадлежала Литва до XIII столѣтія, въ томъ разногласны всѣ лѣтописцы. Стрійковскій, Каяловичъ и другіе утверждаютъ, будто здѣсь находились князья изъ дому Палемана, пришедшіе изъ Италіи между тѣмъ какъ Русскія лѣтописи даютъ совершенно другое начало Литовскимъ князьямъ. 1).

Въ 6637 году 2) (т. е. въ 1129) Великій князь Мстиславъ сынъ Владиміра Мономаха велъ войну съ князьями Полоцкими Рогволодовичами, и наконецъ овладѣлъ Полоцкомъ 3); Рогволодавичи принуждены были бѣжать въ Константинополь. Литва въ это время платила дань князьямъ Полоцкимъ, а управлялась своими Гетманами 4); Литовскіе же города подчинялись частью князьямъ Кіевскимъ, частью Черниговскимъ и частью князьямъ Смоленскимъ и Полоцкимъ.

Городъ Вильна (о которомъ лѣтописцы едва въ первый разъ упоминаютъ, во второй половинѣ XIII столѣтія), опасаясь великаго князя Мстислава Владиміровича, платилъ дань королю Венгерскому. Наконецъ жители Вильны пригласили къ себѣ изъ Константинополя сыновей князя Ростислава

1) Cod. Patriarch, et Nicen Voskrescu. Алатыр, родословная книга, титуло начало государей Литовскихъ apud Schlaetzer. Geschichte von Littauen, Kurland und Liefland. 6047 Halle p. 88.

2) Родословная. 6047 вмѣсто 6647.

3) Полтескъ, родословная Полотескъ.

4) Родосл. Гетманы—Гедманъ, можетъ быть отъ сюда произошло названіе Гедманъ, Гадманъ, Гедманъ.

ва Рогволодича, Давиля и его брата Мавколда.

И такъ, полагають, что Давиль старшій братъ Мовколда, былъ первымъ Виленскимъ княземъ. Онъ имѣлъ двоихъ сыновей, Вида называемаго Волкомъ, и Ердена. Братъ Ердена принималъ христіанскую вѣру, и былъ сдѣланъ Тверскимъ княземъ, имя же его послѣ крещенія было Андрей. Онъ много писалъ противъ чудотворца Петра.

Князь Мавколда имѣлъ сына Миндавга, который также имѣлъ двухъ сыновей: Вышлега и Доманта. Первый принялъ христіанскую вѣру, удалился на гору Синайскую, и дни свои посвятилъ монашеской жизни, такимъ образомъ онъ жилъ три года, наконецъ возвратился во владѣнія своего отца Миндавга и основалъ монастырь. Ни просьбы ни угрозы родителя не въ силахъ были принудить его отказаться отъ принятой имъ христіанской вѣры.

Въ 6775 году (1265) возгорѣлась междоусобная война между Литовцами, въ которой, по заговору составленному княземъ Ерденомъ, Мовколдъ сынъ Миндавга былъ убитъ. Тогда Вышлегъ оставилъ монастырь съ клятвою по истеченіи трехъ лѣтъ опять поселиться въ немъ — собираетъ войско, приглашаетъ друзей, и съ помощію Божіею отправляется для наказанія убійцы отца, поражаетъ Литовцевъ и овладеваетъ ихъ землею.

Другой сынъ Миндавга, младшій братъ Вышлега, Домонтъ, въ следующемъ году (1266) отправился въ Псковъ, принялъ христіанскую вѣру и имя Тимофея.

Послѣ смерти перваго великаго князя Миндавга, былъ возведенъ на Литовскій престолъ сынъ Давиля Видъ (II), называемый Волкомъ. Онъ во время своего княжества присоединилъ значную часть Древлянскій земли. Послѣ него на В. княжескомъ престолѣ былъ сынъ Вида, Прайдень (III), который

покорилъ Лтвяговъ (Ядзвинговъ). За нимъ слѣдовалъ сынъ его Витень (IV), распространившій предѣлы своего владѣнія до рѣки Буга. У Витена былъ сынъ Гедыминъ (V), который послѣ смерти отца наслѣдовалъ В. княжескій Литовскій престолъ,

Гедыминъ имѣлъ сыновей: 1 Монвида, который не имѣлъ потомства, 2 Норимонтъ 1) княжилъ послѣ смерти отца, велъ войну съ Татарами весьма неудачно, и былъ взятъ въ плѣнъ. В. князь Иванъ Даниловичъ находясь тогда въ Ордѣ, выкупилъ и возвратилъ въ княжество; замѣчательно еще то, что Норимонтъ на своемъ пути принялъ христіанскую вѣру и былъ наименованъ Глебомъ. Братья и Литва не приняли его къ себѣ и на мѣсто его, возвели на В. княжескій престолъ Ольгерда. Между тѣмъ Новгородцы призвали къ себѣ Норимонта и сдѣлали его своимъ княземъ, который управлялъ всеми городами подвластными этой столицѣ; 3. сынъ Гедымина былъ Евнутій; 4 Ольгердъ; 5. Кейстутій; 6 Карибутъ; 7 Любортъ.

Окончательную генеалогію Литовскихъ князей, менѣе до насъ касающуюся оставляемъ, скажемъ только, что, описанное нами гораздо вѣрнѣе показываетъ весь первый родъ князей Литовскихъ и вмѣстѣ Виленскихъ и болѣе имѣетъ правдоподобія, нежели Палеманъ съ 500 сподвижниковъ пришедшій изъ Италіи въ Литву; и къ несчастію всѣ лѣтописцы слѣпо ему придерживаются — и чтобы лучше убѣдить въ истинѣ, основываютъ доказательства свои на названіи горы, носящей его имя (Палемона Калнасъ) Палемонова гора, которая находится въ Сомогитіи. Но можно утвердительно

1) Родослов. Наримонтъ. Отъ него происходятъ князья Рожинскіе, Каревскіе, Вулгаки, Хованскіе, Куракины и Галачины, и по словамъ Наримонтова Саятца тоже,

сказать что никогда Италы не владѣли Литвою.

Въ самомъ дѣлѣ, весьма неосновательныя и почти ничтожныя признаки подерживаютъ доказательства существованія ихъ въ этой странѣ; въ языкъ и нравахъ этого незамѣтно. Если же и есть какое сходство въ религиозныхъ обрядахъ древнихъ Римлянъ и Литовцевъ, то это очень легко объясняется общими понятіями свойственными вообще всемъ народамъ; это мы встрѣчаемъ не только у ихъ однихъ, но даже у людей на противоположныхъ точкахъ земнаго шара, совершенно не имѣющихъ никакихъ сношеній между собою, незнающихъ о существованіи другъ друга. Торговля Литовцевъ и сношеніе ихъ съ прочими сосѣдственными народами, всѣхъ убѣждаютъ въ истинѣ нашихъ доказательствъ. Въ наше же время Палемонъ и Публій Либо, отправившись съ Лехомъ, Чехомъ и Отивомъ туда, откуда уже вѣрно въ исторію не возвратятся.

У нѣкоторыхъ историковъ выводъ князей Литовскихъ гораздо вѣрнѣе, онъ начинается отъ Лигувера, около 1291 года, отъ него происходитъ Витенесъ около 1315, послѣ является княземъ сынъ его Гвозелюта, Войнъ князь Полоцкій 1526 и наконецъ Гедыминъ.

Нѣкоторые историки совершенно не обращаютъ вниманія на Полемона, Борка, Сперу, Кунаста, Керна, Гимбута, Зивибунда, Монгъвила, Кutowойта, Мингайлу, Утена и Тройната. — Шлёцеръ начинаетъ прямо отъ Рынгольда 1250, котораго сынъ Мендогъ убить племянникомъ Тройнота; послѣ является Вольстиникъ сынъ Мендога (схимникъ) и наконецъ сынъ Утенеса Свинторогъ.

По преданіямъ русскихъ лѣтописей, видимъ что Вильна существовала уже около 1129, правилъ же ею князь Давиль; это показываетъ что она имѣла нѣкотораго рода понятіе о государственномъ устройствѣ и ясно обнаруживаетъ, что была довольно сильна, когда

нуждалась въ правителѣ и въ законахъ, между тѣмъ какъ прежде платила дань Венгерцамъ. Этотъ одинъ только фактъ подтверждаетъ существованіе Вильны въ 1129; другихъ источниковъ никакихъ нѣтъ, развѣ еще слова Исландца Сноръ-Сона путешествовавшего въ то время, (XII вѣкъ) по Европѣ; онъ пишетъ; что съ жителями Трикъ и Вельни могъ объясняться на своемъ языкѣ. По мнѣнію ученаго Чацкаго, это суть Троки и Вильна 1)

Въ Польскихъ лѣтописяхъ, объ Вильнѣ едва упоминается во второй половинѣ XIII вѣка т. е. въ 1272 или 1270 годахъ.

Въ странѣ лѣсистой при стеченіи двухъ рѣкъ, въ долинѣ обнесенной горами, Свинторогъ основываетъ храмъ Перуна на томъ мѣстѣ, которое въ послѣдствіи времени избралъ для себя и для всей своей родни могилою. Умирая онъ вручаетъ правленіе своему сыну Гермунду, вмѣстѣ съ тѣмъ и храмъ начатый при его жизни предоставляетъ кончить ему. То мѣсто на которомъ онъ былъ сооруженъ, получило названіе Свентарога или какъ лѣтописцы переводятъ, святой долины.

На этомъ же мѣстѣ со всеми обрядами, свойственными тогдашнему времени и обычаю, совершенно было по-

1) Есть еще другія преданія объ основаніи Вильны— Въ то время когда Римляне завладѣли Азією, жители тѣхъ побѣжденныхъ странъ двинулись тремя огромными массами въ Европу: одни поселились на берегахъ Дунаю и основали Кіевъ, другіе на Волгѣ, гдѣ основали Ярославль, ихъ прозвали Роксоланами, и третьи надъ рѣкою Вильною, основали Вильну (Auguriusz Metafrast. Igdvzej Snski, и наконецъ Niesiecki T. I. B. 384) у Длугоша сказано—*Abi primam oppidam Vilno, quod et in hunc diem caput gentis est, ex nomine Vite Ducis (вѣрно это сказано на Давилл) ingressi fuerant, condidere. Hist. Pol. L. X, p. 116.*

гребеніе Свинторога. Тѣло его сожжено на костръ вмѣстѣ съ его любимую слугою, лошадью, сворою собакъ и соколомъ. На костерь бросали медвѣжи и рысьи когти; они полагали, что душа послѣ смерти принуждена будетъ карапкаться на высокую гору. Наконецъ собравъ его прахъ въ одно мѣсто, похоронили при стеченіи рѣкъ.

Здѣсь кажется было бы очень кстати напомнить, но не больше какъ только напомнить, о вѣрѣ древнихъ Литовцевъ, которая была языческая съ примѣсю фетишизма, которая такъ глубоко было вкоренилась, что даже въ XVI столѣтіи въ весьма многихъ мѣстахъ Литвы слѣды ея существовали. Литовцы и Прусакіи очень близки были по вѣроисповѣданію между собою; замѣчательно что оба эти народа поклонялись лѣсамъ, ручьямъ, огню, змѣямъ, грому и другимъ вещамъ, которые почитались у нихъ второклассными божествами; они имѣли также понятіе свойственное всѣмъ языческимъ народамъ о какой то безсмертной будущности. Но весьма ошибаются тѣ, которые полагаютъ будтобы Римляне имѣли большее вліяніе на Литовскую вѣру. Всѣ вообще языческія вѣры имѣютъ большее или меньшее сходство между собою, тѣмъ болѣе что у всѣхъ языческихъ народовъ существуютъ два первые элемента т. е. начало добра и зла, а потому у нихъ было божество правящее міромъ, божество вѣтровъ, ненастія а проч. Но ни ихъ подраздѣленіе, ни ихъ обряды не могутъ намъ ясно показать хода и постепеннаго образованія этой вѣры, отношеніе низшихъ божествъ къ высшимъ и ихъ подраздѣленіе мы находимъ тоже и у другихъ народовъ отъ которыхъ впрочемъ Литовцы не могли ни коимъ образомъ заимствовать. Сравнить идолопоклонническія вѣры между собою, вещь очень занимательная; но столько

же полезна, сколько и старинные комментарии. Подробнѣйшее изслѣдованіе вѣры языческихъ Литовцевъ находится у Стрѣйковского, Гвагнава и удругихъ лѣтописцевъ.

Въ Вильнѣ въ храмѣ Перуна поклонялись неугасаемому огню называемому Зничемъ, который берегли жрецы. На Антоколіи существовалъ другой храмъ, это былъ родъ пантеона, гдѣ поклонялись всѣмъ божествамъ. Но достойно сожалѣнія, что летописи ничего намъ не сообщаютъ о времени основанія и уничтоженія его; въ церковномъ преданіи мы находимъ, будто бы на этомъ самомъ мѣстѣ въ XIV вѣкѣ во время господства язычества, былъ уже основанъ костель. Но такое преданіе весьма сомнительно, притомъ не имѣемъ никакихъ доказательствъ подтверждающихъ это мнѣніе, да и невозможно чтобы язычники позволили созидать христіанскій храмъ на томъ мѣстѣ, гдѣ некогда находилось ихъ капище.

Въ непродолжительное время, Вильна сдѣлалась фокусомъ Литовскаго духовенства, которое усерднѣйшимъ образомъ стремилось туда, чтобы искоренить язычество со всѣми предразсудками, а на мѣсто его водворить христіанство, и это удалось имъ съ большимъ успѣхомъ, впрочемъ не вездѣ. По словамъ Петра Дуодо, язычество еще замѣтно было и въ XVI столѣтіи, даже и до сихъ поръ въ простонародіи оно не со всѣмъ истреблено и нѣкоторые обряды существуютъ.

Въ Польскихъ лѣтописяхъ Вильно является въ 1270, но еще безъ всякаго названія; согласить это преданіе съ русскими лѣтописями, нельзя иначе, какъ развѣ положить что въ XII вѣкѣ городъ былъ въ упадкѣ и является опять въ 1270 году небольшимъ селеніемъ въ которомъ уже находится храмъ Перуна и княжеское кладбище у подошвы горы.

III.

ДОСТОВѢРНЫЯ ДѢЯНІЯ.

Начало города—Гедыминъ—Отъѣздъ къ Ганзейскимъ городамъ—Костелы Францискашцевъ—Нашествіе крестоносцевъ—Папскіе посланники—Смерть Гедымина.

1300 — 1350.

Въ которомъ именно году Гедыминъ основалъ въ Вильнѣ замки, нельзя съ точностію опредѣлить, потому что всякой изъ летописцевъ полагаетъ свой особый годъ основанію Вильны; начиная съ 1318 по 1323 продолжается это перемѣщеніе.

Если мы должны вѣрить нѣмецкой летописи 1), то въ ней сказано, что въ 1306 году въ Вильнѣ была уже гостиница для русскихъ купцовъ, и въ этомъ же году произошла драка между ними и туземцами города, за религиозный споръ; изъ этого можно заключить, что городъ былъ основанъ въ концѣ XIII или въ началѣ XIV столѣтія.

Кромѣ того, въ этой же самой летописи сказано, что въ 1315 году въ Вильнѣ были построены двѣ гостиницы и одинъ домъ для Богослуженія, между тѣмъ за 200 лѣтъ послѣ, князь Александръ далъ грамоту, которою позволялось строить гостиницы, о прежнихъ же упомянутыхъ въ Нѣмецкой летописи, здѣсь ничего не говорится, слѣдовательно можно полагать, что онѣ вообще не существовали до княженія Александра.

1) Варбургъ. (Tygodnik Wilen. 1817 г.)

Объ основаніи города, равно какъ объ основаніи Гедыминовыхъ замковъ, русскія летописи ничего не говорятъ. Времляникъ Софійскій въ первый разъ упоминаетъ объ Вильнѣ въ 1345 году.

Дусбургъ въ своей летописи въ 1317 1) году говоритъ о сожженіи Гедыминоваго предмѣстія, которое повидимому должно быть Виленскимъ, но и тутъ мы встречаемъ опять несообразность; замки какъ намъ извѣстно были основаны въ 1318 году, а пожаръ случился годомъ раньше т. е. въ 1317. Вотъ слова летописца, которыми онъ описываетъ нашествіе крестоносцевъ:

«Въ томъ же году, лѣтомъ, около «праздника рождества Іоанна Крестителя, тотъ же Маршалъ (Генрихъ) съ братьями и людьми Самбійскими, прибыль къ предѣламъ земля Погранда, раздѣлиль свое войско на четыре отряда. Другая часть войска т. е. братья «Фридерихъ Либенцене, комендаторъ «Рагнеты, со столятидесятью людьми,

1) Chro. Dusbnzgi P. III. Cap. CCCXXV. a. MCCCXVII p 387.

«Eodem anno in aestate circa festum Nativitatis B. Joannis Baptistae idem Marschalcus (Henricus) cum fratribus et viris de Jambia dum venisset circa territorium Pograndam divisit exercitum suum, in IV Turmas—Secunda pars exercitus, sc. xr. Fridericus de Libencele Commendator de Raganita cum Cl viris debebat latenter subintrare castrum Gedimini, et expugnare, sed nescio quo casu castrenses praemuniti, castrum defenderunt, suburbio penitus a fratribus concremato etc.

«нимъль намъреніе ворваться въ замокъ Гедымина и схватить его самага; но «незнаю какимъ образомъ жители про- «вѣдали, спасли замокъ, но предметіе «было сожжено братіями.»

Въ такомъ же родѣ мы находимъ опи- сание другаго происшествія случившагося въ 1324 1), которое должно быть нечто иное какъ повтореніе перваго, бывшаго въ 1317 году. Гарткнохъ тоже этого мнѣнія 2) потому что Стрійковскій, Коляловичъ и Шутцъ не упомянули объ мѣстѣ гдѣ это произошло. Между тѣмъ Дусбургъ и его продолжитель, вездѣ, гдѣ только говоритъ про Вильно, не иначе его называетъ, какъ *Castrum Gedimini* 3).

И такъ должно полагать, что Вильно было основано въ началѣ XIV столѣтія, если будемъ придерживатися нѣмецкихъ лѣтописцевъ и Дусбурга, по словамъ котораго, какъ мы уже видели, замки существовали еще въ 1317 году.

Вотъ какое преданіе существуетъ въ лѣтописяхъ, объ основаніи Виленскихъ замковъ.

Гедыминъ великій князь Литовскій, сынъ Витенеса и внукъ Лютувера, братъ Глазмоты и Война князя Голоцкаго, былъ хитрый, отважный, храбрый и умный. Счастливъ въ наѣздахъ, изъ коихъ почти всегда возвращался побѣдителемъ и обремененный добычами. Столицею его прежде былъ Кервовъ, послѣ же Троки. Все занятіе того времени были война и цѣлздневничество; охоты же были въ маломъ видѣ занятія ихъ, гдѣ они также должны были дѣлать нападеніе и защищаться. Подобнымъ

образомъ какъ нѣкогда баснословный Свинторогъ, теперь же Гедыминъ отправился на охоту къ св. долинь, которая окружена лѣсами наполненными дикими звѣрей—на горѣ возлѣ могилы Свинторога убилъ собственною рукою тура 1).

Обрадованный этимъ онъ велѣлъ въ память отпилить рога 2), и послѣ прилежъ, ~~вѣдно~~ отдохнуть на этой самой горѣ и уснулъ—во снѣ ему представился волкъ въ желѣзной кольчугѣ, внутри котораго было сто волковъ, и всѣ они были, но такъ пронзительно, что отголосъ раздавался по всей окрестности.

Тогда онъ проснувшись обратился къ жрецу Крывы-Кривейте Лездейко, для истолкованія его сновидѣнія. По словамъ жреца вытѣ волковъ въ волкѣ покрытомъ желѣзною кольчугою, означало укрѣпленный городъ, котораго слава всѣмъ будетъ известна и что этотъ городъ долженъ быть непременно основанъ здѣсь между горами при стеченіи двухъ рѣкъ. Гедыминъ безъ сновидѣнія и его толкованія могъ весьма легко это сдѣлать—все здѣсь поражало взоры, самое мѣстоположеніе, окруженное горами, защищающими его отъ враговъ—стеченіе двухъ рѣкъ единственная дорога для торговли—можетъ быть въ память могилы своихъ предковъ или въ память удачной охоты; даже и сонъ и толкованіе его также заслуживаютъ правдоподобія. Причиною основанія здѣсь города могло быть также храмъ Свинторога, котораго Лездейко былъ жрецомъ—онъ вѣрно желалъ

1) P. III. cap. CCCLIV. tit. de combustione suburbii castro Gedimini 1324.

2) Animadversiones.

3) Названіе города одни производятъ отъ рѣкъ, (хотя онъ прежде иначе назывался) прочіе, въ числѣ ихъ Длугошъ, утверждаютъ, что отъ князя имѣвшаго то имя. Крантцъ называетъ Велле (Ville) Своръ Сонъ, Вельни (Velni), Нѣмцы же вообще Вильда (Vilda).

1) Гору эту послѣ называли замковою, нѣкоторые же Туріею, а другіе Mons Swintoroaha.

2) Рога эти обдѣланные въ золото долгое время находились въ королевскомъ хранилищѣ въ Вильнѣ. Витодъ пивалъ изъ нихъ на большихъ пирахъ и праздникахъ, а въ 1429 подарилъ одинъ изъ нихъ королю Венгерскому Сигизмунду во время сѣзда въ Луцкѣ.

придать ему болѣе блеска и величія, почему старался чтобы положено было основаніе городу.

Въ слѣдствіе этого толкованія 1) волхва, Гедыминъ прежде всего основалъ на Туріей горѣ каменный замокъ у подошвы ея былъ построенъ другой замокъ деревянный, обнесенъ оградой и башнями; городъ строился внѣ этихъ оградъ, вокругъ замковъ и долины.

Въ 1522 году, Гедыминъ съ боярами, перенесъ мѣсто своего пребыванія изъ Трокъ въ Вильну.

Въ 1543 году, чтобы увеличить народонаселеніе, завести торговлю и ремесла, Гедыминъ сдѣлалъ воззваніе къ городамъ: Любеку, Ростоку, Стральзунду, Гринсвальду, Штегнгу и Готландію, откуда онъ созывалъ во вновь основанный городъ и страну Литву, купцовъ, ремесленниковъ, поселянъ и солдатъ. Купцамъ обещался дать полную свободу въ торговлѣ, освободить ихъ отъ пошлинъ; ремесленникамъ же, какъ то, кузнецамъ, сапожникамъ, столярамъ, каменщикамъ, мастерамъ золотыхъ дѣлъ и другимъ, обещалъ полную свободу възда и вызда. Тѣмъ же которые пожелали бѣ заняться земледѣліемъ, освобождались на десять лѣтъ отъ всякихъ повинностей и податей — ручаясь за личную ихъ безопасность и неприкосновенность имущества и вмѣстѣ съ тѣмъ ввелъ у себя Рижское гражданское право.

Въ началѣ этого воззванія или грамоты, мы видимъ, что и предки Гедымина, также давали полную свободу

1) Гржибовскій. Амт. Литв. 1778 с. 8, тамъ сказано, что Гедыминъ въ 1382 со всѣми языческими обрядами, назначилъ мѣсто, гдѣ долженъ былъ воздвигнуться замокъ—онъ занялъ ту гору, на которой убили тура, и у подошвы ея равнину Свинторога. Нижний замокъ занималъ все мѣсто начиная отъ моста, и монастыря до (к. Рижскаго до сѣверныхъ рѣкъ.

купцамъ Любекскимъ и другихъ городовъ, которые между прочимъ не оказали за то ни малѣйшей благодарности (1). Гедыминъ, дабы болѣе ободрить иностранцевъ, объявилъ, что католическая вѣра терпима въ его землѣ, и для лучшаго убѣжденія, основалъ два костела (Францисканскихъ) въ Вильнѣ и Новогрудкѣ, и одинъ для Доминиканцевъ.

И такъ, мы видимъ, что не пріемники его, но самъ Гедыминъ былъ первымъ основателемъ Францисканцевъ въ Литвѣ, а въ послѣдствіи времени можетъ быть изгнанныхъ, вторично призвали его насльдники (2).

Въ этой привилегіи какъ въ зеркалѣ отражается тогдашній бытъ и состояніе княжества покрытое тьмою невѣжества. Гедыминъ видя какъ далеко отстало его государство отъ прочихъ

(1). Nullus vestrorum veniens, ut canis ex parte eorum referens gratis de perceptis. Карамзинъ нашелъ эту привилегію въ архивѣ Кенигсбургской библиотеки т. IV. С. 191.

(2). Вотъ отрывокъ изъ грамоты, данной Гедыминомъ. Ex regali dono damus jam in praesenti carta nostram terram liberam esse sine theloneo et exactione angariarum et perangariarum, omnibus mercatoribus, militibus, vassalis, quos dotabo redditibus unicuique suam secundum dignitatem, fabris, sutoribus, carpentariis, in arte salis peritis, pistoriibus, argentariis, helistariis, piseatoribus, cuiusque conditionis, veniant cum liberis, uxoribus et jumentis, intreant et exeant secundum placitam. Agricolis nostrum regnum intrandi commorandique valentibus, damus et concedimus ad decem annos colere libere absque censu, et medio tempore, ab omni opere regio sint exempti, termino praedicto expirato, etiam secundum terrarum fertilitatem, dabunt decimam proot in aliis regnis vel propriis dare consueverunt, ita tamen quod nobiscum plus exuberabit granum, quam in aliis regnis est. consuetum. Jure Civile utantur Rigenais Civitatis et omnibus privilegiis. Ut igitur securiores vos reddamus duas ecclesias dicta, et aliis in Novgardis. habemus erectas, et tertiam fratrum Praedicatorum etc.

державъ рѣшился помощію иностранцевъ вывести свой народъ изъ мрака. По преданіямъ летописцевъ, Литва до принятія христіанства, представляетъ страну варварскую и полудикую; вотъ слова одного изъ нихъ (1).

«Этотъ народъ, говоритъ летописецъ, находится подъ правленіемъ своего в. князя, котораго не королемъ, не вождемъ, но в. княземъ называютъ. Безъ сомнѣнія, по обширности и плодородію своей земли, онъ можетъ называться в. княземъ, а по народонаселенію и богатству, онъ не ниже стоитъ царя русскаго и короля польскаго. Имѣетъ онъ города въ своемъ обширномъ государствѣ; но не въ большемъ количествѣ и тѣ своимъ просвѣщеніемъ одолжены Нѣмцамъ. Обитаютъ въ нихъ Саксонцы, Вестфальцы и Пруссаки; Литовцевъ также не мало. Купцы здѣсь мѣняютъ свои богатые товары, на огромное количество здѣшнихъ произведеній т. е. мѣха и воскъ. Важнѣйшіе города суть Вильна и Коново; но они еще не могутъ равняться ни съ нѣмецкими городами, ни съ другими просвѣщенныхъ странъ.»

Въ такомъ именно состояніи находилась та Литва, которую Гедыминъ освѣтилъ лучемъ образованности и про-

(1). *Wandalia Alb. Krantz. Coloniae impressa MDXVIII (1519) folio lib. VI. Cap. VIII (gi) Sed ab Letvanos redeundum. Ea gens patet magno suo principi, quem non regem, non ducem vocat, sed hoc solo dignatur nomine, ut magnum principem vocitet. Revera si gentis molem metiaris et latitudinem ditionis, magnus est princeps, nulla in re viribus aut opibus, minor vel Russorum Imperatore, vel Polonorum Rege. Aliquot urbes paucas tamen in magna provincia tenet. Quidquid ibi civitatis est a Teutonibus est; habitant Saxones, Westphali et ex Prussia Livoniaque. Teutones non pauci. Commeant mercatores, praeciosis utique mercibus in commutationem adductis pellibus, atque cera magno pondere, atque numera. Vila itaque Cauna arbiurum primarum non mira sunt. Sed nihil ad urbes Teutoniae, aut caeterarum provinciarum civilium etc.*

свѣщенія, ввелъ вѣротерпимость и основалъ католическіе костелы: призваніемъ образованныхъ иностранцевъ, онъ надѣялся низвергнуть дикіе нравы своихъ подданныхъ, а на ихъ развалинахъ водворить просвѣщеніе, торговлю, промышленность и земледѣіе. Эта мысль Гедымина обнаруживаетъ его гениальность, кажется что какъ къ лучшей цѣли стремился онъ къ тому, чтобы, введеніемъ католицизма, привлечь какъ можно больше иностранцевъ, а съ ними вмѣстѣ ремесла и торговлю. Но еслибъ этотъ приливъ Нѣмцевъ совершился, тогда государство выиграло бы много въ отношеніи богатства; но за то Литовская народность исчезла бы на всегда не оставивъ ни малѣйшихъ слѣдовъ своего существованія. Но Гедыминъ не могъ этого понимать и предвидѣть, онъ желалъ войти въ связь съ христіанскими землями единственно потому, чтобы у нихъ съ просвѣщеніемъ занять часть народонаселенія и присоединить къ полудикой Литвѣ. Въ этомъ же году 1322 онъ написалъ письмо къ Папѣ Іоанну XXII гдѣ говоритъ: «хотя и веду войну съ христіанами, но это не съ цѣлью «преслѣдовать ихъ вѣру; напротивъ, я «защищаю свою землю, а католической «вѣрѣ покровительствую, чему служатъ «доказательствомъ монастыри Францис. «и Доминиканцевъ основанные мною; бла- «гочестивыхъ монаховъ я уважаю, без- «нравственныхъ же ненавижу и не ну- «скаю въ свою землю.»

По всему видно, что крестоносцы вызвались отослать его письмо къ Папѣ, присовокупивъ къ тому особенное представленіе, данное Фридрихомъ Архіепископомъ Рижскимъ, который давалъ надежду, что Гедыминъ очень близокъ къ принятію христіанской вѣры. Форма письма и его печать уже были въ духъ христіанства—вѣрно монахи францисканскіе по приказанію в. князя составили это письмо.

Папа Іоаннъ уже заключилъ изъ этого письма, что Гедыминъ непременно

крестился, чему весьма обрадовался, въ особенности потому, что въ это самое время готовился крестовой походъ, и онъ утѣшалъ себя надеждою, что Литовцы сочтутъ за честь быть сподвижниками въ святомъ дѣлѣ, и следовательно примутъ участіе въ этомъ походѣ.

Не медля изъ Авиніона были высланы посланники къ Гедымину; Варфоломей Епископъ Електуенскій и Бернардъ настоятель Бенедиктинскаго ордена, монастыря с. Теофреда (1)

Между тѣмъ крестоносцы видя что Гедыминъ писалъ къ Папѣ, заключили что опасаясь ихъ, онъ обратился съ просьбою къ Іоанну XII. Ободренные этою мыслью, они поспѣшно собрали войско и устремились на несчастное Вильно, которое уже столько страдало отъ ихъ набѣговъ. (2)

Ома Альденбургъ комендаторъ Рогнеты внезапно утромъ напалъ на предмѣстіе Вильна, съ двумя отрядами изъ

44 братій и 400 человекъ изъ Сабии и Натангін, и сожгли все предмѣстіе; часть жителей нашла спасеніе въ замкѣ, а не успѣвшіе туда скрыться, пали жертвою крестоносцевъ. Со стороны враговъ трое Натангійцевъ убито, а двое взяты въ плѣнъ; одинъ изъ братьевъ Отеръ бѣжалъ, и скитался болѣе десяти дней безъ куска хлѣба, попалъ наконецъ къ своимъ.

Въроломство крестоносцевъ раздражало Гедымина, и когда папскіе легаты прибыли къ нему, онъ принялъ ихъ очень холодно, и объявилъ что мнѣять своей вѣры вовсе не намѣренъ, отправилъ ихъ безъ всякихъ подарковъ, давъ однакожъ письмо въ Папѣ, въ которомъ жаловался на въроломство крестоносцевъ, говоря, что лютость Ливонскаго ордена превосходитъ всякое понятіе, что грабежи и безчестія христіанскихъ народовъ внушили ему ненависть къ ихъ вѣрѣ, и теперь не только самъ, но и своимъ подданнымъ не дозволить креститься. (1)

Крестоносцы ужаснулись подобнаго обвиненія, сѣвши оправдаться предъ Папою, утвѣряя, что они вовсе не виновны въ упорствѣ Гедымина принять христ. вѣру и проч. Но такъ, какъ главными зачищниками нападенія на Вильно была кустошъ гвардіанъ братства Прусскаго, Павелъ Аббатъ Оливскій и Горданъ Аббатъ Пульминъ, то они были принуждены нѣсколько разъ оправдываться, на запросы дѣлаемые имъ Папою. (2)

Легаты однакожъ не совсѣмъ напрасно совершили путь свой въ Вильно, ихъ стараніемъ былъ заключенъ и утверждень миръ, между Гедыминомъ и Архіепископомъ Рижскимъ, а Фридрихъ фонъ Вильденберхъ Магистра Прусскаго, принудили соблюдать свято и не нарушимо заключенный договоръ.

(1) Index Corporis Historico-Diplomatici Livoniae, Esthoniae, Curoniae. Riga und Derpt. 1835.

(2) Index Corporis Hist. Dipl.

(1). Pohnisches Koenigs-Stammen oder Beschreibung des Gross-Hertzoglichen Littauischen Geschlechts etc 4 c. 12. такъ сказано: Der damahlige Pabst Johannes hat Bartholomeum Electurusischen—Bischoff und Bernharden Abten zu S.Theofredo, als seine Legaten an ihn gesandt, ihn so wohl zu christlichen Glaubeu, als zum h. Zug ins gelobte Land zu bewegen, aber Gedimino, war sowohl das thristliche Glaube, als die Bändniss mit den Christen zuwider schlug desswegen, auf Einrathen der seinigen, alles ab anno 1324.

(2). Dusburg. P. III cap. CCCXLIV tit de combustione suburbii de castro Gedimini p. 400, a MCCCXXIV. Posthaec XI kalendas junii Fr. Thomas de Aldenburg Commendator de Raganita et XLIV fratres cum CCCC viris de Sambia et Nattangia improvise intraverunt in ortu diei suburbium castri Gedimini et incendio destruxerunt et occiderunt quidquid in eo repertum fuit, praeter qui ad castrum confugere poterant; de parte fratrum, tres viri de Nattangia interfecti sunt et duo capti. Fr. Other etiam captus fuit sed breviter postea mirabiliter evasit. Decem enim diebus fuit in via sine cibo.

Такъ кончилось первое пребываніе Папскихъ посланниковъ въ Вильнѣ, которое имѣло бы вѣроятнѣе большіе успѣхи, и вліяніе на судьбу Литвы, еслибъ препятствіемъ тому не были вѣроломные поступки крестоносцевъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, могъ ли Гедиминъ принять ту вѣру, которую исповѣдывали его враги, грабители и опустошители его государства, которые безпрестанно измѣняли своему слову. Пока онъ надвигался, что этотъ рвительный шагъ т. е. перемѣна вѣры, будетъ звеномъ общаго согласія и дружбы, до тѣхъ поръ еще желалъ быть христіаниномъ; но коль скоро письмо къ Папѣ, вротерпимость и приглашеніе монаховъ не имѣло ни какого, благотельнаго вліянія на его государство, то зачѣмъ было принимать ему христіанскую вѣру и подчинять себя власти и игу крестоносцевъ.

Въ 1530 году крестоносцы опять начали свои опустошительные набѣги — однажды утромъ братья изъ Рагнеты съ своими людьми ворвались въ Виленское предмѣстіе, напали на снащихъ еще жителей и пользуясь этимъ случаемъ предали огню весь городъ не щадя ни женщинъ, ни дѣтей, ни имущества. Едва двенадцать человекъ успѣло снастись бѣгствомъ въ замокъ. (1)

(1) Continuator Dusburgi a MCCCXXXI cap. XV p. 419 de Exustione castri Gedemini et suburbii. Eodem tempore fratres de Ragana cum suis subditis occulte in ortu diei dormiantibus Lettovinis intraverant suburbium castri Gedemini et totum illud cum hominibus,

Этотъ послѣдній пожаръ уничтожилъ до основанія городъ, и превратилъ его въ груды пепла, одни замки остались невредимы. Нѣкоторые полагаютъ что Вильно во времена Гедимины не могло быть еще обширнымъ городомъ, этому доказательствомъ служитъ еще и то, что во всѣхъ летописяхъ его называютъ предмѣстіемъ замковъ.

Въ которомъ году Гедиминъ умеръ, нельзя опредѣлять съ точностію, потому что летописцы не придерживаются одного времени.

У Стрѣйковскаго мы находимъ что Гедиминъ былъ убитъ подъ Фрибургомъ; продолжатель Дусбурга тоже въ этомъ году полагалъ его смерть и мѣстомъ назначаетъ Велѣну, во время осады которой онъ былъ убитъ. Въ русскихъ же летописяхъ онъ еще живеть по 1341 г. и этотъ послѣдній кажется быть вѣрнѣе прочихъ, а потому онъ принятъ всеми историками. (1)

Тѣло Гедимины по обычаю предковъ было сожжено со всеми обрядами, а прахъ его похороненъ на святой долинѣ (2)

mulieribus, et parvulis et omni supellectili, penitus, combusserunt, praeter XII viros, quid ad castrum fugientis, mortis iudicium evaserunt.

(1) Тойже зимы (6,847) (1341) умре Гедимень князь Литовскій. Врем. Соферт. 1. ст. 325.

(2) Стрѣйковскій. кн. XI ст. 368 — Шлетцеръ въ своемъ переводѣ Коляловича (стр. 65), замѣчаетъ, что годъ смерти Гедимины 1330 слишкомъ заблаговремененъ.

IV.

ОЛЬГЕРДЪ.

Раздѣленіе Литвы. Князь Явнутій въ Вильнѣ. Заговоръ противъ него и изгнаніе его изъ Вильны. Ольгердовы дворяне. Мученичество Францисканцевъ.

Сожженіе Вильны. Смерть и кремленіе Ольгерда. Гробница его. Привилегіи Русскихъ. Грегеская церква.

1341 — 1377.

Гедыминъ имѣлъ семерыхъ сыновей, Монтивидъ, Наримунда, Коріата, Ольгерда, Явнугіа, Любарта и Кейстутіа (1). Изъ нихъ Явнугіа былъ избранъ въ в. князя, мѣстомъ его пребыванія было Вильно,—но Ольгердъ и Кейстутіа вида въ немъ человека неспособнаго управлять княжествомъ, рѣшились въ двоимъ его низвергнуть съ престола; притомъ онъ былъ моложе Ольгерда.

Вотъ что говорится въ одной лѣтописи (2). «Не нравился имъ князь Явнугіа; Ольгердъ съ Кейстутіемъ условились его низвергнуть, и одного изъ себя избрать на великокняжеское достоинство. И такъ условившись назначилъ день нападенія на Вильно (3) Ольгердъ не могъ прибыть въ назначенное время, по причинѣ большаго разстоянія Вильна отъ Витебска, откуда ему слѣдовало двинуться съ войскомъ. Между тѣмъ Кейстутіа въ условленный день оставилъ Троки, и такъ рано прибылъ къ Вильнѣ, что завладѣлъ замками безъ особенныхъ препятствій. Испуганный Явнугіа бѣжалъ въ горы и къ несчастю ноги такъ озабли, что онъ не могъ продолжать своего бѣгства, между тѣмъ погони посланная въ слѣдъ за нимъ, схватила его близъ Вильна. Кейстутіа велѣлъ заключить его въ темницу, до пріѣзда Ольгерда, къ кото-

(1) Литва была раздѣлена слѣдующимъ образомъ; *Монтивидъ* получилъ Керновъ и Слонимъ; *Наримунтъ* Пинскъ, Мозиръ и часть Владиміра; *Ольгердъ* Криво и часть Витебска до рѣки Березины; *Кейстутіа* Самогитію, Троки, Гродно, Ковно, Лиду, Упиту и Подлѣсіе; *Коріатъ* Новогрудекъ, и Волковыскъ; *Любартъ* Владиміръ и Волынь, наконецъ *Явнугіа* получилъ Вильно столицу Литвы, Опшяны, Вилкомиръ, Браславль и Велико княжескій титулъ.

(2) Лѣтописецъ князей Литовскихъ и т. д.

(3) 12-го Октября. Козловичъ.

рому послалъ гонца съ уведомленіемъ, что судьба Вильна рѣшена, а участь Явнугіа въ ихъ рукахъ.

Ольгердъ былъ встрѣченъ гонцомъ въ Кривѣ, и спѣшилъ скорѣе къ Вильнѣ—здѣсь Кейстутіа встрѣтилъ его съ словами, ты старшій братъ, и потому долженъ быть в. княземъ, а я съ тобою буду жить въ согласіи (3).

И такъ Ольгердъ былъ провозглашенъ великимъ княземъ, а Явнугіа въ вознагражденіе далъ княжество Заславльское (4).

Состояніе Вильна очень мало перемѣнилось въ началѣ княженія Ольгерда; замѣчательно одно, что оно болѣе и болѣе входило въ связь съ Россією и Нѣмцами; безпокойства случившіяся въ то время въ Вильнѣ, происходили болѣею частью изъ религиозныхъ споровъ, что явно показываетъ, какъ усильно старались иностранцы ввести свою вѣру въ Литву, отчасти можетъ быть изъ усердія къ вѣрѣ, но болѣе кажется изъ личныхъ выгодъ.

Мы видимъ въ Ольгердѣ втораго Гедымина, онъ тоже не рѣшается принять христіанской вѣры, не смотря на то что обв его жены, Марія княжна Тверская и Уліана К. Витебская, были Греческаго исповѣданія.

Три важныя происшествія случились въ Вильнѣ въ княженіе Ольгерда: наказаніе дворянъ, припавшихъ тайнымъ образомъ Греческую вѣру, мученичество Францискашевъ и основаніе Греческихъ церквей и Католическихъ костеловъ въ Вильнѣ.

Въ какое именно время все это случилось, нельзя съ точностью опредѣлить, и лѣтописцы несогласны между собою.

Мученичество трехъ Ольгердовѣхъ

(3) Лѣтописецъ.

(4) Лѣтописецъ пишетъ Изеславль, Козловичъ.

дворянъ не въ одно время случилось, но въ два раза, въ первый разъ пострадало двое, въ послѣдній только одинъ. Говорятъ, что это было въ 1342 году 14 апрѣля, другіе же относятъ къ 1364 году и даже къ 1329 г. въ такомъ случаѣ это происшествіе болѣе относится къ времени Гедымина, нежели Ольгерда.

Въ одной изъ Русскихъ лѣтописей 1), смерть послѣдняго изъ этихъ трехъ дворянъ полагается въ 1347 г. а первыхъ двухъ относятъ къ 1330 или 1341 году, потому, что въ это время княгиня Ульяна жена Ольгерда, основала церковь на ихъ могилахъ. Ясно что это не могло случиться послѣ мученичества Францисканцевъ, какъ мы далѣе увидимъ; Ольгердъ казнилъ всѣхъ виновниковъ преступленія, могъ ли онъ послѣ этого предаться новому злодѣянію, также нельзя повѣрить, чтобы третій былъ убитъ тогда, когда княгиня Ульяна Ольгерда жена поставила уже церковь въ честь двухъ первыхъ мучениковъ.

Врѣмя всего, что они всѣ трое по повелѣнію Ольгерда были повѣшены на дубѣ, въ Вильнѣ за рѣкою. — Назывались они: Куглей, Миглей и Низило, а послѣ крещенія Антоній, Иванъ и Евстахій, всѣ трое до послѣдней минуты не отрекались отъ новой вѣры своей, они были первыми мучениками въ Литвѣ. Восточная церковь причисляетъ ихъ къ лику святыхъ.

О послѣднемъ въ Русской лѣтописи вотъ что сказано 2)

1) У Карамзина.

2) У Карамзина. Того жъ году (1347) убитъ бысть отъ Ольгерда круглецъ нарѣченный во Св. Крещеніи Евстахій, за вѣру христіанскую и положенъ бысть у Св. Николы въ Вильнѣ со сродники своими во гробѣ съ великими мученики Антоніемъ и Иоанномъ, иже пострадаша за правовѣрную же вѣру.

Тѣла ихъ и теперъ можно видѣть въ Вильнѣ въ церкви Св. Духа (прежде Ста-

Около этого времени, Петръ Гаштольдъ воевода Виленскій т. е. уполномоченный намѣстникъ Ольгерда, женился на Полькѣ Аннѣ Бучацкой, которая была Католическаго исповѣданія, и въ угодность женѣ самъ тайно крестился въ Католическую вѣру. Будучи любимцемъ Ольгерда, онъ выхлопоталъ согласіе В. Князя, для вторичнаго призыва Францисканцевъ въ Литву. Мы видали, что они уже находились въ Вильнѣ и Новогрудкѣ въ княженіи Гедымина, но въ послѣдствіи времени были изгнаны имъ же самимъ.

И такъ четырнадцать монаховъ призвалъ Гаштольдъ въ Вильно, построилъ имъ монастырь со всѣми удобствами 1), и для всякой безопасности оградилъ его. Храмъ Божій не былъ еще сооруженъ, но имѣлъ особенную въ монастырѣ комнату, въ которой служили обедню, обыкновенно очень рано, чтобы имѣть больше времени для обращенія язычниковъ въ Христіанскую вѣру.

Несчастные монахи не знали какъ дѣйствовать въ началѣ, языкъ, обычаи, нравы народа, были имъ чужды, они на всякомъ шагѣ опасались сдѣлаться жертвами участи постигшей Ольгердовыхъ дворянъ, и многихъ другихъ, которыхъ имена даже намъ неизвѣстны.

Такимъ то образомъ прошелъ цѣлый годъ и народъ сталъ мало по малу приывать къ ихъ наряду, къ звуку колокольчика и священнымъ пѣснямъ, ко-

вропигіальной). Уніаты Духобовичъ и Стебольскій; Іезуиты Кюловичъ и Пошакowski считаютъ ихъ уніатами, спрашивается какимъ образомъ могло это быть, тогда какъ и слѣдовъ еще не было въ Литвѣ, когда княжна Ульяна была Греческаго исповѣданія, когда наконецъ Архимандритъ Печерскій навѣрно внушилъ имъ мысль принять Греческую вѣру.

1) Грушбовскій. Все то мѣсто, гдѣ теперъ находится садъ, костель и монастырь Бонифратровъ.

торыя въ глухую ночь имъ не разъ были слышны. Въ послѣдствіи времени имъ дозволено было ходить съ катихизисомъ по городу и его окрестностямъ. Пользуясь чрезъ подобныя права полною свободою, монахи имѣли все средства изучить языкъ, сблизиться съ обывцами и нравами. Кромѣ того покровительство воеводы любимца В. Князя, также не мало ихъ ободрило; они принялись усерднѣйшимъ образомъ распространять Христіанскую вѣру, даже начали проповѣдывать публично. Это сильно раздражило народъ дикій, поклонявшійся слѣпо своимъ идоламъ, они съ ожесточеніемъ смотрѣли на ихъ черную одежду, на блѣдныя изнуренныя постомъ лица и на ихъ бритыя головы, и въ глубинѣ души ихъ затаилась месть; только ждали удобной минуты.

Наконецъ она обнаруживалась тѣмъ, что начали въ нихъ бросать грязью, камнями и поносить бранными словами. Но все это продолжалось до тѣхъ поръ, пока Францисканцы не начали являть проповѣдывать свою вѣру, и гордиться тѣми, которыхъ убѣдили креститься: поставляли ихъ въ примѣръ прочимъ язычникамъ упрекали этихъ въ закоренѣлости въ язычествѣ, совѣтовали имъ оставить поклоненіе огню Зничу — съ этихъ поръ язычники рѣшились искоренить новыхъ пришлепцовъ, которые отнимали сына у отца, жену у мужа, мать у дѣтей, сестру у брата и врод.

Извѣстно какъ опасна мѣсть народа полудикаго, когда сердце жаждетъ ее, а права не воспрещаютъ — тогда богатство, счастье и честь заключаются въ ея исполненіи — подобная мѣсть была у Литовцевъ.

Въ то время когда Ольгердъ велъ войну съ Русскими 1) а намѣстникъ его

1) Полагаютъ что этотъ походъ былъ въ 1368 году.

Гантолдъ отправился тоже въ Тукацно, Литовцы воспользовавшись ихъ отсутствіемъ, рѣшились истребить Францисканцевъ.

Когда они по своему обыкновенію вышли на улицу съ катихизисомъ въ рукахъ, народъ встрѣтилъ ихъ съ ужаснымъ ронотомъ, явно предвѣщавшимъ пагубу. Дѣти по наущенію старшихъ, начали швырять въ нихъ камнями, пескомъ, грязью; бѣдные Францисканцы вида такой пріемъ, ужаснулись, и скрѣпивъ сердце спѣшили въ монастырь.

Тогда нѣкоторые изъ Литовцевъ (тѣ которые приняли христ. вѣру) совѣтовали Францисканцамъ оставить городъ и спастись бѣгствомъ; но было уже поздно. Изъ среди толпы въ особенности одинъ болѣе 1) всѣхъ питалъ ненависть противъ монаховъ, и онъ то подстрекалъ прочихъ мѣщанъ, умертвлять ихъ.

Монастырская летопись говоритъ, что монахи обнявшись взаимно и распрощавшись другъ съ другомъ, смиренно ожидали неминуемой смерти. Смерро однакожъ успѣли уйти въ лѣсъ къ замковой горѣ.

Литовцы выломавъ ворота, ворвались въ монастырь, разорили его до основанія, и выгнали монаховъ, предались дикой мести. Они ихъ избили, изуродовали и связанныхъ потащили предъ главный судъ. Неизвѣстно однакожъ кто былъ судьей, вѣрно тотъ же предводитель толпы, или жрецъ Знича; по его повелѣнію публично имъ отсѣчены головы, эта казнь существовала тогда вездѣ за важныя преступленія.

Христіане обнхъ вѣръ принуждены были оставить все свое имущество и дома, и спастись скорѣе бѣгствомъ.

1) Гржибовскій хотя и зналъ, но не объявилъ его названія, потому, что фамилія этого имени тогда еще существовала.

дабы избить участи Францисканцев: Прогнустать силою противъ азычниковъ имъ не было возможности; число последнихъ было гораздо многочисленнѣе.

Остальныхъ семеро тоже поймали въ близнѣ замковой горы 1), и изобрѣли для нихъ особенный родъ наказанія: измучивъ и избивъ ихъ до полусмерти, привязавъ къ крестамъ, бросили въ рѣку съ лысой горы, повторяя въ слѣдъ, да спасеть васъ крестъ, которому вы поклоняетесь?

Ночью, азычники принесли въ жертву своимъ богамъ кровь монаховъ; старцы, жены, дѣти, все радовались что искоренили враговъ, хотя безоружныхъ но весьма опасныхъ.

Гаштольдъ будучи въ Тукоцнѣ получилъ печальное извѣстiе объ участи Францисканцевъ, спѣшилъ въ Вильну, и тотчасъ по прибытiи велѣлъ схватить главныхъ зачинщиковъ и заключить ихъ въ темницу до возврата Ольгерда; самъ же наказывать ихъ не осмѣлился, ибо не зналъ какое впечатлѣнiе произведетъ это происшествiе, на непостоянный характеръ В. Князя.

Ольгердъ возвратился побѣдоносцемъ въ свою землю, и первымъ долгомъ съездъ казнить нарушителей государственнаго спокойствiя. Говорятъ, будто 900 человекъ 2) участвовало въ умерщвленiи Францисканцевъ и все безъ исключенiя были лишены жизни. Ольгердъ тотчасъ послѣ наказанiя преступниковъ велѣлъ объявить во всей Литвѣ, что онъ даетъ полную свободу богослуженiя всемъ христіанамъ живущимъ въ его землѣ.

Но число казненныхъ преувеличено: можно ли было пятьсотъ человекъ лишить жизни, тогда какъ въ Вильнѣ не

было еще большаго народонаселенiя — притомъ 500 человекъ въ тогдашнее время значило очень много; мы видимъ, что даже съ меньшимъ числомъ людей отправлялись въ походъ — напр. Вильна сколько разъ была сожигасма, опустошасма и грабима крестоносцами, которыхъ число не превосходило 400 человекъ.

Вѣроятно какой нибудь благочестивый летописецъ, въ отомщенiе азычникамъ прибавилъ нѣсколько лишнихъ сотенъ.

Тѣла мучениковъ были похоронены съ приличными обрядами на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде существовалъ ихъ монастырь, и въ честь имъ поставили столбъ 1), а на лысой горѣ три креста. Между тѣмъ Гаштольдъ призвалъ новыхъ Францисканцевъ, числомъ гораздо больше первыхъ, и то мѣсто гдѣ прежде находился его дворецъ (на пескахъ) отдалъ имъ; тамъ же основалъ костелъ пречистой Дѣвы Марiи, и земли около источниковъ *Винкри* присоединилъ къ нимъ.

Въ летописяхъ Францисканскаго ордена, мы находимъ еще другое мученичество, гдѣ число мучениковъ простирается до тридцати: полагаютъ, что вѣроятно призванны Гаштольдомъ въ 1341 г. были вторичными жертвами. Мученичество это относить ко времени начала постройки костела Пречистой Дѣвы Марiи на пескахъ. Все описано съ точностью и опредѣлительностью, даже указано мѣсто и время, но не смотря на то можно полагать, что они изъ одного мученичества сдѣлали два 2).

Притомъ же говорятъ, что второе мученичество было будтобы совершено какими то Татарами; на это нѣтъ никакихъ доказательствъ, кроме именъ

1) Другіе утверждаютъ что въ Донарскихъ горахъ.

2) 500 или 800 пишутъ летописцы, Карамзинъ т. V. с. 45.

1) Этотъ столбъ существовалъ еще во времена Стрѣйковскаго, который объ немъ упоминаетъ.

2) Грумбовскій. Гл. XI с. 70.

убиенныя, которыя разнымъ образомъ могутъ относиться и къ первому убійству. — Тѣла ихъ, говорятъ, похоронены (на пескахъ) на монастырскомъ кладбищѣ волеѣ костела Преч. Дѣв. Маріи 1)

Во время княженія Ольгерда, К. Дмитрій Ивановичъ пмѣревался сдѣлать нападеніе на Вильну; но Ольгердъ предупредилъ его, собралъ войско, отправился въ Можайскъ и тѣмъ пресѣкъ путь Русскимъ.

Въ 1378 г. 2), Маршалъ фонъ Ленде съ двѣнадцатю тысячею людьми, опустошая Литву мечемъ и огнемъ, прибылъ къ Вильнѣ и Трокамъ. Кейстутій приступилъ къ условіямъ съ нимъ и подѣ этимъ предлогомъ старался отклонить его отъ нападенія на Вильну; но Годфридъ несмотря на то ближе и ближе приближался къ городу. Кейстутій видя его упрямство, умолялъ, чтобы онъ отстрочилъ на одинъ день свое нападеніе — на что Годфридъ согласился; между тѣмъ вечеромъ, не смотря на данное слово, войска неприятельскія ворвались въ городъ, опустошили его, и больше нежели третью часть разорили до основанія — одни только замки уцѣлѣли; Годфридъ отправился обратно въ Пруссію.

Удивительно однакожь, что всякой разъ лишь только Вильна начнетъ возрождаться изъ развалинъ, не успѣвъ еще оправиться отъ послѣдняго пораженія,

1) Тамъ, гдѣ теперь костель Спасителя:

2) Casp. Schützi rerum Prussicarum. Historia e Codice manu auctoris scripto edita. Gedani. 1769 fol. (a. 1877 f. 18f) — Pervastato territorio Merckenpyl et agro Trocensi, usque ad arcem Trocensem populahundi excurrunt, arcem etiam tentant, sed cum res parum succederet, Vilnam ducunt et omnibus circum circa devastatis et direptis civitati Vilenensi ignem injiciunt, quo tertia ferme pars aedificiorum consumitur.

Полагаютъ что осталась неразрушена та часть города, которая теперь находится волеѣ костела святаго Ивана т. е. улица Святоянская.

какъ уже снова явились крестоносцы и уничтожали начатое. Всякое нападеніе крестоносцевъ причиняло величайшій вредъ городу, дома почти уничтожены было возводить вновь, народонаселеніе истреблялось убійствами и частію плѣномъ, многие оставляли городъ, жала набавиться и того и другого; могло ли послѣ того Вильно выйти изъ младенческаго состоянія своего и стать въ просвѣщеніи на ряду съ прочими Еврепейскими городами.

Въ Польскихъ летописяхъ полагаютъ смерть Ольгерда въ 1381, въ Русскихъ же гораздо подробнѣе описана его кончина и между прочимъ сказано, что онъ умеръ въ 1377 г. соображая съ обстоятельствами того времени этотъ годъ кажется гораздо ближе къ истинѣ.

Не смотря на то, что Ольгердъ покровительствовалъ а иногда и преслѣдовалъ хр. вѣру во воубѣжденію жены своей кн. Уліаны, принявъ Греческую вѣру и преставился схимникомъ 1).

Главнѣйшія черты характера Гедимина и Ольгерда, — колеблемость ихъ между язычествомъ и христіанскою вѣрою, которая къ нимъ нехота прокрадывалась. Къ язычеству ихъ привязывалъ народъ, упрямый въ принятіи христіанства, который требовалъ отъ новелителя своего единства вѣры, въ недрахъ которой заключалось единство державъ; но христіанство брало верхъ своимъ почестями, достоинствами, Папскими грамотами, посредствомъ которыхъ соеди-

1) У Карамзина. Книгиня же Юліанія видя мужа своего Ольгерда послѣдне дѣлуша, зѣло печаловашеся о его спасеніи и созда сильнъ свод и отца своего духовнаго призва, Давида Архимандрита Печерскаго и увѣща мужа своего и Божиимъ поспашеніемъ сподоби его святаго крещенія и святаго скимою тако украсивше и по малѣхъ днѣхъ преставися и положиша тѣло его въ церкви Св. Богородицы въ Вильни, иже самъ созда. По семъ же супружница его Юліанія преставися и въ той же церкви погребоша тѣло ея.

нались въ одно цѣлое всѣ земли, признающія его своимъ духовнымъ главою. Притомъ же они съ завистью смотрѣли на христіанскія земли: въ нихъ процвѣтало просвѣщеніе, богатство, порядокъ, народонаселеніе, сила, все это было приобрято торговлею. Литва хотя давала большія привилегіи иностранцамъ, но тѣмъ очень мало ихъ прельщала; они никакъ не рѣшались отправляться въ страну, гдѣ владѣтели и подданные были язычники, и слѣдовательно, гдѣ нельзя было полагаться на честь, обещанія и ручательства князей. Могъ ли князь ручаться за народъ дикій, невежественный, руководимый ненавистью къ иностраннымъ обычаямъ и вѣрѣ: ему чужда была всякая присяга, онъ очень легко могъ ее нарушить, ибо не постигалъ той важности, которую она имѣетъ у образованныхъ народовъ. Гедыминъ видѣлъ, что только посредствомъ христіанъ можетъ обогатить свою страну и образовать свой народъ, а потому и рѣшился призвать монаховъ. Ольгердъ и наказалъ убійцъ съ тою цѣлю, дабы этимъ показать свою справедливость и вмѣстѣ заботливость объ участи иностранцевъ поселившихся въ его владѣніяхъ.

Ольгердъ рѣшительно слѣдовалъ примѣру своего отца, не смотря на то что большую часть времени своего княженія провелъ въ войнѣ съ христіанскими народами, въ особенности съ Россією. Онъ не переставалъ однакожъ заботиться объ участи тѣхъ Русскихъ, которые жили въ Литвѣ, дозволялъ имъ исповѣдывать ихъ вѣру, не противился даже и тому, что они находились въ зависимости отъ Московскаго Митрополита 1). По причинѣ родственныхъ

1) Карамзинъ.

связей съ князьями Тверскими и Витебскими, далъ большія права Русскимъ живущимъ въ Вильнѣ, а прежніе права, которыми пользовались Нѣмцы и Русскіе, были свято имъ чтимы и соблюдаемы. Во время его княженія, торговля приняла быстрый ходъ: купцы пріѣзжали изъ Твери, Пскова и Новгорода. Основаніе Греческихъ церквей имѣло также большое вліяніе на Литву, это много ободрило Русскихъ, которые послѣ того смѣлѣе начали поселяться въ Литвѣ; между тѣмъ жители посредствомъ частныхъ сношеній другъ съ другомъ, начали мало по малу привыкать къ ихъ религіознымъ обрядамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ искоренялось суевѣріе и закоснѣлая ненависть къ иновѣрному исповѣданію.

Въ княженіе Ольгерда, былъ начатъ костель Францисканцевъ (на пескахъ, Преч. Дѣв. Маріи); по преданіямъ мы видимъ, что существовалъ и другой костель Св. Креста, но это весьма сомнительно.

Въ русскихъ лѣтописяхъ находимъ, что во время княженія Ольгерда, въ Вильнѣ существовали три Греческія церкви С. Троицы, С. Николая, въ которой были похоронены тѣла убитыхъ дворянъ и третій Богородицы, въ которой былъ похороненъ Ольгердъ съ женою 1). Въ польскихъ же лѣтописяхъ упоминается только объ одной церкви С. Троицы, (а не Св. Николая) которую по ихъ мнѣнію основала княжна Ульяна, на могилѣ мучениковъ Св. Евстахія, Антонія и Іоанна.

1) Говорятъ что тѣло находящееся въ церкви С. Николая (на замковой улицѣ) будтобы Ольгердово, но какими судьбами оно туда попало? вѣрнѣе, что тутъ похороненъ одинъ изъ князей Острожскихъ.

ЯГАЙЛЛО.

Потомство Ольгерда и Кейстутія. Ягайлло принимаетъ бразды правленія. Войдылло его любимецъ. Трактатъ съ Крестоносцами. Походъ на Полоцкъ. Кейстутій овладѣваетъ Вильною. Новый удѣлъ Ягайлы. Войдылло повѣшенъ. Вильна отъята у Кейстутія. Взятіе Трокъ. Кейстутій приближается съ войскою. Встрѣча войскъ. Условія. Измѣна. Смерть Кейстутія. Бѣгство Витолда изъ Крѣва. Соединяется съ крестоносцами. Мирится съ Ягайллою. Гостиницы. Церкви. Храмы Знича и Антокольскій. Францисканцы. Евреи. Городъ.

1377 — 1387.

Ольгердъ живя съ братомъ своимъ Кейстутіемъ въ тѣсной дружбѣ и согласіи, по своей смерти оставилъ двѣнадцать сыновей. Отъ Юліанны Витебской княжны, онъ имѣлъ Владимира, князя Кіевскаго; 1) Ивана, князя Подольскаго; Симеона Мстиславскаго, Андрея 2), Константина и Феодора — отъ Маріи княжны Тверской, Ягайлло, Скиргайлло, Свидригайло, Корибута, Дмитрія, и Вигунда 3) князя Сѣверскаго и Кернова.

1) Борисъ. Бугавъ. Отъ него происходятъ князья Слуцкіе.

2) Вигунда, отъ него происходятъ князья Трубецкіе.

3) Нарѣченъ Василіемъ на Гречес. крещеніи, а Александромъ на Латинскомъ крещеніи.

Кейстутій имѣлъ шестерыхъ сыновей: Витолда, Патрикія, Тотивилу, Сигизмунда, Андрея Вайдата и Довгата. И вотъ настало время когда Литва по смерти Ольгерда и Кейстутія, должна была ожидать губительнаго своего раздѣла на 18 частей, которыя впрочемъ всѣ подчинялись В. Князю; но несмотря на такую зависимость, всегда можно было ожидать несогласія и междуусобныхъ войнъ. Ягайлло у Ольгерда, Витолдъ у Кейстутія были любимые сыновья, и въ наслѣдство получили самыя лучшіе удѣлы, а Ягайлло получилъ В. Княжество.

Они жили между собою, по примѣру своихъ отцовъ, въ дружбѣ и согласіи, съ самыхъ молодыхъ лѣтъ не обнаруживъ ни малѣйшаго желанія возвыситься другъ передъ другомъ.

Послѣ смерти Ольгерда въ 1377 году, Вильна перешла во владѣніе Ягайлы, не смотря на то что Кейстутій былъ еще въ живыхъ и имѣлъ гораздо болѣе правъ быть В. Княземъ. Но надеясь что Ягайлло будетъ съ нимъ жить въ снокоиствіи и согласіи, онъ оставилъ при немъ 1) В. Княжество.

Но Кейстутій очень ошибся въ своихъ расчетахъ — согласіе между ними не долго продолжалось. Лѣтописцы го-

1) Подобный родъ наслѣдства существуетъ еще на нѣкоторыхъ островахъ Океаніи и Америки: братъ послѣ брата, по старшинству, восходитъ на престоль, а послѣ ихъ дѣти, придерживаясь того же порядка,

ворять, что при дворѣ Ягайлы находился простой мужикъ, прежде бывшій батракомъ, по прозванію Войдылло. Онъ же прежде находился при пекарнѣ для присмотра за хлѣбомъ, послѣ того сталъ постель и подносилъ питье Ягайлы. Исполняя эти должности, онъ успѣлъ понравиться В. Князю такъ, что переходя изъ однихъ милостей въ другія, достигъ до того, что Ягайло поручилъ ему въ управленіе Лиду — имѣя въ виду дать ему высшія должности. Странно однакожъ, что Войдылло за всѣ милости В. Князя, не оказалъ ни малѣйшей благодарности, на противъ, пользуясь полною довѣренностью Ягайлы, онъ изъ лести началъ подавать ему неприличные и возмутительные совѣты, притомъ не забывая и о себѣ, онъ въ скорое время такъ успѣлъ завладѣть Ягайломъ, что тотъ безъ вѣдома Кейстутія отдалъ за Войдылло родную свою сестру Марію, вдову князя Давида.

Войдылло чувствовалъ, что прочая родня его, вѣроятно къ нему не такъ благосклонна, какъ Ягайло, а можетъ быть и догадался, что Кейстутій будетъ противъ этого перовнаго брака, и рѣшился дать другой оборотъ дѣламъ: вознамѣрился поссорить Ягайлу съ Кейстутіемъ, воссламенить войну между ними, чтобы въ хаосъ внутренняго раздора и несогласія, можно было скрыть свои мысли и предпріятія. Имѣя влияние на Ягайлу, онъ убѣдилъ его заключить союзъ съ крестоносцами въ Ригѣ 1) въ 1380 году. Этотъ союзъ нарочно скрывали, чтобы нечаянностью, удобнѣе можно было напасть на Кейстутія; но тотъ узналъ обо всемъ отъ Комтура Гунштына 2) въ Остеродѣ, который счелъ долгомъ

увѣдомить его обо всемъ какъ родственника; онъ былъ крестнымъ отцемъ дочери Кейстутія.

Прежде еще, когда Ягайло дружно жилъ съ Кейстутіемъ, онъ вмѣствъ съ нимъ заключилъ трактатъ (1379 г.) съ магистромъ крестоносцевъ Винрихъ фонъ Книпродѣ, по поводу нѣкоторыхъ Русскихъ и Прусскихъ земель; но крестоносцы, всегда жадные къ грабежамъ, охотно нарушили прежній договоръ и тотчасъ приступили къ новому 1) составленному противъ Кейстутія.

Кромѣ того, Ягайло въ этомъ же году т. е. 1380 г. 2) заключилъ другой трактатъ, въ которомъ предоставлялось крестоносцамъ начать войну съ Кейстутіемъ, онъ же не будетъ дѣйствовать ни въ пользу ни противъ его; съ тѣхъ поръ безпрерывно продолжались условія, между Ягайломъ и крестоносцами. Два года спустя, былъ заключенъ еще одинъ трактатъ на 4 года съ магистромъ Пруссіи и Ливоніи. Тутъ Ягайло именуется уже королемъ, вѣроятно по санкціи крестоносцевъ; онъ же общалъ вмѣствъ съ Скиргайломъ Троцкимъ креститься въ продолженіи этихъ 4 лѣтъ, и къ тому принудить всѣхъ своихъ подданныхъ.

Всѣ эти трактаты имѣли вѣсь только на нѣкоторое время. Они безпрестанно нарушались и опять снова заключались. Часто одна сторона не соблюдала условій, выставленныхъ въ трактатѣ, и упрекала въ томъ другую; безпрерывныя движенія, войны, непостоянство условій, все заставляло заболѣть только о настоящемъ, не думая о будущихъ послѣдствіяхъ.

1) Index. Corp. Hist. Dipt. etc. Этими доказывается что Ольгердъ уже не жилъ какъ сказано въ Русскихъ лѣтописяхъ 1377, ибо въ 1379 Ягайло заключалъ трактатъ съ Кейстутіемъ на свое имя.

2) Index, На Данцигскихъ поляхъ въ 8 день послѣ Христова тѣла (праздникъ у Католиковъ).

1) 1380 въ Ригѣ Cod. Dipl. Dagielli. T. V. f. 80.

2) Лѣтописцы его называютъ. Сундстейна Августина, Стрійковскій, Меховитъ.

Войдылло имѣя въ виду завладѣть нѣкоторыми землями принадлежащими Кейстутію, ссорилъ его съ Ягайло, стараясь заводить войну, и между тѣмъ вооружалъ крестоносцевъ, и дѣйствуя такимъ образомъ собственно для своихъ выгодъ, успѣлъ убѣдить Ягайлу, что онъ предпринимаетъ войну для своей пользы.

Кейстутій узналъ о заключенномъ въ Ригѣ условіи, но сомнѣвался чтобы Ягайло желалъ измѣнить ему; зная притомъ его дружбу съ Витолдомъ, жаловался сыну, говоря, что противъ него сдѣланъ союзъ съ крестоносцами, но Витолдъ ни за что не хотѣлъ тому вѣрить.

Вскорѣ несогласія должествующія вспыхнуть, начали уже обнаруживаться. Городъ Полоцкъ, который былъ въ правленіи Войдаты Кейстутовича, Ягайло отнялъ, и отдалъ Скиргайлѣ. Полочане не хотѣли его признать своимъ княземъ, а онъ къ тому употребилъ оружіе. Крестоносцы тотчасъ явились къ услугамъ и вся тайна открылась.

Кейстутій тотчасъ узналъ замыслы Ягайлы, и пользуясь его раздѣленными силами, собравъ немедленно войско отправился къ Вильнѣ, завладѣлъ ею и взялъ въ плѣнъ Ягайлу. Войдылло постигла таже участь. Довольно замѣчательно и странно описываютъ взятіе Вильны: говорятъ будтобы часть Кейстутоваго войска на покрытыхъ возахъ въехала въ городъ, другіе напали изъ внѣ; тѣ которые были въ городѣ имъ помогли, и Кейстутій съ тысячею людей успѣлъ завладѣть Вильною. Эта басня очень близка къ сказанію о троянскомъ конѣ.

Обращеніе Кейстутія съ плѣннымъ Ягайломъ вѣрно было бы суровѣе, еслибы Витолдъ не подоспѣлъ изъ Гродно. Онъ употребилъ всѣ средства оправдать его, и всю вину сложилъ на Вайдыллу, кромѣ того выпросилъ

1) Витебскъ. Автописецъ.

для Ягайлы Витебскъ 1) и Крево съ обязательствомъ жить въ зависимости отъ Кейстутія и не вставать противъ него. Нѣкоторые прибавляютъ 2), что Ягайлы были предоставлены всѣ богатства находившіяся въ Виленскомъ замкѣ.

Подобнаго рода обхожденіе, обнаруживаетъ кротость характера Кейстутія; мы видимъ, что онъ до тѣхъ поръ не преслѣдовалъ Ягайлы, пока не удостоверился о коварномъ замыслѣ его; послѣ взятія Вильны въ замкѣ пашелъ онъ подлинникъ трактата съ Россією, и за всѣ преступленія, наказаніе ограничилось только лишеніемъ В. Княжества, что онъ могъ и прежде сдѣлать.

За то Войдылло поплатился за все: его считали главнымъ зачинщикомъ и и поджигателемъ войны; по повелѣнію Кейстутія онъ былъ повѣшенъ на лысой горѣ близъ замка.

Вскорѣ Кейстутій былъ занятъ другимъ походомъ, а Ягайло находился въ Кревѣ, которое онъ получилъ по просьбамъ Витолда, и едва вступилъ во владѣніе имъ, какъ уже началъ опять помышлять о средствахъ отомстить Кейстутію, даже лишить его Вильны несмотря на то, что далъ обѣщаніе больше не вставать противъ него.

Жители Вильны держали сторону Ягайлы. Гавнуль 3), Городничій и другіе вошли съ нимъ въ сношеніе, и видя Кейстутія озбоченнаго походомъ противъ Новгорода Сѣверска, когда Витолдъ оставался съ небольшими силами, враги Кейстутія рѣшились воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ. Приготовивъ мѣщанъ къ этому

2) Козловичъ.

3) Гавнуль, Гануль, нѣкоторые же Гамидономъ называютъ. Одинъ изъ его наследниковъ былъ намѣстникомъ въ Вильнѣ и между 1440 и 1464 основалъ костелъ С. Николая принадлежавшій нѣкогда Францисканцамъ. Костелъ этотъ и понынѣ существуетъ.

рѣшительному шагу, самъ Ягайлло притворился будто по приказанію Кейстутія отправлялся съ войскомъ въ Витебскъ, обратился вдругъ на Вильну и съ помощію Гавнула, легко успѣлъ въ своемъ предпріятіи.

Витолдъ съ матерію успѣлъ однакожь бѣжать въ Троки, гдѣ имѣлъ намѣреніе защищаться, но услышавъ что Ягайлло спѣшитъ за нимъ, бѣжалъ въ Гродно, опасаясь выступить противъ него, ибо зналъ навѣрное, что крестоносцы готовы ему помогать во всякомъ случаѣ.

Узнавъ это, Кейстутій принужденъ былъ оставить Новгородъ и подкрѣпивъ свои силы въ Самогитіи, отправился противъ вѣроломнаго племянника. Ягайлло между тѣмъ завладѣлъ Троками, оставленными Витолдомъ, которые сдались ему добровольно. Кейстутій прежде всего спѣшилъ къ сыну въ Гродно, а жену отослалъ оттуда въ Брестъ, подъ защиту Януша князя Мазовецкаго. Но и Янушъ рѣшился воспользоваться удобнымъ случаемъ, и принять сторону Ягайлло, началъ опустошать удѣлъ Кейстутія и завладѣлъ пограничными замками.

Военное счастье Кейстутото кончилось, всѣ отъ него отступили, къ нимъ же присоединились крестоносцы, а въ отдаленнѣйшихъ владѣніяхъ дѣлались нападенія Русскіе; всѣ напали на него въ одно время, такъ, что онъ не имѣлъ даже времени собрать новыя силы, и притомъ принужденъ былъ дѣйствовать противъ каждаго порознь.

Однакожь онъ ни сколько не упалъ духомъ, спѣшилъ какъ можно скорѣе къ Трокамъ, чтобы завладѣть ими; отсюда ему гораздо было выгоднѣе дѣйствовать противъ Вильны, онъ могъ лучше расположить войска, и въ случаѣ пораженія имѣлъ замокъ для своей защиты.

Ягайлло желая тоже владѣть Троками спѣшилъ къ Кейстутію на встрѣчу, чтобы ему пресѣчь путь.

Войска сошлись и остановились на разстояніи трехъ или четырехъ выстрѣловъ другъ отъ друга. Ягайлло воздержался отъ битвы, имѣя другіе планы, по которымъ онъ рѣшился дѣйствовать считая побѣду гораздо вѣрнѣйшею — онъ отправилъ своихъ бояръ въ станъ Кейстутія, подъ видомъ, будто хочетъ приступить къ условіямъ и просилъ, чтобы Витолдъ прибылъ къ нему въ обозъ.

Бывъ однажды обмануты, теперь уже стали осторожны. Витолдъ требовалъ ручательства Скиргайлло и, чтобы онъ самъ прибылъ и увѣрилъ, что несмотря на то, будетъ ли принято условіе или нѣтъ, Витолдъ во всякомъ случаѣ въ правѣ возвратиться въ свой обозъ.

Витолдъ отправился въ станъ Ягайлло, а войска стояли въ ожиданіи начала битвы или окончанія распри. Для избѣжанія кровопролитія Ягайлло просилъ заключить миръ, но такъ какъ безъ Кейстутія это дѣло не могло имѣть вѣсу; то Витолдъ взялъ обязательство съ Ягайлло и Скиргайлло, что съ его отцомъ ничего не случится, отправился и привезъ его въ станъ Ягайлло, чтобы свершенно окончить условіе, должствующее рѣшить судьбу Литвы.

Когда же Кейстутій и Витолдъ находились во власти Ягайлло, тогда онъ началъ ихъ убѣждать, что бы вмѣстѣ съ нимъ отправились въ Вильну, и лишь только они туда прибыли, не смотря ни на ручательства ни на обѣщанія, Кейстутій и Витолдъ были заключены въ оковы безъ всякихъ съ ними условій.

Кейстутія отвели подъ стражею въ Крево, прежній удѣлъ Ягайлло, гдѣ заключили въ темницу, Витолда же оставили въ Вильнѣ, и въ знакъ прежней дружбы Ягайлло поступалъ съ нимъ снисходительнѣе. Кейстутій, на пятый день своего заключенія былъ удушенъ тюремными прислужниками,

которым были назначены Ягайломъ и ввроятно по его повелѣнію лишил жизни Кейстутія; иначе не осмѣлились бы на подобный поступокъ. Лѣтописцы сообщаютъ даже ихъ имена, это были: Прокша, который воду подносилъ, Мостевъ, Кучюкъ, Лисица и Зебентай. Другой же современникъ 1) оправдываетъ Ягайлу и пишетъ, что Кейстутій самъ себя удавилъ своими оковами. Это оправданіе можетъ служить лучшимъ доказательствомъ вины Ягайлы, потому, что поманутый лѣтописецъ всѣ дурные поступки его представляетъ въ обратномъ видѣ; и все у него такъ перепутано, что не заслуживаетъ даже малѣйшей вѣроятности. Онъ же говоритъ, что Кейстутій былъ взятъ въ плѣнъ силой во время сраженія, но не обманомъ, а немудрено назвать мѣста, гдѣ это случилось.

Тѣло Кейстутія было создано со всѣми обрядами и похоронено Скяргайломъ на Святой долинѣ.

Состояніе Вильны въ это время, насколько не улучшилось послѣ смерти Ольгерда. Въ непрерывныхъ войнахъ, перехода изъ рукъ въ руки, всякой разъ Вильна опустошалась новыми завоевателями; какъ столица она подвергалась гораздо большимъ переменамъ судьбы нежели прочіе города, между тѣмъ защищены всѣ они были одинаковымъ образомъ т. е. ничѣмъ. Одни замки были оплотомъ и единственною защитою жителей въ случаѣ нападенія; города же не могли противостоять.

Витолдова жена Анна добровольно прибыла къ Ягайлу въ Вильну, оба они отосланы въ Крево, гдѣ вѣчно строго за ними присматривать.

Мста за смерть Войдылы онъ не

1) Анонимъ у Нарушевича. Повѣствованія его не стоятъ вниманія. По повелѣнію ли, или по доброй волѣ, но во всякомъ случаѣ онъ желаетъ оправдывать Ягайлу.

довольствовался умерщвленіемъ Кейстутія. Видымонта дядю матери князя Витолда 1), и еще кого то велѣлъ посадить на колъ, а многимъ боярамъ срубить головы.

Спрашивается, чего долженъ былъ ожидать Витолдъ видя поступки Ягайлы съ другими, хотя до времени обращались съ нимъ ласково, и не заключали въ темницу, но въ хранину; не смотря на то Витолдъ всегда опасался.

Ежедневно вечеромъ княжна Анна въ сопровожденіи двухъ женщинъ приходила къ нему, и онъ уложивъ его отправлялись домой. Видя, что невольничество мужа ея продолжается слишкомъ долго, и что оно не могло предвѣщать ничего добраго, особенно вспоминая участь постигнушую Кейстутія и Видимонта, она рѣшилась спасти его жертвуя даже собою и условилась съ нимъ, — когда вечеромъ придуть съ нею женщины, — чтобы онъ нарядился въ платье одной изъ нихъ, и пользуясь сумерками ушелъ, она же осталась бы на его мѣстѣ; такъ и случилось: Витолдъ бѣжалъ изъ Крева; повидимому вся его блистательная будущность завистла отъ этой рѣшимости.

Этотъ случай можно тоже отнести къ числу басенъ, но всѣ лѣтописцы ей вѣрятъ; тѣмъ лучше, пусть хотя одинъ благородный поступокъ уменьшитъ зло несогласій, грабежей, раздоровъ, войнъ и измѣнъ господствовавшихъ въ то время.

Витолдъ освободившись отъ плѣна обратился къ крестоносцамъ, прося у нихъ помощи и покровительства; тогда былъ магистромъ Конрадъ Чольнера, онъ мало дорожилъ всѣми условіями заключенными съ Ягайломъ, и весьма охотно принялъ сторону Витолда. Въ слѣдъ за нимъ прибыла княжна Анна въ Мальборгъ, ея примѣру послѣдовали

1) У него была жена Юлліанна, на которой послѣ женился Монвидъ.

многіе князья и бояре Литовскіе, недобольные Ягайломъ, и собравшіеся здѣсь, хотѣли условиться съ Витолдомъ, какимъ образомъ напасть на убійцу его отца. Но 1) Ягайло избѣгая войны примирился съ Витолдомъ, уступилъ ему Луцкъ и всю Волинь, а въ Литвѣ отдалъ земли прежде принадлежавшія отцу его. Причина мира было намѣреніе его жениться на Ядвига королеву Польской, чего бы онъ никакъ не могъ достигнуть занявшись внутреннею войною.

Прежде нежели приступимъ къ важной эпохѣ Литвы и совершеннаго измѣненія Вильны, необходимо сперва обратить вниманіе на состояніе города въ ту минуту, когда онъ принималъ новую вѣру и перерождался въ страну христіанскую.

Правленіе Ягайлы, хотя кротковременное, но между тѣмъ самое несчастное для Вильны нежели правленіе всѣхъ его предшественниковъ. Три раза мѣнялись владѣтели, три раза переносилъ городъ горе и бѣдствія сопряженныя съ перемѣною правленія; далѣе грозныя крестоносцы наводили на него ужасъ; оцѣпеніе, боязнь и страхъ, товарищи смутныхъ временъ, еще господствовали въ Вильнѣ; торговля сношенія пресѣклись, Русь, прежде поддерживаемая и покровительствуемая Ольгердомъ, теперь осталась безъ всякой защиты и начала мало по малу удаляться. Къ этому же времени можно отнести упадокъ Русскихъ гостинницъ, упоминаемыхъ въ Нѣмецкихъ лѣтописяхъ, который опять водворился во время Александра, ибо онъ былъ въ большихъ сношеніяхъ съ Русскими, также какъ и Ольгердъ женился на Русской княжнѣ, а чрезъ это принужденъ былъ ихъ поддерживать, и покровительствовать имъ. Упадокъ церквей можно отнести также къ этому времени; по всему видно, что всякое сношеніе съ Русскими было прекращено.

1) Русскія Хроники.

Замки, послѣ всякой войны, отъ самаго основанія, были снова возводимы; стражу ихъ составляли жители города, которые должны были ежедневно смѣняться 1).

Мы уже выше сказали, что въ Вильнѣ было два храма, одинъ въ честь Знича, другой въ честь всѣхъ божествъ. О первомъ изъ нихъ нѣмецкая хроника сообщаетъ много любопытнаго, но ясно что все это выдуманно, тѣмъ болѣе что не имѣетъ никакого правдоподобія. Впрочемъ можно упомянуть объ этомъ хотя вкратцѣ, и показать, какъ часто важное названіе лѣтописи пресполнено самими несообразными баснями. Капище это стояло въ долигѣ окруженной лѣсомъ 2); въ ней похоронены Свинторогъ, Гирмундъ и Кейстутій въ 1382 году. У опушки его былъ сдѣланъ престолъ съ двѣнадцатью ступенями, каждая изъ нихъ была посвящена одному изъ знаковъ зодіака, и на каждой были приносимы ежемѣсячно жертвы, смотря какъ солнце поднималось или опускалось. Удивительно однакожъ, какимъ образомъ въ дикую и необразованную Литву проникли эти астрономическія свѣденія о зодіакѣ и небесныхъ свѣтилахъ? словесно? быть не можетъ; если письменно? то на какомъ языкѣ? если же наконецъ въ самомъ дѣлѣ это было, то отъ кого они заимствовали? развѣ отъ Троглодитовъ, которыхъ Зелизо здѣсь поселилъ. Какимъ образомъ соединить дикое язычество съ ученою цивилизаціею? всего лучше, пусть намъ объяснить тѣ, которые повѣрили этому преданію.

Близъ дворца Крыве-Крывейты находилась также круглая башня, съ которой по словамъ лѣтописцевъ, дѣлались наблюденія за движеніемъ солнца, и по

1) Смотри первую привилегію Владислава Ягайлы у Дубинскаго.

2) Стрѣйковскій смот. 1766. К. XI с. 354.

этимъ наблюдениямъ, всякой мѣсяцъ перваго числа было совершаемо жертвоприношеніе: Жалко, что лѣтописецъ ничего не говоритъ, отъ кого Литовцы заимствовали свой мѣсяцесловъ: Евреи ли принесли его съ собою, или Русскіе, или научились у крестоносцевъ? ибо одни они имѣли сношеніе съ Литовцами; но сомнительно чтобы волхвы языческіе заимствовали отъ нихъ. Что же касается до лѣтосчисленія, то они всякой годъ вставляли въ бапню кирпичину съ особенными знаками.

Въ Аравіи среди песчаныхъ необозримыхъ степей, гдѣ небо вѣчно ясное, тамъ по неволѣ жители, не имѣя дорогъ, принуждены придерживаться звѣздъ, которыя какъ путеводители сами имъ навязываются; но въ Литвѣ, среди лѣсовъ и горъ, гдѣ небо вѣчно туманное — такое совершенство въ астрономической наукѣ почти невѣроятно. Двѣсти лѣтъ спустя, какой то иностранецъ подалъ мысль, что въ Литовскихъ болотахъ и лѣсахъ, необходимо нужно было придерживаться звѣздъ. Удивительно однакожъ, что послѣ крещенія не осталось никакихъ слѣдовъ этой науки?

И такъ мы видимъ, что Литва языческая, не имѣя, не только письменныхъ документовъ, но даже и письменности, ни малѣйшаго умственного движенія, безъ помощи образованныхъ иностранцевъ, чуждая всякаго просвѣщенія, не имѣя даже желѣзныхъ лемешей для земледѣлія, могла имѣть обсерваторію и астрономовъ, символическій храмъ, башню въ родѣ каменной хроники, раздѣленіе времени, и множество другихъ вещей свойственныхъ только однимъ образованнымъ странамъ? Еще разъ повторимъ: все это почти невѣроятно!

Въ Вильнѣ на Антоколіи находилось

еще другое капище, это былъ пантеонъ всѣхъ Литовскихъ боговъ, а во время Гаштолда, по преданіямъ, на томъ мѣстѣ былъ воздвигнутъ костелъ во имя св. Петра; передъ костеломъ самъ основатель посадилъ липу, которая еще существовала въ XVII вѣкѣ, была гораздо выше храма и называлась Гаштолдовою липою.

Кромѣ этого преданія, мы не находимъ иныхъ источниковъ, повѣствующихъ о другомъ костелѣ (т. е. св. Петра) въ это же время. Въ Вильнѣ существовалъ тогда костелъ Пречистой Богородицы на пескахъ, который еще не былъ конченъ; при немъ находилось пятеро Францисканцевъ, и они жили гораздо смиреннѣе нежели ихъ предшественники. Число католиковъ въ то время было не большое: послѣдователи Греческаго исповѣданія превосходили числомъ првыхъ.

Къ этому времени относятъ поселеніе Евреевъ въ Вильнѣ; большое число ихъ было взято въ плѣнъ, начиная съ 1326 г. въ которомъ уже гостинный домъ былъ основанъ. Они тотчасъ бросились къ торговлѣ, какъ всегдашніе враги земледѣлія.

Городъ въ объемъ не былъ еще великъ, а жителей считая съ иностранцами не было болѣе двадцати тысячъ. Иностранцы всегда находились подъ правомъ Рижскихъ гражданъ, а туземцы подъ властью всемогущаго своего князя. Ягайло взойдя на В. княжескій престолъ, уже нашелъ ремесла введенныя еще во время Гедимина. Торговля съ Россією, Нѣмцами и въ особенности съ Пруссаками производилась, но безпрестанныя войны препятствовали войти опить въ тѣсный союзъ.

Въ такомъ то состояніи 1387 годъ, знаменитый въ лѣтописи, засталъ Вильну, годъ отъ котораго все начало устроиваться на образецъ христіанскихъ городовъ.

VI.

ВИЛЬНА ПО ПРИНЯТИИ ХРИСТИАНСКОЙ ВѢРЫ.

Бракъ Ядвиги. Крещеніе Литвы. Костелы въ Вильнѣ. Епископство Виленское. Греки. Торговля. Магдебургскія права. Стрѣль замка. Скиргайлло и Витолдъ. Послѣдній хочетъ завладѣть Вильною. Союзъ съ Крестоносцами. Нападеніе на Вильну. Вторичный союзъ съ Крестоносцами. Конрадъ Валенроде. Походъ на Литву. Сраженіе при Веркахъ. Осада замковъ. Кровопролитный бой въ Кривоми градѣ. Отступаютъ отъ осады. Прибытіе Ягайлы. Устраняетъ Скиргайлло. Олспнищій защищаетъ городъ. Пораженіе Крестоносцевъ.

1387 — 1392.

Поляки ища мужа для своей юной королевы Ядвиги, которая для пользы государства жертвовала собою — устранили Вильгельма Герцога Австрійскаго, уже обрученнаго съ Ядвигою и любимаго ею отъ души; 1) а обратили вниманіе на Ягайлу. Въ немъ они видѣли человека, который могъ принести гораздо больше пользы для нѣхъ отечества; удальный князь, вступая въ бракъ, онъ могъ присоединить свои владѣнія къ Польшѣ, чрезъ что пре-

дѣлы ея значительно могли увеличиться, открылъ бы путь для сѣверной торговли, и изъ опаснаго врага могъ сдѣлаться хорошимъ королемъ. Обратили также вниманіе на то, что соединеніе Польши съ Литвою посредствомъ брака Ядвиги съ Ягайломъ можетъ спасти Польшу отъ конечнаго разоренія, которую Литва до тѣхъ поръ непрерывно опустошала. Духовенство также присоединилось и дѣйствовало за одно, имѣя въ виду ввести католическую вѣру въ обширной странѣ, которая болѣе склонялась къ восточной церкви, нежели къ западной.

Поляки отправили своихъ посланниковъ въ Литву 1), а князь Ягайло обѣщался, принявъ святое крещеніе, крестить свой народъ въ католическую вѣру и особеннымъ актомъ изъявить готовность быть покровителемъ Польши 2).

Перемена вѣры ни сколько не оставливалась Ягайлу. Онъ предвидѣлъ, что поздно или рано это должно совершиться. Мы видимъ, что гораздо прежде онъ обѣщался уже Крестоносцамъ креститься, за что они хотѣли выхлопотать ему у папы достоинство короля. Теперь предвидя несравненно болѣе выгоду, ему весьма не трудно было отступить отъ язычества.

1) Neque enim a plurimorum notitia sciebat (Hedviga Regina) ignoratum, quod cum praefecto a Vilhelmo duce Austriae, post contracta de praesenti sponsalia, XV diebus in thoro, carnali copula etiam subsecuta, manserat. Dlugosz Lib. X. col. 105.

1) Это слова лѣтописца, въ Польскихъ же лѣтописяхъ сказано; что Ягайло прежде отправилъ братьевъ своихъ съ просьбою къ юной королевы.

2) MSS Dagielli T. VII apud Danilovia.

Въ 1586 г. Ягайло отправился въ Польшу, гдѣ съ матерью и братьями крестился и принялъ имя Владислава, женился на Ядвига и былъ коронованъ королемъ Польскимъ въ Краковѣ. Въ слѣдующемъ году т. е. 1587 взявъ жену отправился въ Литву съ большимъ предпріятіемъ — ввести и тамъ христіанскую вѣру; но прежде пужно было начать въ Вильнѣ.

Здѣсь начались большія перемѣны. Много трудовъ стоило искоренить язычество въ Литвѣ. Какова бы ни была вѣра, но если слѣдовали ей нѣсколько вѣковъ и если она вкоренилась, то требуется большихъ трудовъ для ея уничтоженія; и весьма часто бываетъ, что всѣ старанія и усилія разрушаются отъ слѣпой закостенѣлости народа, котораго ни сила ни ласка не въ состояніи принудить. Ягайло не смотря на всѣ предпріятія обратилъ на это все свое вниманіе, частію по обѣщанію данному Польшѣ, частію для того чтобы крестивъ народъ оправдать себя въ перемѣнѣ вѣры; при томъ онъ хотѣлъ уничтожить язычество, тѣмъ болѣе что оно отдѣляло его отъ прочихъ державъ, а чрезъ то навлекало на эту страну враговъ и служило цѣлью ихъ грабежей; въ особенности благочестивые крестоносцы, чего не могли брать съ собою, то предавали огню и мечу. Имъ однимъ это соединеніе двухъ державъ по видимому было не по праву, потому что съ этимъ вмѣстѣ они теряли всю надежду, владѣть когда либо Литвою; и что еще дурнѣе, лишались всѣхъ правъ опустошать эту страну, коль скоро она приметъ христіанство.

Ягайло пріѣхавъ въ Вильну, тотчасъ созвалъ сеймъ 1), гдѣ совѣтовался съ князьями своими братьями, Смир-

1) Вальскій.

гайломъ Троцкимъ, Витолдомъ Грциенскимъ, Владиміромъ Кіевскимъ и Корибутомъ Новгородскимъ. Онъ представлялъ имъ выгоды крещенія. Ягайло самъ приготовлялъ къ тому бояръ и народъ, самъ тоже былъ переводчикомъ, потому что монахи католическіе не знали Литовскаго языка. Онъ же зналъ Русскій языкъ, которыми и въ послѣдствіи времени почти всегда говорилъ, могъ довольно хорошо понимать Польскій какъ сродственный Русскому. Въ это время славянскія нарѣчія не были еще такъ многосложны, не требовали особаго изученія. Ягайло зналъ по Русски, понималъ по Польски. Однажды произошелъ споръ съ Богемцами 1), не смотря на то понимали другъ друга. Безъ сомнѣнія весьма трудно было передать таинства вѣры народу не просвѣщенному, и въ такомъ случаѣ разумѣется дѣйствовало болѣе поощреніе нежели убѣжденія, примѣръ а не пренія.

Въ летописяхъ сказано, что по этому случаю было куплено множество бѣлаго сукна въ Польшѣ и сдѣлано изъ него платье для неопитовъ, въ которыя ихъ одѣвали къ крещенію; кромѣ того давали имъ нѣкоторые подарки. Бѣльскій пишетъ, что язычники со всѣхъ сторонъ стекались креститься. (2). И чтобы это крещеніе скорѣе кончить, велѣно имъ стать довольно большими отрядами, и всякой изъ этихъ отрядовъ получалъ особое имя, въ одномъ всѣ назывались Петрами, въ другомъ Иванами, тамъ Станиславами и т. д. Такимъ же образомъ распорядились и съ женщинами; въ одномъ отдѣленіи ихъ называли Аннами, въ другомъ Ядвигами, и т. д. И такимъ образомъ, говоритъ летописецъ, крестили въ малое время почти 30,000, не считая тѣхъ ко-

(1). У Длугоша.

(2). Кажется, не съ тѣхъ ли поръ въ нѣкоторыхъ странахъ Литвы и Польшы осталось бѣлое платье?

торые прежде исповывали Греческую вѣру.

Послѣдніе, если вѣрить лѣтописи, составляли почти половину народонаселенія Вильны (1). Много требовалось времени, чтобы Литовцы отвыкли совершенно отъ язычества; они по прежнему покланялись огню, змѣямъ, лѣсамъ, ручьямъ, ибо не понимали важности и цѣны св. крещенія, иные даже нѣсколько разъ принимали крещеніе. Въ Вильнѣ все капища и идолы были разрушены, сожжены и низвергнуты въ Вилью (2). На томъ мѣстѣ гдѣ горѣлъ неугасаемый огонь Зничь, и тамъ гдѣ находилось баснословное капище съ двѣнадцатью символическими ступенями и башнею, былъ основанъ Ягайломъ костелъ св. Станислава 3). Въ Вильнѣ все дѣлалось на образецъ Кракова, и видно, что Ягайло хотѣлъ его сравнять съ древнею столицею Польши: онъ основалъ здѣсь епископство, и первымъ епископомъ былъ свѣлапъ Андрей Василло (францисканскій монахъ), который прежде былъ епископомъ Церстынскимъ, проповѣдникомъ и вмѣстѣ исповѣдникомъ королевы Венгерской.

Въ этомъ году епископъ получилъ полное право управлять церковнымъ имуществомъ; кромѣ того были присоединены большія имѣнія, какъ то: Лабонары Бискупе, Трелемо, Клодно, Ва-

1) Врем. Соч. вѣдскій. С. 331. Даниловичъ.

2) Хроника Августина Ротунда у Марбута.

3) Многіе утверждаютъ, что основаніе прежней астрономической башни осталось, и на немъ воздвигнута нынѣшняя кафедральная колокольня, а на томъ мѣстѣ, гдѣ у язычниковъ горѣлъ огонь Зничь, стоитъ большой алтарь кафедрального костела; что же касается до основанія башни, то о древности ея свидѣлствуетъ замѣчательная своею неправильностью наружность.

селено, Турыгне, Войстене, Яриме и Маленаты; онъ имѣлъ право взывать десятину въ Нѣменчинѣ, за ловлю рыбы, въ Вильнѣ тоже онъ пользовался доходами съ городскихъ площадей.

Владиславъ Ягайло далъ другую грамоту, гдѣ различными обещаніями хотѣлъ Русскихъ и Литовцевъ склонить къ принятію Католической вѣры, и вмѣстѣ съ тѣмъ запрещалъ людямъ различныхъ исповѣданій соединяться бракомъ: этимъ доказывается что жителей въ Вильнѣ Греческаго исповѣданія было не малое число.

Ягайло старался распространить христіанство въ Литвѣ, основывалъ также и костелы въ Вылкомарѣ, Мышаголь, Нѣменчинѣ и пр. Въ Вильнѣ основалъ другой костелъ въ верхнемъ замкѣ, подѣ названіемъ св. Мартина, который тоже былъ снабженъ большими имѣніями, а королева пожертвовала въ обавновъ основанные костелы много украшеній, богатыхъ ризъ и серебряной посуды.

Епископъ Доброгортъ былъ посланъ въ Римъ, съ уведомленіемъ, что крестившаяся Литва признаетъ вѣру своимъ духовнымъ главою.

Лишь только блеснули кресты на св. храмахъ, какъ вдругъ явились Поляки съ ремеслами и торговлею, которые сами приобрѣли отъ Нѣмцевъ. Иностранцы стремились со всехъ концовъ, имѣя въ виду лишь только одинъ свои выгоды; духовенство тоже спѣшило съ огромнымъ запасомъ религіозныхъ правилъ, все это стекалось въ Вильну. Литва какъ бы проснувшись отъ долговременнаго сна, начала оживать и дѣйствовать. 1)

1) Лѣтописецъ изд. Даниловичемъ (Вильно 1897 г. и другія Русскія лѣтописи о женитьбѣ Владислава Ягайлы, о крещеніи Литвы, заключаютъ въ себѣ ложныя преданія. Одни называютъ Ядвигу дочерью Казимира короля Польскаго, другіе же, какъ эта, напиримѣра, называютъ

Русскіе лѣтописцы сообщаютъ намъ еще одинъ важный случай: говорятъ, что Ягайло былъ усердный Католикъ и не только крестилъ язычниковъ, но даже двухъ бояръ Греческаго исповѣданія заставлялъ насильнымъ образомъ перемѣнить вѣру; они остались непреклонными, за что подверглись мученію и наконецъ были умерщвлены. Но это преданіе начѣмъ не подтверждается, и кажется, что это возобновленіе происшествій времени Ольгерда. Хотя Ягайло и принималъ строгія мѣры чтобы люди разныхъ исповѣданій не сочетались бракомъ, но никого не принуждалъ насильнымъ образомъ, даже къ

отвѣсигъ женитьбу къ 1381 г. повѣствуютъ: женился князь Ягайло Ольгердовичъ на нѣкоторой королевнѣ, немцѣшней ни отца ни матери, а съ нею онъ приобрѣлъ королевство въ Польской землѣ (Лядской). Врем. Соф. С. 381) Даннило подъ 1386 годомъ пишетъ со всѣмъ иначе: «Князь Ягайло Ольгердовичъ ѣздилъ въ Венгерскую землю къ королю, тамъ женился, послѣ того крестился въ Нѣмецкую вѣру (такъ названа она повидимому изъ презрѣнія къ католической вѣрѣ). Оставивъ Венгрію началъ крестить Литву въ Нѣмецкую вѣру и одну половину своего города Вильны (другая же половина будто прежде этого была крещена въ Греческую вѣру). Лѣтописецъ болѣе имѣетъ согласія съ прочими, однакожъ и онъ пишетъ со всѣмъ иначе. — Начали, говоритъ онъ, Поляки съ Кракова посылать къ В. князю Ягайлу, чтобы онъ принялъ вѣру древняго Рима и женился на ихъ королевнѣ именемъ Ядвига и сдѣлался бы королемъ Кракова и Польской земли. Онъ же князь Ягайло совѣтовался съ своею матерью В. княгиней Уляною, съ братьями своими князьями и боярами Литовской земли. И прибывъ въ Краковъ въ Польшу, тамъ онъ, князь и бояре Литовскіе крестились. И женился онъ на королевнѣ Ядвигѣ, и былъ коронованъ корономъ того же королевства, съ тѣхъ поръ началъ крестить Литву въ католическую вѣру, прислалъ архіепископа въ Вильну въ Литовскую землю, началъ строить костелы во всей Литвѣ. Лѣтописецъ с. 40.

принятію христіанской вѣры, когда крестилъ язычниковъ, тѣмъ болѣе не могъ онъ наказывать за принятіе Греческой вѣры, которую исповѣдывали большая часть ему подвластныхъ людей.

И такъ на развалинахъ языческихъ храмовъ, вдругъ явились два замковыхъ костела и въ слѣдъ же за тѣмъ на Антоколіи костель св. Петра, несмотря на то что лѣтописцы относятъ его ко времени Гаитолда.

Тотчасъ послѣ введенія въ Литву католической вѣры, начались въ Вильнѣ споры и несогласія между Греками и Латинами. Католическое духовенство будучи гораздо сильнѣе, подстрекало это междоусобное несогласіе — оно имѣло перевѣсъ, потому что было господствующее; Восточная вѣра была гораздо прежде введена въ Литву, въ особенности въ Вильнѣ; мы видимъ что въ княженіе Ольгерда въ 1387 она уже существовала здѣсь.

Кажется, что со введеніемъ новой вѣры въ Литву — Русскіе не были преслѣдуемы Ягайломъ, и только молчаливая но непрерывная ненависть вкоренилась между духовенствами. Ягайло могъ предвидѣть, что утѣсня Русскихъ онъ лишился бы чрезъ то всякихъ сношеній съ ними, что было бы весьма губительно для Литвы, потому что торговля съ Кенигсбергомъ и Пруссаками не могла упрочиться, по причинѣ безпрестанныхъ войнъ съ крестоносцами. Одинъ только Новгородъ мѣнялъ свои товары на ихъ мѣха и воскъ.

Въ этомъ году Вильна, съ разрѣшенія папской буллы, была включена въ число кафедральныхъ городовъ; кромѣ епископства она приобрѣла много другихъ правъ, чрезъ что жители получили нѣкоторымъ образомъ болѣе свободы 1). До сихъ поръ правами Рижскими пользовались одни пришлецы другихъ земель, Ягайло же ввелъ здѣсь

1) Смотри у Дубинскаго — Zbior prave i pnywilejau miasta Wilnowi nadanych. Wilno 1788. Sos. 1.

право Магдебургское 1), по которому управление города во многом преобразовалось; напр. начали избирать бургомистровъ, учреждены войтovy суды въ которые были призываемы только мѣщане, черезъ что этотъ классъ людей сдѣлался совершенно независимымъ отъ прочихъ городскихъ властей. Впрочемъ этими правами пользовались мѣщане находящіеся подъ зависимостью ратуши; на тѣхъ же, которые селились на земляхъ епископа, капитулы и замка, власть бургомистровъ и войтовъ не распространялась. Въ этой грамотѣ жителямъ вмѣнялось въ обязанность стеречь замки и соблюдать это постановленіе до тѣхъ поръ, пока городъ обведется оградою—но для этого не было принято ни какихъ мѣръ, и такимъ образомъ прошло почти двѣсти лѣтъ, пока наконецъ угрожающія опасности принудили приняться за возведеніе стѣны.

Ягайлло заботясь объ участи Литвы и Вильны долженъ былъ по важности дѣла отправиться въ Польшу, почему усмиривъ Витебскъ и Полоцкъ, сдѣлавъ въ Вильнѣ В. княземъ Скиргайллу, онъ уехалъ въ Краковъ.

Витолдъ былъ гораздо способнѣе Скиргайллы для управленія Литвою, но Ягайлло опасался Витолда, зная его вспыльчивый характеръ, его честолюбіе и опасался, что поздно или рано онъ можетъ отдѣлаться отъ Польши, тогда какъ Скиргайлло былъ человекъ безъ всякихъ способностей, безъ честолюбія, занимался пьянствомъ, предавался полному разврату, искалъ всегдашняго развлеченія, слѣдовательно не былъ опасенъ Ягайллѣ.

Скиргайлло принявъ бразды правленія, нисколько не заботился о распространеніи католической вѣры. Будучи

1) Jus Teutonicum, quod Magdeburgense dicitur—Dub. t. 1.

всегда пьянъ, онъ началъ во зло употреблять власть свою, и лишалъ жизни своихъ приближенныхъ которые провинились въ чемъ либо въ его глазахъ.

Общее неудовольствіе между боярами начало явно обнаруживаться, а Витолдово честолюбіе и всѣ прежнія притязанія на Литву возобновились. Для него прискорбно было видѣть на В. княжескомъ престолѣ человека безъ всякихъ достоинствъ и способностей, и онъ началъ изыскивать средства чтобы низвергнуть Скиргайллу и выступить самому во владѣніе Литвою.

Ягайлло предвидѣлъ что это должно скоро наступить, и зная неспособность Скиргайллы счелъ необходимымъ подослать ему на помощь отрядъ Поляковъ, подъ начальствомъ Николая Мокоржевскаго.

Два раза Витолдъ пытался напасть на Вильну, но всякой разъ безуспѣшно, и видя наконецъ приближающагося Скиргайллу подкрѣпленнаго Поляками, убѣдился, что безъ восторженной помощи онъ ничего не сдѣлаетъ, почему отправился къ князьямъ Мазовецкимъ Янушу и Земовиту; но они придерживаясь стороны сильнѣйшей т. е. Ягайллы, отказали ему.

Не успѣвъ и здѣсь, онъ обратился къ союзнику, готовому всякому служить, именно къ крестоносцамъ. Тогда былъ магистромъ Конрадъ Чольнера. Витолдъ былъ принять весьма ласково, и получивъ помощь, отправился съ крестоносцами въ Литву гдѣ раздѣливъ свои силы на два отряда. Прибывъ къ Трокамъ, онъ хотѣлъ овладѣть ими, чтобы удобнѣе собрать разсыянные войска и послѣ массою ударить на Вильну. Два раза онъ осаждалъ Троки и оба раза принужденъ былъ отступить; наконецъ не могши ничего сдѣлать отправился прямо къ столицѣ.

МАТЕРИАЛЫ.

АЭРОСТАТЫ

или

ВОЗДУХОПЛАВАТЕЛЬНЫЕ ШАРЫ.

(Статья Дююи-Делькура).

Отправляясь съ земли въ надоблачную страну, воздухоплаватели, съ самой первой минуты и во все время, пока не перелезятъ высоты, съ которой можно еще проникать взорамъ атмосферу, обыкновенно переходятъ отъ одного новаго ощущенія къ другому, и самое пріятнѣйшее мгновеніе бываетъ то, когда начать только-что отдѣляться отъ земли. Вообще, сказать точнѣе, до высоты трехъ сотъ сажень, или около, путешествіе сопровождается живѣйшимъ наслажденіемъ. — Что въ это время человекъ испытываетъ, можно достигнуть только по тому удовольствію, какое чувствуемъ иногда во снѣ, порхая подобно зephyрамъ; съ тою разницею, что здѣсь сущность замѣняетъ мечту. Къ наслажденію вскорѣ присовокупляется удивленіе, внушаемое созерцаніемъ природы.

По мѣрѣ расширенія горизонта, вы видите вдругъ нѣсколько рѣкъ, со всеми ихъ изгибами; города и селенія разнаго рода представляются вкупѣ; цѣлая область растилается подъ вами, какъ топографическая карта. Вы може-

те замѣтить главные тракты со всеми проселочными дорогами, и счесть всѣ тропинки ихъ соединяющія, и эта по видимому ничтожная часть всего зрѣлища становится особенно занимательною. Произведенія земли разительно отличаются на поляхъ по цвѣту и отътѣнкамъ. Вы легко различите, гдѣ засѣяна пшеница, и гдѣ покрыто поле люцерною, гдѣ роща, и гдѣ виноградники.

Выше 300 сажень размеры каждаго предмета чувствительно уменьшаются. Люди начинаютъ уподобляться наскомымъ; атмосфера ощутительно охлаждается, — и въ это время, если въ гондолѣ не одинъ, а нѣсколько особъ, молчаніе, внушенное первымъ удивленіемъ, прекращается; всѣ сообщаютъ другъ другу свои замѣчанія и новыя ощущенія, какихъ до того не испытывали. Быстрота полета вскорѣ возноситъ шаръ выше пяти или шести сотъ сажень. При увеличивающемся холодѣ начинаютъ ощущать шумъ въ ушахъ. На высотѣ 1000 сажень надобно уже кричать, чтобы товарищи могли слы-

шать; до такой-то степени упругость воздуха, служащая проводникомъ звука, дѣлается слабою. Расширеніе водороднаго газа въ шарѣ, обыкновенно начинающееся съ полетомъ его отъ земли, въ это время до того увеличивается, что принуждены бывають отворять клапанъ, и доставлять газу свободный выходъ.

На 2000 саженьяхъ, вообще, холодъ дѣлается нестерпимъ, предметы на поверхности земли сливаются; большія дороги видятся ленточками; рѣки кажутся ручьями; за то небо ясно, и лазурь его часто бываетъ темносинею.

На 3000 саженьяхъ, видны на землѣ одни только большія скалы. Если въ это время послышится какой-либо чрезвычайный звукъ, напримеръ выстрѣлъ изъ пушки, въ шарѣ бываетъ примѣтно дрожаніе; своды небесныя кажутся колеблющимися. Когда на этой высотѣ выпускаютъ нарочно взятыхъ съ собою птицъ, онѣ просто падаютъ; если же полетятъ, то съ великимъ трудомъ: воздухъ слишкомъ уже рѣдокъ.

На 4000 саженьяхъ, т. е. на разстояніи, которое для большей части людей кажется предѣломъ достиженія, различіе съ землею дѣлается совершеннымъ. Здѣсь уже невозможно держаться, по причинѣ суровости мороза и боли, какая чувствуется вообще во всѣхъ частяхъ тѣла. Голосъ слышится съ великимъ трудомъ. Маленькія животныя умирають. Въ это мгновеніе надо какъ можно спѣшить наблюденіями, потому-что шаръ, единственный предметъ встрѣчаемый взоромъ во всей безпредѣльности пространства, кажется готовъ лопнуть отъ чрезвычайной силы, съ какою водородный газъ вылетаетъ изъ него. Высота атмосферы теряется наконецъ въ глубокомъ мракѣ. Здѣсь сущій копецъ физической природѣ.

Потеря газа, и часто сгущеніе его отъ холода, вскорѣ заставляютъ шаръ понижаться. Воздухъ начинаетъ становить-

ся не такъ холоднымъ, и земля, которая едва виднѣлась въ подобіи сѣвровой массы, снова мало по малу открываетъ свои произведенія. Все опять разцвѣтаетъ и оживляется на ея поверхности. Деревья уподобляются рождающимся растеніямъ. По мѣрѣ приближенія, туманы разсвѣаются; начинаютъ выказываться города, рощи, луга и проч. Вскорѣ можно уже различать людей и животныхъ, и наступаютъ минута, въ которую надо пристать къ землѣ.

Искусный воздухоплаватель, распорядившись кстатѣ баластомъ, можетъ продолжать по волѣ эту минуту. Онъ можетъ еще переплыть большія пространства, и такъ сказать, попорхать надъ вершинами деревъ, а вмѣстѣ и позабавиться надъ страхомъ, какой присутствіе его вселяетъ во всѣхъ сельскихъ животныхъ. Ихъ всполохливый крикъ и бѣготня свидѣлствуютъ, что они чувствуютъ приближеніе страннаго существа, котораго видъ ихъ пугаетъ.

Воздухоплаватель часто бываетъ въ состояніи предпринять новый полетъ; и если, въ продолженіе пути, ему посчастливитъ быть свидѣтелемъ бури, онъ увидитъ подъ собою развитіе новыхъ явленій досгойныхъ удивленія и прочимъ людямъ недоступныхъ. Образованіе облаковъ и великія дѣйствія, въ ихъ нѣдрѣ совершающіяся, безъсомнѣнія слишкомъ способны возбудить въ каждомъ, кто первый разъ къ нимъ приближается, не одно вниманіе, но даже нѣкоторый страхъ.

Съ 1783 года, эпохи изобретенія аэростатовъ братьями Монгольфьеръ, многіе тысяча опытовъ были произведены, при различныхъ случаяхъ; въ числѣ воздухоплателей были такіе, которымъ удалось болѣе ста разъ подниматься на воздухъ; нѣкоторые притомъ спускались на парашютахъ, и пр.; за всѣмъ тѣмъ, искусство воздухоплаванія, въ продолженіе 50 лѣтъ, представляеть только девять особъ подвергшихся

несчастно и тутъ всякой разъ причиною были или неблагоразуміе, или неосмотрительность, или стеченіе несчастныхъ обстоятельствъ, независящихъ отъ власти человека. Мы упомянемъ здѣсь только имена этихъ девяти жертвъ своего любопытства. — Первый изъ всѣхъ былъ знаменитый Пилатръ де Розье (Pilastre des Rozière). Послѣ него графъ де Замбекарн — другъ извѣстнаго Коцебу, погибшій при одномъ чрезвычайно опасномъ опытѣ, безъ всякой пользы для науки. — Оливари погибъ въ Орманѣ 25 ноября 1802 г. Моманъ (Mosment) производилъ свой послѣдній опытъ въ Лиллѣ 7 апрѣля 1803 г. Онъ имѣлъ привычку возноситься, стоя на легонькомъ плотикѣ, который служилъ вмѣсто гондолы. Черезъ десять минутъ, по отбытіи своемъ, онъ скинулъ парашютъ съ четвероногомъ животнымъ. Думаютъ, что въ это время, качаніе облегченнаго шара было причиною паденія Момана, котораго нашли полупогребеннаго въ песокъ, во рву городскомъ.

Биторфъ (Bitorf) въ Германіи, много разъ подымался счастливо на воздухъ, но 17 іюля 1823 года, въ Мангеймѣ, шаръ его поднявшись загорѣлся, и онъ упалъ на одинъ изъ крайнихъ домовъ города.

Отъ огня погибла также и г-жа Бланшаръ (Blanchard) которой смерть служитъ разительнымъ доказательствомъ, какъ опасно къ водородному газу приближать вещества способныя во мгновеніе воспламенить его и уничтожить. Г-жа Бланшаръ первая вздумала подыматься на шаръ, украшенномъ увеселительными огнями, и предавалась этой опасной забавѣ одна одишелька. Двадцать уже разъ носилась она по воздуху съ огненнымъ вѣнцемъ около шара; но 7 іюля 1819, въ 10 ч. вечера, когда она отправилась изъ Тиволи, отъ фейерверочнаго фитиля загорѣлся газъ; шаръ частію сгорѣлъ, и воздухоплавательница разбилась на одномъ дождѣ, въ предмѣстіи

Монмартрскомъ, на улицѣ Прованской подъ No 16.

Г. Гарисъ (Harris) бывшій офицеръ Англійской службы, подымался нѣсколько разъ, съ Англійскимъ же воздухоплателемъ Граамомъ (Graham) и это подамо ему мысль самому устроить шаръ, къ которому онъ присоединилъ нѣкоторыя мнимыя улучшенія, по видимому не удачно соображенныя. Въ маѣ 1834 г. онъ предпринималъ сдѣлать опытъ, который по наружности казался очень успѣшнымъ, но кончился несчастливо. Поднявшись надъ Лондономъ до крайней высоты, воздухоплаватель желалъ кажется спускаться, и потому отворилъ клапанъ своего шара. Послѣ, онъ не могъ уже притворить его плотно; газъ слишкомъ скоро истощился и шаръ съ такою быстротою опустился на землю, что отъ удара Гарисъ лишился жизни, но молодая дама ему сопутствовавшая была только что слегка ранена.

Наконецъ, Садлеръ, знаменитый Англійскій воздухоплаватель, который совершилъ множество воздушныхъ путешествій и разъ перелетѣлъ черезъ Ирландскій каналъ между Дублиномъ и Голигидомъ (Holyhead) гдѣ ширина его отъ 36 — 40 миль, погибъ близъ Полтона въ Англіи, 29 ноября 1834, жалостнѣйшимъ образомъ. Лишившись баласта въ слѣдствіе продолжительнаго пребыванія въ атмосферѣ, онъ принужденъ былъ спускаться очень поздно, на возвышенныя строенія. Отъ порыва вѣтра, гондола зацѣпилась за трубу одного дома, выпрокинула его и онъ упалъ на землю. Въ благоразуміи и знаніи Садлера небыло ни какого сомнѣнія; онъ доказалъ это чуть не шестьюдесятью пошылками. Одинъ несчастный обстоятельства, какихъ невозможно было предусмотрѣть, всему виною. Здѣсь случилось истинное воздушное кораблекрушеніе, плаватель разбивается о скалы и гибнетъ въ пристани, при ночной бурѣ!

Подобныя несчастія, безсомнѣнія достойны сожалѣнія, но въ нихъ нѣтъ ничего чрезвычайнаго, чему бы удивляться. Въ мореплаваніи гораздо больше жертвъ, и бѣдствія послѣ тысячекратныхъ опытовъ, все еще ежедневны. Если разсматривать происхожденіе почти всѣхъ искусствъ, то окажется что первые опыты всегда сопровождаются бѣдственными случаями; а наука воздухоплаванія слишкомъ еще юна, поэтому и не изъята отъ опасностей.

Впрочемъ плаваніе по воздуху не должно почитать мечтою. Было бы очень несправедливо относить мысль о немъ къ числу химеръ, переданныхъ намъ ученостью, и безразсудными изысканіями философовъ XVI и XVII вѣковъ, которыя давнымъ давно, и не безъ основанія, предоставлены новымъ Албертамъ «великимъ» и «малымъ», какіе порою проявляются еще на сценѣ. Мысль о плаваніи воздушномъ, почерпнутая изъ самыхъ началъ аэростатики, должна почитаться одною изъ основательнѣйшихъ. Множество ученыхъ, во всѣхъ странахъ свѣта, признали возможность воздушнаго сообщенія и предсказали, что оно сбудется. Во Франціи можно сослаться на Монжа, Гитона Морво (Guyton Morveau) и Мёнье (Meusnier), въ основательной учености которыхъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Фуркруа (Fouquier) тоже говорить о немъ мимоходомъ, и въ другомъ классѣ людей различнаго достоинства, — Гретри, Бернардэнъ де Сен-Пьеръ и астрономъ Деламандъ никогда не сомнѣвались въ томъ, что гению человѣческому предоставлено покорить воздушныя области. Въ этомъ отношеніи Паули (Pauly) Женевскому уроженцу, изобрѣтателю ружей съ пистонами, удалось въ 1804 году, въ Парижѣ, произвести рѣшительный опытъ, при чемъ въ маршалъ Невъ нашель онъ ревностнаго поборника. Изобрѣтеніе аэростатовъ возбудило повсюду удивленіе и возродило мысль о воздуш-

номъ сообщеніи. «Это новорожденное дитя,» сказалъ Фрайклинтъ, въ 1783 году при видѣ перваго воздушнаго шара. Въ слѣдующемъ году, умирающій Эйлеръ посвятилъ свои послѣднія минуты вычисленіямъ для опредѣленія пути какима шара возносима въ воздухѣ. — Коцебу, которому нельзя вовсе отказать ни въ зрѣлости понятій ни въ правѣ на названіе знаменитаго писателя, не почелъ недостойнымъ себя, высказать, во многихъ своихъ сочиненіяхъ, мнѣніе свое по этому предмету. Если Коцебу, какъ другъ несчастнаго Замбекари, не могъ отвратить его отъ ошибокъ, свойственныхъ пламенному воображенію, умѣлъ по крайней мѣрѣ почитать великій талантъ и ревность этого славнаго воздухоплавателя. Въ 1784, 1785 и 1786 годахъ многіе академики Французскіе и иностранцы занимались важнымъ предметомъ воздухоплаванія; но настало время политики и революціонныхъ бурь, и въ этомъ крушеніи, въ которомъ погибъ государственный корабль, и потонуло столько благотворныхъ идей, исчезъ также на нѣкоторое время и духъ изобрѣтеній и ученыхъ открытій. Едва уже въ 1804 году показались въ Парижѣ люди, которые начали обращать вниманіе опять на аэростаты. Въ это время Гр. Біо (Biot) и Гэ-Люсакъ (Gay-Lussac), члены Академіи Наукъ, предприняли воздушное плаваніе; нѣсколько спустя послѣдній совершилъ одинъ вторичное, при этомъ опытѣ воздухоплаватель занялся наблюденіями которыхъ выводъ былъ почти тотъ же, какой и у г. Робертсона, подымавшася на воздухъ съ г. Лоз (L'Hoëst) предшедшаго года, въ Гамбургѣ. Гэ-Люсакъ равно какъ и Робертсонъ и Лоз подымались до 4000 сажень, пробыли нѣсколько часовъ въ атмосферѣ и спустились въ 30 миляхъ отъ мѣста съ котораго отправились. Еще въ 1785 году докторъ Потэнъ и Бланшаръ, носидись надъ хлябями морскими, перелетая

одинъ изъ Ирландіи въ Англію черезъ каналъ шириною отъ 20 до 30 миль; другой изъ Англіи во Францію черезъ Па-де-Кале. Въ слѣдующемъ году этотъ же самый Бланшаръ, благопріятствуемый своимъ сухимъ температуромъ, и счастливымъ расположеніемъ органовъ своихъ, вознесся при одномъ изъ своихъ полетовъ выше 5000 сажень. Двадцать лѣтъ спустя видѣли Якова Гарнеренъ (Garnepin) не одинъ разъ перелетавшаго изъ Парижа въ Мон-Тонеръ и Эксъ-ла-Шапель, и потомъ переславшаго въ Римъ въ 16 часовъ извѣстіе о коронованіи Наполеона.

Не смотря на все это, и вопреки

благороднымъ усліямъ нѣкоторыхъ частныхъ особъ, искусство аэростатики остается у насъ безъ всякаго уваженія. Кажется, будто совсѣмъ потеряли изъ вида выгоды плаванія по воздуху, и Французское правительство спокойно смотритъ исчезаніе и бездѣйствіе одною изъ прекраснѣйшихъ открытій про изведенныхъ гениемъ человѣческимъ. Плаваніе по воздуху представляетъ однакожь выгоды гораздо большія, нежели мореплаваніе простое, и даже парходное. Новый способъ перевозить людей и товары по воздуху оставилъ бы далеко за собою всю систему водныхъ сообщеній и желѣзныхъ дорогъ.

ЗАМѢТКИ ЖИТЕЛЯ ТОГО СВѢТА.

Статья II.

ПУТЬ ВЪ ОХОТСКЪ.

Лена подъ Якутскомъ раздѣляется тремя довольно длинными островами, на четыре рукава. Левый берегъ рѣки, на которомъ расположенъ городъ, отстоитъ отъ пранаго верстъ на восемь, а потому всѣ товары назначаемые для Охотска и чрезъ него въ Камчатку и Россійско-Американскія колоніи перевозятся или на особо построенныхъ въ Якутскъ лодкахъ, или не заходя въ Якутскъ, прямо на повозкахъ пристаютъ къ мѣсту сухопутной отправки.

Это мѣсто носить названіе *Ярмарки*, и состоитъ изъ довольно обширной при-

брежной равнины, на которую стогнаются лошади подпряженные подъ свозъ товаровъ. По берегу врыто нѣсколько сотенъ столбовъ, къ которымъ привязываютъ лошадей. Въ нынѣшній годъ по причинѣ высокой воды въ р. *Сола*, мѣсто ярмарки перенесено на восемь верстъ ниже по берегу Лены, такъ что отправляющіеся транспорты минуя глубокій бродъ разлившейся рѣки.

Не имѣя особыхъ дѣлъ въ Якутскѣ, я отправился на другой день моего туда прибытія, т. е. третьяго июня, на четырехъ-весельной лодкѣ, поднимаю-

шей грузу пудовъ до восьмидесяти. Весла Якуты употребляютъ четырехугольные, и на уключину надѣваютъ сдѣланную изъ дерева огибь; гребутъ, какъ называется у моряковъ «по вахтенно» т. е. кто какъ съумѣетъ и успѣетъ. Около 8-ми часовъ вечера мы пристали къ мѣсту ярмарки; тутъ встрѣтили новыхъ спутниковъ: священника отправляющагося въ колоніи и одного женатаго прикащика. Всю ночь на 4-ое число провели въ окончательной увязкѣ вещей, и въ разредѣніи выюковъ между Якутами; каждый изъ нихъ подходилъ къ выкку, поднималъ, пробуя не больше ли ѣтъ опредѣленнаго вѣса 2½ пудъ и потомъ увязывалъ по своему ремнямъ для накладки на лошадь. Такъ прошло время до полдня.

Караванъ нашъ состоялъ изъ меня, вольнаго штурмана, кондуктора корабля: штурмановъ, учителя, четырехъ прикащиковъ, священника съ женой и двумя сиротами, взятыми имъ, для отвоза въ Охотскъ къ дѣдушкѣ, тамошнему богатому купцу; одного женатаго прикащика, моего деньщика, двухъ промышленниковъ, и компанейскаго прикащика при транспортѣ, всего 10-ть Русскихъ душъ. Всѣ эти души исключая сиротскихъ и транспортнаго прикащика, отправлялись за какимъ-то счастьемъ на службу въ Рос: Америк: колоніи. Подъ наши вещи поступило 25 лошадей: при нихъ десять человекъ проводниковъ и одинъ подрядчикъ, всѣ изъ Якутовъ.

Прежде описанія отправки, я считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о подрядѣ и выставкѣ лошадей подъ свозъ кладь. Главнымъ подрядчикомъ обыкновенно бываетъ какойнибудь богатый Якутъ или извѣстный князецъ, — (съ 1837 года всѣ князцы переименованы въ старосты); но какъ ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ въ наличіи потребнаго числа лошадей, то сдаетъ половину или какъ часто бываетъ весь подрядъ другимъ Якутамъ, оставляя при себѣ одно прозваніе поставщика, но выговора неболь-

шую плату съ лошади; тѣ, сдаютъ опять между собою и случается такъ, что транспортъ лошадей въ восемьдесятъ раздробляется между пятью и шестью поставщиками. Необходимость и бѣдность Якутовъ заставляетъ терпѣть это зло. Въ нынѣшній годъ провозная цѣна до Охотска сорокъ рублей съ лошади. По пяти рублей съ каждой остается въ залогъ, который выдается купцомъ отправляющемуся при транспортѣ прикащику, для расплаты за перевозки и доставленія остальныхъ въ Охотскъ; но эта сумма выходитъ всею дорогою: бывають случаи, что Якуты остаются въ долгу у купца до слѣдующаго лѣта: это происходитъ отъ слѣдующихъ причинъ.

Общая бѣдность Якутовъ не дозволяетъ, какъ я выше показалъ, взять подрядъ на одно лицо. Многіе изъ мѣлкихъ подрядчиковъ прѣзжаютъ на мѣсто ярмарки, верста за полтораста на тощихъ и изнуренныхъ лошадяхъ, и необходимость заставляетъ купцовъ отправлять товары на приведенныхъ такъ называемыхъ «подставныхъ» лошадяхъ, которыхъ въ каждомъ транспортѣ можно насчитать на половину. Пройдя верста двѣсти, худыя лошади истощаются еще болѣе, пристають, накалываются и падаютъ. Прикащикъ боясь разбросать товары вынужденъ бываетъ выдавать не только удержавныя въ залогъ деньги, но и свои собственные или хозяйскія, для обмена или для покупки свѣжихъ лошадей.

Сибирской лошадиной язвы не было три года; иначе по дорогѣ къ Охотску, Якуты теряютъ въ лѣто отъ 5 до 7 тысячъ лошадей.

Когда увязка подходила къ концу, половина проводниковъ отправилась для поимки лошадей. Сначала привели подъ седла, смирыхъ какъ они называли, но ни одна изъ нихъ не могла терпѣть Русскаго духа. Лошади фыркали, храпѣли, били передомъ и задомъ, вырывали столбы, къ которымъ были

привязаны. Меня кавказскаго вѣдока это не безпокоило, но гг. прикащики Ревельскіе урожденцы, только что изъ подъ матушкина крылышка, очистили носы. А дамы? . . . объ нихъ нельзя же всего разсказывать. Кончилось тѣмъ, что всѣ подчинились необходимости.

Приступили къ накладкѣ выюковъ. На каждую лошадь наложилъ по толстому сомоменному потнику, потомъ подтянули небольшое сѣдло, состоящее изъ трехъ дугъ; средняя дуга составляется изъ двухъ особыхъ отѣсковъ, концы которыхъ выдаются на два вершка выше сѣдла, образуя между собою подобіе буквы V; на эти рожки надѣваются выюки обвязанные ремнями: выюкъ съ правой стороны на рожокъ лѣвый и обратно. Десять лошадей связывались вмѣстѣ хвостами. Невозможно выразить того, что они дѣлали для освобожденія отъ наложенной тяжести. Многія сбрасывали ящички, били ихъ ногами, и высвободясь убѣгали въ горы. Около четырехъ часовъ заполдень кой-какъ устроились. Отслужили молебень «въ путь шествующимъ» выюки тронулись, а за ними и мы. Въ полуверстѣ отъ мѣста отправки, разливъ Лены, выступившей въ этомъ мѣстѣ изъ береговъ, представлялъ первый и довольно глубокой бродъ. Лошади въ водѣ шли одна за другой, осторожно, разчитывая каждый шагъ; но по дорогѣ, кустъ или малѣйшій шорохъ пугалъ весь караванъ.

Согрѣвшу противъ совѣсти, введу въ заблужденіе читателя или доврчиваго путника назвавъ Охотскій путь дорогою: Путь, слово неопредѣленное, означающее направление сообщенія страны съ страной. Просѣки сажени въ полторы сѣмашныя во время оно по лѣсу, или заросли, или закиданы поперегъ сгнившимъ на корнѣ лѣсомъ, или оставлены караванами по причинѣ топей; тропинки прокладываемыя ежегодно транспортомъ змѣются по всему направлению къ Охотску, и чтобъ не сбѣгаться съ пути и не заѣхать въ Якутскія

улусы расположенныя близъ пути [отъ Якутска до р. Алдана; въ иныхъ мѣстахъ, чья-то благодѣтельная рука наложила на близъ растущія деревья зарѣзы или зарубы.

Разстоянія до Охотска считается тысяча семисотъ-саженныхъ верстъ (=1400 нынѣ принятымъ). На четыре версты съ кудравой надписью, кто и въ какомъ году ихъ ставилъ, навѣхалъ я на пути до р. Алдана; одну встрѣтилъ у Удомокрестовской станціи. Первые гласить что поставлены въ 1752 и 1756 годахъ, а послѣдняя въ 1769. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще попадаются древніе столбы: это столбы тшеславія; на нихъ выписано кто и когда поправлялъ дорогу.

Проѣхавъ 15 верстъ *) караванъ нашъ остановился для почлега на берегу довольно большаго озера. Путь лежитъ отъ ярмарки сосновымъ и лиственничнымъ лѣсомъ, близъ дороги попадаетъ мѣлкій березникъ. Около палатокъ собралось множество Якутовъ изъ ближнихъ наслѣговъ: женщины приходили со сливками и сметаной, мужчины приносили утокъ и говядины, но большая часть являлась съ пустыми руками, въ надеждѣ получить листокъ табаку или напитокъ задаромъ чай. Узнавъ что въ транспортѣ находится священникъ, одинъ Якутъ пожелалъ окрестить не давно рсдившагося сына. На другой день въ семь часовъ утра на берегу прозрачнаго озера, при всѣхъ насъ, въ виду большой толпы окружныхъ жителей, совершилось высокое таинство крещенія. Нѣкоторые изъ Якутовъ въ возрастѣ принимаютъ таинства покаянія и причащенія, но это случайно, при встрѣчахъ съ священниками, которые ежегодно посылаются изъ областнаго города по Якутскимъ наслегамъ. Якуты, не имѣя способвъ къ поставленію въ высокіяхъ

1.) Версты считаю семисотными, — счисленіе, которому слѣдуютъ издревль здѣшніе путники.

правилахъ христіанской религіи, остаются при выполненіи нѣкоторыхъ только внѣшнихъ обрядовъ.

Чтобъ не быть помѣхой транспорту, я съ перваго дня расположился вѣхать верстахъ въ двухъ впереди. Это доставило намъ часа два для отдыха и объѣда, потому что караванъ идетъ тише, но не останавливается до мѣста ночлега.

Якуты при остановкѣ на ночь, даютъ лошадямъ выстаиваться, такъ что въ первые дни пути, пускаютъ на кормъ часа на два не болѣе. Это дѣлается съ опыту: у кормленныхъ лошадей пухнуть спины. До р. Алдана, чтобъ лошади не разошлись по улусамъ ихъ тренѣжать, но это не помѣшало одной уйти или быть украденной съ перваго ночлега. 5-го Іюня день былъ прекрасный, толокника и пезабудки въ цвѣтъ, тропинки сухи, проѣхали около тридцати верстъ. Вечеру при сходѣ съ лошадей нѣкоторые шатались, садясь на мягкую мураву, украдкой поправляли платье, и это было поводомъ къ шуткамъ между молодежью.

Совсѣмъ въ противномъ расположеніи духа встали мы на другой день. Изъ навислыхъ облаковъ съяло мѣлкимъ дождемъ, «бусой», по сибирскому варьчю; небо, завѣщенное сѣрой пеленой отдѣляющихся изъ земли паровъ, слилось съ ближайшимъ лѣсомъ. Не отвѣхали съ версту, какъ разорвались тучи и полило дождемъ, который въ пять минутъ не оставилъ бы на насъ сухой нитки, если бы мы заранее не обезпечили себя приличной одеждой. Такая одежда необходима для каждаго по Охотскому пути, и состоитъ изъ плаща и башлыка непромокаемой матеріи; впрочемъ достаточно окраплетъ плащъ изъ ровнаго коленкора или фламскаго полотна, пропитанный олифою. На ногахъ нужно имѣть Якутскіе сапоги, называемые *сары*: шитыя изъ коневой шкуры, онѣ мягки и не пропускаютъ воды. Охотскія длинныя сары, столько полезныя въ бродахъ,

предпочитаются по ихъ прочности. Цѣна Якутскимъ отъ 3-го до 10-ти, но Охотскія менѣе 25 руб. нельзя найти.

Мой Буцефалъ, пугаясь раздувавшася отъ вѣтра и взды большаго воротника, принудилъ меня вѣхать въ фризовомъ сертукѣ. Тропинки отъ дождя сдѣлались скользки: постоянно выбиваемыя копытами они лежатъ ниже прилегающихъ къ нимъ мѣстъ; дождевая вода скопясь, бѣжитъ по нимъ ручьями и въ низкихъ мѣстахъ образуетъ глубокія лужи. Въ цѣлый день, съ трудомъ проѣхали около 25 верстъ, радуясь случаю, приведшему насъ для обсушки въ юрту богатаго Якута Алексѣя Неустроева.

Зимнія юрты Якутовъ проживающихъ до р. Алдана похожи на наши избы, безъ пола и потолка; срубъ выводится на кось съуживаясь къ крышѣ. Посреди юрты стоитъ открытый каминъ съ прямою трубою; эти каминныя въ родѣ тѣхъ, которыя дѣлаются въ ханѣхъ у Персіянъ нашихъ закавказскихъ провинцій. Передній уголь и часть противоположной дверямъ стѣны занимаютъ образами, подъ которыми развѣшиваютъ занавѣсы различныхъ цвѣтныхъ матерій. Отъ образовъ, по протяженію трехъ стѣнъ идутъ широкія лавки устилаемыя сѣномъ. Столы и стулья домашняго издѣлія, отдѣляются съ нѣкоторымъ вкусомъ резьбою. Хозяинъ лѣтъ семидесяти, угощалъ насъ говядиной, рыбой и сливками, отказываясь отъ всякой платы, но намекалъ на чай, сахаръ и водку. Такой способъ продажи обошелся ему вдвое выгоднѣе. На другой день по утру самъ Неустроевъ, стоя предъ образами читалъ громко молитвы, исковерканнымъ русскимъ языкомъ: семья его крестилась въ отдаленіи. Въ продолженіе моего пути въ Охотскъ, это единственный случай, въ который мнѣ пришлось видѣть Якутовъ молящихся стоя; вообще они молятся сидя, и то какъ бы нарочито показывая проезжающему

свою приверженность къ христіанской религіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторую образованность. Неустроевъ считается въ числѣ богатѣйшихъ Якутовъ: отъ ведетъ торги тысячъ на десять въ годъ. Таковы ли были прежнія времена!

Съ 7-го по 16-ое, непрерывные дожди сдѣлали дорогу непроходимую. Лошади тонули въ грязи, накалывались на пни и лѣсины, проводники вли павшихъ, подрядчикъ или прикащикъ транспорта замѣщали убыль лошадей свѣжими, вымѣнивая или покупая у околныхъ Якутовъ, и такимъ образомъ караванъ нашъ тихо, но все подвигался впередъ. Общее направленіе пути до р. Амги лежитъ къ северу и северовостоку, чрезъ тундру и болота, по скатамъ холмовъ къ озерамъ, которые тянутся непрерываемою нитью одно за другимъ, отдѣляясь въ нныхъ мѣстахъ перешейками, не болѣе 15 сажень шириною. Многія изъ этихъ озеръ, образуя естественные бассейны скопленію снѣговой и дождевой водамъ, высыхая лѣтомъ представляютъ Якутамъ тучные сѣнокосы и пастбища; въ другихъ, какъ въ Тюгюлю, Чурончъ, водится мѣлка озерная рыба; нѣкоторыя соединяются между собою небольшими протоками или рѣчками, Таттой, Лебегинью и другими. Лебегиня шириною въ обыкновенное время не болѣе пяти сажень, при глубинѣ $1\frac{1}{2}$ футъ, отъ необыкновенныхъ дождей нынѣшняго лѣта поднялась такъ, что затопила станцію, залила мостъ, и при персправѣ разлилась до пятидесяти сажень. Прошедшему передъ нами транспорту куца Шилова обязаны мы были небольшимъ плотомъ на которомъ перевезли выюки, иначе, простояли бы лишній день за работой. Гати или такъ называемые здѣсь мосты, транспорты объѣзжаютъ цѣлкомъ по болотамъ. Эти мосты, длиною ные до трехъ верстъ, состоятъ изъ тонкихъ, неочищенныхъ отъ коры и неогрессанныхъ жер-

зей, настланныхъ на другія продольныя жерзди и сбитые деревянными гвоздями или нагелями.

Верстахъ въ десяти недоѣзжая р. Амги начинается попадаться мѣлкій сосновый лѣсъ, я навхалъ на три бѣлыхъ гриба, что въ здѣшнихъ мѣстахъ рѣдкость. Перевозъ черезъ рѣку состоитъ изъ одной лодки, поднимающей по восьми выюковъ, т. е. по сорока пудовъ; берега частью глинистаго, частью песчанаго сложенія; ниже перевоза въ верстѣ правый берегъ обставленъ крутыми обнаженными утесами, по видимому глинисто сланцоватаго образованія; русло каменисто, теченіе на мѣстѣ перевоза простирается до восьми верстъ въ часъ, но это кажется отъ необыкновенной прибыли воды; ширина рѣки до 75 сажень.

Здѣсь мѣсто упомянуть о памятникахъ попадающихся по дорогѣ до р. Алдана; они состоятъ изъ деревянныхъ столбовъ, съ различными украшеніями и вычурными надписями. Ставятся Русскими пробѣзжающими и Якутами, во славу своего имени, болѣею частью на мѣстахъ почлеговъ. Примѣчательнѣйшій паматникъ такого рода поставленъ Якутскимъ княземъ Пономаревымъ. Паматникъ состоитъ изъ трехъ столбовъ, поставленныхъ въ линію въ некоторомъ одинъ отъ другаго разстояніи, при дорогѣ, не доѣзжая семи верстъ до перевоза чрезъ р. Амгу. Вотъ надписи съ точнымъ соблюденіемъ правописанія:

На первомъ столбѣ: «Сей столбъ поставленъ княземъ»

И: Пономаревъ. 1831 г. мая 24 дня.

На второмъ: «Староста И: Пономаревъ.»

На третьемъ: «Усердіе Пономарева Троицу.

За подвигъ Христовъмъ,

Которымъ былъ утѣшенъ миръ,

Когда Апостолъ мощнымъ словомъ,

Потрясъ язычества кумиръ.»

Усердіе необразованнаго человѣтка и высокость мысли, дурно выраженной, удержатъ критика.

Отъ Амги до рѣчки Нохи, считается 65 верстъ; сложеніе земли глинистое, мѣстами песчаное; направление дороги къ сѣверовостоку, озера попадаются рѣже. На свѣтъ можно ко всему привыкнуть, и мы привыкли къ вѣдъ по волнамъ застывающей грязи. Вдругъ необыкновенное происшествіе повергло нашъ караванъ въ общее уныніе.

Утро 15 іюня обѣщало прекрасный день. Проводники только что встали, развели огни предъ каждой палаткой для чайниковъ, а сами принялись за роскошный завтракъ—лошадину, доставшуюся имъ за день. Дѣвочка 12 лѣтъ съ братомъ по 11 году, находившіеся на попеченіи священника проснувшись вышли изъ палатки побѣгать по цвѣтнстому лугу. Промочивъ утренней росой ноги, дѣвочка подошла къ огню обсушиться, но по несчастію заговорясь съ братомъ не примѣтила, что на ней загорѣлось платье. Братъ первый закричалъ сестрѣ «ты горишь!» — та испугалась, побѣжала и пламя быстро обхватило ее. Якуты съ большимъ трудомъ поймали испуганную дѣвочку и къ большому несчастію горѣвшее платье залили водою. Можно себѣ представить положеніе священника и его жены: они совершенно потерялись. Я спалъ; узнавъ объ этомъ происшествіи спустя болѣе получаса, приказалъ обкласть всѣ обожженные мѣста хлопчатой бумагой. У дѣвочки оказались признаки горячки. Тетушка дала мнѣ на дорогу, для отвращенія всѣхъ недуговъ, какихъ то, — по деревенски маркеловскихъ лепешечекъ: я употребилъ ихъ въ дѣло, разумѣется не съ большою вѣрою; бредъ дѣвочки уменьшился, но мало было надежды на сохраненіе ея жизни. Происшествіе это случилось за 15 верстъ до рѣчки Нохи; оставаться на мѣстѣ было невозможно. Я настоялъ, чтобъ была сдѣлана качка, въ которой Маша (такъ звали дѣвочку) прибыла къ перевозу, примѣтно успокоившись; но нанятый особо Якутъ, отказался вести далѣе качку, от-

зываясь тѣмъ, что по причинѣ грязи онъ не можетъ отвѣчать за безопасность въ ней лежащей больной.

Качки состоятъ изъ двухъ длинныхъ жердедей или оглобелей, прикрѣпленныхъ ремнями къ двумъ лошадямъ слѣдующимъ одна за другою. Около срединны этихъ продольныхъ жердедей, кладутся двѣ перекладины, перевязываемыя ремнями, образуя родъ морской койки; въ переплетенное пространство кладется постель и сагается больной. Изъ тако-го описанія качки, и по особой трусости Якутскихъ лошадей видно, что онѣ не безопасны.

Рѣчка Ноха, не шире 10 сажень, съ крутыми и топкими берегами; не знаю почему не сдѣлаютъ чрезъ нее моста, тѣмъ болѣе, что она никогда изъ береговъ не выходитъ. Перевозъ состоитъ изъ двухъ лодокъ, поднимающихся по 4 вьюка. Сколько времени потеряетъ купеческій транспортъ, если случится съ нимъ несчастіе сойтись съ другимъ или разомъ вмѣстѣ съ нѣсколькими караванами.

Прошло десять дней со дня отправки и мы отъѣхали всего 310 верстъ. Я долженъ былъ спать, и потому отдался. Взявъ съ собою двухъ мореходовъ, деньщика и въ провожатые одного Якута, 16-го оставилъ караванъ. Вечеромъ для ночлега расположился на берегу величественнаго Алдана. Дорога къ станціи выходитъ на лѣвый берегъ рѣчки, версты за двѣ ниже перевоза. Эти двѣ версты, сухой, битой дороги, окраенной съ одной стороны водою, а съ другой роскошнымъ цвѣтникомъ розъ, полевыхъ жасминовъ, сіалокъ и другихъ распустившихся цвѣтовъ, представились мнѣ тѣмъ-то очаровательнымъ. Я не ожидалъ встрѣтить въ этой части Сибири такой богатой растительности.

Алданъ вытекаетъ изъ Яблоноваго хребта, и послѣ Лены, самая большая рѣчка изъ протекающихъ по Якутской области. Въ нее впадаютъ всѣ внутреннія

рѣчки области, начиная отъ Амги до Удомокрестовской. Алданъ, своими крутыми, лѣсистыми берегами, своимъ каменистымъ ложемъ, цвѣтомъ своей воды, много походитъ на Лену. При перевозѣ, течетъ однимъ русломъ, шириною около трехъ сотъ сажень. Козаки содержатъ перевозъ, плата: 30 копѣекъ съ вьюка, лошади, или челоуѣка. Одна часть изъ выручаемой суммы поступаетъ имъ, а двѣ въ казну. Въ гребляхъ употребляются Якуты. На моемъ карбасѣ случился козакъ, худо понимающій по русски. Карбасы одной конструкціи съ судами, въ которыхъ перевозятъ скотъ изъ Ораніенбаума въ Кронштатъ, только нѣсколько менше и безъ мачты, лошадей ставится по 27, тяжести помѣщается до 250 пудовъ. Строятся въ Якутскѣ, спускаются внизъ по теченію Лены, къ устью Алдана, и потомъ до перевоза тянутся бичевою. Отъ перевоза до устья Алдана считается 400 верстъ. Въ одно лѣто рѣдко удавалось привести новый карбазъ изъ Якутска. Гораздо было-бы выгоднѣе строить на берегу Алдана: строеваго лѣса много, стоило-бы прислать плотника знающаго свое дѣло. Перевозъ по быстринѣ и ширинѣ рѣки затруднителенъ. Суда, чтобы попасть къ назначенному мѣсту, затагиваются вверхъ противъ теченія людьми и потомъ спускаются къ перевозу; въ этой операціи проходить до двухъ часовъ, такъ что въ день одинъ карбазъ не дѣлаетъ болѣе двухъ, много трехъ концевъ взадъ и впередъ. Притомъ, съ естественными трудностями крѣпко соединена лѣня козаковъ — перевозчиковъ: которые твердо увѣрены, что рано-ли, поздно-ли, но ни одинъ вьюкъ не минетъ ихъ перевоза. Чего-бы, казалось, стоило употребить лошадей, при затагиваніи судна вверхъ противъ теченія? «Да, какъ можно, этого не бывало прежде.» И вотъ, со мною на Алданскомъ перевозѣ сошло пять транспортовъ въ числѣ 4,000 лошадей и 2,000 пудовъ клади. Послѣдній изъ при-

бывшихъ транспортовъ, сколько напрасно потеряеть благоприятнаго времени. Но расчетъ вѣренъ; все онъ достигнуть мѣста назначенія — Охотска; все продадутъ свои товары, съ одинаковыми барышами, куда жъ торопиться. Таковъ еще духъ торговли въ большей части Русскихъ.

Станціонный смотритель старикъ лѣтъ подл 70 поселившійся здѣсь съ 810, показывалъ мнѣ огородъ. Въ немъ растутъ морковь, редька, рѣпа, огурцы и прочія огородныя произведенія, капуста вѣтается большими (кочками) вилками. Церквей нѣтъ до Охотска. Что иное какъ не религія, можетъ надежныѣ вести къ образованію дикихъ племенъ; теперь Якуты пренебрегаютъ знаніемъ Русскаго языка, напротивъ, тогда старались-бы его изучать для собственной пользы. Я слыхалъ, что предполагена постройка 40 церквей по Якутской области. Дай Богъ, чтобы это спасительное предпріятіе скорѣе было приведено въ исполненіе.

За четверть версты отъ праваго берега Алдана, начинается непрерывное болото до рѣчки *Торо-урахъ* — поперечною.

Мостъ чрезъ рѣчку Торо-урахъ снесенъ и мы перебрались въ бродъ; на ночлегъ въ первый разъ появились комары и мускиты въ такой силѣ, что все принуждены были укрыться въ волосяныя сѣтки, которыми нарочито запаслись въ Иркутскѣ.

18. Отъ четырехъ дней вѣдра тропинки подсохли; съ лѣваго берега Бѣлой-тылкахъ, чрезъ которую мы переправились въ полдень, страна принимаетъ иной видъ, болотъ и озеръ не приметно. почва становится каменистою. Бѣлая при переправѣ шириною до 70 саж. теченіе до 13 верстъ въ часъ, вода свѣтла, русло каменисто, берега устланы валунами различныхъ цвѣтовъ и породъ, между которыми попадается много зеренъ кварца и розоваго порфира: Бѣлая считается въ числѣ золоти-

посныхъ рѣкъ по приискамъ, кажется въ 833, купца Баснина. — 19 ночевали на станціи Чернольвской, проѣхавъ 44 версты. Дорога выходитъ нѣсколько разъ на берегъ Бѣлой, которая величаво протекаетъ однимъ русломъ подъ самой станціей, но выше и ниже раздробляется на многіе протоки. Не доѣзжая 22 версты до Чернольвской станціи лежатъ на пути Горный хребетъ называемый *Силлахъ*. Въ иныхъ мѣстахъ тропинки пролегаютъ по краямъ утесовъ, спускающихся отвѣсно къ рѣкѣ: по скатамъ горъ видно много кедроваго кустарника и багульника въ цвѣтѣ. Въ этотъ день мы девять разъ переправились въ бродъ чрезъ различные протоки, стремящіяся съ высей горъ въ Бѣлую.

За 18 версты по ту сторону Чернольвской станціи начинается собственно горная страна образуемая отраслями Становаго хребта, отрога котораго танутся на сѣверовостокъ къ Чукотскому мысу. Путь уклоняется къ югу, переходитъ на берега горнаго потока *Кункуй-Самаа*, протекающаго извилинами въ узкихъ глубокихъ долинахъ, обставленныхъ горами, въ иныхъ мѣстахъ представляющими голые утесы; въ другихъ поросшіе лиственными. До Чагъ-Дальскаго хребта, на разстояніи 14 версты, мы перезжали въ бродъ протокъ Кункуй-Самаа, 25 разъ, не считая мѣлкихъ разливовъ. Путь чрезъ хребетъ Чагъ-Даль идетъ крутой спиралью; спускъ довольно пологъ и болотистъ. Изъ произрастеній видны кедровые кустарники, образующіе своими, симметрически раскинутыми вѣтвями, опрокинутые куполы. Никогда незрѣющіе орѣхи составляютъ вкусную пищу жителя этой страны, обоготворяемаго Якутами—медвѣдя. За Чагъ-Дальскимъ хребтомъ, почва горнокаменныхъ породъ переходитъ въ известковые и сланцевые: гранитныхъ не видно. Путь продолжается извинаясь по узкихъ долинамъ, опустошаемымъ паводочными протоками *Чохона*, *Итабытъ* и *Бары-*

быль. Види дикіи и унылы. Кроме неба и утесовъ нѣтъ предмета, на которомъ-бы остановился взоръ путешественника; на нѣкоторыхъ почти неприступныхъ пикахъ видяются кресты поставленные проѣзжающими; но съ вершины (*point culminant*) горнаго хребта, чрезъ который пролегаетъ *Нюно-Хана*, Охотскій путь отстоящій отъ Чагъ-Дальскаго въ сорока пяти верстахъ, видъ великолѣпенъ. Окружныя горы кажутся небольшими холмиками. Воздухъ ощутительно рѣже. Протокъ *Киты-Кыламы* беретъ свое начало на вершинѣ *Нюно-Хана*; тропинки переходятъ версты на тридцать съ берега на берегъ этого быстраго протока, потомъ пересѣкая рѣчку *Сарды* входятъ въ узкое ущелье горъ чернаго сланцеваго аспида, обгибаютъ чрезъ такъ называемые семь хребтовъ—*Сетты-Давакъ*, и протягиваются извинаясь по узкой каменистой долинонѣ, наполненной кругляками известковаго сложенія, до станціи *Аллахъ-Юна*, которая расположена при рѣчкѣ того же названія въ довольно обширномъ разлогѣ горъ.

Общій видъ страны отъ Чернольвской станціи до *Аллахъ-Юна* гористъ и не представляетъ удобныхъ мѣстъ для водворенія осѣдлаго жительства; не видно хорошихъ луговъ для продовольствія лошадей. Проходящіе транспорты довольствуются, и то не вездѣ, небольшими клочками земли, производящей скудную, рѣдкую траву. Вся такіе лосятки известны проводникамъ, и если онѣ въ пору остановки на ночлегъ найдутъ на истребленный передовыми транспортами лужокъ, то принуждены бывають ѣхать нѣсколько версты впередъ.

24. На станціи, освѣжаясь послѣ сѣмидневнаго поста молокомъ, переправились чрезъ рѣчку *Аллахъ-Юна*, въ двухъ плохихъ лодкахъ и отъѣхавъ семь вѣрстъ остановились на ночлегъ для отдохновенія лошадей на берегу небольшого озера, изъ котораго кочующіе по бли-

зости Якуты валовили намъ мѣлкихъ карасей:

Далѣе версть на 18 путь идетъ по довольно болотистой долинкѣ, потомъ выходитъ на правый берегъ *Анчи*, которымъ и слѣдуетъ отдаляясь мѣстами въ горы до самой переправы на лѣвый берегъ. Перевозъ состоитъ изъ двухъ небольшихъ лодокъ поднимающихъ по 4 вьюка: перевозчики Якуты; рѣка быстра и усыпана камнями: въ засухи можно ее перезвзжать бродомъ съ четверть версты выше перевоза; ширина до 40 саж. вода кажется черною, протекая по почвѣ чернаго аспиднаго сложенія

На правомъ и лѣвомъ берегу *Анчи* попадаются медвѣжьи ловушки, состоящія изъ трехъугольнаго сруба: на сторожку, какъ въ мышеловкѣ, привѣшиваютъ кусокъ мяса, и лакомый житель лѣсовъ, схвативъ кусокъ бываетъ придавленъ огромнымъ брусомъ.

Долины отъ *Анчи* начинаютъ мало по малу расширяться и путь пролегающій въ нихъ пересѣкается протоками *Анчиханъ*, *Эра-Таманъ*, *Мосолахъ*, *Мускуль*, *Кен-чайербъ*, *Энча*, и *Сыли-абатъ* и множествомъ другихъ мѣлкихъ потоковъ. Къ нашему счастью стояла хорошая погода, иначе, въ дождливое время, бывають случаи, что транспорты остановившіеся на ночлегъ, затопляются вышедшими изъ береговъ ручьями, почему бывають принуждены проводить дни по три и по недѣль на двѣяемыхъ парочито подмосткахъ, на которые складываются товары.

Протяженіе страны до Удомокрестовской станціи весьма возвышенно, что примѣчается обширными снѣжными долинами, чрезъ которые пролегаетъ путь направляющійся къ югу и мѣстами къ югозападу. Нѣтъ ничего унылае этихъ долинъ: предъ вами снѣжное, или вѣрнѣе, ледяное поле обставленное обпажеными утесами чернаго аспида; примѣтно, что въ былые годы разстивалъ снѣгъ, сѣмена пали, вышли молодые

побѣги и замерзли. Въ такъ называемой *капитанской-засыпкѣ*, никто изъ старожиловъ путниковъ, не запомнитъ чтобъ когда либо стаявалъ снѣгъ. Ледъ на ней толщиною до двухъ сажень. Воды тающаго на поверхности снѣга, прорывають себѣ стоки, несутся въ зеркальнымъ руслѣ, никогда не пропикая до земли; но бывають случаи, — отъ необыкновенныхъ дождей, ледяное поле трескается и носясь огромными глыбами, преграждаетъ на нѣкоторое время всякое сообщеніе. Главнѣйшее протяженіе снѣжныхъ долинъ отъ *ОНО* къ *VSW*.

Обпаженныя наводненіями горныхъ потоковъ три долины *Кен-тай* примѣчательны по своему песку содержащему слюдовидное золото. Честь такого открытія принадлежитъ мнѣ по преимуществу, потому что вздремавъ я полетѣлъ съ лошади запнувшейся за камень, и упалъ прямо лицомъ въ такое сокровище. Взявъ ококо пяти фунтовъ песку и привезши въ Америку не зная что съ нимъ дѣлать, по Провидѣніе умудряющее слѣпца, не оставило и меня безъ напутствія. Не будучи въ состояніи цѣлую недѣлю заняться чѣмъ либо путнымъ, я, крупинка по крупинкѣ, выбралъ 7 грановъ золотистыхъ частицъ, изъ которыхъ по расплавкѣ посредствомъ пальной трубки и потомъ въ плавильномъ горшкѣ получилъ слюдистую окалинку и 00 гранъ чистаго золота; по ариѳметическимъ выкладкамъ можно доискаться что когда столько то фунтовъ песку, дають столько-то гранъ золотистыхъ частицъ равняющихся 0 грановъ чистаго золота, то сто пудовъ песку дадутъ столько-то нулей; въ слѣдствіе такихъ выводовъ, съ достовѣрностію можно заключить, что открытое мною сокровище не стоитъ трудовъ при обработкѣ или примѣе вовсе ничего не стоитъ, т. е. = 0, или что все тоже самое, что я ничего не смысло въ этомъ дѣлѣ.

Рѣка Удомъ или Удомо-крестовская,

иметь до 70 саж. ширины при перевозѣ, подь самой станціей, быстра какъ Бѣлая, цвѣтъ воды имѣть молочный, впадаетъ въ Майну, а та въ Алдань. Козаки содержатъ перевозъ. При станціи находится ветхая часовня, во имя животворящаго Креста Господня.

Отъ станціи путь направляется болѣе къ востоку; хребты горъ отдаляются, по положенію страны холмисто, почва камениста. Рѣчка *Сисъ-юль* есть послѣдняя впадающая въ бассейнъ Лены. Не высокій горный хребетъ *Сисъ-юль* отдѣляетъ его отъ водъ впадающихъ въ Охотское море. Горныя рѣчки *Талахъ-Голопъ*, и *Балабушху* перетѣкаютъ въ бродъ; по чрезъ *Уракъ* протекающей при магазинахъ можно бродомъ проѣхать только въ такомъ случаѣ, когда онъ не разлился отъ дождей, иначе должно дожидаться погоды. При *Балабушкѣ* есть небольшой холмъ и видны развалины хижинъ: рассказываютъ что въ этомъ холмѣ находили драгоценные камни, но какіе неизвѣстно. Я никакимъ изслѣдованіемъ не могъ завѣсть, потому что около этого мѣста 1 Іюля встрѣтилъ эскадръ посланный изъ Охотска въ Петербургъ съ уведомленіемъ о прибытіи судна съ мѣхами изъ Америки, того самаго, которое слѣдовало въ мою команду. На берегу *Урака* провіантскіе хлѣбные магазины содержатся вахтеромъ, завѣдывающимъ закупкою пушныхъ товаровъ отъ бродчихъ *Тунгусовъ*.

Все пространство льсовъ между обими переправами чрезъ *Уракъ* наполнено медвѣдами, которые за день до моего проѣзда разгтерзали за ночь 11 коровъ, гонимыхъ въ Охотскъ для гастрономическихкихъ потребностей жителей. Остатки не съдѣнныхъ жертвъ составили запасную провизію моего Якута.

Съ лѣваго берега *Урака* холмы теряются и за четыре версты до станціи *Мэлы* или *Мты*, почва измѣняется въ песчанную и наносную.

Станція *Мета* расположена при р: *Охомъ*. Путь лежитъ на 16 верствъ по правому берегу, потомъ посредствомъ перевоза переходитъ на лѣвый и идетъ болѣе или менѣе въ его отдаленіи. Въ теченіи тридцати дней держась по 14 часовъ на лошади, въ подобіи буквы *A*, я весьма утомился и послѣдніе сорокъ четыре версты желалъ сдѣлать водою, но не найдя при перевозѣ удобной лодки, принужденъ былъ продолжать путь верхомъ и 5-го Іюля проѣхавъ послѣднюю станцію *Элани*, стоящую въ 7 верстахъ отъ *Охотска*, надѣялся добраться до мѣста, какъ совсѣмъ неожиданно около четырехъ часовъ за полдень, не доѣзжая трехъ верствъ до города встрѣтился съ товарищемъ по службѣ возвращавшимся изъ колоній.

Не видѣвшись 12 лѣтъ со времени выпуска, какъ было не воротиться. Женатый, раздобрьшій, съ кучею дѣтей, онъ не могъ вхать поспѣшно. И вотъ въ тѣни нѣвъ разбиты двѣ палатки, вскипѣла вода, душистая жидкость разлита прелестной ручкой и посыпалась съ обѣихъ, виновать съ трехъ сторонъ, вопросы. Нужно-ли описывать то, что не принадлежитъ собственно къ описательной части пути въ *Охотскъ*? и потому всю болтовню продолжавшуюся чрезъ всю ночь пропускаю. На другой день напившись такимъ же порядкомъ чая, вложивъ маленькую пожку въ стремя мы разстались, на долго-ли неизвѣстно. А если навсегда? Мнѣ отъ этого не будетъ ни тепло ни холодно, подумаетъ прочтя эти строки *М-ше А*; а мнѣ. . . . Страна прорѣзанная множествомъ протоковъ отъ *Меты* до города *Охотска* есть, по всѣмъ признакамъ, завоеваніе земли отъ океана. На песчаной и глинисто-иловой почвѣ, произрастаютъ изъ деревьевъ однѣ ивы; сѣнокосы превосходны; повсюду раскиданы Якутскіе юрты. На лугахъ пасутся лошади пришедшіе въ *Охотскъ* съ кладью. На *Элани* замѣтно нѣсколько хорошенькихъ Якутскихъ головокъ на

неопрятныхъ туловищахъ. Сюда для разнообразія удовольствіи собирается Охотское beau monde, пріѣзжая на собакахъ. Въ $3\frac{1}{2}$ верстахъ отъ Элани при ручьѣ Булгикъ находится домикъ, прежній лазаретъ командира порта; при немъ огородъ; далѣе не доѣзжая $1\frac{1}{2}$ версты до вторичной переправы чрезъ Охоту и Кухтуй въ городъ простирается приморье «*plage*» состоящее изъ солоноватой красно-глинистой почвы, трескающей при засухахъ. Лошади съ удовольствіемъ грызли эту землю. Но вотъ открывается взморье.

Охотскъ бѣдно вытянулся въ линію по низменной кошкѣ, открылись два вооруженные судна: одно казенное, другое Рос. Ам. Компаніи. Я прискакалъ къ берегу, сбѣжавъ съ лошади, привязавъ на палку бѣлый платокъ вмѣсто сигнала, водрузилъ ее въ песокъ, раскурилъ сигару, легъ на брюхо около шеста прямо противъ Американской конторы и предался размышленіямъ, касательно будущей со мною участи

Не знаю долго-ли лежалъ въ такомъ положеніи, какъ примѣтилъ, что вода подошла къ моей бородѣ. Я догадался

что она идетъ на приливъ, всталъ, и вскорѣ увидѣлъ отдѣлившееся отъ противуположнаго берега гребное судно; оно подошло но оказалось, что было послано съ пустыми бочками, для наливки воды. Я послалъ Якута на казенный перевозъ отстоящій отъ насъ въ полуверствъ. Уложивъ на присланную лодку вещи и взгромоздясь на нихъ мы отправились, но на полпути были встрѣчены прекрасной шлюпкой посланной отъ конторы. Запоздалой честью я не заблагоразсудилъ воспользоваться, и приставъ къ берегу поступилъ на службу Россійско-Американской Компаніи.

Туманныя впечатлѣнія о чемъ-то, носившіяся въ головѣ, разсѣялись при Заковомъ приѣмѣ гг. правителя конторы, дружескомъ расположеніи командира брига, которому—мимоходомъ сказать—я помѣшалъ при астрономическихъ наблюденіяхъ, и взглядъ на щегольское вооруженіе брига, поступавшаго въ мое командованіе.

А. ЗАГОСКИНЪ.

10 Марта 1840.
Ново-Архангельскъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О КРЫМѢ.

Въ 1836 году представился мнѣ случай побывать въ Крыму. Крымъ старинный мой знакомецъ. Тамъ я бывалъ много разъ, и въ дѣтствѣ, и въ первой молодости, и въ такую пору жизни, когда воображеніе становится не такъ живо, когда страсти утихаютъ. Но это не помѣшало мнѣ любить Крымъ постоянно и одинаково. Новая повязка обрадовала меня чрезвычайно. Обстоятельства стеклись самыя благопріятныя: совершенная свобода отъ службы, надежда на поправленіе здоровья, на свиданіе съ друзьями и знакомыми, лучшее время года, средства удобно и скоро перенестись въ отдаленный край, словомъ все мнѣ улыбалось. — 30 мая рано утромъ, когда дворники, съ метлою въ рукахъ, на тротуарахъ, только что протираютъ

глаза, оставилъ я Петербургъ и въ исходѣ іюня былъ уже въ Одессѣ.

«Одессу пышными стихами

«Нашъ другъ Туманскій описалъ.»

Другіе корили Одессу за пылъ; третьимъ не нравится она потому, что тамъ очень грязно. Но я люблю этотъ прекрасный уголокъ, и всего болѣе за то, что здѣсь вполнѣ начинаешь чувствовать близость Крыма, хотя Крымъ еще далеко. Куда ни обратишься, всюду говорятъ о южномъ берегу полуострова. Пароходы приходятъ и уходятъ, поддерживая собою постоянное, удобное, быстрое и дешевое сообщеніе между Одессою и Крымскими берегами. Мнѣ наконецъ наскучило смотрѣть какъ другіе отправляются туда и прѣзжаютъ обратно. Погулавъ на одесскомъ бульварѣ

около месяца, и посмотревшись вдоль на восток, на прекрасную набережную, на житье здѣшнихъ жителей, а съѣзъ на пороходъ, и черезъ двое сутокъ, 2 августа, очутился въ Севастополь. Какъ нарочно, въ продолженіе нашего плаванія, небо было безоблачно, море неподвижно. Скоро берега потонули; пассажиры, неиграющие въ вистъ, — давно спали; но я все время оставался на ногахъ и вполне предавался удовольствіямъ морскаго путешествія. Прощель день, настала ночь. Наблюдая на досугѣ суточные перемены, я невольно встрепетулся, когда въ темнотѣ ночной мало по малу загорѣлась зари и на отдаленномъ горизонтѣ всплыло солнце. Въ одно мгновеніе все ожило въ золотыхъ лучахъ, небо и море будто заговорили о величій творенія Божія. Между тѣмъ пароходъ быстро двигался вперед. Мы прибыли въ Севастополь около полудня. Погода была пасмурная, изрѣдка пробивалъ съ вѣтромъ мѣлкій дождь. Но у меня настроеніе духа было самое веселое. После 10 лѣтняго отсутствія я опять здѣсь. Вижу много переменъ въ городѣ, но общія картина не измѣнилась, прежнія впечатлѣнія ожили во всей свѣжести. Пока спускали шлюпку, я успѣлъ налюбоваться на видъ города и на его окрестности съ моря. Городъ самъ по себѣ не столько красивъ, сколько оригиналенъ, но зато видъ отдаленныхъ горъ — великолѣпенъ. Не помню, кто-то сравнивалъ Севастополь съ Лисабономъ, но я — такой чудакъ! — исчертилъ Россію вдоль и поперекъ, а за моремъ еще не былъ, следовательно за вѣрность сравненія ручаться не могу.

Вступивъ на граескую пристань, я тотчасъ почувствовалъ, что нахожусь въ военномъ портѣ. Со всѣхъ сторонъ, во всемъ направленіямъ тянулись морскіе офицеры и матросы — почти исключительное населеніе города. Одни сидѣлись въ шлюпки, другіе выходили на берегъ, но большая часть оставались

праздными зрителями. Улица, ведущая отъ граеской пристани вдоль города — самая большая и единственная, по которой здѣсь ѣздятъ; прочія идутъ съ горы подъ гору, съ бугра на бугоръ, и нѣкоторыя такъ узки, что толстый человекъ — я никого не называю по имени — легко можетъ загородить собою входъ и выходъ совершенно. Вотъ почему, въ знойное время прогулка по городу чрезвычайно утомительна; но есть еще одна бѣда — это каменистый грунтъ и мѣлкій щебень, которымъ усыяны улицы. При переходахъ изъ одной части города въ другую, встречаются такіе крутые скаты горъ, что трусливаго и неопытнаго съ трудомъ можно уговорить подняться или спуститься. Но привычка и нѣкоторыя сноровки совершенно устраняютъ эти маленькія неудобства.

Севастополь болѣе всего замѣчательнъ своею гаванью, едва ли не лучшею въ цѣломъ свѣтѣ. Рейды и бухты обширны, безопасны отъ вѣтровъ и сильно защищены природою и искусствомъ отъ вторженія непріятелей. Впрочемъ природа такъ все хорошо устроила, что искусство, какъ бы далеко оно ни ушло, не много сдѣлаетъ для здѣшняго порта. Корабли, стоящіе на рейдѣ, каждый день рано поутру могутъ выйти въ море съ попутнымъ вѣтромъ, который обыкновенно начинается дуть съ ранней зари и продолжается до 8 часовъ утра. Бухты такъ глубоки и удобны, что самыя большіе линейные корабли стоять почти прислонясь къ берегу. Здѣсь ни какая буря не можетъ причинить имъ вреда. Отъ этого вооруженіе и разоруженіе флота чрезвычайно удобны.

Въ послѣдніе годы предпринято въ Севастополь множество огромныхъ работъ: въ числѣ ихъ первое мѣсто занимаютъ сухіе доки и адмиралтейство. Доки предназначаются для починки кораблей и фрегатомъ, и будутъ наполняться водою, проведенною въ резер-

вуары изъзагорода. Водопроводъ встрѣчается на пути съѣмъ горы и балки; въ горахъ пробиты тунели, въ балкахъ устроены на аркахъ каменные кѣнаны. Новое адмиралтейство предполагаютъ устроить на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь возвышается гора. Тысячи человекъ движутся на ней, какъ муравейникъ, взрываютъ и сносятъ страшныя груды камней. Черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ путешественникъ съ изумленіемъ будетъ слушать рассказы старожилковъ, что для постройки адмиралтейства руками человѣческими спасена съ мѣста цѣлая гора. Но теперь, смотря на эту работу, убѣждаемся только въ томъ, что постоянство, терпѣніе и время преодолеваютъ всякія прѣграды. Въ бытность мою работы подвигались впередъ успѣшно, но гора казалась непочатою — такъ она огромна!

Въ Севастополѣ есть благородное собрание, въ которомъ моряки веселятся въ продолженіе зимнихъ мѣсяцевъ; есть бульваръ, гдѣ никого не бываетъ, потому что мужья весною, лѣтомъ и осенью въ походѣ, а жены охотнѣе гуляютъ у берега, въ ожиданіи кораблей съ моря; есть богатая библиотека, за основаніе которой одолжены моряки одному изъ своихъ почтенныхъ сослуживцевъ (нынѣ адмиралъ Мелиховъ); есть еще морскія купальни на такъ называемыхъ кристалльных водахъ, которыми я наслаждался каждый день; наконецъ есть устрицы, которыя при мнѣ не ловились. Зато — увы! — здѣсь нѣтъ ни трактировъ, ни забѣжихъ домовъ. Человѣкъ незнакомый не знаетъ гдѣ пріютиться. Наемныхъ экипажей также не найдете, но они, за неизмѣнимъ проѣзжихъ улицъ, почти не нужны.

Я находилъ особенное удовольствіе гулять по пустыннымъ аллеямъ бульвара. Отсюда видъ на рейдъ и бухты восхитительный. На мое счастье флотъ пришелъ съ моря. Вся эскадра расположилась на рейдѣ въ нѣсколько линій, и вскорѣ началась практическая стрель-

ба въ цѣль. Каждое утро по одному кораблю выходило къ устью рейда и открывалось миномата. Минометы, устроенныя на берегу, въ значительномъ разстояніи отъ корабля, трещали отъ каждаго выстрѣла; вмѣстѣ съ трескомъ поднималась пыль столбомъ на воду, позади миномета. Я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на все это по цѣлымъ часамъ. Артиллеристы растолковали мнѣ, что такого рода ученіе въ высшей степени полезно. По словамъ ихъ, оно приучаетъ людей къ живкой стрельбѣ на морѣ, осваиваетъ со многими особенностями настоящаго боя, обнаруживаетъ недостатки орудій и другихъ вещей, и прочая, и прочая, чего я, вѣроятно, не могу теперь припомнить.

Дома въ Севастополѣ исключительно каменные, крытые черепицей, и построены амфитеатромъ, одна улица выше другой. Есть такія мѣста, откуда можно видѣть все, что происходитъ на дворахъ всего города — стоять съѣсть у окна и наблюдать.

Время уходило незаметно. Я никакъ не могъ собраться въ дорогу одинъ; одному и въ путешествіи скучно. Къ счастью К*** и В***, постоянные адъютанты жители, согласились собственноручно дѣлать мѣна, какъ они говорили, *задѣлать мѣну въ стрѣлу*. И такъ мы идемъ вътроемъ.

Въ прежніе годы я не думалъ о планѣ въ поѣздкѣ; обыкновенно нускался до того мѣста, куда успѣвалъ дойти въ срочное время. Теперь мы сдѣлались посерьезнѣе, положили составить планъ. И вотъ передъ нами карта Крымскаго полуострова и свидѣнія опытныхъ людей. Одни советовали вѣсть чѣмъ; по словамъ другихъ гораздо лучше начать съ противной стороны; мы получились третьими, и записали въ дорожникъ: Бахчисарай, Симферополь, Янчисла, Чатырдагъ, Алушта, Біюкъ-Ламбатъ, Партенитъ, Урзуфъ, Никита, Матарачъ, Мисандра, Ялты, Урианда, Гаспра, Куррейсъ, Мисхора, Алушка, Семейскъ,

Кисинской, Кучук-Кой, Дзелица, Байдарская долины. Все это рванулись мы обходить по порядку, не поворачивая воя. В последствии опыты намъ показали, что гораздо лучше начать походу съ Байдарской долины и кончить Бахчисараямъ.

Съ самаго ранняго утра спрашивали мы одного друга: *му чтомож, лдемъ?* Вся отъчали утвердительно, а между тѣмъ успѣли переправиться на северную сторону здѣшняго рейда только въ 2 часа по полудни. Видно въ дорогу собираются медленно не одна дама. Пока выгружали наши вещи изъ катера, я невольно остановился на давно знакомой мнѣ картинѣ Севастополя. Дѣйствительно это самая выгодная точка, откуда во мнѣнію путешественниковъ должно смотреть на городъ и его живописныя и величественныя окрестности. Картина еще больше выигрываетъ за часъ до заката солнца. Съ потухающею зарей являюся новые виды, достойные кисти Воробьева.

Здѣшняя станція расположена довольно далеко отъ берега, и если нѣтъ прислуги, то хоть самъ маршируй съ чемоданомъ съ горы да подъ гору. Никогда я не забуду, какъ разъ какъ-то довелось мнѣ въ глухую полночь, на дождь, страствовать у этого пригорья отъ избы къ избы, и довольствоваться грубымъ отгвтомъ сонной бабы: *ступай дальше, прямо!*

Я совсѣмъ забылъ сказать, что мы отирались съ первой станціи на ночевой телегѣ, втроемъ. Какъ ужъ мы констатились, я и самъ не знаю, только это не такъ дурно, какъ намъ сначала показалось. Быстрота вѣды и мысль, что это не надолго, на двѣ, на три станціи, заставляютъ забыть неудобство помещенія на выюкахъ и облучкѣ.

Дорога отъ Севастополя до Бахчисарая идетъ извилинами, мѣстами среди долины, но больше у самой крути горъ, которыми заслонены слѣва всѣ виды, т. е. вся видя степь. Передъ

нами, за нами и справа тянется долина, на которой нѣтъ ни кустика. Только море и небо не измѣняютъ своей восхитительной прелести. Впрочемъ это при самомъ выѣздѣ изъ Севастополя, на 5 или на 6 верстѣ. Далѣе мало-помалу встрѣчаются кустарники и даже деревья, еще далѣе, и верстахъ въ 10, картина совершенно перемѣняется. Отсюда дорога постоянно до самаго Бахчисарая, слѣва примыкаетъ вплотъ къ утесамъ, справа опущена садами и виноградными. Вдали видны синѣющія горы и между ними великанъ Чатырдагъ стоитъ, какъ на блюде — кажется такъ бы и взбѣжалъ на его маковку. Не доѣзжая версты три до Бахчисарая, мы остановились въ имѣніи графа Мордвинова. Управляющій принялъ насъ радушно, угостилъ чаемъ и виноградомъ. Мѣстоположеніе особенныхъ красотъ не имѣетъ, за то сады изобилуютъ фруктами.

Бахчисарай. Мы располагали возобновить въ памяти прежнія впечатленія Бахчисарая. Хотѣли побывать во дворцѣ, на кладбищѣ, на кожевенныхъ и другихъ заводахъ, но ничего не могли видѣть за темнотою; думали купить по бурнѣ, но и тутъ неудача — не нашли, какихъ намъ хотѣлось. Сказываютъ, что фабрикація этого издѣлія съ нѣкотораго времени упала, по случаю возвышенія цѣны на войлокъ. Не смотря однако на сумерки, намъ не трудно было догадаться, что въ Бахчисарай по прежнему грязно и неопрятно. Поклонники Пророка и внутри Россіи остаются вѣрными своимъ народнымъ привычкамъ. Досуужему путешественнику совѣтую съѣздить отсюда въ Чуеутъ-Кале. Это армянскій городокъ, построенный на скалѣ. До него отъ Бахчисарая верстѣ пять; дорога идетъ въ ущелинѣ.

Симферополь. Мы прѣехали сюда въ полночь и остановились въ гостинницѣ *Новый свѣтъ*, послѣ бесполезныхъ покушеній достучаться ночлега въ лучшемъ мѣстѣ. Толстая хозяйка улаживала

за К*** самым хозяйственным образом; брала у него деньги, всего общала — и только. Я потерял наконец терпение, видя, что из этой суеты толку будет мало, и предложил кончить ночь концом, т. е. поскорее заснуть. Если бы вы знали, как нас уложили — ужас! Хорошо еще, что мы легли усталые. На другой день я почувствовал вольно отвращение ко всему, что меня здесь ни окружало; вечером при тусклой свѣчѣ и то и другое казалось порядочным, но поутру я только того и ждалъ, какъ бы намъ убраться отсюда въ Янисала. Позавтракавъ на скорую руку, по солдатски, какъ только можно позавтракать въ подобномъ *Новомъ свѣтѣ*, мы тотчасъ пустились въ рынокъ за бурками, въ которыхъ предстояла крайняя необходимость, потому что съ нами другой теплой одежды не было, и на горахъ за такую оплошность можно заплатить дорого.

Мы отправились отсюда въ Янисала въ конной арбѣ. Арба не что иное, какъ длинная крытая телега, съ немезами и отъ того скрипучими колесами. Пока выносили и укладывали наши вьюки, хозяйка Нового свѣта поминутно забодила рѣчь съ К***, а тотъ всякой разъ отъ нея отворачивался. У него, извольте видѣть, заболѣли въ этотъ день глаза, а та смотрѣла на него, не знаю право съ какимъ намѣреніемъ, черезъ-чуръ уже пристально. Въ 12 часовъ утра наша арба, запряженная двумя клячами, тронулась съ мѣста. Мы помѣстились въ скрипучемъ дормезѣ довольно удобно, кто лежа, кто сидя, по татарски, или на вьюкахъ; бурки наши съ этой минуты также поступили на службу. Бурка чрезвычайно полезная вещь для неприхотливаго путешественника. Она васъ грѣетъ, спасаетъ отъ дождя и служить вмѣсто ковра во время отдыха. Чегожъ больше?

Янисала. Мы прѣехали сюда около четырехъ часовъ вечера. Дорога отъ

самага Симферополя до Янисала лежитъ въ цвѣтущей долинѣ, по берегу Салгиря, черезъ который мы переправились внутри города въ бродъ. Видны только слѣды весеннаго разлива рѣки, а теперь я это называлъ бы лужей, если бы не боялся историковъ и географовъ.

Почтенный владѣлецъ Янисала, Н. Ф. Гротенъ гостилъ въ Петербургѣ; управителя также не было дома, и потому мы не могли познакомиться съ его дачею покороче, какъ намъ хотѣлось. Мы нашли здѣсь многія полезныя начинанія по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства. Янисала лежитъ на террасѣ довольно высокихъ и крутыхъ горъ, которыхъ цѣпь склоняется къ Чатырдагу; внизу пространная долина, покрытая пшеницами, табачными плантациями и кормовыми травами. Пріятная зелень долины, лѣса по склонамъ и высямъ горъ, и тутъ же дикая природа бесплодныхъ утесовъ придаютъ этому мѣсту особенную прелесть. Сипѣющія вдали горы составляютъ второй планъ картины не менѣе живописный.

Хозяйство Янисала заключается въ себѣ многіе источники доходовъ, между которыми главныя суть: лѣсъ всякаго рода, хлѣбопашество, свѣнокосы, овцеводство, пчеловодство, и прочая. Близкое сосѣдство дачи съ Симферополемъ и довольно удобная дорога придаютъ всему новую цѣну.

Мы положили на другой день съ свѣтомъ подняться на вершину Чатырдага. Лошади наняты, вьюки готовы. Товарищи спать крѣпкимъ сномъ; одинъ изъ нихъ вскарабкался на какую-то круть горы и отъ ужаса поминутно кричить: *берегись, осторожный!* Тишина звѣздной ночи нарушалась порывистымъ вѣтромъ, дувшимъ съ моря по ущелью съ ужаснымъ гуломъ. Безъ привычки эта музыка наводитъ тоску. Но меня не оставала мысль о трудностяхъ и удовольствіяхъ предстоящаго путешествія.

Чатырдаг, 19 августа. Изъ Янисала пустились мы вдвоемъ; У К. *** заболѣли глаза жестоко и онъ принужденъ былъ остаться. Татаринъ Мамбетъ, опытный проводникъ, согласился взять съ нами на Чатырдагъ и оттуда въ Алушту. Онъ былъ лѣтъ семь въ службѣ, выучился, разумѣется плохо, говорить по Русски и послѣ отставки поселился въ деревнѣ. Ему теперь за 60 лѣтъ, но онъ такъ добръ и свѣжъ, что готовъ провожать на Чатырдагъ всякаго, даже пѣшкомъ. Бядняжка, отправляясь съ нами, взялъ по неосторожности, а можетъ изъ удалства, жеребца вовсе необъезженнаго, и долженъ былъ взойти на самую маковку горы пѣшкомъ, таща за собою упрямою лошадь. Можно себѣ представить до какой степени путешествіе утомительно, когда самый жеребецъ, изъ бишеннаго и недоступнаго у подошвы горы, сдѣлался на вершинѣ смиреннѣе теленка. Мамбетъ пустился въ галопъ по хребту горы и съ этой минуты лошадь была вывзжена.

Мы направили путь прямо къ источнику Аяна. Это не что иное, какъ небольшой ручей, вытекающій изъ глубины пещеры. Пещеру легко осмотрѣть, но мы не хотѣли потерять на то $\frac{1}{4}$ часа времени. Мѣста, по которымъ бѣжитъ ручей, или если угодно, рѣка, очень красивы. Отъ Аяна мы отправились далѣе, къ Чатырдагу. Было 8 часовъ. Нѣсколько разъ поднимались мы на горы и спускались въ долины, пока добрались до подошвы Чатырдага. Только на нижнихъ терассахъ встрѣчается лѣсъ въ изобиліи, а чѣмъ выше поднимаешься, тѣмъ природа становится бѣднѣе.

Поднавшись еще на вершину первыхъ пригорковъ, мы долго не могли оторвать глазъ отъ зеленоющей долины, по которой бѣжитъ Салгиръ и другія рѣчки. Надо быть здѣсь, дышать здѣшнимъ воздухомъ, чтобы вполне почувствовать удовольствіе подобной прогулки. Время стояло благоприятное. На голубомъ небѣ ни облачка, на зем-

лѣ картины роскошной природы и обаятельная тишина; только на вершинѣ холмовъ дышитъ прохладный вѣтерокъ. Мы поднялись на последнюю отъ Чатырдага терассу и увидѣли дачу Янисала; видъ на нее отсюда самый живописный. Провѣхавъ нѣсколько далѣе, мы сдѣлали привалъ недалеко отъ подошвы послѣдней отлогости Чатырдага, въ небольшой впадинѣ, въ тѣни букowychъ деревьевъ. До сихъ поръ мы не встрѣтили никакого затрудненія въ пути, и обязаны этимъ нашему проводнику. Мамбетъ съ сожалѣніемъ отзывается о путешественникахъ, которые поднимаются на Чатырдагъ другой дорогой, и чрезъ то поспѣваютъ на вершину довольно поздно, если отправятся рано утромъ и въ одинъ день хотятъ кончить повздуку, какъ наприимѣръ мы. Многие посвящаютъ на то два дня: въ первой день они поднимаются на одну изъ послѣднихъ терассъ и ночуютъ у пастуховъ; на другой день, съ восходомъ солнца, всходятъ на вершину горы. Это съ одной стороны дурно, съ другой хорошо: дурно потому, что здѣсь приходится, послѣ утомительнаго переезда, въ знойное время, проводить ночь на жестокомъ холодѣ, а хорошо тѣмъ, что горизонтъ большею частію бываетъ чистъ и всѣ предметы видны съ вершины горы яснѣе, нежели около и послѣ полудня среди миражу и въ ослѣпительныхъ лучахъ солнца.

Въ половинѣ двѣнадцатаго часа пустились мы далѣе и скоро были у самой отлогости, откуда восходъ на вершину горы становится чрезвычайно труденъ, съ перваго взгляда почти недоступный. Видъ съ терассы надъ глубокимъ ущельемъ, которое образуется двумя грядами горъ и идетъ отъ угла Чатырдага прямо къ Янисала, — необыкновенно красивъ. Яркая зелень лѣсовъ которыми одѣта вся долина, домики почтовой станціи, большая дорога, идущая извилинами въ необозримую даль, и тутъ же поднимается къ небесамъ

Чатырдагъ съ прилегающими къ нему террасами. Мы забыли усталость и долго не могли оставить это мѣсто.

Замѣчу мимоходомъ, что вершины и скаты горъ по которымъ мы вѣли, весьма удобны для овецъводства. Въ водѣ нѣтъ изобилія, но нельзя жаловаться и на недостатокъ. До сихъ поръ мы встрѣтили три источника. На послѣдней террасѣ и выше, на послѣдней отлогости горы, бродили небольшія стада овецъ. Вдали на крутыхъ утесахъ сидѣли пастухи.

Отдохнувъ немного, мы отправились на вершину горы и въ половинѣ перваго часа были на мѣстѣ. Мы поднялись на самый хребетъ, не слезая съ коня. Еслибъ вздумалъ я изобразить пройденное нами разстояние дѣльями, то вышлн бы зигзаги, которыхъ одна сторона идетъ болѣе или менѣе параллельно горизонту, а другая наклонъ, подъ угломъ 45°. Это доказалась намъ необходимымъ, потому, что подниматься прямо и тяжело и опасно. Мы остановились у самаго дѣваго угла шатра (Русскіе обитатели Крыма называютъ Чатырдагъ Палатъ-гороку, по буквальному переводу Татарскаго слова. Впрочемъ, съ нѣкоторыхъ сторонъ гора дѣйствительно похожа на шатеръ).

Пока Мамбетъ отдыхалъ, мы поднялись на самое высокое мѣсто. Небо было ясно, горизонтъ совершенно чистъ, и мы могли вполнѣ насладиться великолѣпнымъ видомъ земли, моря и неба съ самой возвышенной точки полуострова (высота Чатырдага надъ уровнемъ моря 796 туазовъ). Я почувствовалъ что-то необыкновенное, незнакомое. Мысль, что стою такъ высоко, произвела невольный сердечный трепетъ. Въ самомъ дѣлѣ это должно быть для всякаго и приятно и любопытно. Не знаю почему, прежде всего я обратился къ морю: необозримое, покойное, голубое подъ цвѣтъ неба, отъ котораго трудно отличить, — вотъ какъ оно кажется съ вершинъ. Я перенесъ глаза съ моря на

землю и удивился, какі все на ней измѣнилось! Зеленоватая долина, по которой протекаетъ Салгиръ, холмы, пригорки, горы, террасы, по которымъ мы входили, и которыя казались неуступными по своей крутизнѣ и выши-нѣ, — все подошло подъ общій уровень, слилось въ равнину, уставяную кустаринными. Напрасно я топилъ глаза въ зеркаль, ища на горизонтѣ Севастополя и другіяхъ отдаленнѣйшихъ точекъ; все было подернуто будто легкимъ туманомъ при ослабительномъ блескѣ солнца. Мы пробыли еще нѣсколько минутъ на этомъ мѣстѣ и спустились вдоль по кребту горы.

Перезѣдъ нашъ на другой уголъ шатра не столько былъ удаченъ. Мы находились уже почти на мѣстѣ, какъ вдругъ влетѣло густое облако, и въ одно мгновение зримо проводника, вѣившаго впередъ насъ шагахъ въ десяти. Порывы вѣтра были необыкновенно крѣпкіе, и еслибъ не бурки, подъ которыми мы въ это время спаслись отъ холода и сырости, то намъ бы воротиться домой здоровыми. Вскорѣ однако облако начало рѣдѣть и Мамбетъ показался въ туманѣ, какъ великанъ. Мы вѣли между тѣмъ по крутой каменной отлогости и скоро были на самой высокой точкѣ другаго угла горы. Вѣтеръ нѣсколько ослабѣлъ, но дулъ еще съ порывами и съ необыкновеннымъ гуломъ, — это было точно гулъ на кораблѣ во время шторма, когда паруса убранны и вѣтеръ встрѣчаетъ одиъ мачты и снасти. Мы послушали нѣсколько минутъ этой музыки, обвели глазами туманный горизонтъ и начали спускаться, довольные тѣмъ, что были и на этомъ углѣ шатра. Облако все еще лежало на горѣ, погода видимо портилась, и мы должны были отказаться отъ желанія отыскать и осмотрѣть бездонный колодезь.

Пространство, лежащее между двумя углами шатра, имѣетъ свои холмы, свои пригорки, и даже горы, если увидѣна и

должны. Почти везде встречаются обыкновенныя полевныя крымскія растенія, а въ долинахъ и трава и цветы растутъ въ изобиліи: Я набралъ самыхъ красивыхъ цветовъ (извините Г. г. ученые, только самыхъ красивыхъ) и готовъ показать ихъ всякому, кто еще думаетъ, что на Чатырдагъ растутъ одни мохъ. Кстати: на сѣверномъ углу шатра насоромлены изъ камня какія-то клетка: поздравляемъ почтеннаго архитектора; все это цѣло и невредимо!

Мы отправились съ вершины въ началѣ третьяго часа, а въ половинѣ пятаго расположились отдохнуть на верхней террасѣ, со стороны южнаго берега. Отсюда нельзя взглянуть безъ удивленія и ужаса на крутизны по которымъ мы только что спустились. Со стороны трудно даже поверить, чтобы лошади и люди могли тамъ ходить безъ малѣйшаго опасенія оборваться въ бездну, которая готова принять жертву за каждый опрокинутый шагъ. И действительно, еслибъ не туземныя лошади, которыхъ во всей справедливости можно сравнить съ кошками, то не только Чатырдагъ, — многія изъ второстепенныхъ крымскихъ горъ былибъ вовсе недоступны для человѣка по своей гладкой наметистой почвѣ. Около половины шестаго часа начали мы снова спускаться далѣе внизъ и въ 9 часовъ привѣли въ Алушту.

Алушта. Мы съ великимъ трудомъ моремъ довернулись ночлега. После скучнаго и продолжительнаго странствованія съ бугра на бугоръ, отъ дома къ дому, насъ привели въ грязную избу, именуемую *кофейный домъ*, откуда, какъ увѣрялъ Армянинъ, только что увѣхали два французскихъ путешественника. Хозяинъ общалъ приготовить къ ужину все, что душѣ угодно, т. е. плавъ и диньдицу, но намъ больше всего хотелось спать. Товарищъ мой, пользуясь словоохотливостію хозяина, завелъ рѣчь о Татарахъ. Я сидѣлъ тутъ же, по временамъ вступающъ въ разговоръ, но ча-

ще говорилъ нескладнѣе въроитно отъ чрезвычайной усталости. Это случается со мною въ другой разъ. Однажды въаль я въ дилижансѣ дней семь сряду. Скука и усталость уходила всѣхъ моихъ спутниковъ. Я сидѣлъ преспокойно въ каретѣ и разсматривалъ на своихъ ногахъ резиновыя галоши, думая о томъ, какимъ образомъ можно усовершенствовать эту полезную обувь. Вдругъ вижу самый нелѣпый сонъ, принимаю въ немъ полное участіе, смѣюсь надъ этимъ и въ то же время продолжаю смотрѣть на галоши и думать объ нихъ. Простите за отступленіе, если оно не кстати. Теперь мы опять въ Алушту. Намъ подали обѣщанный роскошный ужинъ и мы скоро послѣ того заснули.

Охотники до старины когда нибудь расскажутъ вамъ со всеми подробностями про здѣшнюю башню, которая когда-то составляла часть замка, построеннаго Императоромъ Іустиніаномъ (465 по Р. Х.) для защиты города отъ Генуэзцовъ. Что касается до меня, то я прежде всего поговорилъ бы о томъ, какъ и чѣмъ жьвутъ здѣшніе обитатели, что продаютъ и что покупаютъ сами, что любятъ и чего ненавидятъ, чего можно ожидать отъ Алушты со временемъ и чего недостаетъ ей теперь, и почему она теперь не то, чѣмъ будетъ или чѣмъ могла бы быть со временемъ. Но это такія вещи, для которыхъ необходимо здѣсь пожить и все видѣть собственными глазами; сообразить все обстоятельство дурнаго, если попадается на глаза дурное, и хорошаго, если встрѣтится хорошее: иначе со стороны писателя ошибки, а читатель впадетъ въ заблужденіе. Но для меня всего удивительнѣе то, что есть люди съ удивительными знаніями и не безъ дарованій, которые часто бывали на южномъ берегу — я вамъ скоро скажу что такое собственно южный берегъ, — жили во вѣскольку мѣсяцевъ, даже по вѣскольку лѣтъ, и соскучившись, увѣхали оттуда, не подаривъ соотечественниковъ

хоть не большой, но дальной книгой, которая знакома бы самым близким образом съ краемъ столько же замѣчательнымъ по красотѣ, сколько богатымъ своими произведеніями. Я никому не повѣрю, что бы такую книгу можно было написать, объѣхавъ Крымъ наскоро, изъ одного любопытства, отъ скуки, или изъ желанія заглушить душевную тревогу. Я бы желалъ также, чтобъ такая книга написана была по-Русски, въ полномъ смыслѣ слова, Русскимъ писателемъ, съ Русской душою, съ горьчей любовію къ общественнымъ пользамъ. Тогда всякой прочтетъ, и отъ прекраснаго придетъ въ восторгъ, отъ полезнаго примется за дѣло. Будемъ надѣяться, что все это недалеко, а между тѣмъ я спѣшу взглянуть еще разъ на Алушту и отправиться далѣе. Прошу замѣтить: Я *спѣшу*, значитъ ѣду наскоро, значитъ я ничего не въ состояніи разказать о тѣхъ предметахъ общей занимательности и пользы, которые остаются для большинства Русскихъ вовсе неизвѣстными. Впрочемъ, все, о чемъ услышу, и что въ то же время могу повѣрить собственными наблюденіями, я готовъ разказать безъ малѣйшихъ прикрасъ и преувеличеній.

Алушта построена на песчаномъ холмѣ; слыветъ городомъ, но больше похожа на татарскую деревню. Здѣсь есть лавки, таможня, почтовая станція и контора. Долина покрыта табачными плантаціями и виноградниками. Успѣхи въ разведеніи винограда значительно возвысили цѣну на здѣшнія земли (отъ 40 до 1000 р. за десятину). Климатъ Алушты довольно суровъ въ сравненіи съ южнымъ берегомъ. Бываютъ морозы до 13° Р. Вѣроятно это происходитъ отъ того, что горы Бабуанъ, Чатырдагъ и Яйла слишкомъ удалены отъ Алушты, и потому не защищаютъ ее отъ сѣверныхъ вѣтровъ.

Біюкъ Ламбатъ. Въ 8 часовъ утра мы оставили Алушту и отправились въ Біюкъ-Ламбатъ, большую деревню, ле-

жащую довольно высоко надъ уровнемъ моря. Бѣдныя татарскія избы построены амфитеатромъ. На плоскихъ крышахъ, гладко смазанныхъ глиной, повсюду просушивались фрукты, большею частью сливы и груши. Красота природы и безобразіе хижинъ представляютъ разительную противоположность, къ которой надо привыкнуть, чтобъ не догадывать на безпечность туземцевъ.

Пока товарищъ мой хлопоталъ о перемѣнѣ лошадей, я сѣлъ на порогъ татарской избы и съ наслажденіемъ переносилъ глаза отъ одного предмета на другой. Прямо передо мною море и небо, справа, верстахъ въ пяти, Аюдагъ, влѣво, на большомъ протяженіи, горы однѣ другихъ выше, однѣ другихъ зеленѣе и роскошнѣе своими деревьями. Я припомнилъ значеніе слова Аюдагъ, но сколько ни присматривался къ горѣ, не нашелъ въ ней никакого сходства съ медвѣдемъ. Аюдагъ стоитъ отдѣльно отъ другихъ горъ, и отъ подошвы до вершины кругомъ покрытъ лѣсами. Лошадей осѣдали и мы поѣхали далѣе, въ сопровожденіи пѣшаго Татарина. Время перешло за полдень. Погода вѣтренная и довольно холодная. Я оглядывался нѣсколько разъ къ Алуштѣ. Природа является здѣсь во всей полуденной роскоши.

Партенитъ. Проскакавъ версты двѣ отъ Біюкъ-Ламбата, мы увидѣли Кучукъ-Ламбатъ, лежащій нѣсколькими террасами ниже Біюка, у самаго моря, а скоро показался и Партенитъ. Мы непременно хотѣли побывать въ Партенитѣ и тотчасъ оставили большую дорогу и спустились на песчаный берегъ моря, по лѣвую сторону Аюдага, который закрылъ отъ насъ все передовыя виды. Конная дорога отъ Біюкъ-Ламбата въ Партенитъ идетъ извилинами, по неровному крутому скату горы, и потому довольно безпокойная. Партенитъ расположенъ на холмѣ, выдавшемся въ море; внизу протекаетъ небольшой ручей, кругомъ усадьбы большіе

орышникъ. Здѣсь успѣшно воздѣлываются виноградъ, табакъ и ленъ, кромѣ того, туземцы занимаются прибрежнымъ судоходствомъ. Высоты Аюдага защищаютъ Партегитъ отъ западныхъ вѣтровъ.

Стоя на самомъ берегу, мы оборотились лицомъ къ Партегиту и передъ нами открылись новыя картины. Поднимите глаза до той черты, на которой горы сходятся съ небесами, и потомъ опускайте ихъ внизъ, гдѣ стоите, и вы вполне почувствуете прелесть и разнообразіе здѣшнихъ красотъ природы. Сначала увидите дикія сѣрыя скалы подъ небесами, потомъ зеленющія горы, за ними красноватые обрывы утесовъ, рядомъ съ ними холмы, на холмахъ табачныя и виноградныя плантаціи; далѣе, вправо, небо и море, подъ ногами гладкій песчаный берегъ, по берегу бурны съ шумомъ и плескомъ то приступаютъ, то отступаютъ и снова приходятъ и уходятъ. Вы долго на все это смотрите, на мигъ задумываетесь и невольно понуждаете коня скакать вдоль песчаного берега. Куда? . . . На это отвѣчать трудно: вамъ кажется, что лучшаго мѣста нѣтъ на свѣтѣ.

Артеки. Отъ Партегита мы стали подниматься и обогнули Аюдагъ по кривизнѣ элипса. Отсюда начинается дача Артеки, а съ нею и южный берегъ, т. е. все его протяженіе отъ Артеки до Семенса. Здѣсь другой климатъ, другія растенія, здѣсь вся роскошь юга. Съ самаго высокаго мѣста по дорогѣ въ Артеку открываются прекрасныя виды. Прямо, впереди, урузскія скалы, деревня Кизиль-Тамъ, Ай-Данила; вверху, между горами Дерменкой, около востъ, внизу, господской домъ, церковь, красивая бесѣдка на холмѣ, повсюду обширныя виноградныя и оливковыя плантаціи, далѣе Кучукъ-Ламбатъ. Спустились внизъ и передъ вами явятся лугъ, англійской садъ, водопадъ и опять новыя окрестныя картины. Артеки принадлежала некогда князю Потем-

кину. Отсюда до Партегита считается 6 верстѣ.

Урузубъ. Отъ Артеки до Урузуба дорога идетъ вдоль песчаного берега, и потомъ примѣтно начинаетъ подниматься до самаго Магарача. Урузубъ построенъ на холмѣ, у подошвы котораго бѣжитъ ручей. Внизу, у самаго берега, красивый домъ съ прекраснымъ садомъ. Здѣсь между фиговыми, гранатовыми и другими деревьями вы встрѣчаете колонну, на колоннѣ вазу, остренную вѣтвями, изъ подъ которыхъ льется прозрачная вода. Далѣе изъ деревьевъ и кустарниковъ выглядываютъ кипарисы и тополи, съ бельведера открываются отдаленныя горы, деревни, утесы и гладкая равнина моря.

Между тѣмъ, какъ мы вѣхали шагомъ отъ Урузуба къ Айданулу по прекрасной дорогѣ, позади насъ слышны были глухіе перекаты грома, и скоро начали выплывать изъ за горъ густыя тучи. Времени до сумерокъ оставалось немного, а мы положили ночевать въ Магарачѣ. Это ставило насъ пустить лошадей вскачь, съ тѣмъ чтобъ успѣть осмотрѣть Никитинъ садъ. Но какъ мы ни торопились, а дождь все-таки догналъ насъ, и мы должны были укрыться подъ густымъ деревомъ, пока не прошелъ жестокой шквалъ съ дождемъ и градомъ. Оглянувшись къ Аюдагу, мы увидѣли на отдаленныхъ горахъ снѣгъ, который пролежалъ до слѣдующаго утра.

Никита Эта деревня построена амфитеатромъ. близъ утесовъ. Внизу садъ и домъ, въ которомъ живетъ директоръ. Никитинъ садъ заключаетъ въ себѣ безчисленное множество всякаго рода растеній. Это разсадникъ всего южнаго берега. Въ ботаническомъ саду встрѣчаете бюстъ Линнея, которому путешественники за долгъ считаютъ поклониться, мы также поклонились. Между тѣмъ начинало темнѣть; мы взяли проводника, который показалъ намъ ближайшую дорогу на Магарачъ.

Магарачъ. Такъ называется полоса

земли между Никитой и Масандрой. Прежде Магарачь состояла въ владѣніи дирекціи Никитскаго сада и не приносила ни какихъ доходовъ. Но въ 1826 году, указомъ 14 сентября повелѣно было удобную землю раздѣлить на участки отъ 5 до 7 десятинъ и раздать частнымъ лицамъ на особыхъ условіяхъ относительно обработки, обезпеченія и правъ на вѣчное и потомственное владѣніе землею. Еще недавно Магарачь былъ не что иное, какъ необработанная, дикая полоса земли, кое-гдѣ усаженная небольшими деревьями и кустарниками, а теперь представляется глазамъ путешественника мѣстомъ жидкиснымъ, плодороднымъ и населеннымъ. Вы встрѣчаете на каждомъ шагѣ слѣды дѣятельности и вкуса, положительные источники доходовъ и роскошь.

Было уже около 8 часовъ вечера, когда мы пріѣхали въ Магарачь, на дачу И. И. Уптона, сына. Почтенный хозяинъ предложилъ намъ весь свой деревенскій комфортабельный и угощаль совершенно по англійски, что мнѣ чрезвычайно понравилось. Въ Русскомъ царствѣ, на татарской землѣ, англійское угощеніе! Право, это чего нибудь да стоитъ, въ особенності для голодныхъ.

Г. Уптовъ обрабатываетъ свою дачу съ большимъ знаніемъ дѣла. Мы нашли у него богатое собраніе книгъ по части сельскаго хозяйства; онъ все читаетъ, все испытываетъ на самомъ дѣлѣ и вводитъ у себя только то, что съ успехомъ и пользою можетъ быть перенесено на здѣшнюю почву, въ здѣшній климатъ.

21 Августа. Утромъ мы осмотрѣли дачу г. Уптона во всей подробности. Видѣли все, что уже сдѣлано, и узнали всѣ предположенія хозяина касательно окончательнаго устройства дачи. Мы не могли не похвалить планъ, въ которомъ видно столько же вкуса и любви къ изящному, сколько истиннаго понятія въ верныхъ источникахъ доходовъ. У него пять ни одной сажени земли,

которая лежала бы безъ пользы или не была бы для чего нибудь предназначена. Дикое состояніе Магарача въ свѣжій памяти, а вы найдете здѣсь и обширные виноградники, и прекраснѣйшій англійскій садъ, и прудъ, и лугъ, и вся хозяйственныя обзаведенія. А что будетъ со временемъ, т. е. очень скоро! Право нельзя смотреть на все это безъ сердечнаго трепета. Да какъ и не трудиться въ такомъ климатѣ подъ такимъ небомъ! Г. Уптовъ скамывалъ намъ, что онъ работаетъ въ садахъ круглый годъ. «Этому кипарису четыре года», прибавилъ онъ, указывая на огромное дерево.

Въ 9½ часовъ утра, послѣ сытнаго англійскаго завтрака, мы отправились въ Масандру, поблагодарить почтеннаго хозяина за гостепримство, и пожелавъ ему во всемъ полного успѣха. Мы нѣсколько разъ останавливались, чтобы взглянуть на Магарачь и вдоль берега въ ту и другую сторону, на протяженіи 40 верстъ. Здѣсь, и здѣсь именно природа доходитъ до высшей степени своего богатства и великолѣпія. Вы не знаете на чемъ остановить ваше вниманіе. Впереди васъ и за вами, повсюду бѣлѣютъ дома, домики, дворцы, башни, бесѣдки, тянутся необозримые сады и виноградники, оливковыя и табачныя плантаціи; нѣсколько повывше, на горѣхъ и въ лощинахъ, лѣса; еще выше пестрыя гряды скалъ, надъ ними опять лѣса, а тамъ, за лѣсами, поднимаются недоступные обрывы горъ, за обрывами опять утесы и чистая лазурь неба; внизу и далѣе, въ глубинѣ картины, слышеть неподвижная равнина моря. А воздухъ, а обаятельная прохлада, а дороги! . . . Право, я боюсь, что вы сего дня же поскачете въ *сладостную Тауриду*, не дочитавъ моей статьи. Тогда что мнѣ дѣлать съ обиженнымъ самолюбіемъ, подъ петербургскимъ небомъ!

Масандра. Масандра принадлежитъ графу М. С. Воронцову, и заключаетъ въ себѣ до 600 десятинъ земли. Здѣсь есть лѣса, луга, изобиліе въ водѣ и

много всякаго рода строеній. На дорогѣ стрѣя небольшая церковь, замѣчательная по своей изящной простотѣ. Подъ поломъ церкви протекаетъ ручей и за оградой бьетъ красивымъ фонтаномъ. Далѣе открывается большой домъ, а за нимъ виноградники. Зеленяющія на высотахъ сосны много украшаютъ это мѣсто.

Съ перваго возвышенія по дорогѣ изъ Мисандры въ Ялты, впереди вась открывается большая долина, далѣе и выше, къ Ялты, густой сосновый лѣсъ; прямо бьетъ башня Урианды. Дорога спускается потомъ довольно круто на низменный берегъ и вы въ Ялты.

Ялты. Ялты почти изъ ничего дѣлаются красивымъ городомъ. На каждомъ шагѣ новыя строенія, новшоду дѣятельность. Городъ стоитъ на берегу залива, который почитается самымъ покойнымъ и безопаснымъ для судовъ на всемъ южномъ берегѣ. Здѣсь есть таможня, почтовая контора и пристань. Мы приѣхали сюда въ полдень. Окрестныя виды Ялтѣ живописны; природа разнообразна и богата. Въ особенности замѣчательны долины, весьма удобныя для воздѣлыванія винограда, табаку и лим.

Урианда. По дорогѣ изъ Ялтѣ въ Алупку, куда мы теперь отправились, цѣлый рядъ живописныхъ дѣлъ. Вездѣ прекрасныя дома, дворцы, виноградники, сады, табачныя плантаціи: Не знаешь на чемъ сосредоточить вниманіе. И действительно, проѣзжая Ливадію, Урианду, имѣнія графа Дибича; графа Витта, Гаспру, Куринейса, Мисхару; нельзя не прійти въ восторгъ отъ всѣхъ здѣшнихъ красотъ природы и искусствъ. Не знаешь чему отдать преимущество. Оставайтесь гдѣ вамъ угодно, но любому направленно: у ногъ вапшекъ, внизу и надъ головою, вблизи и вдаль, повсюду картины.

Урианда заключаетъ въ себѣ 95 десятинъ земли. Подъ сѣной дорогѣ стоитъ домъ, съ красною башнею; внизу садъ,

замѣчательный по своимъ дикимъ красотамъ. Но всего любопытнѣе каскады, природная бесѣдка и смоковницы, самыя большія на всемъ южномъ берегѣ. Далѣе за Уриандою, кромѣ прекрасныхъ садовъ и обширныхъ виноградниковъ, кромѣ домовъ изящной и разнообразной архитектуры, вась привлекаютъ высокія свѣрыя скалы и подъ ними яркая зелень. Золотой крестъ на самомъ высокомъ мѣстѣ изумляетъ пріятнымъ образомъ.

Гаспра. Гаспра лежитъ по обѣимъ сторонамъ дороги. Почти у самаго моря зеленють виноградники; ниже деревни домъ, съ двумя зубчатыми башнями. Далѣе по дорогѣ, въ разстояніи одной версты отъ Гаспры, дача княгини Голицыной. На нижнихъ терассахъ открываются складочныя погребя и обширныя виноградники. Здѣсь выдѣлываются лучшія вина. Фруктовый садъ также заслуживаетъ вниманія.

Продолжая вхать по большой дорогѣ, мы прибыли въ Куринейсу и потомъ въ Мисхару. Здѣсь опять виноградники и загородные дома очень красивой архитектуры. Но всего замѣчательнѣе лавровый лѣсъ подлѣ Куринейса. Въ Мисхарѣ выдѣлываются лучшія вина, въ числѣ которыхъ особенно отличается мускатъ-люнель.

Алупка. Провхавъ пограничный столбъ Алупки, мы увидѣли внизу виноградники, а далѣе, прямо по дорогѣ, первые сады. Почти на траверсѣ Алупки, къ северу, надъ зеленяющимися горами стоитъ утѣсъ Ай-Петри съ разорванной вершиной (по измѣренію Шатильона, высота Ай-Петри надъ уровнемъ моря 578 сажень). Ниже Ай-Петри висятъ обломки утесовъ, рядомъ съ ними и кругомъ ихъ повсюду разсыяны зеленые лавры, гранаты и кипарисы. Далѣе, къ востоку, видны горы Куринейса и Мисхары, а въ зелени садовъ бѣлвють дома и домики. Къ западу, вдоль берега, тянутся горы зеленой опушкой; къ югу необозримое море.

Алука принадлежит графу М. С. Воронцову. Здесь два сада, верхний и нижний, которые отделяются один от другого большой дорожкой. На пути въ верхний садъ встрѣчаются фонтаны. Видъ съ этого мѣста на дворець, который при мнѣ еще не былъ конченъ — великолѣпный. Далѣе, прежде всего попадаются вамъ два огромныхъ кипариса, посаженные княземъ Потемкинымъ, въ 1787 году, во время пребыванія Императрицы Екатерины II въ Крыму. Отсюда куда бы вы ни пошли, вездѣ вьются, въ тѣни деревь, красивыя дорожки, повсюду уединенныя скамьи для отдыха, бьгутъ ручейки, бьютъ фонтаны; еще далѣе прудъ, посреди котораго возвышается скала; наконецъ передъ вами луга и рощи, а на самой границѣ сада, съ этой же стороны стоятъ величественныя деревья, за деревьями усадьба Алуки и сѣрые утесы.

Широкая дорога ведетъ въ нижній садъ, лежащій у самаго моря. Здѣсь являются новыя красоты природы и искусства, которыя трудно исчислить: красивыя дорожки, роскошныя цвѣтники, бесѣдки на каждомъ шагу. Тутъ же большой домъ съ колоннадою, откуда открывается обширный горизонтъ. Разбросанные по всему берегу огромныя обломки утесовъ придаютъ картинѣ особенную прелесть.

Времени до заката солнца оставалось мало и мы положили здѣсь переночевать. Татаринъ, котораго мы договорили вхатъ съ нами далѣе, убедительно просилъ насъ, чтобъ мы остановились у него въ домѣ. Не смотря на то, что въ Алуку есть прекрасный трактиръ, мы съ радостію приняли предложеніе нашего проводника. Это былъ самый удобный случай познакомиться съ домашнимъ бытомъ здѣшнихъ Татаръ.

Деревня построена амтеатромъ. Почти каждый домъ окруженъ красивыми орѣшниками, а въ самой серединѣ усадьбы возвышается прекрасная ме-

четь, которой золотой куполь и луна блистаютъ въ зелени очень пріятно. Мы взглянули еще разъ на Алуку и ея окрестности и отправились на ночлегъ.

Въ татарской избѣ прежде всего вниманіе ваше поражаютъ чистота и порядокъ. Насъ привели во вторую комнату и усадили въ переднемъ углу на мягкихъ матрацахъ. Эта комната по видимому служитъ спальною и уборною: здѣсь шкафы, полки, весь гардеробъ и всѣ спальныя принадлежности, кромѣ кроватей. У Татаръ нѣтъ ничего, на чемъ они могли бы съестъ или лечь по христіански. Стѣны и потолокъ выбелены, полъ смазанъ желтой глиной. Въ двухъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ насъ усадили, прислонена къ стѣнѣ труба и передъ нею, надъ отверстиемъ, тлѣетъ огонь: это каминъ и очагъ. Подъ трубы на полу сдѣлано отверстие, закрытое рѣшеткой: сюда обыкновенно сметаютъ соръ, а въ проливные дожди стекаетъ вода. Передняя комната предназначена для кухни и всѣхъ вообще домашнихъ работъ. Здѣсь по стѣнамъ и на скамьяхъ размѣщены кухонная и столовая посуда и разныя хозяйственныя инструменты — заступы, топоры, молотки, грабли, и прочая. Татары пекутъ хлѣбъ на дворѣ, подъ открытымъ небомъ, и потому печь устраивается подлѣ избы.

Пока мы все это осматривали, намъ подали татарскій ужинъ: вареную и жареную баранину и десертъ, состоящій по крайней мѣрѣ изъ 10 сортовъ винограда. Мы дѣлать не смѣли, и это показалось намъ чрезвычайно вкусно.

Что сказать о Татарахъ? Они очень услужливы, гостепріимны и въ высшей степени почтительны къ старшимъ: рядкой изъ нихъ пройдетъ мимо васъ, не приложивъ руку къ сердцу. Отъ водки не отказываются; вина пить не смѣютъ, подл опасеніемъ гнѣва Пророка; на честность Татаръ положиться

нелзя, а жадность ихъ доходитъ иногда до отвращенія. Покупае ли вы, вынимае ли изъ кошелька деньги, Татаринъ подойдетъ къ вамъ почти поднось, смотреть въ глаза, въ ротъ, на блюдо, въ кошелекъ, и только что не вырываетъ изъ рукъ—по крайней мѣрѣ съ нами этого не случилось. Лѣньность связала Крымскому Татарину руки на все лучшее, чѣмъ бы онъ могъ наслаждаться въ этомъ благословенномъ краю. Татарки пользуются полной свободой, и кажется, вовсе бросили свои покрывала.

22 Августа. Мы оставили Алуку не безъ сожаленія: за ея границами оказывается южный берегъ. Солнце только что подвиглось, когда мы скакали по дорогѣ въ Семенсь. Нѣсколько разъ мы останавливались и по нѣсколькимъ минутъ смотрѣли вверхъ и внизъ, прямо и въ стороны на окрестности Алуки, и вдоль великолѣпнаго амфитеатра всего южнаго берега. Видѣнное до сихъ поръ по частямъ, слилось теперь въ общую картину, для которой не достанетъ ни словъ, ни красокъ. Станьте на моемъ мѣстѣ, и вы сами засмотритесь и молча спрячете перо и кисть. Между тѣмъ мы подѣвкали къ мысу, за которымъ исчезаетъ вся оборожительная прелесть южнаго берега и являются картины дикой природы. Мы невольно отгнулись еще разъ, чтобъ еще однажды остановить глаза на картинѣ, которая черезъ два, три мгновенія должна исчезнуть внезапно . . . Внезапно! чувствуете ли вы всю тяжесть этого слова, когда дѣло идетъ о разлукъ съ любимымъ предметомъ на долго, можетъ даже навѣчно. Татарская кляча занесла копыто за пограничную скалу и за нами все исчезло.

Семисъ. Не далеко отъ моря, въ приятной зелени деревъ, лежитъ деревня Семенсь. Это мѣсто пользуется еще теплымъ климатомъ наравнѣ съ Алукой и Мискорой, потому что заслошено отъ всякъ холодныхъ вѣтровъ

утесами Ай-Петри и сосѣдними выютами. Въ Семенсь множество садовъ и виноградниковъ, воды также много. Здѣшнія смоковницы и бѣлый виноградъ славятся на всемъ полуостровѣ. Отсюда до Алуки считается 5 верстѣ, и это пространство служить постепеннымъ переходомъ отъ изящныхъ красотъ природы къ слѣдамъ памятныхъ и незапамятныхъ разрушеній, въ климатъ не столь благорастворенный, въ мѣста менѣ населенныя и обработанныя.

За Семенсомъ открываются виноградники. Впереди двѣ огромныя скалы, выдвинутыя въ самое море. Неподалеку отъ мыса, вверху, видны остатки крепости, известной у туземцевъ подъ именемъ Тэивы. Мы не имѣли времени осмотрѣть развалины. Далѣе и выше, верстахъ въ двухъ, лежитъ маленькая деревенька, Лименъ, и рядомъ съ нею обломки разрушенной скалы, которыми смята была прежняя деревня этого имени. Печальное событіе дало о себѣ знать за нѣсколько дней многими трещинами на скалѣ. Жители воспользовались предвѣстникомъ несчастія и оставили деревню, взявъ съ собою лучшіе пожитки. Тому болѣе 30 лѣтъ, какъ это случилось. Вообще окрестности Лимена печальны и дикы.

Кикинейск. Сначала дорога въ эту деревню проходить внизу, у самаго моря, между обломками разрушенной горы; далѣе мы начали подниматься, оставляя влѣво по отлогости мѣлкіе кустарники. За половиною разстоянія до деревни Кучукъ-Кой, картина совершенно перемѣняется. вмѣсто разрушенныхъ скалъ, вмѣсто виноградниковъ, являются поля, покрытыя хлѣбами, льномъ и кормовыми травами. Кое-гдѣ мелькаютъ табачныя плантаціи, еще рѣже встрѣчаются виноградники.

Кучукъ-Кой. Въ разстояніи около 5 верстѣ отъ Кикинейска лежитъ Кучукъ-Кой, небольшая деревня, которую въ 1786 году постигла участь Лимена. Са-

ная высокая изъ соседнихъ горъ разрушилась, раздавила двѣ мельницы, восемь домовъ, сады, виноградники, и отвела источники по другимъ направлениямъ. Разрушеніе продолжалось несколько дней сряду, такъ что жители успѣли спасти и себя, и скоть, и всѣ лучшія вещи. Слѣды обваловъ до сихъ поръ сохранили свою свѣжесть и наводятъ ужасъ.

Лѣстница. Отъ деревни Кучукъ-Кой дорога примѣтно поднимается и ведетъ къ цѣпи горъ. Слѣва, внизу, виноградники; справа тянутся гладкою стѣной неприступные утесы; нѣсколько дальше впередъ, на впадинѣ утесовъ, зеленѣетъ лѣсъ, который идетъ извилинами на самый верхъ; выше въ небесахъ плаваютъ орлы.

Вы идете по насыпному скату нижнихъ горъ, прямо на зеленую ленту впадины, гдѣ наконецъ къ великому изумленію открывается лѣстница (по татарски Мердвень), ведущая въ Байдарскую долину. Мы отдохнули на первой ступени и пошли вверхъ пешкомъ, ведя лошадей за собою. Выходъ по лѣстницѣ верхомъ довольно труденъ для лошади, но нѣсколько не опасенъ. Любопытство наше увеличивалось съ каждой пройденной ступенью. Лѣстница высечена въ скалахъ и идетъ улиткообразно. Впрочемъ есть два отлогихъ спуска безъ ступеней: по нимъ также легко всходить и человеку и лошади. Мердвень принадлежитъ къ числу самыхъ любопытныхъ предметовъ въ Крыму. Путешественники обыкновенно дѣлаютъ вопросъ: видѣли ль вы лѣстницу? Вообще спускаться по лѣстницѣ гораздо труднѣе. Мы встрѣтили Татаръ, которые вели за собою лошадей съ огромными выюками. Нельзя безъ удивленія смотрѣть, какъ животное держится надъ бездною.

Байдарская долина. Лишь только прошли мы всю лѣстницу, передъ нами, шагахъ въ 30, явился густой лѣсъ, который заслоняетъ виды по всемъ на-

правлениямъ. Дорога идетъ прямо въ этотъ лѣсъ и продолжается въ немъ верстъ на 20, по обводу долины, до самаго того мѣста, гдѣ вы въ нее спускаетесь по незамѣтной отлогости. Мы выехали изъ лѣсу на большую дорогу и передъ нами открылась вся долина. Вообразите огромное мѣлке блузо, обставленное по краямъ лѣвостычными горами; поставьте потомъ это блузо на вершины горъ южнаго берега и утесовъ, на которые мы только что поднялись по лѣстницѣ, и вы получите довольно близкое понятіе о Байдарской долинѣ. После этого легко также понять почему здѣшній климатъ суровъ въ сравненіи съ климатомъ Алуши и Мисхоры.

Байдарская долина вошла въ славу прежде южнаго берега, но за красоты и богатство соевъмъ другого рода. Здѣсь глазамъ представляются обширные лѣса, пашни, сенокосныя луга, но за то увы!—винограду ни кустика!

Многіе совѣтуютъ объѣхать все Байдарскія деревни, чтобы лучше судить о прелестяхъ долины; но мы не могли этого сдѣлать за недостаткомъ, и доволны были обзоромъ ея съ вышележащихъ точекъ. Долина имѣетъ около 12 верствъ въ длину и 7 въ ширину. Границы ея къ северу горы Кочукасъ и Ай-Топаръ; къ югу градъ горъ южнаго берега, къ западу Варнута; къ востоку Айла и другія горы.

Долина по длине раздѣляется на двѣ почти равныя части цѣлью небольшихъ холмовъ, съ вершинами которыхъ окружается 12 байдарскихъ деревень; въ числѣ ихъ самая большая Байдаръ, а самая маленькая Николаевка. Въ деревнѣ Скелие вытекаетъ небольшая рѣчка Дубъ и другіе каравельные лѣса Байдарской долины славятся на всемъ полуостровѣ. Здѣсь есть также много дикихъ козъ и волковъ.

Мы пріѣхали въ Николаевку въ 4 часа по полудни, и расположились на ночлегъ. На другой день рано утромъ,

при 4^о морогу, поскакали въ Севастополь | окну, взглянулъ на Чатирдагъ и вздох-
черезъ Мекензеву гору, и въ полдень | нуль. За чѣмъ все это кончилось и
были, дома. Я невольно подошелъ къ | такъ скоро!

— — —

ХРОНОЛОГІЯ СЛАВЯНСКИХЪ ПЛЕМЕНЪ

ДО ПРИНЯТІЯ ХРИСТИАНСКОЙ ВѢРЫ.

Разсматривая народъ, на какой бы онъ ни былъ степени образованія, мы не можемъ отказать ему въ понятіяхъ о томъ, что непременно принадлежитъ первобытному развитію общественной жизни. Трудно допустить, чтобы Славяне, *) народъ торговый, земледѣль-

ческій, имѣвшій политическія связи съ сосѣдственными землями, не имѣли, еще задолго до принятія христіанской вѣры, понятія о раздѣленіи времени сообразномъ съ явленіями самой природы, не только въ религіозномъ, но и въ гражданскомъ значеніи. Хотя

*) Мы рѣшились, одинъ разъ навсегда, замѣтить, что непременно должно строго отличать два имени: *Словене* и *Славяне*: первое действительно означаетъ одинъ извѣстный народъ, именно — Словаковъ, которые сами себя называютъ *Словенами* и *Словаками*; второе, собственно говоря, чуждо и намъ Русскимъ, и Чехамъ, и Полякамъ и Сербамъ и Болгарамъ. Ни одинъ изъ этихъ народовъ не называлъ и не называетъ себя ни Славянами ни Словенами; здѣсь мы разумѣемъ народное, а не книжное имя. Римляне въ правленіе Августа покоривъ Словенію (по гречески *Rhaia*), перешли черезъ Дунай и увидѣли, что за предѣлами Словаковъ живутъ племена, которыхъ народныя имена хотя и другія, однакожъ языкъ

болѣе или менѣе приближается къ языку Словенъ или Словаковъ. Для показанія такой одноязычности, Римляне первые, а за ними и другіе Европейцы, къ частнымъ, собственно-народнымъ именамъ другихъ племенъ, почти одинаково говорившихъ со Словаками, стали прилагать это имя. Такимъ образомъ, иноземцы стали называть насъ *Slavi-Poloni*, *Slavi-Romani*, *Slavi-Russi* etc. Отсюда и образовалось имя *Славяне*, собственно не принадлежащее ни одному народу въ мірѣ, и употребляемое только въ книжномъ, условномъ языкѣ. И такъ, просимъ читателей дѣлать отъ сихъ поръ строгое различіе между народнымъ именемъ, Словене, Словенское племя, кождъ коимъ разумѣются только одни Словаки; и между

раздѣленіе времени у Славянъ отвѣчаетъ. Скандинавскому, Тевтонскому и Кимврскому, однакожь это нисколько не доказываетъ, чтобы Славяне заимствовали оное у этихъ народовъ. Напротивъ того, они принесли его съ собою вмѣстѣ съ частью мнѳологій и принаровили къ мѣстности тѣхъ странъ, въ которыхъ образовали свое новое отечество. Не имѣя надлежащаго понятія о кажущемся движеніи солнца, они раздѣляли годъ на 12 мѣсяцевъ, соотвѣтственно 12-и измѣненіямъ луны, потому что измѣненія эти слишкомъ очевидны и постоянны. Подобное раздѣленіе мы находимъ и у другихъ первобытныхъ народовъ. Евреи равномѣрно имѣли свой лунный годъ, раздѣленный на 12 мѣсяцевъ; но такъ какъ ихъ празднества случались всегда во время равноденствія и не могли обойтись безъ жертвоприношеній плодами и животными, которые только въ известную часть года могли быть доставляемы, — то и принуждены были согласить лунный годъ съ годомъ солнечнымъ; — поэтому-то они прибавляли еще одинъ мѣсяць, тринадцатый послѣ истеченія нѣсколькихъ лѣтъ. Скандинавцы, Тевтоны и Кимвры тоже имѣли свой тринадцатимѣсячный лунный годъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и у Славянъ, имѣвшихъ свой лунный годъ, былъ тоже тринадцатый мѣсяць, котораго названіе потерялось въ послѣдствіи времени. По введеніи христіанства прежнія наименованія мѣсяцевъ

именемъ, не народнымъ, не собственнымъ, а книжнымъ, «Славяне, Славянскія племена,» подѣ коимъ должно разумѣть совокупность всѣхъ племенъ, которыхъ языкъ приближается къ словацкому, слѣдственно и Русскихъ, и Поляковъ, и Сербовъ и Болгаръ и Чеховъ и самихъ Словаковъ. Поэтому одно изъ этихъ именъ будетъ означать *родъ*, а другое *видъ*: этого никогда не должно упускать изъ вида,

примѣнены были къ новому мѣсяцослову; одни только названія дней по всей вѣроятности подверглись нѣкоторому измѣненію.

Названія мѣсяцевъ *марта* и *мая*, сохранившіяся въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ въ своемъ первоначальномъ видѣ, какъ на примѣръ въ Польскомъ *marzec, mai*; Чешскомъ *marzec, maj* и проч., — производимыя доселѣ отъ Римскихъ *martius, majus*, отнюдь не суть Римскія, по чисто Славянскія слова. Правда, мы говоримъ это рѣшительно вопреки принятому доселѣ и утвержденному временемъ мнѣнію; но почему не положиться намъ на новое, если только оно согласно со всевозможною вѣроятностію? Не имѣвъ ни какихъ сношеній съ Римлянами, какимъ образомъ Славяне могли перенять отъ нихъ названія этихъ двухъ мѣсяцевъ? Но если и предположить, что они заимствованы у нихъ со времени принятія христіанской вѣры, то почему же именно только они приняты, между тѣмъ какъ другія Славянскія названія мѣсяцевъ остались неизмѣненны? Мы не отвергаемъ, что слово *май*, можетъ быть, не чисто Славянское; но что оно существовало у Славянъ до христіанскихъ, въ этомъ мы совершенно убѣждены. Впрочемъ, пусть кто нибудь укажетъ намъ хоть на одно мѣсто у древнихъ писателей, гдѣ бы былъ намѣкъ на происхожденіе этихъ двухъ названій мѣсяцевъ изъ Латинскаго языка, — мы охотно откажемся отъ нашего мнѣнія. Намъ скажутъ, что такъ утверждаютъ позднѣйшіе писатели; это еще ничего не доказываетъ. По нашему мнѣнію и *суббота* (Польская *sobota*) вовсе не происходитъ отъ Еврейскаго *sabbat*.

Разсмотримъ отдѣльно каждый день недѣли, и удостовѣримся, дѣйствительно ли Славяне имѣли до принятія христіанской вѣры для означенія этихъ дней особенныя названія, которыя или исчезли, или замѣнены были со време-

неть другими, не напоминающими бол-
 гамъ Славянамъ объ ихъ языческомъ
 состояніи? Удивительно, почему мы
 одной только *субботою* отказываемъ въ
 правъ Славянской гражданственности?
 Напротивъ, *суббота* есть чисто Слав-
 янское названіе Мѣвнѣ Коллонтая —
 что *sobota* произошла отъ словъ: *sobie*
gobota 1). (себѣ работа), неудовлетво-
 рительно. День этотъ не могъ быть
 посвящаемъ *работѣ для себя*, соб-
 ственному занятію. Оставшаяся до сихъ
 поръ пословица Славянская: *суббота,*
кляжеская работа, доказываетъ, что
 особенно въ субботу отправляема бы-
 ла барщина, и притомъ, до такой сте-
 пени тяжелая, что день этотъ пере-
 шелъ даже въ пословицу. При всемъ
 томъ едва ли можно найти гдѣ нибудъ
 законъ, исключаящій субботу изъ дней
 назначенныхъ для барскихъ работъ. И
 почему бы не производить субботу
 отъ Славянскаго праздника, существу-
 ющаго еще доселѣ у Западныхъ Слав-
 янъ подъ названіемъ *сobotки* (*sobotki*),
 а у восточныхъ подъ именемъ *хупало*?
 Гора въ Силезіи *Sobtenberg*, Силезскія
 и Польскія мѣстечки: *Sobotka*, *Sobota*,
 получали свои названія оттого, что
 здѣсь вѣроятно находились урочища,
 гдѣ торжествуемы были эти языческіе
 праздники. А производить ихъ отъ
 Еврейскаго трудно; потому что ни въ
 одномъ изъ Славянскихъ нарѣчій не
 удержалась Еврейская гласная и корен-
 ная буква *a*: *sabbat*, которая сохрани-
 лась въ Арабскихъ словахъ: *sabt*, *ja-*
ти Gzfabu, Эѳіопскомъ *shabutu* и въ
 нѣкоторыхъ другихъ.

Который день недѣли означала *суб-*
бота? Если *sobotki* будемъ произво-
 дить отъ словъ: *sobic*, (собить) *sobina*
 (собина) *przuprosobic* (приспособить),
 какъ день, приготовляющій къ поле-

вымъ работамъ 2) и слѣдовательно колы
 многимъ другимъ занятіямъ, то суббо-
 та могла составлять главный, начина-
 ющій недѣлю день, и отвѣчать
 выпышнему воскресенію (*Niedziela*).
Sobotki не могутъ быть производимы
 отъ субботы; потому что торжество
 это должно было существовать, прежде
 нежели самый день, въ который оно
 праздновалось, получилъ названіе суб-
 боты (*sobota*). Воскресеніе, *недѣля*,
niedziela, образовалось по понятіямъ
 христіанскимъ, какъ слово означающее
 день, въ который ничего *нельзя было*
дѣлать 3). Быть можетъ воскресеніе
 называлось у Славянъ-язычниковъ *свѣ-*
тымъ днемъ (*sveti dan*, *swiätunica*) отъ
 бога *Свѣтовида* которому въ этотъ
 день они поклонялись и приносили
 жертвы, какъ олицетворенному солнцу.

Понедѣльникъ *Poniedzialek*, у Бос-
 нійцевъ, Рагузанъ и Сербовъ называет-
 ся *parvi dan*, *prvvi dan*, то есть пер-
 вый день послѣ субботы. Почему по-
 недѣльникъ въ многихъ Славянскихъ
 странахъ считается днемъ зловѣщимъ?
 Въ этотъ день производились обыкно-
 венно суды въ священныхъ рощахъ и
 преступники по закону въ этихъ же
 мѣстахъ казнимы были смертію. Не
 это ли подало поводъ — считать поне-
 дѣльникъ днемъ зловѣщимъ?

Вторникъ, *wiorek*, — у Карніоль-
 цевъ, Вендовъ, Кроатовъ и Сербовъ
 называется: *Tork*; *четвергъ*, *czwartek*
 у Вендовъ *Perundan*, день Перуна

Туркъ и *Туръ* Краинское божество,
 нѣкогда общее всемъ Славянамъ и за-
 нимствованное ими у Скандинавовъ, былъ
 богомъ силы и грома; Перунъ подоб-
 нымъ же образомъ считался божес-
 твомъ силы и грома.

Слѣдовательно *Туръ* и *Перунъ* были

1) Словарь Линдс. Томъ третій. Варшава. 1907.

2) *Голенбювскій*. Игры и увеселенія. 1891. Варшава.

3) *Копчакскій*. Народная грамматика для III кл. стр. 39.

боги однозначные. У некоторых Славянъ сошествіе св. духа, Польскіе *zielone swiatki*, (зеленыя святки) до сихъ поръ еще называются *Turice* (Турице) отъ Тора, въ честь котораго они были празднуемы. Въ словъ о полку Игоря имя Туръ всегда сопровождаемо бываетъ эпитетомъ *арый, буй*; чѣмъ и доказывается тожество Перуна и Тора. Имя Перуна осталось и повныѣ въ названіяхъ урочищъ; а находящаяся теперь въ Сербіи *Перунова дубрава*, въ Далмачіи лѣсъ *Пиручъ дубрава* и у Вендовъ растение *Перуница* (*Iris Germanica*) — свидѣтельствуютъ ясно, что всѣ рѣшительно племена Славянскія почитали божество Перуна. И такъ дни *Торъ* и *Перунданъ* были одни и тѣже, и только въ послѣдствіи времени были раздѣлены. Четвергъ подобнымъ образомъ изывался по старогермански *Thorstag* и *Thurstag*, на Англо-Саксонскомъ языкѣ — *Holy Thursday*; на Шведскомъ — *Hilig Thorstag*. Въ Исландіи и Даніи день этотъ торжественно праздновался въ началѣ весны, и только въ 992 году измѣненъ былъ въ христіанскій праздникъ называемый: *dies viridum* и соответственный нѣмецкому: *der grüne Donnerstag* 4), зеленый четвергъ. По всей вѣроятности Славяне съ равнымъ торжествомъ праздновали вторникъ или четвергъ въ честь Перуна. Вторникъ у Вендовъ считается третьимъ днемъ — *Teršht dan*, у Боснійцевъ же третій день — *Trešchi dan* есть среда. Эти перемѣненія показываютъ намъ ясно измѣненія которымъ подвергались съ теченіемъ времени давнія названія дней у Славянъ.

Пятница, Польскій *Piatek*, празднуема была въ честь *Змея, Жива, Сибя*; — богини жизни; отсюда у Краинцовъ *sibne dan* означаетъ пятницу.

Въ словъ о полку Игоря — слово *змея* такъ употреблено въ значеніи пятка, дня, пятницы. У насъ *пятничными* называютъ еще часовни встращаемыя на перекрестныхъ дорогахъ. Часовни эти, какъ догадываются, были постраждены въ честь пограничныхъ боговъ и мимо ихъ, ни одинъ пешеходъ или всадникъ не проходилъ, не принесши какой нибудь жертвы. Еще и до сихъ поръ въкоторыя изъ дорогъ, усѣянныхъ подобными пятницами, пользуются особеннымъ отъ всѣхъ уваженіемъ. И такъ, можно полагать что всѣ Славяне праздновали одинаковымъ образомъ пятницу, но только въ честь различныхъ боговъ.

Изъ всего этого можно заключить, что у Славянъ, какъ и у иныхъ древнихъ народовъ, одни дни получали свои названія отъ боговъ, а другіе отъ порядка въ какомъ следовали другъ за другомъ. Нынѣшній же видъ недель, образовался вѣроятно или за нѣсколько лѣтъ до введенія христіанской вѣры въ Славянскихъ земляхъ или чрезъ нѣсколько времени послѣ. Конечно, изысканія наши въ этомъ отношеніи, не льзя еще считать удовлетворительными; по крайней мѣрѣ они должны обратить на себя вниманіе тѣхъ, которые болѣе насъ смѣли извѣстность исследованийъ Славянскихъ древностей. Намъ радуется и то, что мы перемы, какъ кажется, обратили вниманіе на столь любопытный предметъ, какъ хронологія Славянъ-идолопоклонниковъ съ болѣе чѣмъ другіе въ разсмотрѣнію ихъ подробностямъ. Занимаясь издавна сравнительною мифологіею всѣхъ Славянскихъ племенъ и намѣреваясь представить здѣсь не совсѣмъ еще обработанные изъ нея извлеченія, благодарны будемъ если кто нибудь изъ просвѣщенныхъ Славянофиловъ, замѣтивъ наши недостатки, постарается навести насъ на другую, болѣе истинную дорогу.

Обратимъ еще разъ вниманіе на

4) Edda Saemundina. Т. III. Havniae. 1828. Specimen calendarii Borcalium, etc.

значеніи слова *Niedziela*, (недѣля,) въ значеніи воскресенія, — замѣтить при томъ, что все что будетъ сказано о *недѣлѣ*, должно отнести къ *воскресенію*, котораго, какъ всякій легко это замѣчаетъ, произошло *переводо* вѣзже по христіанскимъ понятіямъ, какъ день, въ который торжествуется память *воскресенія Христа*. Мы сказали выше, что оно образовалось согласно понятіямъ христіанскимъ, то есть, что слово это только въ теченіи времени припаровлено было къ новому распредѣленію времени, какъ вполнѣ представляющее христіанскую идею седьмого дня, въ который оставали всѣ работы. Мы не хотѣли разумѣть подъ этимъ, что *недѣля* не существовала у Славянъ до христіанскихъ; напротивъ, мы совершенно увѣрены, что слово это издревле было известно, но только не имѣло того значенія, въ какомъ мы теперь его принимаемъ. Изъ множества урочищъ, называемыхъ *недѣльми*, *niedziela*, известно въ особенности одно находящееся въ окрестностяхъ Магдебурга, называемое *Недѣлице* (Nelditz, Nelditz allda), и представленное на III-ей картѣ въ прибавленіи къ Бранденбургской исторіи Раумера; оно существовало еще до введенія христіанской вѣры въ эту страну и очевидно получило свое названіе отъ слова *недѣли*. 5)

За всѣмъ тѣмъ воскресеніе не могло означать у Славянъ день первый недѣли. Мѣсяць обыкновенно раздѣляемъ былъ на *недѣли* или *недѣльми* (недѣльми) обозначенія, которыя отвѣчаютъ позднѣйшему раздѣленію его на четыре равныя части — *недѣли*, *Tygodnie*. Следовательно недѣля означала у до-христіанскихъ Славянъ число *семи дней*. Трудно объяснить, от-

чего пошлѣ во влѣхъ Славянскихъ наречіяхъ это число дней называется *недѣлю*, 6) и отъ чего въ самыхъ древнѣйшихъ письменныхъ памятникахъ *недѣля* употреблена въ значеніи семи дней 7) Мы вовсе не намѣрены утверждать наше мнѣніе на источникахъ происхожденія этого слова, но на употребленіи значенія его съ незапамятныхъ временъ, а произошла ли *недѣля* отъ недѣланія или недѣленія, никто безъ сомнѣнія рѣшить этого не успѣетъ. Болѣе правдоподобно то, что до-христіанскіе Славяне никакъ не могли составить идею — называть день не рабочимъ въ то время когда прочимъ днямъ они придавали имена боговъ, подобно всѣмъ языческимъ народамъ. Ни какимъ образомъ нельзя предположить, чтобы народъ языческій могъ образоватъ религіозное понятіе, что одинъ день въ недѣлѣ долженъ быть посвященъ исключительно одному высшему божеству, потому что, такимъ образомъ, всякій день былъ бы *недѣлемъ*, воскресеніемъ, такъ какъ всякій былъ празднуемъ въ честь какого нибудь одного божества. Поэтому недѣля никогда не была нерабочимъ, *не дѣлательнымъ*, такъ сказать, днемъ, но известное *нераздѣльное* протяженіе времени, соответствующее нынѣшней недѣлѣ.

Для поддержанія мнѣнія, что день отвѣчавшій нашему воскресенію могъ называться у Славянъ *святницею* или *святнымъ днемъ* — празднуемымъ въ честь Святювида — солнца, скажемъ

6) *Недѣля*, въ значеніи семи дней, издавна употребляется въ Польскомъ языкѣ: напримѣръ: *dwie, trzy niedziela* или *tygodnie*: — тоже и въ Вендскомъ: *Nedola, Nediel* и Карниольскомъ: *Nedejla*.

7) Такъ напримѣръ въ Русской правдѣ, въ главѣ о вѣрахъ: — Вирнику взяти семь ведеръ солоду на *недѣлю* а въ *сроду* рѣзана (кудлицу) а въ *платицу* такожь.

5) Historische Charten und Stammtafeln zu den Regesta Hist. Brandenburg, von G. W. Wagner. Berlin. 1897, Ersterer Haft.

еще и то, что оно и у Германцевъ посвящено было солнцу и называлось *Sunnatag* (Sonntag).

Подобнымъ образомъ всякій день недѣли получилъ свое названіе отъ одного изъ высшихъ божествъ; названія эти существуютъ до сихъ поръ неизмѣнными въ составѣ Германской недѣли

Славяне, какъ мы уже выше сказали, имѣли кромѣ того названія дней, образовавшіеся изъ численнаго ихъ порядка: первый день, второй, третій, — до седьмого. Доказательство этого мы видимъ во многихъ мѣстахъ въ Краловорской рукописи (8), и между прочимъ въ пѣсни: *Zaboj, Slavoj, Ludek*, гдѣ Богемскій пѣвецъ говоритъ слѣдующими словами:

I minu deň i minu deň vteru,
I po tretiem dni kehdy sie zatepnise nos,
Bra sie Zaboj u les,

И прошелъ (минулъ) день и прошелъ день
второй,
И послѣ третьяго дня, когда ночь наступила,
Пробирался Забой во лѣсъ,
или:

I minu deň prvý i minu deň vtery,
I kdaž za tretiem luna w noci biese,
Spniechu sie muze siemo w les

И прошелъ первый день, и прошелъ день
второй,
И когда послѣ третьяго во ночь луна
показалась (была)
Сошлись мужья тамъ въ лѣсу.

Изъ Краловорской рукописи можемъ еще сверхъ того получить понятіе объ истинно прекрасномъ и естественномъ раздѣленіи Славянами времени на *шаги* или *kroki* солнца, то есть какъ нужно думать на *часы*, *годиницы*. Какъ бы то ни было, поэзія должна была отвѣчать понятіямъ тогдашняго вре-

мени, и по этимъ нѣсколькимъ стихамъ можно предположить, что Славяне не знали иного раздѣленія дня, кромѣ того, которое указывало имъ божественное солнце. Въ пѣсни: *Cestmir a Waslaw*, — *Cestmir* говоритъ:

•Neze sie poznaje, že slunce pokroci
Na twardosci nebes, stupis tamo na miesto;
A neze slunce postupi vterym krokom
I krokom tretiem
Nad wrsiny lesne, dojdu voje tamo, ..

•Когда увидишь, что солнце шагнетъ
На твердь небесную, ты станешь тамъ
на мѣстѣ;
Когда же солнце сдѣлаетъ шагъ второй,
И третій шагъ
Надъ вершинами лѣсными, войны придутъ туда.

или:

•I idese vojska wscmi kroky slunce,
Az pod polednie slunce.
•И войска шли ко всемъ шагамъ солнца
Къ самому полуденному солнцу

Или въ пѣсни: *Zaboj, Slavoj, Ludek*;
•I kehdy biese picl slunci
Podasta si presilnic guse.
•И когда было пять солнцевъ
Они подали другъ другу сильные руки.

И такъ день Славянскій раздѣленъ былъ на двѣ равныя части; утро считалось до полуденнаго, а полдень до вечерняго солнца. Обыкновенно говорили: уже *платое солнце* или второй, третій шагъ, *krok*, солнца, что, повидимому, означало пятой, второй или третій часъ, сообразно тогдашнему раздѣленію дня. Сверхъ того слово *doba*, *сутка*, означало истечение времени отъ полночи къ полночи. Можно думать, что Славяне имѣли какой нибудь рядъ для измѣренія времени, на подобіе древней клепсидры, и называли его *dobnik*, *суточникъ*, или просто *часы*, *czasy*; это тѣмъ болѣе правдоподобно, что Вендскій *dobnik* и русскіе *часы*, означающіе тоже что и Польскій *zegar*, существовали прежде, нежели Славянамъ сдѣлались известными часы,

(8). Kralodwojsky Rukopis, wydany od Waslawy Hanky. W Praze. 1895.

которые въ некоторыхъ только изъ Славянскихъ наречій приобрѣли право гражданства.

Подобнымъ образомъ и Литовцы раздѣляли съ незапамятныхъ поръ время на часы, *Walunda, Валунда* называемые; часы эти были ночные и дневные хотя длина ихъ вовсе неизвѣстна; но что они были отличны отъ нынѣшнихъ, это доказываетъ употребленіе другого слова для обозначенія ихъ. Литовцы имѣли тоже свой собственный снрядъ для измѣренія времени, который назывался у нихъ *Bodziamolasc, Bodziawolasc* (9), хотя теперь для означенія часовъ употребляется ими другое слово: *Адвишкась, Alinikas*. Славяне равномерно могли называть свои часы *dobnik, сутогникъ*, измѣряющій *dobu, сутки*, или время отъ полночи до полночи, которое раздѣляли еще на *dobnice* (10). *Годзина* же, *godzina*, означала въ первоначальномъ времени неопредѣленное время, что видно изъ употребленія ея корня *годъ, hod*. Слово *hod* у Вендовъ и Богемцевъ означаетъ торжество, праздникъ, въ Польскомъ языкѣ *gody* тоже какое нибудь празднество. Позднѣйшій Литовскій часъ, *hadina*, образовался подобнымъ образомъ изъ стараго Литовскаго слова: *hadz*, соответственнаго Славянскому *hod, годъ*; теперь же для означенія времени они употребляютъ другое слово: *Metaj* од-
нозначущее съ *Metas*, время.

Нѣтъ сомнѣнїя, что Славянская недѣля состояла изъ семи дней. Раздѣленіе это относится къ самой отдаленнѣйшей древности, и было навѣрно почти во всемъ языческимъ народамъ. Славяне заимствовали его, быть можетъ, у Индѣйцевъ; догадку эту оправдываетъ уваженіе числа семи во всѣхъ тайнахъ Индѣйцевъ, которое у насъ

(9) *Narbutt. Dzieje Litwy. Томъ I. 1835.*

(10) *Dobnica*, понынѣ въ Чешскомъ и Вендскомъ языкахъ означаетъ — часъ.

еще до сихъ поръ сохранилось между простомудинами. Недѣля сверхъ того называлась *седмицею, седмичною* (у Боснійцевъ — и по нынѣ), что отвѣчаетъ Литовскому *Septini ateni* и многимъ другимъ.

Мы сказали выше, что Славянъ, подобно Скандинавамъ и Гевтонамъ, раздѣляли годъ на 12 мѣсяцевъ сообразно двѣнадцати измѣненіямъ луны, о чемъ можно заключать даже по самому названію *мѣсяцевъ*. Германцы равномерно образовали слово *Monat* изъ древняго названія луны: *Mone* или *Mane*, которую послѣ солнца выше всего почитали. Согласно мѣтологїи Германцевъ *Mann* или *Mannus* былъ сынъ перваго ихъ божества: *Thuisto* или *Teut* принимаемаго эмблемою солнца, а *Mann* *) — луны. Отъ перваго изъ нихъ получилъ названіе весь народъ: *Teutsch, Deutsch*, отъ втораго — составные члены этого народа: *Mann, Mannesco, Mensch*, чловѣкъ. Подобный переходъ, кажется, можетъ быть допущенъ и у насъ, Славянъ. Такимъ образомъ Польскій *Księżyc, ксіенжыць*, луна, однозначущъ съ словами: *Książę, Ксіонже, Książdz, Ксіондзъ*, князь, которые прежде означали нечто иное, какъ представителя народа, короля (11), а еще въ отдаленнѣйшія времена — *чловѣкъ Словенина* (12), для отличія его отъ рабовъ,

(*) *de Maan* — луна по Голландски.

(11) Самое позднее употребленіе этого слова, встрѣчаемъ, кажется, въ Гіотрковской конституціи, 1550 года, гдѣ читаемъ слѣдующую подпись короля Польскаго: *My Zygmunt August z bożej łaski, Król Polski, Wielki Książdz Litewski...* Мы Сигизмундъ Августъ, божіею милостію король Польскій, великій Ксіондзъ (князь) Литовскій..

(12) Вопреки мнѣнію тѣхъ которые производятъ слово *князь, Książę*, отъ Германскаго *Chunino*, старо-скандинавскаго *Konung*, нѣмецкаго (въ послѣдствїи времени *könig*, и другихъ считающихъ корнемъ его или слова: *конъ, законъ* или *книга*,

которыми считались обыкновенно все главные другого происхождения, потому что Славянин не могъ быть рабомъ у Славянина. Простой народъ на Руси еще и понынѣ называетъ солнце — *клязьма*, а луну *клязьма*: идея одна и таже, только подвержена вліянію времени и сохранившаяся до сихъ поръ, какъ памятникъ древности.

Германскому *Menich*, соответствующее слово въ влово, русское: *мужъ*, польскія: *mał, męż*, финское *mis*, древнее Литовское и всѣхъ сѣверныхъ народовъ *Mes* и *Mys* (13), позднѣйшее Литовское *Meniso*; Латышское *Mienes*, Кельтическое *Mis*, Санскритское *Masi*, Греческое *μηνη* (дорическое *μανα*), Латинское *mensis* а отсюда *mas*, мужъ. (14). Эти сравненія не доказываютъ ли первоначальнаго однозначенія русскаго *мѣсяць* и *клязь*, и Польскаго: *Miesiac*

и *Ksieżyц* или *Książe*, въ мифологическомъ языкѣ?

Къ этой догадкѣ приводятъ насъ еще названіе Славяне — Бендскаго божества *Misiclaw*. По словамъ *Mone* (15) *Misiclaw* былъ одинъ изъ Вендскихъ героевъ, причисленный послѣ смерти къ божествамъ. *Либушь* утверждаетъ (16) что слово *Misic* образовалось изъ *Mi-si-is* означающаго *мѣсяць* и *law, la* — *aw*, Богъ, окончанія послѣ уже прибавленнаго. Следствено *Misiclaw* означаетъ тоже самое, что и Германское *Teut*. Это доказываетъ что *мѣсяць, miesiac, księżyц*, суть только слова множественнаго, составленныя для означенія высшихъ понятій о божествѣ или человекѣ, который превзошелъ всѣхъ другихъ обыкновенныхъ людей.

Приступая наконецъ къ изслѣдованію названій Славянскихъ мѣсяцевъ, обратимъ сперва вниманіе на начало года у Славянъ, то есть, — посмотримъ, въ какое именно время Славяне начинали свой годъ и какое было раздѣленіе этого года.

У всѣхъ почти древнихъ народовъ новый годъ начинался во время весенняго равноденствія, когда природа послѣ долгаго усыпленія въ объятіяхъ зимы, принимала новую жизнь, облекалась въ новую одежду, когда божественное солнце своимъ животворнымъ лучемъ, какъ будто волшебнымъ жезломъ, извлекало изъ ложа земли новыя произведенія, новыя средства для поддержанія человеческого рода. Такое начало года, кажется, самое понятное человеку, живущему еще такъ близко къ природѣ, и такое именно мы усматриваемъ первоначально у всѣхъ почти древнихъ народовъ.

Славяне, какъ народъ земледѣльскій,

или еще *лунъ*, это пока скорѣе не рѣшеній! *) Намъ кажется однакожъ, что пока всѣ эти понятія образовались у Славянъ, небесное свѣтило получило прежде свое названіе, отъ котораго послѣ произведены были другія. Не представляла ли *князь, ksteга*, что то похожее на сплѣщенныя жезлы, употребляемые при предсказаніяхъ и жертвахъ, или быть можетъ, зодіакъ?...

(13) *Lelewel. Uwagi nad Mateuszem h. Cholewa.*

(14) *μηνη, luna, der Mond, the Moon, habitus a quibusdam priscis sicut et nostris Germanis pro viro, der Mann, a man: sicut sol pro femina, die Sonne.* Отсюда греческое *μηνη*, дорическое *μανα*, латинское *mensis*, германское *monat*, мѣсяць. — *Duncanii Lexicon graecum. Lipsiae 1836 стр. 747.*

(*) Автору статьи еще не была известна статья Ю. И. Венелина, который съ помощью Болгарскихъ грамматъ рѣшилъ споръ окончательно, и доказалъ положительно, что слово *клязь* происходитъ отъ слова *конѣ*, и означаетъ сперва *законодатель*, см. *Гелескопъ*, антикритику Венелина, въ *средицѣ* или концѣ 1833 года.

(15) *Mone. Geschichte des Heidenthums in nordl. Europa. 1823. Leipzig. стр. 207.*

(16) *Liebusch. Skythika..... über alte Bergreligion. 1833. Camenz стр. 229.*

для котораго появленіе весны составляет вожделѣннѣйшую, торжественнѣйшую минуту, начинали свой годъ или *лѣто* тоже во время весенняго равноденствія (17). Очевидно, что столь важное время въ общественной ихъ жизни должно было сопровождаться какимъ нибудь торжествомъ заключающимъ въ себя идею паденія или смерти зимы, и возобновленія или возврата весны, — символическое представленіе *борьбы смерти съ жизнью*. Такимъ торжествомъ былъ *праздникъ богини Маржаны*, (Марцаны) отъ которой мѣсяць *Маржець*, *Magzes*, *Мартъ*, получилъ свое названіе. Можно полагать что *Маржана* была вмѣстѣ богинею смерти и плодородія, оттого то *Моне* считаетъ ее Славянскою *Церерою* (18), *Живе*, *Зevanoю*, потому что земля соединяетъ въ себя понятіе смерти и плодородія. Такъ точно и у Славянъ въ одно и тоже время, то есть въ началѣ года, въ *мартъ*, празднуемы были вмѣстѣ два торжества, одно: *изгнаніе зимы и встрѣча весны* и другое: *изгнаніе смерти*. Слѣды этихъ двухъ празднествъ замѣтны еще до сихъ поръ почти во всѣхъ Славянскихъ земляхъ. Въ Россіи, Польшѣ, Богеміи, Силезіи, съ незапамятныхъ временъ, перваго числа *марта*, селяне собираются толпами въ полночь на кладбища, и тамъ, при блѣдномъ сіяніи факеловъ, приндсать

(17) *Лѣто*, *luto*, заключало первоначально все теплое время года: остальное же составляло *зиму*. Отсюда *per excell.* *лѣто* тоже самое что и *годъ*. Подобнымъ образомъ Германскій *Jahr*, *Jaar*, означалъ сперва *лѣто*, *жатеу*; староготское *year*, *aar* исландское и датское *aar* (*or*) и *ar*, тоже *годъ*, *лѣто*, *жатва*. Потому то *лѣто* на Вендскомъ языкѣ *jar*, отсюда и другіе Славянъ *лѣтніе плоды*: *яръ*, *ярица*, *яровой хлѣбъ*; у Поляковъ: *jarzyna*, *żyto jare*.

18) *Mone*. Geschichte des Heid. etc.

Tkanj. Mythologie der alten Deutschen und Slaven. 1827. Znaim стр. 195 и 196.

жертвы умершимъ, для умоленія ихъ тѣней 19). *Олай Готъ* упоминаетъ въ своей исторіи сѣверныхъ народовъ 20) о *праздникѣ изгнанія зимы или смерти* у Славянскихъ и Германскихъ племенъ, известномъ въ Польшѣ подъ названіемъ *праздника Маржаны*. 21),

Праздникъ встрѣча весны равнымъ образомъ находимъ почти во всѣхъ земляхъ, обитаемыхъ Славянами. На Украинѣ молодыя дѣвушки встрѣчаютъ весну *заклинаніями* или *веснянками*. Въ Россіи известны всѣмъ весенніе пѣсни:

Весна, весна красная,
Приди весна съ радостію,
Съ радостію, съ радостію....

Marana у Богемцевъ и Силезцевъ означаетъ весну; сверхъ того Богемцы удержали древнее названіе самаго весенняго праздника. Еще и понынѣ у нихъ первое число *марта* называется *Лѣтнице*, *Letnice*; праздникъ *лѣта*, въ честь котораго поется свѣдующая пѣсня:

«Giz nesm smrt ze wsy
Nowe leto do wsy,
Witaj leto lubezne
Obilicko zelene.»

Уже несемъ смерть изъ деревни,
А лѣто новое въ деревню;
Здравствуй, лѣто любезное,
Обиліе зеленое!

И такъ Славянскій годъ, до принятія христіанской вѣры, начинался съ *марта* мѣсяца. Послѣ введенія христіанства

19) *Anton*. Erste Linien eines Versuches über der Slaven. 1788. стр. 71.

20) *Olas magno Gotho* autore, *Historia gentium septentr.* 1608. Antverpiae.

21) Подобные обряды находимъ у Франковъ и у Литовцевъ: кому неизвѣстны Литовскіе *dziady* (дѣды) по крайней мѣрѣ изъ поэзіи Мицкевича.

низма старья обыкновения должны были уступить мѣсто новымъ, за исключеніемъ только начала года въ мартѣ, которое оставалось неизмѣннымъ у Русскихъ Славянъ почти до половины XIV столѣтія.

Названія Славянскихъ мѣсяцевъ подвергались по видимому различнымъ по степеннымъ измѣненіямъ: тѣ, которыя сохранились до нашихъ временъ должны быть весьма отличны отъ названій употребляемыхъ до-христіанскими Славянами. Въ первоначальное время онѣ были болѣе мѣологическія; можно даже смѣло предположить, что всякій изъ мѣсяцевъ былъ посвящаемъ какому нибудь божеству отъ котораго и получилъ свое названіе. «Но первые вѣсныя принесшіе намъ нынѣшнюю вѣтру чужды были воздержности что-бы охранить что либо для исторіи и столѣтій, а это неблагоклонное суредіе ихъ послѣдователей едва ли не дошло до нашего времени 22)» Вотъ почему мы не должны удивляться что такъ мало нынѣ сохранилось древнихъ памятниковъ; станемъ же уважать тѣ которые намъ остались и проникая мысленно въ минувшіе вѣка, постараемся замѣчать и тѣ, о существованіи которыхъ хоть малѣйшіе слѣды свидѣтельствуютъ. Такимъ образомъ *мартъ* и *май*, два мѣсяца которые мы не хотимъ считать чисто Славянскими, будутъ точнымъ доказательствомъ совершенно противоположнаго заключенія, то есть; что мѣсяцы Славянъ - идолопоклонниковъ по большей части получали названіе отъ боговъ, которымъ были посвящаемы. Но такъ, какъ они совершенно согласовались съ Римскими *Martius* и *Majus* то истребители языческихъ памятниковъ не могли ихъ не пощадить. Такая перемена нисколько не удивитъ того, кому извѣ-

вѣстно, въ сколь многихъ обстоятельствахъ древнія названія прамѣняемы были по возможности къ другимъ новымъ 23). Никто не опровергаетъ древности Германскихъ мѣсяцевъ: *Majemonat* и *juelmonat*, хоть столь созвучныхъ съ Римскими: *Majus* и *Julius*; почему же Славянамъ не имѣть своего собственнаго *марта* и *мая*?

Вообще, мы должны замѣтить, что первоначальныя названія мѣсяцевъ у всѣхъ Славянъ были одинаковы и что едва въ послѣдствіи времени, когда упала мѣологія и имена мѣологическія остались въ одномъ только простонародномъ употребленіи, они начали быть прилагаемы къ мѣстности и климату, хотя мы и теперь сравнимъ наименованія мѣсяцевъ у всѣхъ Славянскихъ племенъ, найдемъ что многие изъ нихъ нисколько не отвѣчаютъ ни мѣстности ни климату. Для этого достаточно только привести мѣсяць *цвѣтъень*, (апрѣль) *Kwiecień*, который на Богемскомъ языкѣ называется *Brezen*, не смотря на то что въ этомъ мѣсяць березы въ Богеміи ни *цвѣтутъ* ни издаютъ сокъ. Въ Польшѣ, Богеміи и Сербіи мѣсяць *листопадъ* (ноябрь) *listopad*, бываетъ въ одно и тоже время, потому что въ этихъ странахъ въ это время падаютъ листья съ деревьевъ; въ Краціи, Далмации, листья падаютъ гораздо позже, за всѣмъ

22) Zoriana Chodakowskiego. O Slowiańszczyźnie Przedch. Kraków. 1835.

23) Здѣсь кстати упомянуть о томъ, что мы сказали выше о *недѣль*. День Тура или Тора перешелъ тоже въ 698-мъ году изъ языческаго праздника въ христіанскій праздникъ *зеленый* (сошествіе св. духа), *zielone swiatki, dies viridum*, потому, что этотъ день называемъ былъ простолюдными во времена язычества — *зеленымъ*. Онъ до сихъ поръ празднуется въ Исландіи, Даніи и Германіи, въ началѣ весны, точно такъ какъ у Славянъ праздникъ Маржаны. Германцы этотъ день называютъ: *der grüne, der hohe Donnerstag*, Скандинавцы: *helig Thorstag*.

тѣмъ октябрь называется тамъ *листо-
ладомъ*. Что же это доказываетъ? то,
что первоначальныя имена мѣсяцевъ
были одинаковы у всѣхъ Славянъ, и,
что послѣ образовавшихся названій,
придаемъ былъ вовсе незначитель-
ный смыслъ, лишь бы только онъ болѣе
или менѣе соответствовалъ потребности.

Разсмотримъ теперь всякій мѣсяць
въ особенностяхъ, а преимущественно тѣ
изъ нихъ, которые мы намѣрены за-
щищать, и кончимъ этимъ хронологію
Славянъ до-христіанскихъ.

Первымъ мѣсяцемъ Славянъ до при-
нятія христіанской вѣры былъ *мартъ*,
во время котораго праздновался день
Маржаны, богини смерти и плодородія.
Въ летописи Бѣльскаго находимъ
слѣдующее: что Мечиславо (Mi-si-s-
la-aw), принявъ въ 963 году святое
крещеніе, приказалъ креститься всему
вароуду и побросать въ воду или огонь
всѣхъ языческихъ боговъ своего отече-
ства. Это случилось 7 марта, и отсюда
то произошло обыкновеніе въ Польшѣ
и Силезіи *полить* 7 марта *Мар-
жану*; слѣды его понынѣ заметны во
многихъ мѣстахъ. За всѣмъ тѣмъ обы-
кновеніе *полить Маржану* вовсе не
составляетъ памятника принятія св.
крещенія; напротивъ того, онъ отно-
сится къ самой отдаленнѣйшей эпохѣ
язычества Славянъ, потому, что трудно
предположить, чтобы народъ такъ дол-
го сопротивлявшійся введенію но-
вой религіи, могъ столь легко замѣ-
нить свое языческое обыкновеніе по-
смишщеніемъ и обыкновенною дѣль-
итрою. Нѣкоторыя изъ пословицъ, еще
до сихъ поръ употребляемыхъ, какъ
напр. — «Miesiac Marzec zwykl stakuch
strazyć targami» (мѣсяць *мартъ* обы-
кновенно страшаетъ старыхъ людей
прилюдными); и *marzec, nie jedem
zadze brode starzec* (не одинъ изъ
стариковъ умереть въ *мартъ*) — и за-
клятіе Карпатскихъ Славянъ: «*Maraby
tia wzlata* (прощадиіе возми тебя)»
имѣютъ, кажется, тѣсную связь съ

Маржаною, какъ богинею *смерти*.
Слова: *mar* (призракъ)*), *mor* (морь),
morowu (моровой), *umorzic* (уморить),
означаютъ тоже самое, что *smierc*
(смерть), *mrzec* (мереть), *umierac* (уми-
рать), равно какъ и Латинскія: *mor*,
mor; Кельтическія: *mar* (смерть) Саң-
скритскія: *marana*, *mriti*; Исландскія:
marcn trad hann. *Призракъ* на Исланд-
скомъ языкѣ: *incubus*, *ephialtes*;— Нѣм-
цы говорятъ: *der Mahr ihn drückt*.
Поляки: *sen* — шага, *Ran Bóg* — *wiara*
(Сонъ — призракъ, Господь — вѣра).

Праздникъ Маржаны имѣетъ по ви-
димому близкую связь съ праздни-
ствомъ *Соботокъ* или *Купалы*; но пред-
положеніе это открываетъ поле новому
въ отношеніи разсужденію, которое не
можетъ имѣть здѣсь мѣста. Мы ска-
жемъ только то, что изъ древнихъ ку-
пальскихъ пѣсней, употребляемыхъ на
праздникахъ Купалы и сохранившихся
доселѣ на Украинѣ, можно заключить,
что два праздника: *Маржаны* и *Купа-
лы* были торжествуемы съ одною и
тойже цѣлью, что въ нихъ проявляется
одна и таже идея — воздать честь
веснѣ и солнцу. Иначе, какимъ обра-
зомъ объяснить намъ купальскую пѣснь
которая начинается слѣдующими сло-
вами:

•Ходили дѣвочки коло *мареночки*
•Коло мого Вудала-Купала.....»

Послѣ окончанія обряда поютъ:

Потонула *маречка*, потонула,
•Та и на вѣрхъ кѣсочка зрынула...»

Не явно ли здѣсь говорится о *то-
пленіи Маржаны* велико-Польскихъ
Славянъ? По крайней мѣрѣ никто до
сихъ поръ не объяснилъ значенія *ма-
ренки* въ этихъ пѣсняхъ, и, безъ со-
мнѣнія, другимъ образомъ его объ-
яснить невозможно. При топленіи *Мар-
жаны* 7 марта, велико-Поляне соору-
жаютъ идолъ, представляющій женщю-

*) Оренбургскіе жители и теперь еще
называютъ *маревомъ* степныя призраки
(fata-morgana) строевій, водъ и пр. *Ред.*

ну, въ свойственномъ ей полу платье, а молодыя дѣвушки бросаютъ его въ воду. Тоже самое дѣлаютъ и молодыя Украинки наканунѣ св. Іоанна (24 іюня). Лишь только закатится солнце и сумракъ покроетъ окрестности, тѣмнѣя молодыцы, наряженныя въ короткія рубашки и въ вѣякахъ на головахъ, собираются вмѣстѣ съ молодцами въ назначенномъ мѣстѣ, и начинаютъ пляску вокругъ срубленнаго пня, который называется *мареною*, и на которомъ возвышается идолъ представляющій въ видѣ женщины *Купалу*. Послѣ окончанія пляски, веселыхъ и заунывныхъ пѣсень, онѣ несутъ идолъ Купалы и топлятъ его въ окрестномъ ручьѣ или рѣкѣ. Обыкновеніе одно и тоже, но только наблюдаемое въ различное время. Еслибы мы обратили болѣе вниманія на купальскія пѣсни, мы бы замѣтили въ нихъ болѣе поражающее сходство между празднествами *Купалы* и *Маржаны*.

Названіе *Марта* сохранилось у Поляковъ (*Marzec*), у Богемцевъ (*Marce*), у Сербовъ (*Mercz Mezezke*) и Боенійцевъ (*Marac*). — Остальныя имена, какъ то: Краинское *Suzhez*; Венскія — *Cheude Mon*, *Surman* (худой, суровый мѣсяць), *Bresen*, *Sushez*, *Gretnik*; Богемское — *Bresen*; Кроатское — *Szussecz*, — суть ничто иное, какъ имена позднѣйшія, приравленные только къ мѣстности. (4)

Вторымъ мѣсяцемъ Славянъ былъ *цѣптецъ* или *травень* названный въ честь природы, которая въ этотъ мѣ-

24) Употребляя слова: *позднѣйшія* имена, я нисколько не разумью подъ этимъ, что онѣ не существовали вовсе у до-христианскихъ Славянъ. Напротивъ того, онѣ издревле употреблялись, но употреблялись народомъ; мнѣологическія же имена мѣсяцевъ должны были имъ предшествовать, и употребляться только въ значеніи святомъ, религіозномъ.

сяць бываетъ уже покрыта *цѣптецъ* травою. Но *Травень* имѣть вѣроятно какое нибудь мнѣологическое значеніе, потому что тоже самое имя встречается и въ названіяхъ рѣкъ, городовъ и урочищъ. Дѣсь *травной* (Травенна айва), рѣка *Трава* (Травенна Цитен, die Trave), упоминаются еще до 900 года послѣ Р. Хр. (25).

Третій мѣсяць Славянскій *Май*, по польски и боснійски *Maj*, по чешски *Mag*, вендски *Majnik*, Сербски *Maja*, *Mejske meszacitwo*, — получилъ свое названіе отъ богини *Мая*, *Мая*, извѣстной, какъ полагаетъ Голенбювскій, всѣмъ Славянамъ. Въ этотъ мѣсяць происходилъ *праздникъ Маи*. Въ Литвѣ и окрестностямъ Пинска еще до сихъ поръ народъ собирается 1-го Мая на лугъ и ставитъ тамъ зеленое украшенное разноцвѣтными лентами, деревомъ, — послѣ чего приходятъ дѣвушки и пар-

25) Поляки называютъ *цѣптецъ* тоже отъ цвѣтовъ, *kwiat*, *kwiecier*. Богемцы называютъ его — *Brezen*, подобно Малороссамъ и Сербамъ. называющимъ Мартъ — *Березозоль*. Первое изъ этихъ названій легко можетъ быть объяснено — потому что въ это время березы *раздѣлаются* и испускаютъ сокъ; подобнымъ образомъ Лотваки имѣютъ сочной мѣсяць, *Sully melness*, по причинѣ продавленія древеснаго соку, который въ тогдашнее время болѣе былъ употребляемъ, нежели теперь. Другое названіе *Березозоль*, различнымъ образомъ объясняется. Карамзинъ производитъ его отъ *березовой соли*, Добровскій *von breza und den wasserständlichen salz das aber mit maj, kraut, melnyy grach, zemeliam, etwa Grün bedenten mag*; Булгаринъ утверждаетъ что древніе Славяне не имѣли столько бѣды, чтобы для него нарочно готовить *березовую соль*, — что у нихъ довольно было соли въ пещкѣ! Остроумно!... Однакожь это не мѣшаетъ намъ быть одного мнѣнія съ тѣми которые производятъ *березозоль* отъ *березовой соли*. Соль значитъ щелочной песокъ, подзолъ, подволаки, по польски *szalony*. (Словарь Динде).

не исключены одну из молодых увядающую сѣвкамъ зеленымъ вышюмъ и покрытою съ ногъ до головы березовыми вѣточками и представляющею собою богиню *Мал*. Собранныя начинаютъ плясать и пѣть пѣсни въ которыхъ часто повторяются слова: *о Мал, Мал!* Май по Вендски, Кроатски и Краински — *Великій Травень* (*Velikí Traven*). Это названіе равногѣрно заставляетъ насъ предполагать какое то *майское, травное празднество*, о которой впрочемъ не много сказать можно. Раздѣленіе мѣсяцевъ на *великіе* и *малыя*; часто бываетъ замѣчаемо; такимъ образомъ Іюнь у Богемцевъ называется *Mali Červen*, Іюль *Veliký Červen*; Іюль у Краинцевъ *Serpanmale*, Августъ *Serpan Velike*; у Кроатовъ же Августъ — *Welikomeschniak* а Сентябрь *Malomeschniak*. Великими мѣсяцами, можетъ быть, назывались тѣ мѣсяцы, въ которые случались главные торжества и жертвенные праздники, или тѣ которые имѣли какое нибудь астрономическое значеніе?

Червень (Іюнь), по польски *Czerwiec*, считался четвертымъ Славянскимъ мѣсяцемъ — и сохранился у Богемцевъ и Малороссянъ. Названіе это равнымъ образомъ возбуждало неоднократныя споры. Карамзинъ производитъ оно отъ *червоныя* — (красныхъ) ягодъ; Добровскій отъ слова *червь*; Раковецкій отъ *czegwiczenia* ягодамъ lub jagod (красенія плодовъ или ягодъ). Удивительно отъ чего никто не обратилъ вниманія на польскаго черла, *czegwice* (червоцъ), крошечное, темно-красное насекомое, употребляемое еще въ куколкѣ для крашенія въ красный цвѣтъ. Торговля *червоцолы* была, безъ сомнѣнія, нѣкогда очень значительна, коль скоро мѣсяць получилъ отъ него свое названіе; многія изъ урочницъ и рѣкъ называемы были *червице*, *) а между про-

чими одинъ Славянскій округъ въ царствованіе Императора Геприха въ 919 году. (26). До открытія Американской кошенили, говоритъ Юндзилль, *червецъ* былъ однимъ изъ значительнѣйшихъ источниковъ торговли въ Польшѣ, нынѣ же, послѣ оставленнаго собранія этого насекомага, употребляемъ только бываетъ Польскими поселянками, для нечисто красной, *червоной* краски. Самый лучший родъ его, называемый *польскимъ*, находится на корняхъ растений называемыхъ по польски: *космычекъ* и *бѣдренецъ* (*kosmyczek i biedrzeniec*, das *Johannisblut*, die *polnische Schildlaus*) (27). Можно полагать что Славяне уважая въ такой степени червца, могли даже считать его и божествомъ. Въдъ и Египтяне подобнымъ образомъ боготворили все то что приносило имъ пользу. Этотъ мѣсяць сверхъ того назывался еще *Изокъ*; удивительно отъ чего это названіе не сохранилось ни въ одномъ изъ Славянскихъ нарѣчій, за исключеніемъ церковныхъ книгъ. Оно именно встрѣчается въ Синодскомъ Евангелии, писанномъ въ 1144 году; въ Полоцкомъ Евангелии 13-го или 14-го столѣтія и въ какой-то Моравской Словено-Русской библии приводимой въ Словенка (*Slovenka*) Ганки von *Hankenstein*. Раковецкій передѣлалъ *Изокъ* на *Высокъ*, и произвелъ это имя отъ паренія солнца въ *высотъ* небесной (28), въ подражаніе, безъ сомнѣнія; Карамзину, который подобно же сравниваетъ *Изокъ* съ *Высокъ*, полагая что въ этомъ

С. Петербургской губерніи, Лутскаго уѣзда въ Павскомъ погостѣ.

Редак.

26) *Cierwisti*. Kirvisti; Zörbiste pagus, zwischen Nuthe und Elbe. — Raumer, Regesta hist. Brandenburg. Berlin. 1836. —

27) Юндзилль. *Opisanie roślin*, 1791. — *Zoologia dla szkół narodowych*. 1798. Варшава.

28) Раковецкій, Русская Правда. Т. 1, стр. 55.

*) И теперь есть деревня Червицы

мѣсяцъ солнце выше обыкновеннаго поднимается. Карамзинъ, какъ самъ говорить (29), заимствовалъ эти названія мѣсяцевъ изъ Синодскаго Евангелія, писаннаго въ 1144 году и находящагося въ Синодской Библиотекѣ подъ № 14; завсѣмъ тѣмъ мы не находимъ въ немъ кромѣ *изоля* — словъ: «или *высока*». Добровскій равномерно не успѣлъ объяснить это названіе (30). Наконецъ въ Іоаннѣ Экзархѣ Болгарскомъ Калайдовича, мы находимъ объясненіе, съ которымъ слѣдуетъ намъ согласиться, потому что оно всего болѣе правдоподобно. Экзархъ Болгарскій въ предисловіи къ Шестидневу причисляетъ *Изока* къ птицамъ, но въ переводѣ этихъ бесѣдъ Василя В. (стр. 240) говоритъ: «не точю бо *изоци* въ дождѣ се радуютъ,» въ подлинникѣ же здѣсь: «*οἱ γὰρ μόνον τέττιυς*, слѣдственно *изока* не птица а кузнечикъ или кобылка, *cicada*. Эти животныя являются во множествѣ послѣ сильныхъ дождей и болѣе въ Іюнь мѣсяцъ, отсюда *Изока* мѣсяцъ.

Липецъ (Іюль), *Lipiec*, пятый Славянскій мѣсяцъ, получилъ свое названіе отъ дерева *липа*, которая чрезвычайно была уважаема не только Славянами, но и Германскими народами. Германцы приносили жертвы и производили суды подъ липою (*under der Linde, judicium sub tilia*). У Славянъ подобнымъ образомъ суды и жертвы производились подъ липою; мнѣніе это подтверждается оставшимися пѣснями.

— «Подъ липою столъ стоятъ на проводу. . . .»
или:

— «Ахъ! во полѣ липинка стояла. . .»

29) Карамзинъ. Исторія Росс. Государства. Т. 1. 1815. стр. 71, прибавленіе 159.

30) *Debrowski*. *Slowanka*. Prag. 1875. «*Isok* ist nicht erklärbar. Denn was bedeutet *isok*? Ein Russe müsste uns darüber belehren.» —

Въ этихъ пѣсняхъ, сколь онѣ не измѣнены новѣйшими понятіями, мы отматриваемъ самую отдаленнѣйшую древность, — описаніе жертвеннаго стола, приготоменіе къ жертвѣ и. т. п. — Подъ городомъ *Липсколиц* (*Liuben, Lirani, Libki*) находилось вѣроятно главное урочище, гдѣ росла посвященная липа 31). — Славяне такимъ же образомъ отдавали честь *дуду*, — отъ чего и произошло Богемское, Славянское названіе Апрѣля *Дубень* (*Duben*) 32).

Шестымъ мѣсяцомъ Славянъ былъ *Серпень* (Августъ), *Sierpień*, получившій свое названіе отъ *серпа*, потому, что въ этомъ мѣсяцѣ, всякаго рода хлѣбъ ждетъ серпа и жатвы. Подобное названіе известно всемъ Славянамъ. *Серпень* иначе называется *заревъ*, *Zarew*; — Сентябрь на Богемскомъ языкѣ — *Zari, Zarig*, отъ слова *заревъ* (Богемскаго *zarwat*): *pro to že gelenj togo czasu p. czinagi rzúj* (потому, что олены начинаютъ ржать въ это время); — На Сербскомъ языкѣ: *zariju, zarijat*, на Боснійскомъ: *zarewat* 35).

Rujan, Далматское, Илирійское и Кроатское названіе сентября, Польскаго *Września*, равномерно какъ и Сербское *Ruven*, и *Rtujen*; слово часто встрѣ-

31) Хотя и въ Скитикѣхъ *Липуша* сказано: — «*Lipko* ist nicht von *Lipa*, die Linde, abzuleiten, sondern von *lun, lon, len, lin*, und bezeichnet eine liefliege grosse Stadt. *Licbuseh*. *Skythika* 1833. *Samenz* стр. 109.

32) Слѣды дубовыхъ урочищъ сохранились въ навѣнкахъ многихъ городовъ: *Дубецко*, въ Галиціи, *Дубина* въ Саксоніи; *Дубко* на Волыни; *Дубники*, *Дубисса*, въ Литвѣ гора и погость *Дубковъ* Псковской губерніи въ Островскомъ уѣздѣ. — Множество Славянскихъ урочищъ, называемыхъ *Дубень*, находится въ спискахъ Раумера до 900 года. —

33) Карамзинъ производитъ *заревъ* отъ *зари* или *зарницы*, потому что эти *зарницы* часто бывають видимы по вечерамъ въ сѣверныхъ губерніяхъ Россіи. Раковецкій согласенъ съ его мнѣніемъ.

чаемое въ Полоцкой, Синодской и Ганки библияхъ, — вовсе не однозначны, по мнѣнію Добровскаго, названію *Зарезъ* (Августъ, Серпень). 34) Въ упомянутыхъ библияхъ эти названія очевидно отличены одно отъ другаго. Мнѣніе Карамзина, кажется, совершенно правдоподобно. Онъ говоритъ, что *Рюленъ*, какъ дождливый мѣсяць, произошло отъ глагола *рюлить*; что Сербы называютъ *Рюелимъ* или *Рююлимъ* желтое дерево (желтникъ, *gulus sativus, Gelbholtz*, по Волошски *Dacik*), употребляемое ими для краски, что они все вообще *желтое* называютъ *рюино* и *рювино*. Поэтому можно полагать, что мѣсяць этотъ получилъ у нихъ свое имя отъ времени, въ которое падаютъ листья или отъ глагола *рюлить*, плакать: следовательно мѣсяць влажный, плачущій. Быть можетъ сосуды, употребляемые Славянами на похоронахъ для собиранія слезъ, назывались *рюками*. Польскія слова: *gumować, gumowisko*, имвють, кажется, одно начало съ русскою *рюкою*, т. е. *gumowisko*, быть можетъ, означало похороны, а глаголъ *gumować* — хоронить или жечь на костръ, согласно Славянскому обыкновению.

Названіе *Паздерника*, *Pazdziernika* (октября), сохранившееся у Сербовъ и Малороссовъ, произошло отъ словъ *паздеръ, паздеръь*, — кожицы, которая покрываетъ волокно льна или конопля, и отдѣляется отъ него во время молотья. Это слово на другихъ языкахъ: на Богемскомъ — *Pazda-ro*; Вендскомъ — *Pezdir, posdier*; Кроатскомъ — *Pazder*; Сербскомъ — *Pazdzior, pazdzie*

34) *Riujen*, wegen vollen Brunst, von riuju so viel als das vorige *rjewu*. Мы согласны, что Богемскій октябрь *Rigen* получилъ это названіе отъ бычанія оленей (*rjtj, rjgi, rchtj* — значить ржать, но не думаемъ, чтобы *Riujen*, сентябрь, былъ однозначащъ съ *Rigen*,

гза. Изъ этого можно заключить, что употребленіе и торговля льномъ были чрезвычайно значительны у до-христіанскихъ Славянъ. 35)

Листопадъ (ноябрь), *Listopad*, или *Odrzybus* (потому, что въ это время втеръ *odziega*, срывааетъ листья съ деревьевъ), — считался десятимъ Славянскимъ мѣсяцемъ. Онъ собственно назывался *Грудень, Grudzień*, отъ слова *груда*, означающаго замерзшую, непокрытую снѣгомъ землю. Отсюда произошла новѣйшая Польская пословица: «*Szymona swięto i Judy, zabawę cię pewnej grudy*» и Литовская: «*Sima Judas, grudas*». Первая зимняя дорога называлась *грудною* *), что видно изъ летописи XVI вѣка: «а зима была гола и ходъ конемъ былъ нужно *грудоватом*». Декабрь по Краински, Кроатски и Серски точно такъ же, какъ и по Польски. *Grudzień*).

Древнее названіе десятаго мѣсяца: *студень, студеный, студенецъ*, можно объяснять двоякимъ образомъ: 1. Производя отъ словъ: Кроатскаго — *szuden* (холодный); Далматскаго — *szuden* (морозный); Боснійскаго — *studen* (зима); Русскаго — *стужа, студеный* (сильный морозъ, морозный). Отсюда произошли и другія слова: Польскія — *Stygnąć, stydnąć* (остывать); Богемское — *stydinati*; Сербское — *Studni*; Краинское — *zimem*; Русское — *студенятъ*. 2. Славяне, какъ мы это знаемъ изъ ихъ мифологій, почитали не только лѣса и рѣки, но еще сверхъ того нѣкоторые *кладенцы* и *студенцы* (*kyrnice i studnie*); они приносили имъ да же жертвы. Студенцы эти естествен-

35) Октябрь у Литовцевъ имѣетъ тоже самое названіе: *Spaliu mēnu*, равно какъ ноябрь *Lozakritis* (Лозакритисъ).

*) И теперь еще на Русскомъ простонародномъ нарѣчій — замерзлая въ первый разъ грязная дорога называется *груда*.

Редакт.

но, должны были заключать какое нибудь цвѣтительное свойство, производили, быть можетъ, минеральныя воды, которыя древнiе жрецы умѣли употреблять въ свою пользу. Римляне и Греки подобнымъ образомъ считали святыми свои *fontes* и *хоты*. По мнѣнiю Славянъ всякій студенецъ имѣлъ свое покровительствующее божество; какъ *наприльръ* зеленевласый *русалки*, которыя, сидя надъ зеркальною ихъ поверхностью, расчесывали свои прекрасныя, длинныя косы, или играли съ волнами и золотистыми рыбками. У Литовцевъ тоже самое означаютъ *Свитезанчи*, которыми изобилуетъ каждый святой источникъ Литвы. Знаменитѣйшее святое озеро Славянъ находилось на островъ Рюгенъ; оно было окружено огромнымъ дремучимъ лѣсомъ, и носило названiе *студенецъ*. Следовательно Славяне могли въ этотъ мѣсяцъ приносить жертвы *святымъ колодуамъ*, откуда и произошло названiе мѣсяца. Колодезь съ сѣхъ поръ по польски и малороссiйски: *studnia*, студня.

Просинецъ (январь), по польски *Styczeń*, былъ одиннадцатый мѣсяцъ у Славянъ. Польское названiе этого мѣсяца *Styczeń* 36) образовалось тогда только, когда начало года перенесено было двумя мѣсяцами выше. Въ древности онъ именовался *Просинецъ*, по Кرواتски *Proszinecz*, по Вендски *Prošimec*, по Чешски декабрь *Prostnec*, *Prastnec*, по Словацки *Prasinac*; по Далматски *Prostnac*, *Proszinacz*. Многiе писатели различнымъ образомъ объясняли это названiе 37). Вѣрнѣе всего, что Славя-

36) *Styczeń* отъ того что старыи годъ касается (*styka się*) нового.

„Widział w rękopisie koniec ogona u smoku,
„Kaźdegotak z początku koniec *stuka* roku.“

(Словарь Линде.)

37) По мнѣнiю Добровскаго *Просинецъ* происходитъ отъ слова *просити*, соотвѣт-

не назвали этотъ мѣсяцъ отъ слова *проса*, не потому что они: «издавна питались просомъ» — но потому, что особенно въ этотъ мѣсяцъ приносили божествамъ жертвы, состоявшiя преимущественно изъ *просянаго* тѣста и другихъ просяныхъ произведенiй. Подобнымъ образомъ Германцы называли ноябрь *Blotamonat* т. е. мѣсяцъ крови и жертвъ, а Англо-Саксонцы *Solmonat*. Литовцы называютъ декабрь *Stykis mėnuis*, что означаетъ — тяжелые морозы; но вѣроятнѣе всего то что названiе это произошло отъ жертвенныхъ хлѣбовъ, называемыхъ, какъ говоритъ Ласницкiй, *Sikies*, потому, что въ этотъ мѣсяцъ множество жертвъ приносимо было божествамъ.

Просо безъ сомнѣнiя пользовалось особеннымъ уваженiемъ Славянъ; слѣды этого мы видимъ въ хороводныхъ пѣсняхъ, гдѣ, при совѣмъ непонятныхъ напѣвахъ, встрѣчаются описанiе посѣва и употребленiя проса. Въ Россiи поютъ:

А мы просо сѣяли, сѣяли,
Ой дядь-дядь сѣяли. . . .

Тожѣ поютъ въ Галичѣ и въ Малороссiи 38).

ственно Германскому *Bittmonath*, — по мнѣнiю же Карамзина отъ *викеты* неба, что утверждаетъ и Раковецкiй: — «*Prošimec* od *ainoſci* mgtu. *Zag osiſi* jenieſ, od *osimania*. — «Булгаринъ говоритъ:» въ первомъ случаѣ назвали бы *Просиначемъ* (т. е. ежели *просинецъ* отъ *проса*) мѣсяцъ, въ которомъ *сѣютъ* или *жнутъ* просо, ибо питались просомъ Славяне не исключительно въ январѣ, но во всѣхъ мѣсяцяхъ.

Вторая догадка столь же не основательна. Небо кажется *синимъ* не въ одномъ январѣ, гораздо справедливѣе догадка Добровскаго, что *просинецъ* отъ *проситъ*, молить. Отъ чего это кажется справедливѣе?

38) Въ Маврици: *Strategicon* находимъ что Славяне еще въ VI вѣкѣ употребляли въ пищу *просо*: *Abundant praecipue milii et panici.*

Последній мѣсяць Славянъ былъ *лютый* («евраль»), по польски *Luty*, по Сербски *Ljutyj*, по Кroatски *Lyut*, по Малороссійски: *лютый*, по Богемски: *Leden*. Въ другихъ нарвчїяхъ, въ Краесанскомъ: *Sezhan*, Илирійскомъ: *Ses-san*, *Sicsan*, Кroatскомъ *Szechen*. Такое же имя имѣетъ и январь у Сербовъ: *Siecen*, Боснійцевъ: *Sjecjan*, *Siecjangn*, Далматовъ; *Sicsanj*, *Sjecen*, Малороссійски: *Сльчень*. Первые два изъ этихъ названій *Luty* и *Leden* произошли отъ *лютости*, суровости морозовъ и отъ *льда* 39). Второе *Сльчень* быть можетъ означало тринадцатый некогда существовавшій мѣсяць Славянъ, который, такъ какъ онъ былъ отрзанъ, *отъ-ченъ*, могъ и получить названіе *Сльчл*. У Литовцевъ равнымъ образомъ мѣсяць окончивающій годъ, назывался високоснымъ: *Pusis* или *Pustis*. У Лотваковъ первый или тринадцатый мѣсяць называется: *Sehrsni meness*, мѣсяць сокращенный или *Szkihbajs m.* мѣсяць кривой, потому что дни въ ономъ неправильно слѣдуютъ одинъ за другимъ 40). Всѣ прочія объясненія этого мѣсяца не удовлетворительны. Карамзинъ и Добровскій производятъ его отъ слова *сткати*, стѣчь, или въ значеніи сильныхъ морозовъ (морозъ стѣчетъ, der Wind ist schon eidend), или отъ того что Славяне *сткли*, рубили что нибудь въ продолженіи этого мѣсяца. Булгаринъ старается здѣсь помочь Карамзину, говоря: «Карамзинъ догадывается что такое *сткли* или *рубилл* Славяне? «Просто дрова, которыя всегда за-

39) По мнѣнію Ксендза Сырвида *лютый* на Литовскомъ языкѣ тоже *Lutis*, что означаетъ, кажется, *непастый*. (Нарбуттъ. Dzieje Litwy.)

40) *Нарбуттъ*. Dzieje Litwy, томъ I.

готовляются на лѣто (!) въ январь или «евраль и вывозятся изъ лѣсу зимнимъ путемъ!» Но развѣ рубка дровъ составляетъ или составляла когда нибудь до такой степени важное занятіе для человека, чтобы онъ называлъ поэтому извѣстную часть времени? И могли ли Славяне посвящать столько времени на рубку и перевозъ дровъ обитая среди непроходимыхъ лѣсовъ, строя свои хижины здѣсь же при этихъ лѣсахъ, — когда стоило лишь ступить одинъ шагъ и собрать столько же дровъ, сколько теперь издержать едва цѣлая губернія? Вотъ объ чемъ слѣдовало подумать г. Булгарину прежде чѣмъ онъ приступилъ къ опроверженію мнѣнія глубокомысленнаго Карамзина!

Такимъ образомъ, мы кончили нашу статью о хронологіи Славянъ язычниковъ. Остается намъ еще прибавить, то, что, ежели она окажется недостаточною, — то въ этомъ болѣе вина силъ нашихъ, нежели воли. Желаніе опереживаетъ силы. Я не долженъ винить себя, если гдѣ нибудь увлеченный смѣлостію, я слишкомъ далеко простеръ свои догадки. «Перенесая мысленно за девять валовъ столѣтій, передъ почтенною сѣдиною нашихъ предковъ, — я не могъ говорить безъ нѣкотораго къ нимъ уваженія, и какъ будто защищая ихъ именемъ, не могъ говорить безъ нѣкоторой смѣлости, которая, и утверждаясь на непреложной истинѣ, проистекающей изъ самихъ ощутительныхъ слѣдствій, всегда должна быть знаменемъ всякой полномочной души.» Такъ говорилъ въ 1818 году Ходаковский, такъ теперь и я скажу!

Ж иѣ.

С Петербургъ. 1840.

БИБЛИОТЕКА ПЕРЕВРАТНЫХЪ СОСЛОВИЙ.

—+—+—

ПИСЬМА

КЪ РЕДАКТОРАМЪ МАЯКА.

Читатели Маяка и Журналовъ, поймутъ причины побудившія насъ напечатать нѣкоторыя изъ писемъ, полученныхъ нами во множествѣ отъ читателей Маяка, о чемъ мы говорили еще въ III части глава V, стр. 49. Мы очень хорошо знаемъ, что эти отзывы писаны не для печати; но вмѣстѣ взятые, они составляютъ «мнѣніе» о Маякѣ, и мнѣніе разностороннее, которое раздѣляютъ съ ними многіе и очень многіе, не изъявившіе того письменно.

Несчастливая обязанность наша указывать, лицомъ къ лицу, ошибки и заблужденія нашихъ собратьевъ, хотя до сихъ поръ еще не встрѣчала дѣльнаго, умнаго доказательнаго противодѣйствія и обличенія; до сихъ поръ никто еще не дѣлалъ намъ печатно, такихъ возраженій, въ такомъ духѣ и тонѣ, какія во множествѣ сдѣланы нами, почти всѣмъ, и смѣемъ думать, не безъ основанія; но за то мы встрѣтили подземныя мины, которыми хотять подорвать чистоту намѣреній, правдивость дѣйствій, и основательность доводовъ Маяка. Такое скрытное противодѣйствіе легко можетъ родить и распространить лож-

ное и дурное «мнѣнія» о Маякѣ. Мы вынуждены, въ паралель съ ними поставить «доброе мнѣніе» людей почтенныхъ, которые знаютъ насъ только по нашимъ трудамъ, и всѣ отношенія которыхъ съ нами ограничивались этими отзывами.

Еслибъ мы не были увѣрены, что голосъ нашъ найдетъ отголосокъ въ сердцахъ Русскихъ, мы бы и не рѣшились на подобное тяжкое и скользкое предпріятіе. Если уже въ Петербургѣ, столицѣ безконечныхъ дѣлъ, занятій, развлеченій, гдѣ вѣкогда читать, сравнивать и размышлять, есть люди, которые съ участіемъ читаютъ Маякъ и понимаютъ насъ и берутъ нашу сторону, то о сердцахъ Россіи, о Москвѣ, о внутреннихъ губерніяхъ и говорить нечего. Оттуда мы получаемъ самыя утѣшительныя отзывы, утверждающія насъ въ вѣрности цѣли, и въ удовлетворительности средствъ нами избранныхъ, отъ которыхъ грѣшно было бы теперя отступать. И мы не отступимъ.

Редакторы.

I.

Мм. Гг.

Не имѣя чести знать васъ лично, мнѣ не слѣдовало бы беспокоить васъ письменно, но я не могу отказать себѣ въ потребности благодарить васъ за наслажденіе, или лучше сказать за отраду и утѣшеніе найденныя мною въ критикѣ IV части Маяка. Богъ да благословитъ трудъ вашъ и подастъ силы ратовать за истину! Кто любитъ правду, кто чувствуетъ всю важность истины и необходимость справедливости, тотъ будетъ согласенъ съ вами, но многіе ли попадутъ въ эту категорію? Конечно надо имѣть сильную и чистую волю чтобы въ нашемъ пестромъ вѣкѣ отвергнуть себя и свое самолюбіе изъ любви къ правдѣ, добру и человечеству, и при первомъ возгласѣ истины, стать подъ знамена ея. Сколькихъ застигнетъ она на систематическомъ поле-

твѣ въ направленіи совершенно противномъ разуму!

Я думаю, что людямъ въ такой степени умнымъ (* (слѣдственно и добрымъ) какъ вы, пріятно будетъ узнать, что трудъ ихъ принесъ отраду, утѣшеніе, почти радость душъ сокрушенной судьбою Потеря существа, которому посвящена была жизнь моя, оставила мнѣ много времени на размышленіе, и судьба человечества тѣмъ ближе стала моему сердцу, чѣмъ бѣднѣе сдѣлалась собственная его перспектива. Судите же, какъ тяжело было мнѣ видѣть современное направленіе умовъ! Этого хаоса печатающійся въ большой части журналовъ! Проявленіе самолюбія въ различныхъ видахъ и формахъ исключяющихъ одно другое, говорящихъ о любви и такъ неумолимо строгихъ, говорящихъ объ истинѣ и такъ непростительно одностороннихъ; на языкъ которыхъ или пустая насмѣшка или рѣзкое философское опредѣленіе, приравненное къ дѣтскимъ игрушкамъ. Последнее въ особенности достойно сожалѣнія. «Страсть Нѣмецкихъ систематиковъ прилагать свою систему ко всемъ наукамъ», перешла къ намъ, какъ переходить къ плохимъ подражателямъ ошибки великихъ людей, безъ ихъ геніальности. Философія и безъ того мало еще имѣетъ у насъ кредита, а помыкала ея безъ разбора мы уничтожаемъ всякую довѣренность къ наукѣ, необходимой для совершенія судебъ человеческихъ! А между тѣмъ «что можетъ быть прекраснѣе, красивѣе истины?» (Маякъ 196 стр.) Прибавлю къ этому: что можетъ быть достойнѣе благодарности образованнаго общества. какъ не подвигъ людей рѣшающихся открыть глаза читающей публикѣ, не смотря на неизбежное возстаніе тысячи самолюбій, каждое или за свое сокрушенное величіе или за свои прызрачные системы?

*) Благодаримъ за честь. *Редакт.*

Я боюсь, тяжело вам будет идти узкимъ путемъ правды... но за то какъ прекрасно!

Не за долго до получения Маяка, удалось намъ читать письмо къ Е. О. Коршу о математическихъ лекціяхъ Остроградскаго, очаровавшее насъ своимъ чисто справедливымъ взглядомъ и увлекательнымъ слогомъ. По справкѣ оказалось что въ Петербургѣ нѣтъ ни въ одной книжной лавкѣ этой брошюры. — Очень сожалѣю, что случай не доставилъ намъ прежде удовольствіе познакомиться съ Маякомъ! Съ этихъ поръ онъ будетъ отраднымъ светомъ для людей почти отказавшихся отъ міра.

Чувство моей благодарности такъ сладостно, что я не могу отказать себѣ въ удовольствіи повторить ее: благодарю за свѣтлый трудъ вашъ! Онъ доставилъ мнѣ утѣшеніе. Онъ согрѣлъ душу мою прекраснымъ стремленіемъ къ истинѣ и подкрѣпилъ надежду на разумъ человѣчскій.

Ф.

Новгородъ
1840 года
30 Іюля.

II.

Начать ли мнѣ хвалить и благодарить васъ вмѣстѣ съ Петромъ Александровичемъ за ваше умное, полезное и спасительное изданіе? — Но *Маякъ* выше нашихъ грѣшныхъ похвалъ; а вы, Гг. издатели, получите *меду свою* за сіе изданіе не здѣсь, но тамъ, гдѣ всякое доброе дѣло, всякое намѣреніе, всякая слеза, и даже *слезы чистыя и чистая магия* будутъ оценены и награждены по достоинству. Да и что значить похвала людская? кто это хвалить? слѣпцы, больные люди, требующіе исцѣленія! — врачуйте насъ, врачуйте нашу литературу....

И. К.

30 сентября
1840.
Нижнепробъ.

III.

Хвалить издаваемую вами книгу значило бы только отдать заслуженную дань уваженія и благодарности — дань, которую вы уже по справедливости заслужили отъ всѣхъ людей мыслящихъ и благонамѣренныхъ. Для меня вашъ *Маякъ* представляетъ тѣмъ. болѣе интереса, что предметы, которые онъ предположилъ для себя главнымъ образомъ, философія и Богословіе — эти предметы близки ко мнѣ, какъ по моему званію, такъ и по моей собственной наклонности. И потому то тѣмъ болѣе мнѣ непріятно, или лучше — прискорбно видѣть, что эти-то самые предметы до сихъ поръ менѣе всего находили мѣста въ *Маякѣ*, а еще болѣе: — то, что уже было оказались значительные грѣшки и недостатки. Не имѣю права теперь же выставить вамъ нѣкоторые изъ этихъ промаховъ,*) но если вамъ будетъ угодно, то я не откажусь при удобномъ случаѣ исповѣдать это. Но — *примѣни левую къ горюхѣ моему*, — еслибы я за нѣсколько частныхъ и можетъ быть неизбѣжныхъ недостатковъ вадумалъ унижать ваше прекрасное, благородное намѣреніе. Признаюсь, я не могъ читать безъ сердечнаго удовольствія тѣ немногія но превосходныя мысли, которыя вы выбросали по случаю объявленія о продолженіи *Маяка* (при VII ч.); не знаю, приходили ли когда нибудь такія мысли въ голову нашимъ журналистамъ. Смѣло могу сказать, что еслибы вы и шчего не написали въ *Маякѣ* кромѣ этихъ строкъ, если бы въ немъ не было болѣе ничего замѣ-

*) Указаніе этихъ промаховъ мы приняли бы за истинное одолженіе: просимъ не щадить: мы не имѣемъ привычки любить свои заблужденія; а вводить другихъ въ свои заблужденія — Боже упаси!

Редакт.

чательнаго, то и тогда бы изъ этой прекрасной, благотворной идеи должно было бы, по закону разумности, развиться, какъ изъ стѣни, величественное дерево для пользы и славы соотечественниковъ.

IV.

ГОЛОСЪ ИЗЪ ТОЛЦЫ.

... Quod manet infectum nisi tu confeceris, pro mandatum a summo tu tibi crede Deo...

Съ полнымъ уваженіемъ къ вашему благородному предпріятію и съ искреннимъ желаніемъ ему успѣха, не могу отказать себѣ въ желаніи сообщить вамъ нѣкоторыя недоумѣнія, возникшія въ слѣдствіе сказаннаго вами о направленіи и цѣли *Маяка* (Нѣсколько страницъ объ изданіи книги *Маякъ современнаго просвѣщенія и образованности*).

Самое странное въ томъ, что я не понимаю заглавія книги: одна изъ главныхъ причинъ непонятности авторовъ состоитъ, по моему убѣжденію, въ произвольномъ употребленіи словъ; что особенно ставовится яснымъ, когда какое либо сочиненіе приходится перевести на иностранный языкъ. Повидимому я очень хорошо понимаю то, что лежитъ у меня передъ глазами, а между тѣмъ почти произвольно долженъ употребить въ переводѣ слово (хотя разумется не всегда) для опредѣленія сказаннаго въ оригиналѣ. Причина единственно въ томъ, что то или другое слово употребляется въ различныхъ значеніяхъ, между тѣмъ какъ слово должно быть точнымъ выраженіемъ известнаго понятія. Если на эту жалобу можно отвѣчать, что новѣйшіе языки еще не достигли той степени обработки, на которой каждое слово должно быть рѣшительно точнымъ выраженіемъ понятія и если въ живыхъ языкахъ этого и нельзя достигнуть

окончательно потому, что съ новыми понятіями рождаются и новыя слова, то все таки можно пожелать опредѣленнаго смысла для того, что уже существуетъ изстари, а для каждого новаго слова отъ производителя его—опредѣленія *законнаго* его содержанія. Если въ множествѣ эфемерныхъ сочиненій слова часто злоупотребляются безъ суда, то по крайней мѣрѣ въ сочиненіяхъ прямо касающихся науки, слово должно быть употребляемо въ буквальномъ значеніи и, какъ законъ, не должно допускать произвольныхъ толкованій *). Между тѣмъ прислушайтесь къ ученымъ толкамъ: вы встрѣтите въ нихъ каждый день указанныя недостатки. Недавно двое ученыхъ чуть ли не навсегда сдѣлались врагами споря о томъ, что такое государство: оба говорили одно и то же, и вся причина спора состояла въ томъ, что одинъ разумѣлъ государство въ его идеи, другой разсматривалъ его какъ фактъ. Здѣсь еще можно сказать, что государство имѣетъ обширный и тѣсный смыслъ, и въ обоихъ случаяхъ понятно, что надо разумѣть; а бываетъ, что какое нибудь слово просто различно толкуется и рождаетъ бесполезные споры, а этого и надо избегать особенно тамъ, гдѣ говорятъ о соглашеніи, о единствѣ—объ энциклопедіи!

Это разсужденіе породило во мнѣ заглавіе вашей книги: «*Маякъ современнаго просвѣщенія и образованности*». Очень благодаренъ вамъ за то, что вы взялись объяснить, что понимаете подъ тѣмъ и другимъ, но позвольте замѣтить, что различіе показалось мнѣ не точнымъ, не совершеннымъ.

«Мы относимъ просвѣщеніе къ разуму, образованность къ сердцу. Для ра-

*) Важность этого доказывается и тѣми выгодами, которыя имѣютъ точныя науки въ своихъ техническихъ терминахъ, известныхъ всѣмъ посвященнымъ въ святилище науки. Соц.

зума необходимъ свѣтъ истины, для сердца — теплота любви!»

И такъ, по вашему, разумъ просвѣщается, сердце образуется. Разуму вы даёте истину, сердцу любовь! не понимаю почему? отчего не на оборотъ? Вы можете сказать, что это очень ясно, да я не понимаю, а вы вѣдь вѣроятно пишете не для тѣхъ только, кто самъ все это понимаетъ. Я однако хотѣлъ понять, что вы сказали, и рассуждалъ такъ: просвѣщеніе, свѣтъ, истина, относятся къ внутреннему міру и вы хотите просвѣтить разумъ — понимаю! Образование, образъ, форма, относятся къ внѣшнему, а у васъ этому даёте отвѣчающаю любовь, которую вы передаете сердцу — это меня и сбило съ толку! что вы находите формнаго, образнаго въ любви и сердцѣ? Развѣ любовь и то, что называемъ сердцемъ, не суть также предметы міра духовнаго? отчего же такъ надо образовать сердце? Между тѣмъ въ двухъ словахъ — просвѣщеніе и образованность я нахожу лишь ту противоположность, какая находится между внутреннимъ и внѣшнимъ, духомъ и его выраженіемъ, истинною и ея примѣненіемъ. Мнѣ казалось, что если свѣтъ истины освѣтитъ мою душу, то эта душа, такъ сказать раздраженная истинною, дѣйствуетъ любовію, и дѣйствуя, требуетъ выраженія того, что въ ней происходитъ, требуетъ проявленія себя въ міръ, требуетъ торжества любви; и если говорить объ образованности, то ее можно, кажется, всего яснѣе и прямѣе примѣнить къ этому внѣшнему выраженію внутренняго — къ жизни общественной. Отчего же сердцу такъ исключительно присвоивать любовь, какъ будто разумъ въ ней не участвуетъ, когда самъ Богъ есть любовь по слову апостола. Въ сердцѣ есть лишь предчувствіе, первое, неясное представленіе того, что въ разумѣ является въ яркомъ Божественномъ свѣтѣ.

Объ этомъ пока довольно. Что ка-

сается до вашего раздѣленія просвѣщенія на духовное и земное, то я съ вами кажется буду согласенъ, если пойму это такъ, что наука приводитъ къ сознанію то, что въ насъ находится первоначально, какъ безотчетное вращаніе, которое есть необходимый намъ руководитель, пока нашъ бѣдный умъ не возмужаетъ и не придетъ на помощь сердцу, предчувствующему истину. Сохрани его Богъ идти не въ лады съ религіею.

Ваше намѣреніе есть также примирить ученыхъ и литераторовъ — прекрасно! Но что такое ученый и литераторъ? 1) по моему мнѣнію ученый есть тотъ, кто *знаетъ* извѣстный предметъ; литераторъ — кто *выражаетъ* свое знаніе какимъ нибудь внѣшнимъ образомъ. Изъ этого слѣдуетъ, что слово литераторъ можетъ быть признакомъ ученаго, но не наоборотъ; потому что сущность требуетъ формы, которая сама по себѣ не имѣетъ значенія ни даже мѣста. Въ этомъ буквальномъ толкованіи литераторъ серьезно долженъ быть ученый, потому что литература существуетъ лишь въ предположеніи извѣстнаго содержанія. 2) Если теперь спросить, какъ понимаются оба эти слова въ общепитіи, то отвѣты будутъ различны. Но ученый намъ скажетъ, что заниматься ученымъ образомъ значить изслѣдовать предметъ въ самомъ мѣлкомъ раздробленіи, то есть что по вашему будетъ приготовить «матеріалы» для «экстракта», въ который (замѣтимъ мимоходомъ) эти ученые *не впадаютъ*. Эти ученые (труженики) противопоставляютъ себя беллетристамъ, которыхъ, съ позволенія сказать, они презираютъ. Литераторъ имѣетъ дѣло потѣшать своего паціента чѣмъ нибудь занимательнымъ. А въ этомъ смыслѣ ученый и литераторъ могутъ быть людьми не безъ достоинства; но въ самомъ дѣлѣ они презираютъ другъ друга, какъ и вы замѣтите. Здѣсь ученый является одна-

ко болѣ жалкимъ труженникомъ; литераторъ въ самомъ дѣлѣ есть лишь беллетристъ, которыхъ много и въ числѣ непашущей братіи, потому что художники вообще болѣе думаютъ написать, чѣмъ выразить, а это отъ того, что нѣтъ побужденій къ выраженію, нѣтъ побужденій изъ глубины души, сознающей свои узы...

Весь процессъ жизни человеческой можетъ быть выраженъ въ двухъ словахъ: размышленіе и его выраженіе, и между людьми нѣкоторые преобладаютъ въ первомъ, другіе во второмъ. Есть поэты мысли и поэты слова, есть поэты мысли и поэты выраженія (которое можетъ быть разнообразно) — мысль необходимо требуетъ выраженія; форма необходимо предполагаетъ сущность и если истина всегда одна, то и у ученаго и у литератора сущность остается или должна оставаться одна и таже, если они говорятъ объ одномъ и томъ же предметѣ и если одинъ изъ нихъ не заблуждается. Когда же наука приводитъ къ сознанію истину, то эта сознанная истина даетъ содержаніе литературѣ. Словомъ — наука и искусство неразрывно связаны и вотъ конецъ пренія между литераторами и учеными, потому что ученый долженъ быть литераторъ или долженъ отказаться себя въ мысли, будто такъ понявъ истину, что она *настолько* требуетъ ея выраженія (чѣмъ лишь и доказываетъ что онъ ее позналъ) и литераторъ долженъ быть ученымъ, если не хочетъ сказать, что строитъ безъ мысли. Вы хотите помирить ученыхъ и литераторовъ, то есть, вы хотите соединить науку и искусство, которыя въ самомъ дѣлѣ у насъ въ жалкомъ разстройствѣ. Такъ ли? не знаю. Желалъ бы, чтобъ такъ!

Вы провозгласили наконецъ *Энциклопедію науки*, и я отъ души поздравляю васъ съ неустрашимостію. Едва ли не весь ученый міръ (ученый въ томъ смыслѣ какъ это сейчасъ было сказано)

идете вы противъ себя, поднимая знамя, на которомъ такъ четко написано: *это энциклопедія науки, еслѣхъ безъ исключенія!* Въ нашъ вѣкъ, который въ насмѣшку и справедливо называютъ энциклопедическимъ, вы дерзнули объявить себя на защиту изгнанницы! слава вамъ! Вы не убоились взять себя титулъ, который дается лишь отверженнымъ и котораго обыкновенно стыдятся *ты, которымъ онъ принадлежитъ дѣйствительно*. Едва ли встрѣтите вы ученаго, который бы не отвернулся отъ васъ, чуть не съ презрѣніемъ, когда вы ему наметнете лишь объ энциклопедіи; но если вы говорите объ ней, то я поздравляю васъ отъ души потому, что это явное доказательство, что вы заклятой врагъ нашихъ энциклопедическихъ познаній. Вотъ вамъ новое и ясное доказательство произвольнаго толкованія словъ. Энциклопедію презираютъ потому, что привычки здѣсь видѣть множество разнообразнаго безъ всякой основы, наборъ сужденій для одного блеска. Противники энциклопедіи въ этомъ смыслѣ бросились въ другую крайность. Они растерялись въ частности, они занимаются предметами по страсти (следовательно не разумно), они избираютъ какой нибудь отдѣльный предметъ, какой попадется имъ на глаза и разбираютъ и переисследуютъ его сто, тысячу разъ, чтобъ узнать его въ существѣ и не могутъ сказать, что они дѣлаютъ и къ чему стремятся. Въ частности они потеряли ту нить, которая должна вести ихъ къ цѣли, они забыли, что нѣтъ истины, которая бы не примыкала къ другой, та къ третьей и т. д. Они забыли, что лишь въ этой связи ихъ, проясняются для насъ и жизнь и откровеніе, что не только взростить дерево, но и пользоваться плодами должны мы, чтобъ насытить себя: они наконецъ оторвались отъ религіи и погибли. (Но все по болшей части приверженцы Гегеля). Богъ съ

ними и съ ихъ тонкимъ просвѣщеніемъ, которое рождаетъ лишь неутѣшительные соеинимы. Повторите же вамъ еще разъ, что вы хотите возстановить единство въ общемъ стремленіи къ истинѣ, что вы хотите внести систему въ массу трудовъ ученыхъ и указать имъ путь, порядокъ и образъ дѣйствія — еще разъ поздравляю васъ съ вашею неустрашимостію и желаю вамъ полного и рѣшительнаго успѣха. Если все, что я вамъ сказалъ, была ложь, за то совершенно справедливо то, что я вамъ сказалъ о противникахъ вашихъ въ этомъ последнемъ случаѣ. Здѣсь опыты уже подтверждаютъ слова мои потому, что и вамъ стоитъ только, я думаю, спросить хотъ у вашихъ сотрудниковъ — кто въ послѣдніе годы безпрестанно смѣшилъ ихъ своими представленіями объ энциклопедіи наукъ? и кто нибудь изъ нихъ укажетъ вамъ на

Вашего покорнаго слугу

ВВ. (Голосъ изъ толпы)

Р. С. Большое вамъ спасибо за разборъ учебниковъ. — Не худо бы взять сочиненія и повывше учебниковъ.

ОТГОЛОСОКЪ

[НА ГОЛОСЪ ИЗЪ ТОЛПЫ.]

*Просвѣщеніе, образованность,
искусство.*

Случалось ли вамъ — да кому это не случалось — входить въ многолюдное блистательное собраніе людей, вамъ незнакомыхъ и васъ незнающихъ. При вашемъ появленіи всѣ глаза обращаются на васъ, всѣ присутствующіе становятся вопросительными знаками, занятія общества кипѣвшія жизнью, замираютъ, каждый спрашиваетъ своего сосѣда: «кто это?» — «откуда такой?» что ему надо?»

— и въ отвѣтъ получаетъ подобные вопросы. Чувствуя себя мишенью общаго любопытства, вы невольно смущаетесь, кланяетесь робко, неловко — не многіе изъ толпы отвѣчаютъ вамъ холоднымъ полунаклоненіемъ головы, не изъ грубости, а потому что ваше появленіе вывело всѣхъ изъ нормальнаго состоянія, попросту — сбило съ коленъ въ безпутицу безотвѣтныхъ вопросовъ, вы парализовали всѣхъ: каждый занятъ, озабоченъ, ему не до поклоновъ, да еще и стоите ли вы поклона? — быть можетъ вы чей нибудь ладкей, пришли за своимъ баринномъ . . . можно ли компромитировать себя поклономъ, не зная напередъ кому кланяешься; да хотябъ и видѣли, по чему либо, что вы такой же какъ и они — все таки еще много остается условій: стоите ли вы поклона?

Мучительное состояніе такого пришеца въ землѣ чуждей! идти ли въ право, въ лѣво, прямо? — подойти ли къ окну, остановиться ли у стола? — не знаешь, куда и дѣвать себя. За то какой восторгъ, если вдругъ изъ пустынной для васъ толпы выступаетъ человекъ, который васъ знаетъ или узнаетъ . . .

— Ахъ, Иванъ Ивановичъ, добро пожаловать! какъ кстѣти? Господа, рекомендую вамъ: мы всѣ обязаны Ивану Ивановичу за его посѣщеніе, его присутствіе доставить намъ множество наслажденій!»

И вотъ параличъ общества миновался: неумовніа разрѣшены; вы человекъ милый, пріятный, нужный — вы нашъ: милости просимъ! И собраніе начинаетъ двигаться по прежней своей колеѣ.

Точно въ такомъ положеніи находятся въ литературномъ мѣрѣ всякое новое предпріятіе, — точно въ такомъ положеніи обстоитъ и Маякъ почти до сихъ поръ. — «Откуда такой?» — «что ему надо?» и — только одни вопросительные знаки! Мучительно!

За то какъ отрадно, когда изъ толпы отваливается голосъ; онъ васъ узналъ —

вы ему *свой*, онъ уверяетъ всѣхъ, что вы не *чужой* — «онъ *нашъ*!» Пожалуй, онъ укажетъ, что у васъ не застегнута пуговица, высунулся кончикъ рубахи изъ за галстука, измятъ тупей — что жъ за бѣда? вы поправитесь, искренно поблагодарите за указаніе и дѣло кончено.

Точно съ такимъ же искреннимъ расположеніемъ берусь за перо, и откликаюсь на «голосъ изъ толпы» прежде всего, благодарностью за умныя указанія неясностей, невѣрностей и за вызовъ отвѣчать.

Въ этотъ разъ буду отвѣчать только объясненіемъ трехъ словъ поставленныхъ въ заглавіи этой статьи: *Просвѣщеніе, образованность, искусство*. Что же касается до значеній *угага* и *литератора*, и до значенія *энциклопедіи*, голосъ Маяка совершенно совпадаетъ съ голосомъ изъ толпы; можетъ статься, октавой ниже или выше — это ничего не значитъ: все выдетъ *унисонъ*. Но въ первыхъ трехъ словахъ оказался значительный *диссонансъ* между голосомъ Маяка и «голосомъ изъ толпы»: легко разрешить диссонансъ на акордъ; а все таки Маякъ виноватъ за подобные диссонансы, явленные и неявленные: значить онъ неопредѣлительно, или неудовлетворительно выражается. Конечно, Маякъ имѣетъ свои извиненія; но извиненія, отговорки — все это пустое, тамъ, гдѣ просто требуется поправить недостатокъ.

Маяку слѣдовало бы еще въ самомъ предисловіи своемъ объясниться, почему онъ избралъ себѣ такой титулъ: **МАЯКЪ СОВРЕМЕННАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ И ОБРАЗОВАННОСТИ?** — и какое придаетъ онъ значеніе всѣмъ этимъ словамъ. Изъ за этого, многіе, можетъ быть и не безъ основанія, укоряютъ редакторовъ Маяка, даже въ какомъ то неслыханномъ самохвальствѣ «будто она берутъ на себя всѣхъ *просвѣщать* и *образовывать*», будто безъ

нихъ всѣ были непросвѣщены, необразованы, будто бы только и свѣта, что въ «площкѣ» редакторовъ Маяка!

Если Маяку дѣлаютъ такія и подобныя укоризны — онъ кругомъ виноватъ самъ: за чѣмъ не объяснялся, въ самомъ началѣ; а если объяснялся, то за чѣмъ неудовлетворительно объяснялся, за чѣмъ не договаривалъ всего вполнѣ, за чѣмъ предоставлялъ дополнять эти пробѣлы каждому по его произволу.

Постараюсь теперь за одинъ разъ очистить недоимки, пополнить пробѣлы, исправить ошибки, отъ которыхъ произошли различныя недоразумѣнія. Начиная выписками сказаннаго въ разныхъ мѣстахъ Маяка о значеніи словъ *Просвѣщеніе* и *Образованность*. — Пропускаю однако слова предисловія стр. VIII. столб. 1 и стр. XI. столб. 2 гдѣ объ этомъ слѣшкомъ легко сказано; прошу у читателей снисходительнаго прощенія за весьма важную ошибку вкравшуюся въ мои статьи въ первыхъ трехъ частяхъ; именно, гдѣ стоитъ слово *умъ*, надо читать *разумъ*. Относя разумъ къ духу, умъ — къ душѣ. И такъ:

«Человѣкъ, какъ существо духовное, имѣетъ: *волю, разумъ и чувство*. Эти три — одно: *духъ*. Человѣкъ, по несчастію — котораго самъ причиной — рождается дикимъ: *Воля* у него дика, необуздана; *Разумъ* слѣпой, ничего (изъ вещей духовныхъ) не видитъ; *Чувство* грубое, безъ вкуса къ тонкостямъ «Прекраснаго» (духовнаго). Воспитать, значить сдѣлать три вещи: обработать волю по лучшимъ образцамъ добра — образовать; освѣтить разумъ свѣтомъ истины — просвѣтить; развить чувство вкушеніемъ истинно-прекраснаго — оживить. Много есть средствъ ведущихъ къ этой тройкой цѣли: образованію, просвѣщенію и оживленію человѣческаго существа и проч. *)»

Образованная Воля (сердце) проя-

*) Ч. III. Гл. 1 — стр. 72, столб. 1.

вляеть своею дѣятельностью *Добро*. Религиозность.

Просвѣщенный Разумъ проявляетъ своею дѣятельностью *Истину*. Философія.

Оживленное Чувство проявляетъ своею дѣятельностью *Красоту*. Поэзія.

Эти: образованность, просвѣщеніе, искусство—*Внутренніе*; они относятся къ духу.

Но есть въ свою очередь образованность, просвѣщеніе, искусство *Внѣшнія*: они относятся къ Душѣ: *пожеланію* (стремленію), *уму* и *эстетическому* чувству.

Образованное пожеланіе проявляетъ своею дѣятельностью *Нравственность*. — Благопріятіе.

Просвѣщенный умъ проявляетъ *Науку*.

Развитое эстетическое чувство—*Художественность*.

Такъ какъ о внѣшнихъ образованности, просвѣщеніи и развитіи много было говорено другими, то Маякъ занялся исключительно *внутренними* значеніемъ этихъ словъ и ихъ сущностью; и вездѣ говорилъ только въ этомъ смыслѣ; и это можно видѣть изъ всего имъ говореннаго.

«Разуму вы даете истину, сердцу любовь—говоритъ голосъ изъ толпы — не понимаю почему? отчего не на оборотъ?»

Это вотъ почему. Разумъ часто видѣть, что должно дѣлать, и говорить волю: «такъ дѣлай!» Воля (сердце) не слушаетъ и дѣлаетъ противное; отчего?—оттого, что она не *любитъ* того добра, которое разумъ отъ него требуетъ. Разумъ можетъ быть просвѣщенъ истиною, а воля все таки не образована *любовью* по *лучшимъ образцамъ*, примѣрамъ *добра*. Притомъ, хотя воля, разумъ и чувство составляютъ одно нераздѣльное—духъ; но какъ духъ падшаго человѣка мертвъ, то обработываніе cadaго изъ трехъ лицъ духа, производится порознь; почти даже не

зависимо одно отъ другаго. И не часто ли видимъ, что у одного больше развитъ разумъ, у другаго лучше образована воля, у третьяго чувство живѣе?—Скажу болѣе: не многіе даже рождаются съ равнымъ настроеніемъ или устройствомъ воли, разума и чувства. У большей части людей всегда одно которое либо лице ущедрено на счетъ другихъ, и только у гениальныхъ людей воля, разумъ и чувство одарены, устроены одинаково.

Воспитаніе въ свою очередь также можетъ односторонно дѣйствовать на которую нибудь одну изъ способностей, оставляя другія *какъ нибудь*; не говорю о томъ, что воспитаніе болѣею частію занимается душевнымъ человѣкомъ, работаетъ надъ его умомъ, пожеланіемъ, эстетическимъ вкусомъ, оставляя духовнаго на попеченіе однихъ законоучителей, которые имѣя возможность дѣйствовать только путемъ того же ума, могутъ сообщить лишь *знаніе* а не *усвоеніе* закона.

И такъ ежедневные примѣры удостоверяютъ насъ, что человѣкъ дѣйствительно можетъ развивать одну свою сторону, и оставлять прочія въ заупустѣннн. Есть *умные* люди съ самымъ грубымъ эстетическимъ чувствомъ и нравственностью. Есть дивные *художники* съ ограниченнымъ умомъ и нравственностью. Есть люди очень *нравственные* вовсе непросвѣщенные и безъ всякаго вкуса къ изящному въ природѣ или къ художественному въ искусствѣ.

И такъ не смотря что лица духа и лица души нераздѣльны по существу, они, по паденіи, до того раздѣлились въ своей дѣятельности, что каждое можетъ развиваться и преобладать на счетъ остальныхъ.

А это все показываетъ, что средства и пути ихъ обработыванія—различныя. По моему Маякъ справедливо выразился сказавъ:

«Просвѣщеніе и образованность могутъ быть истинными и вздорными; существенными и поверхностными, полезными и вредными. Мы относимъ просвѣщеніе къ разуму, образованность къ сердцу (т. е. къ волѣ). Для разума необходимъ свѣтъ истины, для сердца (воли) — теплота любви.»*)

Воля полюбившая добро, явленное въ лучшихъ образцахъ, примѣрахъ, мало по малу усваиваетъ его себѣ, становится доброй — образуется. Въ такомъ значеніи Маякъ принималъ и принимаетъ значеніе слова образованность.

Сочинитель замѣчаній выше приведенныхъ предложилъ себѣ другое производство слова образованность, и разошелся съ Маякомъ. Онъ говоритъ:

«Просвѣщеніе, свѣтъ, истина, относятся къ внутреннему міру, и вы хотите просвѣтить разумъ — понимаю! *Образованіе, образъ, форма*, относятся ко *внѣшнему*, а у васъ этому даѣе отвѣчаетъ любовь, которую вы передаете сердцу — это меня и сбilo съ толку! Что вы находите *формнаго, образнаго* въ любви и сердцѣ? Развѣ любовь и то, что мы называемъ сердцемъ (воля) не суть также предметы міра духовнаго?»

Надобно вспомнить, что *образованіе, образъ, форма* относятся не къ одному внѣшнему, физическому; даже не оканчиваютъ свою роль и метафизикой, — она еще болѣе относятся ко внутреннему.

Маякъ никогда и не относилъ образованія воли-духа ко внѣшности, напротивъ относитъ его къ самымъ внутреннѣйшимъ операціямъ духа. Самъ человекъ былъ некогда *образъ* Божій и долженъ сдѣлаться *образомъ* Божиимъ черезъ вѣру въ Иисуса Христа, покаяніе и возрожденіе. Окончательный признакъ возрожденія есть образованіе воли человека по *образу* воли Божіей, представленной ему въ св. Писаніи, по *образу* жизни и примѣру самаго Иисуса Христа. Вотъ отъ этого *образа*, и отъ

этого *образа* Маякъ производитъ слово *образовать*, и думаю, справедливо; а не то, чтобы отъ одного только метафизическаго значенія слова *образъ*, форма, внѣшность.

Маякъ ни подъ какимъ видомъ не находить *противоположности* между просвѣщеніемъ и образованностью, но и не смѣшиваетъ ихъ, напротивъ, считаетъ обѣ эти операціи (какъ и результаты ихъ) равными по существу, различными по дѣйствию: одна — свѣтитъ, другая — грѣетъ, ту и другую считаетъ одинаково духовными, внутренними; но прибавляетъ къ нимъ еще третью — *оживленіе* чувства, безъ котораго первыя двѣ не дѣйствительны.

Въ чувствѣ сосредоточивается вся жизнь и плодотворность духа, точно такъ какъ въ разумѣ — свѣтъ, въ волѣ — побужденіе къ дѣятельности: къ проявленію жизни и вѣдѣнія, чувства и разума.

Отнимите у духа разумъ — и онъ не могъ бы *сознавать* своей жизни и дѣятельности.

Отнимите у духа волю — и онъ остался бы безъ *проявленій* своей жизни и вѣдѣнія.

Отнимите у духа чувство — это былъ бы *мертвый* свѣтъ и движеніе.

Понятно теперь что для духа необходимы три лица нераздѣльных, но неслитныхъ: воля, разумъ и чувство.

И такъ для возрожденія падшаго духа потребны три операціи: просвѣщеніе (разума), образованіе (воли), оживленіе (чувства).

Результаты сихъ трехъ нераздѣльныхъ но различныхъ операцій:

Просвѣщеніе, образованность, искусство (жизнь чувства).

Не стану повторять аналогическихъ операцій въ душѣ. Онъ выше были исчислены.

И такъ, полагаю, диссонансъ «голоса изъ толпы» съ голосомъ Маяка, — разрывшійся въ аккордъ; потому что авторъ

*) Ч. IV. Гл. V — стр. 54 столб. 2.

самъ того же требуетъ, что предлагаетъ Маякъ.

Говоря строго, Маяку слѣдовало бы принять слѣдующее названіе:

МАЯКЪ

СОВРЕМЕННОГО ПРОСВѢЩЕНІЯ,

ИСКУССТВА

и

ОБРАЗОВАННОСТИ.

Можетъ быть съ будущаго года мы и рѣшимся это сдѣлать, если найдемъ сотрудниковъ, способныхъ хорошо и постоянно обрабатывать предметы, обладаемые внутреннимъ и вѣншимъ значеніемъ слова: *Искусство*.

Маякъ ни мало не споритъ съ тѣми, которые словомъ образованность выражаютъ умѣнье: жить въ бельэтажѣ, покупать вещи въ англійскомъ магазинѣ, готовить кушанье парами, понимать красоту танцевъ Тальони и вкусъ въ устрицахъ, умѣнье ѣздить по желѣзной дорогѣ, дѣлать и не платить долги и отдавливаясь отъ заимодавцевъ, понимать красоты Шекспира—все это, можетъ быть, очень хорошо и необходимо въ образованномъ обществѣ; но все это еще ни какъ не наполняетъ всей обширности слова *образованіе*. Человѣкъ такое сложное существо, всѣ части и элементы его подчинены непрерывному развитію, образованію; каждый мускулъ его образуется; вы не ошибетесь, если назовете:

Просвѣщеніе—образованностью разума. Жизнь—образованностью чувства.

Но для воли вѣтъ особаго слова: видная необходимость предоставить слово *образованность* исключительно волѣ, безъ образованія которой все прочее ни куда не годится; а съ образованной волей всѣ другіе недостатки не мѣшаютъ чело-

вѣку быть угоднымъ Богу и людямъ: а это главное изъ главнѣйшаго; поэтому, повторю, и слово образованность, хотя оно ко всему идетъ, всего приличнѣе предоставить исключительно волѣ.

Образованная воля *уклоняется отъ зла и творитъ добро*: а безъ любви это недостижимо. Стало быть Маякъ не ошибся сказавъ *«что для образованія сердца (воли) необходима теплота любви*. Этимъ, полагаю, достаточно разрѣшается послѣднее недоразумѣніе:

«Отъ чего же сердцу такъ исключительно присвоивать любовь, какъ будто разумъ въ ней не участвуетъ, когда самъ Богъ есть любовь по слову апостола. Въ сердцѣ есть лишь предчувствіе, первое неясное представленіе того, что въ разумѣ является въ яркомъ божественномъ свѣтѣ.

Да, Богъ есть любовь; но человекъ палъ: духъ его мертвъ и въ разумѣ и въ волѣ и въ чувствѣ; всѣ силы его раздѣлились, каждое лице его можетъ до нѣкоторой степени образоваться почти независимо отъ другихъ, а главное—каждое образуется своимъ путемъ и своими средствами, отличнымъ отъ путей и средствъ другихъ лицъ. Счастливы тотъ кто начнетъ свое оживленіе съ чувства. Одному только чувству дано вкушать вещи духовныя, даже самое присутствіе, общеніе, и единство со Иисусомъ Христомъ въ Богѣ, вещи, которыхъ разуму не дано созерцать въ здѣшней жизни лицомъ къ лицу, а только въ первыхъ воплощеніяхъ, и въ томъ свѣтѣ, который опытность чувства сообщаетъ разуму. Напримѣръ, пойметъ ли тотъ сладость молитвы, кто самъ не испыталъ: всѣ созерцапія разума ничего тутъ не увидятъ; напротивъ, чье чувство чрезъ упражненіе сдѣлалось *искусно* въ молитвѣ, тотъ и разумомъ пойметъ, что такое сладость молитвы?—пойметъ, но ничѣмъ на свѣтѣ не передастъ этого ощущенія вѣднѣю дру-

гаго человека, пока тотъ собственнымъ чувствомъ не вкуситъ самъ.

Точно также, чувство вкусомъ своимъ узнаетъ истину, и принимаетъ ее не справляясь съ разумомъ, который своимъ созерцаніемъ часто въ ней ошибается, принимая ложь за истину, истину за ложь.

Ни мало не будетъ противорѣчій если скажу, что чувство вкушаетъ сладость (жизненность, плодотворность) истины, воля осязаетъ теплоту истины, разумъ созерцаетъ свѣтъ истины; чувство вкушаетъ сладость любви, добра, жизни—чего угодно, воля осязаетъ теплоту любви, добра, жизни, разумъ созерцаетъ свѣтъ любви, добра, жизни; — не будетъ, противорѣчій, если послѣ этого прибавлю:

Что разумъ просвѣщается истиной,
воля образуется добромъ,
чувство оживляется красотой—
любовью.

Ибо любовь есть источникъ и сущность красоты и всего прекраснаго.

Не знаю, нужны ли еще дальнѣйшія поясненія. По моему, все это и просто, и понятно, и вѣрно. Маякъ справедливо употребляетъ слова «Просвѣщеніе», «Образованность», «Искусство».

Что же касается до тѣхъ, которымъ угодно приписывать глупую самонадѣянность редакторамъ, будто они сами своими персонами взяли просвѣщать и образовывать другихъ какъ люди умнѣйшіе всѣхъ на свѣтѣ, то говоря по правдѣ, это—просто придирка. Маякъ, какъ складочное мѣсто, какъ мѣншой дворъ для всѣхъ желающихъ произвести куплю свѣдѣній, знаній и истины, конечно и непременно, этою же самою куплей и мѣной, содѣйствуетъ просвѣщенію и образованности желающихъ просвѣщаться и образовываться. Развѣ эта купля и мѣна ограничивается однимъ редакторами? — Коль же скоро у нихъ достало ума выдумать такое нелгупое предпріятіе, возможное въ исполненіи лишь при единодушномъ со-

дѣйствіи многихъ и очень многихъ, о чемъ они столко разъ уже повторяли, то слѣдуетъ ли, приписывать имъ самонадѣянность, будто они одни все взяли на самихъ себя? Право, редакторы до сихъ поръ, кажется, ни чѣмъ еще не подали поводъ, считать ихъ такими. Но вольному воля!

Желательно, чтобъ критика такого рода установилась въ нашей литературѣ.
С. Б.

Описание Посольства, отправленнаго въ 1659 году отъ Царя Алексѣя Михайловича къ Фердинанду II Великому Герцогу Тосканскому. *Москва въ типографіи Августа Селена. 1840* съ приложеніемъ картинки изображающей принятіе этого посольства и двухъ снимковъ съ подлиннаго статейнаго списка.

Года три назадъ читали мы въ Библиотекѣ для чтенія (кажется въ мартѣ и апрѣлѣ 1836 года) замѣчательное «странствованіе Арабскаго патріарха Макарія *) изъ Алеппа въ Москву.» Оригинальный его образъ воззрѣнія на вещи, совершенно отличный отъ нашихъ понятій о тѣхъ же вещахъ, простодушно переданный, показался намъ чрезвычайно любопытнымъ. Въ сочиненіяхъ подобнаго рода, какъ въ лѣтописяхъ современныхъ, невольно проявляется духъ народа, къ которому принадлежалъ авторъ, въ нихъ развиваются понятія самаго народа и степень его образованности. Весьма многіе просвѣщенные читатели сей любопытной статьи раздѣляли тогда наше мнѣніе.

Нѣчто въ томъ же родѣ предложилъ Русской публикѣ и извѣстный нашъ археологъ А. Д. Чертковъ, членъ

*) Александрійскій святитель Макарій находился въ числѣ трехъ вселенскихъ патріарховъ вызванныхъ въ Россію для изложенія Всероссійскаго патріарха Никона.

Московского общества истории и древностей Русских, сочинитель и издатель живописнаго путешествія въ Сицилію и многих других, столь же примѣчательныхъ произведеній. И такова именно новоизданная имъ книжка, въ которой уже не иностранцы современные Макарію описываютъ Русскихъ XVII вѣка, но Россіяне того же столѣтія живописуютъ намъ по своему, современныхъ имъ иностранцевъ. Изучая простодушный рассказъ ихъ и образъ сужденія, мы переносимся духомъ въ нашъ старинный прародительскій бытъ время царя Алексія Михайловича, того царствованія, которое ждетъ еще своего историка; царствованія, котораго великія событія не довольно еще оцѣнены потомствомъ, не оттого ли, какъ весьма справедливо замѣчаетъ А. Д. Чертковъ, что оно предшествовало блестящей эпохѣ Петра Великаго, въ славу котораго гаснутъ дѣла сего царствованія, какъ гаснетъ заря утренняя въ лучезарности блестящаго дня? Стало бытъ А. Д. Чертковъ оказалъ истинную услугу и отечественной словесности издавъ въ свѣтъ свою новую чрезвычайно любопытную книжку, а въ особенности издавъ ее какъ просвѣщенный любитель древностей, въ видѣ матеріала для будущихъ историковъ царя Алексія Михайловича *). Почтенный издатель не ошибся сказавъ (въ своемъ прекрасномъ введеніи), что новое изданіе можетъ заохотить и другихъ трудиться надъ неразработаннымъ рудникомъ нашихъ статейныхъ списковъ. Эти списки, кромѣ историческаго достоинства, имѣютъ еще и другой интересъ не менѣ заслуживающій вниманія. Они намъ показываютъ нравы описываемой эпохи, образъ возрѣнія пи-

сателя ихъ на происшествія и предметы, его окружавшіе. Это наши историческіе мемуары, въ которыхъ дѣйствующія лица говорятъ языкомъ имъ свойственнымъ и въ каждой ихъ строкѣ проявляются чувства и мнѣнія нашихъ предковъ. Не говорю уже о важности такихъ матеріаловъ для отечественной исторіи; но и въ самой литературѣ, можемъ ли имѣть историческій романъ, въ родѣ Валтеръ-Скотта, не издавъ предварительно рукописи, изъ коихъ мы должны узнать обычаи и повѣрья той эпохи, которую хотимъ описать? Если романы Валтеръ-Скота признаны образцовыми, то этимъ онъ обязанъ, большею частію тому, что въ Англии и Шотландіи давно изданы всѣ рукописи, касающіяся до среднихъ вѣковъ. Романистъ не затруднился представить описываемую эпоху точно въ томъ видѣ, въ какомъ она дѣйствительно описана въ рукописяхъ и заставляя своихъ героевъ чувствовать, какъ чувствовали его предки и говорить точно тѣмъ языкомъ, который сохранился въ древнихъ хартіяхъ.» Почтенный издатель поступилъ однакоже *не совершенно такъ* какъ пишетъ въ своемъ введеніи и, по нашему, поступилъ весьма умно, давъ мѣстами гдѣ нужно было, образчики тогдашняго подыческаго слога и сохраняя съ историческою точностію всѣ подробности путешествія сего любопытнаго посольства, онъ изложилъ текстъ гладкимъ чистымъ языкомъ, отчего занимательность его конечно удвоилась. Вотъ случай, который, по выводамъ автора, и словамъ приведеннаго имъ наказа, подалъ поводъ къ отправленію сей миссіи Царя Русскаго къ Тушканскому Грань-Дуки (Тосканскому герцогу).

«Извѣстно что Московскій дворъ въ XVII вѣкѣ, предоставилъ себѣ исключительную монополію торговли съ иностранными державами.» И для упроченія такой торговли съ Венеціею отправленъ былъ туда посломъ стольникъ

*) Новиковъ, въ Россійской вивліоекѣ, напечаталъ неполное извлеченіе изъ сего списка. Издатель сличаетъ это извлеченіе съ своимъ описаніемъ, какъ опытный критикъ. Ред.

Чемодановъ *). Въ видѣ опыта, послано было съ нимъ *«речень і пудъ и велъно продать противъ Московской большею цѣною и именно отъ 1м до 1к и даже по 1 или какъ цѣна подымать, а нагадь бы того реченья не привезти; да съ нимъ послано і сороковъ соболей по цѣнѣ на 1 рублевъ и велъно ихъ продать какъ цѣны подымать. И на тѣ деньги за что продадутъ речень и соболи купить узорочныхъ товаровъ для Царя прогосударевъ обиходъ»*. Чемодановъ жилъ въ Ливорно четыре недѣли для продажи этого реченья, который называли тамъ *худымъ* и купцы говорили что у нихъ и своего, который привозится изъ Турціи, залежало много. И тотъ речень оставилъ онъ у Гебдомова товарища у Карлуса **) и велъно продать какъ цѣна будетъ, а везти съ собою въ Венецію (Венеція) оной нельзя, потому что за горами тельюнаго ходу нѣтъ; а взяли съ собою въ Венецію *1к фунтовъ* для образца и продажи. Речень изъ Россіи везли въ бочкахъ. Карлусъ писалъ къ Чемоданову, что на речень купцовъ нѣтъ и просилъ позволенія промѣнять его на камки и тафты. И на тотъ что взяли съ собою въ Венецію купцовъ не нашли. А на соболи, что взяли для продажи изъ Москвы на 1 руб. купцовъ не съскали и привезли обратно въ Москву

*) Тайная же цѣль посольства его была совершенно другая: ему поручалось просить денегъ займы у Венеціанъ, а цѣлю было посольство въ Парижъ, гдѣ онъ оставался, будто мимоходомъ, — склонить короля къ уступкѣ Царю Польской короны.

**) Этотъ Карлусъ былъ торговый человекъ, который принималъ Государеву черную армянскую икру и проч. въ Ливорнѣ, на исключительный вывозъ которой изъ Россіи великій герцогъ, Фердинандъ II-й при содѣйствіи Императора, исходатайствовалъ нѣкоторымъ подданнымъ своимъ дозволеніе у Царя Алексѣя Михайловича.

съ 1к фунт. реченья, а отъ Карлуса (сказано въ донесеніи Чемоданова прописанномъ въ наказѣ новому посольству Лихачева) и до сихъ поръ нѣтъ извѣстія, о продажѣ реченья. «Внизу, однакоже другою рукою означено: *сей выписки думной дьякъ не помыслилъ, а сказалъ, что речень въ Ливорнѣ проданъ. Сорокъ хвостовъ собольихъ (переводчика Топорковскаго) проданы во Флоренціи за 11 кружковъ серб. протмѣ русскихъ денегъ за 1к алтынъ.»*

Во время проѣзда посланца царскаго Чемоданова черезъ Тоскану, ему оказаны были знаки благоволенія тамошняго великаго герцога Фердинанда II-го и по словамъ Галлуца автора *исторіи дома Медичи (Storia della casa Medici)*, «Царь приказъ отправить двухъ посланниковъ благодарить герцога за хороший приѣмъ сдѣланный его посольству и вступить въ переговоры съ Тосканскими дворами для постановленія прочныхъ сношеній между Москвою и Флоренціею.»

Въ исполненіе сего царскаго указа дѣйствительно было отправлено нарочно для того назначенное (въ 1659 году) особенное посольство. А оно состояло изъ Боровскаго намѣстника Василья Богдановича Лихачева, дьяка Ивана Юмнина, и шести другихъ лицъ; въ томъ числѣ подъячій, переводчиковъ и цѣловальника. (присяжнаго?) Да съ нимъ послано Великаго Государя соболинныя казны къ Флоренскому князю на 1000 рублевъ, да въ запасъ на раздачу соболями на 600 рублевъ; да имъ же у Архангельскаго города изъ таможенныхъ доходовъ на провозъ Сухова пути велъно взять 500 еямокъ. Замѣтимъ, что тогда мы имѣли уже переводчика изъ природныхъ Русскихъ, знавшаго Италіанскій языкъ, Тимофея Топорковскаго, онъ служилъ въ томъ же званіи при Иванѣ Чемодановѣ, отправленномъ за четыре года прежде въ Венецію (въ 1656 году).»

Посольство прибыло въ июнь въ Архангельскъ и размѣстилось на двухъ Англійскихъ корабляхъ. Сверхъ выше-означенныхъ людей, составлявшихъ посольскую свиту, взяли былъ еще *попъ Иванъ Алексѣевъ* *) и люди Лихачева и дьяка Омина: всѣхъ Русскихъ отправилось за море 24 человека. Когда посланники съ карбасовъ пересаживались на корабли, ихъ провожали «съ ружьями и барабанами.» Послѣ 5-ти недѣльнаго плаванія, посольство благополучно прибыло въ Ливорно, было встрѣчено съ почестью начальникомъ города, и войска стояли подъ ружьемъ до самаго посольскаго двора. При въездѣ въ Ливорно распрашивали у прибывшихъ «о моровомъ повѣтрїи и у людей пострѣловъ на палубѣ допрашивали и разболочали (раздѣляли)». Посланники по желанію правительства Ливорнскаго, прежде выхода изъ кораблей, выслали всю свою свиту на палубу, а сами посланники на палубу не выходили, а смотрѣли изъ гулаковъ. Капитанъ Бокъ и поручикъ Саксъ, разумѣвшій по Русски и замѣнившій въ послѣдствїи умершаго переводчика Топорковскаго, говорили что великій герцогъ, узнавъ по письмамъ изъ Амстердама объ отправленномъ къ нему изъ Москвы посольствѣ, ожидалъ его въ Пизу, уже болѣе четырехъ недѣль; на это посланники отвѣчали: «*что вашъ князь дѣлаетъ то добро, что ожидаетъ насъ 4 недѣли.*»

Замѣчаніе Русскихъ о земляхъ ими пробѣванныхъ отзываются духомъ тогдашняго времени; вотъ первое изъ нихъ: *въ Ливорнѣ церковь Греческая, да въ Венеціи церковь же Греческая, а болѣе*

*) Священникъ сей вѣроятно находился при посланникахъ во найму, ибо не помечено въ спискѣ Государевыхъ людей т. е. состоявшихъ въ царской службѣ. Заслуженные и престарѣлые бояре, отправляясь за море боялись какъ говорили они — умереть среди неблагочестивыхъ, безъ духовника и обрядовъ православної церкви.

ше того отъ Рима до Кольскаго Острога нѣтъ благочестїа.» Двѣ кареты герцога отвезли посланниковъ въ Пизу, гдѣ представясь ему, послы вручили герцогу грамоту царскую и *любительныя полинки*, состоявшіе изъ *семи сороковъ соболей добрыхъ, да пять паръ соболей добрыхъ.* Дьякъ держалъ грамоту, Лихачевъ говорилъ рѣчь, а потомъ и Оминъ сказалъ: «*Отъ Его Царскаго Величества посланы были къ Венеційскому Францискусу князю тогдашнему Дожу посланники стольники Иванъ Челодановъ, да дьякъ Алексѣй Посниковъ и имъ случилось пѣтать вашей честности владѣніемъ и вы велѣли ихъ къ себѣ приять и въ отпускъ имъ вспоможеніе доброе учинили и желали того усердно, чтобы Великій Государь нашъ изволилъ съ вашей честностію сослаться послы или посланники Его Царскаго Величества, то ваше добротѣице и усердное желаніе къ любительному совету хотѣніе принимаетъ добрымъ Аффектомъ и по прошенію вашему нынѣ и сами посланники сослаться о советѣ изволилъ и проч. Великій герцогъ отвѣчалъ благодарственною рѣчью, въ которой по словамъ описателя посольства говорилъ, что онъ, и братья, и сынъ его холопы и рабы Великаго Государя. Должно думать что это искаженное въ переводѣ Итальянское выраженіе servi suoi. На третій день послѣ сей аудїенціи, умеръ переводчикъ Топорковскій, и мѣсто его временно заступилъ поручикъ Саксъ. Толмачъ Шетниковъ бывшій при посольствѣ звалъ только по Нѣмецки.*

Въ Пизу посольство пребыло нѣсколько дней и «*Флоренскій князь, онъ же Гранъ-Дукъ билъ челомъ посланникамъ во Флоренскъ (Флоренцію) пѣтать преждѣ себѣ.*» Послы долго отговаривались и отвѣчали «*что имъ прежде его пѣтать непригоже.*» Но Великій Государь велѣлъ имъ сказать, что имъ надобно взать прежде для того. «*что*

де для васъ будетъ стръльба многая, а сторонніе подумаютъ что для меня де стръльба а не для васъ будетъ,» и они согласились. Приемъ ихъ былъ самый торжественный; сынъ герцога выхваля на встрѣчу имъ со всѣмъ дворомъ въ 50 каретахъ *). Посланники помѣщены были во дворцѣ Питти, гдѣ и теперь еще хранится подлинникъ картинки приложенной къ описанію сего посольства. Тутъ насмотрѣлись наши послы многого о чемъ прежде и неслыхали. Однажды герцогъ принесъ къ посланникамъ «на золотомъ мистъ шелкъ и бумагу и велѣлъ жечь огнемъ, и шелкъ и бумага отъ огня не сгорѣли. А говорилъ князь: а есть де у меня камень, тѣмъ де камнемъ шелкъ и бумагу потру, и огонь де не сожеть.» Такъ подшутилъ герцогъ надъ незнаніемъ пословъ, предлагая имъ шелкъ и бумагу изъ аміанта *). Въ другой разъ кто-то увѣрилъ ихъ что всѣ Флорентинцы ходятъ круглый годъ въ маскахъ и они, повѣривъ этой шуткѣ, написали въ своемъ дневникѣ: «а изытай у жителей такое; мужы и жены честныя и дѣти ходятъ въ скуратахъ, сиречь въ лмчинахъ вслкихъ цѣптовъ, а у женъ сосцы голы, а на головахъ нить низего.» Дѣло въ томъ что тогда былъ Итальянскій карнавалъ, а наши добрые старички этаго и не знали. Такъ то часто читаемъ мы странные обычаи въ журналахъ путешественниковъ знакомыхъ съ обычаями и языкомъ той страны которую они посѣщаютъ. Но что

простительно для Русскаго въ XVII вѣкѣ, того не должно бы допускать въ путешествіяхъ новѣйшихъ. А многіе ли странствователи думали объ этомъ? Не такъ ли люди честные, но несвѣдущіе бывали часто невинными разсвѣтлыми нелѣпостей, заставлявшихъ читателя по неволѣ смѣяться? Не отсюда ли взялась Французская пословица: à beau mentir qui vient de loin? . . . Но . . . Saperienti sat! . . . Герцогъ угощалъ пословъ нашихъ что называется на убой! Потѣпалъ ихъ музыкою и велиководѣнными, нарочно для нихъ устроенными сценическими представленіями. Во время обѣденнаго стола пишутъ послы «играли на музыкѣ и кивалы и въ органы и два трубача и восемь еудцовъ. Вотъ что пишутъ они «о комедіяхъ» (о спектакляхъ, на которые они приглашены были герцогомъ).» Описание это чрезвычайно любопытно.» *Князь приказалъ играть: объявились палаты и бѣгъ палата и внизъ уйдетъ и того было шесть перемѣнъ; да въ тѣхъ же палатахъ объявилось море колеблемо волнами, а въ морѣ рыбы, а на рыбахъ люди ходятъ; а въ верху палаты небо, а на облакахъ сидятъ люди; и погали облаки съ людьми на нихъ опущаться, подхватя съ земли человека подъ руки, опять въ верхъ же пошли, а тѣ люди, которые сидѣли на рыбахъ, туда же поднялись въ верхъ за тѣми на небо. Да стучался съ неба же на облакъ сидя человекъ въ коретѣ; да противъ его въ другой коретѣ прекрасная дѣвица, а арсмамки подъ коретами какъ бытъ живы, ногами подреиваютъ: а князь сказалъ, что одно солнце а другое мпслицъ. А въ иной перемѣнѣ въ палатѣ объявилось поле, полно костей человеческихъ и травы прилетѣли и почали клѣвать кости да море же объявилось въ пахатѣ, а на морѣ корабли небольшие и люди въ нихъ плаваютъ. А въ иной перемѣнѣ, объявилось человекъ съ 50-тѣ въ лапахъ, и начали саблями и шпалами*

*) По сокращенію Новикова — во 100 каретахъ.

*) Невѣденіе пословъ произвело довольно странную путаницу въ ихъ разсказѣ. Изначалѣ плоды садовъ герцогскихъ аманасъ называютъ они аписамъ; они не знали даже, что изюмъ есть сушеный виноградъ, а винная ягода сушеная смюва! Забавно также коверкаютъ они Итальянское слово aquavita (водка) и увѣряютъ что въ Тосканѣ водокъ нѣтъ, а есть квочитка (aquavita) — пуще тройнаго вина!

рубиться, и изъ пищаляй стрѣляти, и челоука съ три какъ будто убьди: и многіе предивныя молодцы и дивицы выходятъ изъ за занавѣса въ золоты танцуютъ; и многіе диковинки дѣлали, да вышедъ малый и почалъ прошаать петь, и много ему хлѣбовъ пшеничныхъ опресночныхъ давали, а на кормить его немогли. А та игра дѣлана до посланниковъ за 8 недѣль, а стала де она въ 8000 ефимковъ. Такова комидія послана въ даръ къ Испанскому королю, какъ сынъ у него родился. А комидій было при насъ во Флоренскіи три игры разныхъ. Любопытно также описаніе Итальянской игры, о которой часто упоминается во Флорентинской исторіи среднихъ вѣковъ, это gioco del Calcio. А игра была: поставлены были два шатра, а люди въ доспѣхахъ и пансырляхъ и во шлемахъ: четверо карловъ, шесть трубацевъ, шесть барабановъ и полковники, да съ 400 челоукъ нарядныхъ молодцевъ и легкихъ: а играли: мягелъ бросали, которая страна перемечетъ и въ то время были по 4 выстрѣла по всему городу. А посланникамъ и иерецамъ отъ Клегии дари тарфянныя ширинки, а ратный стѣрой на нихъ напечатанъ. Въ этой игрѣ молодые Флорентинцы дворяне и военные раздѣлялись на два отряда и старались, по очереди перебросить шаръ, за известную черту. Сцепою этой забавы была плащидъ *Св. Креста* (Santa-Croce).

Вообще слѣдуетъ замѣтить что наши посланники Лихачевъ и Оминъ были строгіе блюстители этикета и пугались малѣйшаго случая, гдѣ по мнѣнію ихъ подвергалось униженію лицо Государя ими представляемаго *). Такимъ образомъ, они долго отказывались отъ пред-

*) Изъ современныхъ лѣтописей видно какъ боялись тогда малѣйшаго отступленія отъ установленныхъ формъ: лучшимъ доказательствомъ этой истины служитъ война объявленная Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ Польнѣ за отказъ ея пре-

ставленія ихъ великой герцогинѣ; и для чего намъ быть у Клегии и у сына и у братьевъ Фердинандусовыхъ? Отвѣчали они на приглашеніе ихъ. И приставъ Маркесъ (Маркизъ Сальвиати) отвѣчалъ имъ, что здѣсь де такъ ведется (ведется). И посланники говорили, что имъ де къ Клегии и къ сыну и къ братьямъ Грандукинымъ идти не пригоже, потому что присланы къ герцогу а не къ нимъ. Ни убѣжденіе что Чемо-дановъ и Посниковъ представлялись герцогинѣ, ни обычай другихъ державъ, ни угроза герцога отпустить ихъ ни съ чѣмъ безъ листа и отвѣта, не заставляла нашихъ Европейскихъ Китайцовъ XVII вѣка отступить отъ своего рѣшенія. На великую силу уговорилъ ихъ самъ герцогъ исполнить желаніе герцогини, своего сына и братьевъ. На сей аудіенціи говорить авторъ списка: *кнѣзю была челомъ посланникамъ тобы они сдѣлали ей по обычаю Русскому двѣ шубки, чѣмъ ей подарить новобрачную невестку свою и оки шубки велли сдѣлать подъ тарфтою: у одной исподъ горнистая, а у другой бѣлей и сдѣла на себя и дивилася, что урядно выдѣлали.*

Описывая дворцы герцога, авторъ статейнаго списка говорить: *и во всякой палатѣ стекла хрустальныя, въ виду весь челоукъ въ полтора аршина.*

Думать должно что или посланникамъ нашимъ, лично неизвѣстны были

дать суду пограничныхъ офицеровъ ея, искажавшихъ (умышленно или нѣтъ?) въ письменныхъ сношеніяхъ своихъ его царскій титулъ. Разумѣется это былъ одинъ предлогъ къ войнѣ, вынужденный домогательствами тогдашняго Малороссійскаго Гетмана Зиновія Богдана Хмельницкаго: тѣмъ не менѣе нарушеніе этихъ формъ а не состояніе Малороссіи и Запорожья, послужило законнымъ поводомъ къ открытію военныхъ дѣйствій. — Это обстоятельство довольно удовлетвори- тельнымъ образомъ объясняетъ всюстранность поведенія Лихачева и Омина.

Редикт.

зеркала, или самое слово *зеркало* не употреблялось тогда въ настоящемъ своемъ значеніи: послѣднее кажется намъ вѣрнѣе перваго.

Описаніе водоемовъ съ кранами и садовъ дворцовыхъ также весьма оригинальны; но мы не можемъ продолжать текстуальныхъ выписокъ изъ сего дневника чтобы не выдти изъ предѣловъ нашей статьи. Любопытные знать болѣе могутъ обратиться къ самой книгѣ г. Чергкова.

По прошествіи двухъ мѣсяцовъ пребыванія своего во Флоренціи послы потребовали отправки своей во свояси, и по настоянію этихъ упорныхъ сановниковъ великій герцогъ долженъ былъ, вопреки обычаю, приложить къ отвѣтнымъ грамотамъ золотыя печати. Все посольство было одарено передъ отъездомъ. *Флорентійскій князь*, сказано въ спискѣ, *дирилъ В Лихачеву цѣль одно золотую хитрыиъ дьяломъ въ 10 фунтовъ; дьяку И. Фомину цѣль же въ 8-мъ фунтовъ **, *Алтабасу (Персидской парчи) обьяри золотой, бархату Флорентіаго, атласу, тафты и камки обоимъ по портищцу **)* дворянину два перстия золотые рублей въ тридцать. *Московскому подьячому каламанъ, по нашему чернилицу серебряную фунтовъ въ семь, да дол перскіа золотые рублей въ полтретьдесять (25 рублей), Попу Ивану, подьячому Паикрату Кудлакову, Толмачу Алексію Плетникову по цѣпочкѣ одно золотой фунтовъ въ 20 золотниковъ.*

15-го Февраля 1660 года посольство оставило Флоренцію. Поручикъ Саксъ отправленъ былъ съ нимъ въ качествѣ переводчика до самаго Базеля на герцогскомъ жалованьѣ. Въ кареты по-

*) Цѣпи эти были у нихъ отобраны въ казну по возвращеніи ихъ въ Россію, и имъ были выданы за нихъ по оцѣнкѣ деньги.

**) Портище ткани, отрѣзокъ отъ кука аршинъ въ 12: портище пуговокъ — дюжина.

словъ запрещены были *хлы (мулы?)* прочіе вѣхли на лошадахъ. Подробности пути ихъ до Амстердама чрезвычайно любопытны. При перевѣздѣ чрезъ гору Санъ Готардъ *Государеву казну и рухледь везли на волазъ, а Флорентіаго князя листъ и статеиной списокъ несли подьячїе на рукахъ изъ опасенія чтобъ выперъ не сбросилъ повозки вѣязъ. А посланникъ Лихачевъ и вшли тиши и четверть часа повздымаются, да и опочинутъ.* Перевѣхавъ на баркѣ Люцернское озеро, Русскіе прибыли въ *Базиллю (Базель)*; паняли за 125 червонцовъ судно до Колоніа (Кёльна). Истративъ все свои и Государевы наличныя деньги, а равно и 350 ефимковъ (*скуди*) прогоновъ герцогскихъ, послы должны были продать часть казенныхъ мѣховъ на содержаніе людей.

По Рейну плыли двѣ недѣли. Замѣчанія ихъ объ этой рѣкѣ написаны въ томъ же духѣ. *«А рѣка zelo красна, и весела и прѣма и бистра, а харчъ и хль въ ржаной тутъ почали покупать и уккусъ реиской и пиво и реиское вино все на ней. А людей во всѣхъ городяхъ много; а едѣ городъ тупъ и живутъ (!!), а изъ города въ городъ не перепѣжуютъ и не торгуютъ (??) *)* на рѣкѣ же стоитъ башня и сказываютъ — въ той башнѣ короля мыши стѣли **).

*) Первое извѣстіе такъ наивно что въ немъ конечно никто не усомнится, во второму позволено не повѣрять: даже и во времена Лихачева и Фомина.

**) Авторъ описанія вѣроятно намѣкаетъ здѣсь о мышиной башнѣ (Mäusefurchen). Сказка эта довольно любопытна, и вѣроятно покажется здѣсь не лишнею тѣмъ изъ читателей нашихъ, которымъ она не извѣстна. Вотъ что рассказывали мнѣ объ ней въ Сен-Гоарѣ (St. Gewehr), во время плаванія моего по Рейну. Башня эта построена была въ 900 году по Р. Х. Майнцкимъ архіепископомъ Гаттономъ, котораго жестокость вошла въ пословицу у жителей верхняго Рейна. Во время бывшаго тогда неурожаа и дороговизны

А въ иномъ мѣстѣ стоитъ столъ высокой зело; а на немъ устроено солнечное и лунное теченіе и часы бьютъ на тридцать разныхъ статей по кимвальному; да сколько дней въ году столько въ немъ и оконъ 365.»

Въ Амстердамъ прибыли въ концѣ марта и тутъ посланники получили въ подарокъ отъ торговыхъ людей 150 докунтоновъ (дукатовъ, двойныхъ червонцовъ) каждый по 21 алтынъ и четыре деньги *). Довольно страннымъ показалось почтенному издателю слѣдующее замѣчаніе нашихъ пословъ: «а въ городъ . . . трехъ вещей нѣтъ: хлѣба, воды, дрова.» но оно справедливо едвали не въ буквальномъ смыслѣ. Подъ хлѣбомъ разумѣли они вѣроятно хлѣбъ ситный, котораго точно нѣтъ въ Амстердамѣ, гдѣ продается у булочниковъ одинъ бѣлый хлѣбъ и черныи изъ гру-

хлѣба, Гаттонъ придумалъ ужасное средство избавиться отъ вспоможенія обнищавшимъ своимъ поданнымъ: однажды — зазвалъ онъ толпу этихъ бѣдняковъ въ сарай, будто бы для утоленія ихъ голода; потомъ велѣлъ ихъ замкнуть и сжечь вмѣстѣ съ сараемъ, приговаривая, что эти нищие пожили на мышей и крысъ, пожирающихъ хлѣбныя зерна. За это, по народному повѣрью, правосудіе небесное поразило самаго Гаттона неслыханною доголъ карою. Несмыслима стада мышей и крысъ преслѣдовали его по всюду. Чтобы спастись отъ нихъ Гаттонъ велѣлъ построить для себя круглую башню на одинокой скалѣ посреди Рейна, но и тамъ не спасся онъ отъ преслѣдованія своихъ гонителей. Стада мышей переплыли Рейнъ и сожрали Гаттана въ послѣднемъ его убжищѣ. Путешественники наши принjali этого владѣтельнаго прелата за короля, вѣроятно по ошибкѣ толмача Плетникова, переводившаго имъ эту народную легенду. Мышиная или крысѣя башня не существуетъ болѣе въ наше время и мѣсто ея заступили незначительныя укрѣпленія.

*) Стало бытъ Русскій алтынъ времени Царя Алексѣя Михайловича равнялся по этому курсу нидерландскимъ 95 коп. ассенигъ.

Ц. Б.

бо перемолотѣй ржи, въ которомъ много зеренъ запечено цѣлкомъ: хлѣбъ этотъ употребляется только для однихъ ботерамовъ**), и дѣйствительно негоденъ въ пищу для непривычнаго къ нему иностранца, воды для питья въ Амстердамѣ точно нѣтъ, а привозится она изъ Везена и Утрехта или употребляется къ тому вода дождевая накопляемая на крышахъ домовъ въ свинцовыхъ резервуарахъ. Масса водъ Амстелы и каналовъ, которыми изрѣзанъ весь Амстердамъ, вовсе негодна къ употребленію по болотистому грунту ихъ и отвратительному вкусу. Дрова также чрезвычайно рѣдки и дороги, и всѣ каменные и кухонныя печи топятся турфомъ и каменнымъ угольемъ. Стало быть замѣчаніе посланниковъ справедливо. Амстердамъ похожъ на Гангала, который стоя по горло въ водѣ — пить просить и напиться не можетъ. «Отъ бурмистровъ (бургомистровъ) Амстердамскихъ для имени великаго Государя, послы получили 250 ефимковъ. Для перевозки посольства въ городъ присланы были суда, а тѣ суда едѣланы по каретному съ бахрамою и золотыми шмурками (Трексейты — развѣзжающіе по бичевой?) купцы торговавшіе съ Россією, взяли ихъ доставить на своихъ корабляхъ безъ платы до Архангельска, и послы сказали имъ: то

**) Объ этомъ черномъ хлѣбѣ читаль я въ одномъ старинномъ Итальянскомъ путешествіи довольно забавный анекдотъ. Путешественникъ описывая Амстердамъ слогомъ нашихъ статочныхъ списковъ, рассказываетъ роднымъ своимъ слѣдующее: «Здѣсь есть два рода турфа; однимъ топятъ печи, а другой идальи нарѣзавъ тоненькими ломтиками на ботерамавъ. Ботерамъ сей есть родъ тартины состоящей изъ ломтя пшеничнаго хлѣба съ масломъ, покрытаго кусочкомъ сыра, и прикрытаго вышесказаннымъ ломтикомъ слѣдмаго турфа. Ошибка расказной произошла отъ четверугольной формы чернаго хлѣба, совершенно похожаго видомъ на печной турфъ.»

Ц. К.

дѣлаете въ добро.» Въ Амстердамъ отдали Лихачеву письмо изъ Парижа, за семью печатами, писанное отъ Дилбарта къ Чемоданову въ Москву. Изъ Амстердама *вышли на трихъ корабляхъ* въ концѣ апрѣля, были на морѣ семь недѣль и пришли къ Архангельску въ началѣ юня.»

Къ описанію путешествія Лихачева и Омина приложены многія любопытныя документы: *наказъ посольству* съ прописаніемъ тогдашняго состоянія политики Россіи и торговыхъ ея сношеній, многія любопытныя бумаги относящіяся къ посольству Чемоданова въ Венецію и переводъ Латинской грамоты великаго герцога Фердинанда; не менѣе любопытными показались намъ гравюра снятая съ картины двора Питти, изображающей представленіе Лихачева великому герцогу и подробности о жалованьѣ чиновникамъ Ручскаго посольства въ XVII вѣкѣ. Расходы всей миссіи Лихачева обошлись Московскому двору въ 2400 рублей и 500 ефимковъ. Переводчику Топорковскому производилось годоваго оклада по 30 рублей, да *подмочи* 60 рублей, всего 120 руб., въ годъ.

Сверхъ оклада получилъ онъ въ Вологдахъ:

5 ведеръ вина.

3 Поля осмины муки пшеничной.

2 Пуда между прѣснаго.

Топорковскій (передъ отъездомъ своимъ) писалъ въ просьбѣ своей Царю: *«на жаловань мнѣ холопу моему 4 рубля, поденнаго корму по 6 алтынь, по 4 деньи на день, а помѣстнаго оклада 4 четвертой:»* на докладъ на писано другою рукою: *«въ приказъ казенный сборъ: Кармазиннаго сукна доброе Луниншъ, сорокъ куницъ и ниже: отдано ему Топорковскому.»* Жалованье другимъ лицамъ посольства было въ относительной соразмѣрности, смотря по званію каждого.

Изъ сего изложенія, изданной г. Чертковымъ книжки, могутъ посудить чи-

татели наши, какъ любопытны для будущаго историковъ и какъ необходимы для историческаго романиста собранныя въ ней свѣденія о Русскихъ XVII вѣка.

Очерки Россіи, издаваемые Вадимомъ Пассекомъ. Москва, 1840, съ слѣдующимъ эниграфомъ изъ Жуковского:

«О родина святая!
Какое сердце не дрожитъ
Тебя благославляя?»

Вотъ сборникъ истинно драгоценный для любителей всего отечественнаго. Первая книга его изданная съ особымъ атласомъ въ Петербургъ уже давно известна любителямъ Русскаго и Россіи. Всѣ журналы наши отдали ей заслуженную справедливость. Многіе по дошедшимъ до нихъ должнымъ слухамъ не притворно жаловали о прекращеніи столь полезнаго и прекраснаго изданія — и вотъ въ утѣшеніе пмъ, г. Пассекъ, котораго частныя не зависѣвшія отъ него обстоятельства, удержали отъ продолженія своего труда, выдаетъ намъ почти вдругъ двѣ новыя книжки «Очерковъ Россіи», не только не уступающія первой ни въ занимательности содержанія ни въ матеріальномъ изяществѣ изданія, но едвали еще и не занимательнѣе первой. Обозримъ ихъ по порядку. Вторая книга этого сборника начинается любопытной статьей г. Вельтмана: «портретъ Ломоносова», составленной по актамъ фамилии Раевскихъ, происходящей по женскому колыну отъ знаменитаго преобразователя нашего Русскаго слова. Въ статьѣ сей, принадлежащей къ разряду матеріаловъ для будущей исторіи просвѣщенія въ Россіи, весьма много любопытнаго, на счетъ тогдашняго состоянія Императорской Академіи Наукъ и нашей учебной дѣятельности. Къ сожалѣнію не

вся подробности сии равно утешительны: и тогда — какъ всегда и вездѣ, частный эгоизмъ людей вредилъ подлѣзъ общей: это настоящая летопись борьбы Русскихъ ученыхъ съ иноземными, въ которыхъ пристрастіе увлекло не разъ противниковъ за предѣлы справедливости. Благородный защитникъ всего Русскаго — Ломоносовъ, не всегда былъ правъ въ своихъ выходкахъ противъ иностранныхъ ученыхъ — Миллера и Шлёцера, и еще мѣнѣе, извинителенъ въ выраженіяхъ своей досады: сбывая нѣсколько основательныхъ замѣтокъ на странную этимологию некоторыхъ Русскихъ словъ выведенную Шлёцеромъ, онъ говоритъ: «изъ сего заключить должно, какихъ гнусныхъ пакостей не наколобродитъ въ Россійскихъ древностяхъ такая допущенная въ нихъ *скотина!* *)» Или Ломоносовъ крѣпко оскорбленъ былъ иностранцами въ дѣлѣ пользы отечественной, или завидовалъ Шлёцеру какъ сопернику на поприщѣ исторіи и грамматики Русской: въ обоихъ случаяхъ подобные отзывы объ ученомъ собратѣ своемъ не приличны ни литератору ни профессору; грубая брань доказываетъ не силу убѣжденія, а пристрастіе и дурной вкусъ. Темъ отраднѣе слѣдить перваго Русскаго ученаго и литератора въ его подвигахъ на пользу общественную, въ смѣлыхъ замѣчаніяхъ его на тогдашній академическій регламентъ, на недостатки котораго онъ такъ благородно указываетъ правительству въ своей запискѣ. Изъ этихъ дюбопытныхъ матеріаловъ явствуетъ, что Ломоносову обязаны мы *первыми наполненіемъ нашихъ географическихъ картъ*, составленныхъ по астрономическимъ наблюденіямъ тогдашнихъ ученыхъ.

*) Въ Нѣмецкомъ письмѣ его къ Эйлеру выраженіе еще грубѣе: избавляемъ себя отъ неприятнаго труда повторять ихъ и переводить для незнающихъ по нѣмецки. Это нѣчто въ родѣ новѣйшей полемики некоторыхъ гг. журналистовъ.

Ломоносову же обязана Россія преобразованиемъ тогдашней гимназіи и самой участи студентовъ, не говоря уже объ открытіяхъ его въ химіи, введеніи мозаичнаго дѣла въ Россію. Почтенный авторъ статьи общается продолженіе оной: искренно и радушно приглашаемъ его не скупиться на подобныя сообщенія.

Другая статья этой части: «Курганы степей», принадлежитъ самому издателю Очерковъ. Она достойна украшать его сборникъ и по содержанію своему и по слогу; вотъ отрывокъ:

«Генварь. Рѣки окованы уже льдомъ. Южныя степи забылись какъ Сибирскія тундры. Съ запада налетаютъ снѣжныя тучи засыпаютъ курганы и овраги; мятель бьетъ въ окно поселенива, и завывая будто проситъ пріюта. Съ востока набѣгаетъ ураганъ: со свистомъ возмечаетъ воды снѣга, своеравно сбиваетъ ихъ въ сугробы, замечаетъ рвы и холмы. Вольный сынъ степей, онъ привыкъ здѣсь жить съ вольными кочевыми народами; еще недавно гулялъ съ ватагами Татаръ и Казаковъ; онъ хочетъ простора, а предѣ днмъ жилье человека, запасы труда — и онъ хищникъ, кидается на нихъ, рветъ, мечетъ, хочетъ увлечь съ собою, и утомленный бѣжитъ далѣе А въ жильѣ свѣтятся огонь; человекъ, привыкнувъ къ степнымъ непогодамъ, спокойно за нять своимъ дѣломъ и не страшится набѣговъ.

«Бура утихла; небо безоблачно и холодно; солнце свѣтитъ сквозь міриады сверкающихъ пылиннокъ; высокій бурлящъ стоитъ недвижимо и свѣтитъ радужно оледенѣлыми вѣтвями. Степь безпредѣльна, и подъ саваномъ снѣга укрываетъ и бережетъ жизнь другаго лѣта»

«Я былъ въ степяхъ, и теперь онъ будто передо мною. Душа полюбила ихъ безпредѣльность, ихъ равнины и лабиринтъ ихъ логовъ и ребры рѣкъ-великановъ, и пустыню неба съ одинокимъ знойнымъ солнцемъ и темную синеву неба среди ночи, съ яркими

звездами; их непробудную тишину, вихри, бури, миражи, ужась, засухъ и метелей.»

Вотъ еще превосходный очеркъ миража:

«Бываетъ: въ ясный день, въ пустынной степи подымутся верхи церквей, колоколенъ, какихъ то готическихъ зданій, окруженныя широкимъ разливомъ воды; тамъ озеро и по немъ острова, покрытыя деревьями, тамъ бродятъ какіе то громады чудовища, тамъ море гонитъ свои синія волны... Приближаетесь, и все какъ очарованное удаляется отъ васъ; идете тихо — и зданія и волны отодвигаются медленно, скачете — и все бѣжитъ и измѣняется, а предъ вами таже пустыня неба и безводной степи и тѣже могильные курганы.

«Не грядущую ли жизнь и благо степей прообразуютъ эти видѣнія?»

Благодаря второму провидѣнію Россіи — благотворному правительству нашему, эти видѣнія осуществляются въ наше время. Степи населяются людьми, животными, прозябениями: еще столѣтіе — и они представляютъ картину *благоденствія* уже... *не въ миражахъ!*

За вторую оригинальную статью г. Пассека, слѣдуетъ третія — переводный отрывокъ изъ одной Польской книги. «Повѣдка изъ Иркутска въ Кяхту чрезъ Байкаль или Святое море.» Г. О. Евецкій передалъ ее такъ удачно на Русскій языкъ, что мы отъ души порадовались этой прекрасной попыткѣ сроднить двѣ литературы столь близкія по свойству ихъ и происхожденію. Искренно приглашаемъ гг. переводчиковъ сообщать въ Маякъ переложенія ихъ съ нарѣчій Славянскихъ: мы примемъ ихъ какъ братій и друзей съ распростертыми объятіями.

Послѣдующія двѣ статьи «Кіевскія златыя врата,» «Путешествіе по Крыму,» и «Сарай-Орда Батыя на Волгѣ» принадлежатъ также издателю Очерковъ Вадиму Васильевичу Пассеку и въ ве-

личайшей степени занимательны, равно какъ и раздвляющая ихъ статья «Шведская могила подъ Полтавою» г. Дмитрія Пассека. Если не ошибаемся то В. В. Пассекъ первый изъ этнографовъ нашихъ открылъ памятникъ *Менглигерел*, и онъ же первый описалъ древнюю полтавскую церковь, съ которою сливается столько драгоценныхъ воспоминаній. Любопытнѣйшая смѣсь заключаетъ эту прелестную книжку Очерковъ Россіи: въ ней особенно поразила насъ «Венгерская легенда о царѣ Аквилѣ (Аттилѣ)» весьма мило рассказанная г. Шавровымъ.

Что сказать о третей книгѣ Очерковъ? И за нее придется принести такую же благодарность почтенному издателю. Исчислимъ ея содержаніе:

1. *Русская словесность*, статья г. А. В. Это просто кладъ для филолога: статья любопытнѣйшая и въ ученое и въ литературное отношеніи, отличающаяся въ скромномъ авторѣ ея (скрывшемъ свое имя) глубокую начитанность и необыкновенное трудолюбіе.

Можетъ быть найдутся читатели, которые (и не вовсе безъ основанія) возстанутъ противъ иныхъ этимологій нашего автора корнеслова; впрочемъ замѣчанія эти, какъ бы они справедливы ни были, не убавятъ у статьи сей ея всеобщаго интереса: въ ней много новаго и любопытнаго о народной словесности Славяно-Русскихъ племенъ.

Статья «Малороссійскія святки», сочиненіе трудолюбиваго и даровитаго издателя такъ мила, что мы советуемъ прочесть ее въ подлинникъ и увѣрены что за советъ сей намъ скажутъ спасибо. Это цѣлый романъ правое и обычное, въ которомъ слиты въ одно цѣлое наблюдательность этнографа, патриархальная прелесть рассказчика, прекрасная цѣль и всѣ условія, на которыхъ статью сборника можно причислить къ разряду самыхъ занимательныхъ

и пріятныхъ. *) «Казакъ Гайдамаки» соч. И. Срезневскаго; «Реванъ» соч. Е. Булатова, могли бы служить украшеніемъ любому изъ Европейскихъ журналовъ. *Реванъ!* что это за Реванъ? спросятъ нѣкоторые изъ читателей. Это Мм. Гг. торжественный Татарскій обрядъ, по которому подмастерья и ученики нашихъ мусульманскихъ цеховъ въ Крыму посвящаются въ мастера. Угодно знать подробности сего обряда — прочтите самую статью въ 3-й книжкѣ Очерковъ Россіи; угодно знать основаніе этого обряда и причину по которой въ цехахъ Крымскихъ ремесленниковъ первое мѣсто занимаютъ *кожевники*, я выпишу вамъ отъ слова въ слово Татарскую легенду рассказанную наблюдательнымъ авторомъ сей любопытной статьи.

«Однажды Халивъ (Калифъ) Магометъ послалъ противъ непріятеля зятя своего пророка Алія, давъ ему знаменосца Шейхъ Махмута съ тридцатью двумя воинами. По возвращеніи ихъ съ битвы, Магометъ спросилъ Алія:

«Какое было въ дѣлахъ Шейхъ-Махмута?» Алія отвѣтствовалъ что онъ сражался какъ *Эванъ*. Тотъ же вопросъ былъ сдѣланъ и воинамъ, которые единогласно подтвердили слова Алія. Тогда

*) Отдавалъ полную справедливость ея автору, не можемъ пропустить въ молчаніи одной явной ошибки въ толкованіи словъ и охотно причли бы ее къ опечаткамъ, еслибы она не повторена была дважды на стр. 91 въ подстрочномъ примѣчаніи. Въ *дузъ* — почтенный авторъ переводитъ «въ *лсу*» воля ваша, а согласиться нельзя: *Лсъ* самъ по себѣ, а *дузъ* самъ по себѣ. *дузъ*, *дужайка*, есть ровное мѣсто, долина покрытая травою, пахать; и таково значеніе этого слова въ *лсъхъ* Славянскихъ нарѣчіяхъ. *Лсъ* можетъ вырости на *лугу*; *лугъ* можетъ образоваться посреди *леса*, но *лугъ* и *лесъ* двѣ вещи разные. Есть даже и Русская пѣсня начинающаяся такъ:
Ахъ! во *лугахъ* зеленыхъ *лугахъ*.

верховный пророкъ сказалъ: «Эванъ все равно что братъ мнѣ;» и еще спросилъ ихъ: «чѣмъ они изъяснятъ ему свою признательность?» Тутъ всѣ, вмѣсто отвѣта, поднесли знаменосцу, каждый по мѣрѣ своей возможности, дары, стоившіе много или мало, — хотя бы иной сравнялся цѣною одному листу древесному. Послѣ того, обратясь къ своему зятю сказалъ: «А ты чѣмъ надѣлишь Шейхъ-Махмута?» Онъ отвѣчалъ: — Я дамъ ему въ замужество дочь мою Рухые. «Этотъ бракъ Халивъ совершилъ своимъ иждивеніемъ; пиршество продолжалось три дня. Не считая прочихъ припасовъ, въ первый день было зарѣзано 33 барана, на второй 33 козла, на третій столькоже быковъ. Послѣ свадьбы, когда новобрачный явился къ великому пророку для цѣлованія руки, то пророкъ, повелѣвъ ему слѣдовать за собою, пришелъ въ поварню и обозрѣвъ всѣ кожи зарѣзаннаго скота, сказалъ! «Эти избытки я дарю тебѣ: употреби ихъ въ свою пользу.» Шейхъ-Махмутъ, выдѣлалъ кожи, многія окрасилъ, — однѣ въ черную, другія въ желтую, или красную краски, — и свернувъ всѣ десятками, поднесъ *наилстнику Бога*. Великій пророкъ и всѣ предстоявшіе ему, рассмотрѣвъ издѣлія осыпали изобрѣтателя похвалами. Пророкъ Алія также отдавшій справедливость зятю, своему взялъ одну кожу на желѣзъ и навелъ на нее лоскъ. Увидѣвъ это, всѣ присутствующіе и самъ Шейхъ-Махмутъ сказали: «Вотъ теперь усовершенствовалось ремесло!» Послѣ того нѣкоторые изъ свиты пророка прибавили: «Не достойное ли это дѣло *покрова*?» и Магометъ, взявши два *Пештимала* *), самъ своею рукою, завѣсилъ однимъ Алія, а другимъ Шейхъ Махмута. Благословивъ же обоихъ, онъ приказалъ имъ облечь равнымъ образомъ тѣхъ тридцать двухъ воиновъ, которые, подобно Алію и зятю его,

*) Плащъ или *милоть* (родъ покроя).

стали *Пирами*, **) изобрѣтъ каждый почти въ это же время по одному ремеслу.»

«*Коренная ярмарка*» соч. Е. П.-а, — весьма дѣльная статья въ историческомъ и статистическомъ отношеніи, съ погодными таблицами торговой промышленной дѣятельности, начиная отъ 1787 по 1835 годъ включительно, съ любопытными выводами мѣстныхъ и общихъ польвъ доставляемыхъ сею ярмаркою губерніи Курской и всему новороссійскому краю. По извѣстіямъ собраннымъ въ сей примѣчательной статьѣ оказывается что «Курскою градскою думою собрано съ коренной ярмарки (1836) дохода за билеты на гербовой бумагѣ 2361 р. 70 коп. за лавки, балаганы мѣста и прочее 96.446 р. 23½ коп., всего 100,807 р. 23½ коп., изъ которыхъ обращено въ казенный доходъ 49.223 руб. 11½ копѣекъ.»

Русалка, пародное повѣрье, соч. неизвестнаго. Презанимательный рассказъ основанный на этомъ повѣрьѣ.

Приѣздъ въ Бахчисарай, увеселенія и обычаи Татарокъ. Прелестные отрывки изъ путевыхъ записокъ одной умной, любезной свѣтской дамы, мастерски владѣющей отечественнымъ языкомъ, отрывки, въ коихъ читатель найдетъ много любопытныхъ извѣстій, недоступныхъ для наблюдателя мужчины.

Сзаята богатая и разнообразная смѣсь заключаетъ эту занимательную книжку «Очерковъ Россіи», а живописно литографированный атласъ состоящій изъ рисунковъ и плановъ, въ великолѣпнѣи своемъ начѣмъ неуступающій тому который приложенъ къ 1-й книжкѣ, довершаетъ цѣнность сего примѣчательнаго и во всѣхъ отношеніяхъ любопытнаго изданія. Продолжайте, почтенный Вадимъ Васильевичъ! и мы смѣемъ увѣрить васъ что все Русское въ душѣ отдастъ вамъ

**) Основателями — изобрѣтателями своего ремесла.

полную справедливость за трудъ, приносящій честь и издателю и странѣ для которой онъ изданъ. Это честная дань на алтарь отечества, принесенная благороднымъ его сыномъ.

«Не успѣли мы кончить обзора II и III частей «Очерковъ Россіи» Пассека, какъ получили изъ Москвы и IV часть сего замѣчательнаго изданія, уже оцененнаго нами по достоинству. Остается только пополнить статью о немъ извѣстіемъ о вновь вышедшей IV части. Вотъ ея содержаніе: 1) *Карлъ XII* (Король Шведскій): статья сія, соч. Д. Пассека, есть родъ введенія въ исторію великаго преобразователя Россіи: краткій, очеркъ военно-политической жизни сего противника Петра I-го. — Выводъ статьи сей слѣдующій: «*Карлъ XII не былъ стратегически — полководцемъ, но въ полѣ, въ тактическихъ дѣйствіяхъ, Карлъ XII былъ гениаленъ*. Онъ имѣлъ высокія способности полководца въ сраженіи: взрѣный глазъ, предприимчивость, мужество, рѣшительность, и въ этомъ отношеніи можетъ стать на ряду со всеми великими полководцами. *Ему принадлежитъ первенство: сосредоточеннаго употребленія артиллеріи и рѣшительнаго дѣйствія пѣхоты строемъ и въ колоннахъ во время перешительныхъ дѣйствій развернутыхъ фронтамъ — во всей Европѣ.*» 2) *Москва въ 1698* году, статья А. Рославскаго состоящая изъ IV отдѣленій: а. *Австрійское посольство въ Москву*. Тройственный союзъ между Венеціею, Австріею и Россіею противъ Турокъ и Татаръ и желаніе Императора развѣдать о тайныхъ мысляхъ Петра Великаго — были поводомъ къ этой политической мысли. Посланники Цезаря были Игнатій Христофоръ фонъ Гваріентъ и Рада дѣйствительный членъ *военнаго придворнаго совѣта* (Hof — Kriegs-Rath). Въ описаніи сего

посольства есть несколько любопытных анекдотовъ изъ царствованія Петра Великаго; если одинъ изъ нихъ справедливъ, то финансы наши въ тогдашнее время были не въ завидномъ состояніи. Лейбъ-медикъ Государевъ Карбонарий де Безинскъ пришелъ однажды къ князю Ромодановскому просить жалованья. «На отвѣтъ князя что докторъ можетъ гдѣ нибудь занять денегъ, онъ возразилъ, что ему нечего дать въ закладъ *кроль жены*, и что если князь согласится ссудить его деньгами, то онъ ее золожитъ или продастъ. Его Величество смѣялся отъ всего сердца, слушая разсказъ своего медика. «Редакторъ посольской реляціи не говорить ничего о послѣдствіяхъ. Думать должно, что Царь велѣлъ удовлетворить своего медика и жена его осталась при немъ. в. *О нравахъ и обычаяхъ Русскихъ*. с. *Обычаи и нарѣдныя жемцины*. d. *О свадебныхъ обрядахъ*. Всѣ эти три отдѣленія выбраны изъ записокъ Иоанна Георга Корба, секретаря царскаго посольства, о которомъ говорено выше. Въ нихъ есть дѣло, есть также и ложныя показанія, «за которыя авторъ статьи не гладитъ по головкѣ автора записокъ. Впрочемъ, говорить г. Рославскій, такой взглядъ на Россію ни сколько не удивителенъ въ Корбѣ—человѣкѣ XVII столѣтія, когда одинъ современный намъ Германскій историкъ (Роттекъ) выдумалъ, будтобы у насъ для разговора лицъ высшаго сословія съ низшимъ существуютъ два разные языка, что если напр. подчуютъ старшаго, то выражаются: *«извольте кушать!»* а въ обращеніи къ младшимъ себѣ употребляютъ слово *«шишъ»*, которое по остроумному толкованію автора отвѣчаетъ нѣмецкому слову *«fressen (жрать)»* Между тѣмъ и другою Германскій ученый — Карлъ Гоеманъ, *членъ географическихъ обществъ Лондонскаго и Парижскаго*, въ географіи своей изданной для всѣхъ сословій не шутя утверждаетъ что *наши мужички*,

слѣпнуть отъ ужасныхъ морозовъ, и въ предотвращеніе такой бѣды *носятъ цѣпные очки*, которые будтобы продаются въ каждомъ селеніи. Что съ мая по сентябрь у насъ нѣтъ дождей, что зимою Русскіе проводятъ все время на печкахъ, а лѣтомъ въ погребкахъ; что послѣ погребенія пьянствуютъ по 40 дней; и т. п. При такихъ *реляціяхъ* невольно спросишь гг. западныхъ ученыхъ скоро ли наша Россія перестанетъ быть для нихъ *terra incognita*? 3) Отрывки путешествія по Крыму, соч. самаго издателя. Интересная статья сія состоитъ изъ трехъ отдѣленій: а), Тепекерманъ, коническая отдѣльно стоящая гора или скала, на землѣ города Бахчисарая при межѣ Шюрюской округи, съ высѣченною на вершинѣ ея церковью и пещерами, которые почитались первобытными жилищами тамошнихъ аборигеновъ. Не смотря на это умный авторъ доказываетъ насвѣченными на стѣнахъ крестами и другими доводами, что пещеры сіи *относятся къ первобытнымъ обитателямъ*. б). Мангунъ живописный нагорный замокъ съ подземельными казачатами, служившій мѣстомъ заключенія во время владычества Татаръ. Въ замкѣ семь томился цѣлые пять лѣтъ любимецъ Иоанна IV Василій Грязной, захваченный Татарами на Молочныхъ водахъ. Вопреки общему мнѣнію будто бы Мангунъ былъ основанъ Готами, авторъ доказываетъ, что сооруженіе его принадлежитъ Грекамъ и ссылается въ томъ на путешествіе Броневскаго, забывшаго сюда за 350 лѣтъ до нашего времени. с). Байдары и Мердвень, селеніе Байдары и знаменитая Крымская долина принадлежатъ графу Н. С. Мордвинову и образуютъ одно изъ прекраснѣйшихъ мѣстъ южнаго берега Тавриды. Описаніе ихъ коротко, но дышетъ жизнью. 4). Окрестности Переяславля любопытнѣйшая этнографическая статья самаго издателя 5). Куряжскій

Преображенскій монастырь, его же 6). Древнія Славянскія собственныя имена, филологическій ученый сводъ А. Э. Вельтмана. 7), Смѣсь; въ этомъ отдѣлѣ весьма примѣчательно извѣстіе г. Вальенова о Курскомъ нарѣчій и характерической анекдотъ о Суворовѣ, который мы, по краткости его, выпишемъ для читателей Маяка. Суворовъ ѣхалъ на перекладной подорогѣ изъ Николаева въ Херсонъ; съ нимъ былъ Курисъ, служившій въ его канцеляріи. На постанціи встрѣтился имъ мчавшійся на тройкѣ курьеръ. Извозчикъ Суворова, зная кого онъ везетъ, не хотѣлъ своротить съ дороги. Раздраженный курьеръ привсталъ и ударилъ Суворова нагайкою, принявъ его за обыкновеннаго проезжаго. Суворовъ пригнулся къ Курису и сказалъ: «молчи Иванъ Онуфріевичъ, курьеръ великій человекъ!»

Этотъ анекдотъ неволью напоминаетъ другой случившійся съ великимъ Тюреннемъ (Le Grand Turenne). Знаменитый полководецъ высунувъ голову въ окно рассматривалъ что то на улицѣ: къ нему подкрался сзади поваръ его и со всего размаха даетъ герою самый полновѣсный ударъ. Тюренинъ оборотился и хладнокровно спросилъ повара, за что онъ такъ больно дерется? — «Извините, милостивѣйшій государь, (Monseigneur), отвѣчалъ перепуганный поваръ: я счелъ васъ за камердиера!» — Все таки, возразилъ герой, не слѣдовало тебѣ такъ больно драться; потомъ, молча оборотился къ окну, и продолжалъ свои наблюденія.

Вы спросите меня: что доказываютъ эти два анекдота? — не то ли, что истинный гений выше неумышленныхъ оскорбленій? Не правда ли, гг. что иной модный франтикъ à la moujikъ или бѣшмяльный писачка à la . . . застрѣлилъ бы наповаль и повара и курьера? — Къ IV Ч. Очерковъ Россіи принадлежить атласъ заключающій въ себѣ 8 литографій. Мы нашли что изъ нихъ лучше всехъ отдѣланъ видъ Куржскаго монастыря.

П. КОРСАКОВЪ.

Сицкій, Капитанъ Фрегата, соч. Князя Н. А. Мышицкаго. Три части. Спб. 1840.

Прекрасный романъ! большой, и по объему и по достоинствамъ. Отрывки его, помѣщенные въ IV и IX частяхъ Маяка, и въ Сѣверной Пчелѣ, достаточно свидѣлствуютъ, что авторъ въ одинаковой степени мастеръ писать и по морской и по сухопутной части. Дѣйствіе романа происходитъ «по-вахтенно» и на сушѣ и на морѣ. Безпрестанная смѣна семейныхъ сценъ сценами быта Русскихъ моряковъ, доставляетъ роману безконечное разнообразіе. До сихъ поръ читатели знакомились съ моремъ и съ его поэтическими сторонами только въ плачевныхъ «переводахъ» морскихъ романовъ, повѣстей и сценъ Купера, Марьета и Марлинскаго, — да; и Марлинскаго «переводили» у насъ на новый ладъ, своими словами, не смотря что морскія сцены Марлинскаго и въ оригиналѣ довольно не вѣрны съ подлиннымъ.

Князь Н. А. Мышицкій имѣлъ долгіе и частые сеансы съ моремъ, не разъ перевѣдывался съ нимъ глазъ на глазъ, высматривалъ, подслушалъ завѣтныя его тайны, прелести и ужасы: съ моремъ онъ *свой* — за то, какъ всѣ его картины живы, истинны, увлекательны!

Да и людей онъ не въ книгахъ узнавалъ. Дѣйствующія лица его намъ знакомы, гдѣ-то ихъ мы видѣли: только не помнимъ гдѣ, и забыли какъ ихъ зовутъ. А какъ хороши эти люди! они такіе же и слабые, и грѣшные какъ мы! Авторъ не потаилъ и самыхъ задушевныхъ проступковъ, недостатковъ ихъ, а право, при первой же встрѣчѣ съ каждымъ изъ нихъ, отъ искренняго дружелюбія протянешь имъ руку.

— Здравствуй, Сицкій!

— Здравствуйте, Графиня! . . .

Отличительное достоинство автора:

— онъ мѣтитъ болѣе на сердце чѣмъ на воображеніе читателя, скупъ на орнаменты, кажется вотъ просто говорить, какъ и мы съ вами, а сердцу тепло, а душѣ радостно! и книгу не хочется выпустить изъ рукъ — такъ жизнь кипитъ на ея страницахъ.

Всѣ главы романа вообще хороши. Есть главы истинно превосходныя, и такихъ едва ли не большая часть; найдутся можетъ быть и слабыя; критика должна ихъ показать, и открыть причину ихъ слабости. Маякъ и это сдѣлаетъ, но не теперь. Пусть прежде прочтутъ, и оцѣнятъ, каждый изъ читателей, про себя. Тогда уже, не вредя занимательности, можно разложить всѣ пружины, весь механизмъ романа, и опредѣлить, что въ немъ хорошо и что слабо: тогда каждый въ состояніи будетъ повѣрять — такъ ли? — эта повѣрка составляетъ едва ли не лучшее наслажденіе, лучшую сторону чтенія романовъ. Повѣрка всѣхъ критикъ собственными размышленіями — самый обильный плодами практической курсъ Словесности.

Во ожиданіи этого, подписью имени свидѣтельствую, что Сицкій — отрадное явленіе нашей литературы! онъ миритъ меня съ «легкимъ чтеніемъ», съ которымъ я такъ усердно ссорюсь изъ за его злоупотребленій и проказъ.

С. Б.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

Было время, что человека «бывалого» воротившагося «изъ за моря», на рукахъ носили. За нимъ бѣгали, ухаживали, жаждали слышать рассказы о житіи бытъ другихъ народовъ въ тридцатыхъ царствахъ. Страсть къ новизнѣ — общая добродѣтель и порокъ всего человѣческаго рода. А новенькое да еще редкое, да красно рассказанное — такія приманки, которыя разшевеливъ хоть кого изъ земнородныхъ.

Теперь другое дѣло: теперь путешественникамъ и счета нѣтъ. Земной черепъ искрестили по всѣмъ возможнымъ дорогамъ: шоссевымъ, торцовымъ, желѣзнымъ, гаченымъ, гладкимъ и взрытымъ, столбовымъ, проселочнымъ, даже горныя тропинки дикихъ козъ и тѣ всѣ обойдены, осмотрѣны, описаны топографически, статистически, политически, юмористически, экономически — всячески. Теперь ужъ бѣгаютъ не *за*, а *отъ* путешественниковъ. Теперь учреждена уже и «Расправа» для разбора путешественниковъ. Критика размѣщаетъ ихъ по сортамъ, отделяетъ овцы отъ козлищъ — наблюдателей отъ искателей приключеній, дѣльныхъ отъ ласниковъ, краснобаевъ; съ часу на часъ ожидаемъ, что вотъ кто нибудь объявитъ: «На сихъ дняхъ вышла изъ печати книга въ трехъ большихъ томахъ in 4-о, подъ заглавіемъ: Наука Путешествій *газоппесъ*, или *Пространное изслѣдованіе способа производить въ наименьшее время наибольшее число наблюденій, въ продолженіе путешествія по данной странѣ, области, гсударству, наблюденій ученыхъ, важныхъ, необходимыхъ для человечества, а не единственно потѣшительныхъ для празднаго человека; съ приложеніемъ картинъ, весьма полезныхъ составовъ, предостереженій, эльманій и толмъ, что должно наблюдать и что оставлять безъ вниманія, какъ избѣжать пустословія, хвастовства своимъ знаніемъ ласничать ии о чемъ, какъ избѣжать повторенія вещей, давнымъ давно извѣстныхъ, сочиненія вещей во все небывалыхъ и съ разсмотрѣніемъ различныхъ системъ излагать свое путешествіе въ порядкѣ, сообразномъ цѣли оного, и потребностямъ воли, разума и чувства людей того общества для котораго дѣлаются и пишутся путешествія и прочая, и прочая, и прочая».*

Можетъ быть заглавіе будетъ и еще длиннѣе — въ первомъ опытѣ это не-

избѣжно и необходимо. Мы ждемъ съ нетерпѣливѣемъ съ часу на часъ, подобнаго объявленія. Но пока такая драгоценная книга, «Наука Путешествій», еще не напечатана, мы со всѣмъ радушіемъ сообщаемъ почтенному автору ея нѣсколько своихъ совѣтовъ и замѣчаній, которыя, можетъ быть, пригодятся ему.

Пишущій родъ человѣческой можно раздѣлить на два разряда, существенно отличающіеся одинъ отъ другаго, и весьма, весьма рѣдко подлежащія исключеніямъ, именно: онъ раздѣляется на людей *внутреннихъ* и *внѣшнихъ*, т. е. *глубокомысленныхъ* и *поверхностныхъ*, или когда угодно на людей — *наблюдателей* и на *главнителей* (Flapenrs).

Человѣкъ глубокомысленный — вѣчно внутри себя, все вниманіе его на глухо приковано къ единственному предмету его изысканій; или обстановкаиваетъ себя причинами, законами, средствами, цѣлями, дѣйствіями, явленіями своего предмета и доискивается его *порядка*; каждый шагъ его впередъ — новое открытіе. Во время этихъ работъ онъ глухъ, онъ слѣпъ, онъ мертвъ для всего внѣшняго, что окружаетъ его. Вы съ нимъ говорите, онъ кажется отвѣчаетъ вамъ, и ничего не слышитъ, ничего не понимаетъ. Но эти работы у него нескончаемы и — онъ вѣчно глухъ, слѣпъ, мертвъ для внѣшности. Рѣдко выходитъ онъ изъ своего внутренняго затворничества во внѣшность, и то: или для отдохновенія, весьма непродолжительнаго, и все таки болѣе внутренняго чѣмъ внѣшняго, или для наблюденій надъ предметомъ своихъ работъ, гдѣ, изъ внѣшнихъ его явленій, онъ старается добыть какое либо указаніе, намекъ на его внутреннія свойства. Въ этихъ людяхъ дѣятельность воли, жажда свѣта, и наслажденіе чувства присутствіемъ этого свѣта и теплотой съ нимъ неразлучною, такъ сильны, что они обуздываютъ летучесть воображенія и докучливость памяти. Не

то я говорю, будто воображеніе и память въ нихъ убиты, напротивъ, живя внутри себя, эти умы безпрестанно въ кругу тѣхъ образовъ надъ которыми работаютъ, и воображеніе и память представляютъ имъ эти образы такъ ярко и свѣжо, что имъ нѣтъ надобности безпрестанно напоминать себѣ ихъ черезъ посредство внѣшнихъ чувствъ. Воображеніе и память у людей глубокомысленныхъ чрезвычайно сильны, и столько же послушны имъ, но только въ то время когда они работаютъ внутри себя. Чуть лишь они вышли во внѣшность, память измѣняетъ имъ на каждомъ шагу, воображеніе безпрестанно увлекаетъ ихъ въ сферу любимыхъ образовъ. *Человѣкъ глубокомысленный не способенъ быть путешественникомъ, или онъ въ 50 лѣтъ не кончитъ путешествія изъ Новгорода въ Казань.*

Не ставте въ примѣръ Гумбольдовъ; отлеките ужасающее богатство *стѣдлий*, необъятную *арудитцію* *) много ли останется для глубокомыслия? и это глубокомысліе сейчасъ скажется глубокою разработкой какой либо исключительной сферы предметовъ, которую они, въ свое путешествіе, исключительно наблюдали. До предметовъ внѣ любимой ихъ сферы, они чуть-чуть поверхностно касались. Глубокомысленный непремѣнно одностороненъ, неспособенъ къ должности путешественника, но за то онъ полный властелинъ въ своемъ царствѣ; отъ трапезы его падаютъ миліоны крупницъ, шасищающія его подданныхъ: и крохоборовъ ученыхъ, и тѣхъ, которые точно жаждутъ и алчутъ свѣта. Чѣмъ обширнѣе сфера его предметовъ, чѣмъ ближе она къ сферѣ сферъ — къ философіи, тѣмъ драгоценнѣе благотвельнѣе для человѣчества присутствіе такихъ глубокомысленныхъ людей. Глубокомысліе, какъ и все доброе, дается отъ Бога, направляется воспитаніемъ, развивается и усиливается

*) См. ч. VII — гл. V — стр.

упражненіемъ и привычкою. Прогресса степеней глубокомыслия безконечна; крайнія ступени граничатъ съ мастерствомъ *глазѣть*.

Напротивъ, жизнь и дѣятельность людей *внѣшнихъ* вся наружу; всѣ внѣшнія чувства ихъ вѣчно на стражѣ, на малѣйшій предметъ, бугорокъ, хижина, разбитое стекло, звуки, цвѣты, блескъ, запахъ, вкусъ, — ничто не ускользаетъ отъ ихъ вниманія; они все осматриваютъ, распросятъ, схватятъ — передадутъ вамъ: передадутъ мило, красно, занимательно, но ужъ не ищите у нихъ тѣсной связи между предметами, не ищите глубокой разработки, не требуйте ни какихъ другихъ плодовъ ихъ писанія, кромѣ плодовъ «легкаго чтенія». За то ужъ и они не претендуютъ на другую благодарность кромѣ прочтенія и — забвенія. Различайте здѣсь два элемента: *содержаніе и даръ писать*.

Даръ писать — драгоценный даръ, если «содержаніе» само по себѣ цѣнно, важно, вѣско и достойно.

Даръ писать — ничтоженъ въ его злоупотребленіи, т. е. когда «содержаніе» пусто, пошло, малодѣйно, не важно, недостойно. Тутъ даръ писать обращается въ лясничество, краснорѣчивость.

И такъ, душа Путешествія (книги) — его содержаніе. Разберемъ же подробно всѣ роды «содержанія» Путешествій. Прекрасно выразился Хаджи-Димитрій *): «Путешествіе — всегда готовая школа, для всѣхъ открытая настѣжь, гдѣ каждый — законный наследникъ всей жатвы свѣдѣній, уроковъ жизни, какія только онъ способенъ уловить, подслушать, подсмотреть, неутомимо перебывая изъ страны въ страну, изъ села въ село, переплывая океаны, выходя въ мрачныя пучины морей, буравя недра земли во всѣхъ ея концахъ и по всѣмъ направленіямъ, только бы похитить хотя ничто отъ несмѣтныхъ со-

кровищъ царства Грацій, Музъ, Нептуна и Плутона.»

Совершенно справедливо! но въ этой «школѣ» надо учиться, а не *глазѣть*; по эту книгу надо читать умѣючи — иначе кромѣ *обертки, заглавія, и буквы* безпорядочно разбросанныхъ, ничего въ ней не увидимъ, — ничего объ ней не скажемъ. Изъ ста путешественниковъ, девятисто девять видятъ вездѣ только обертки, заглавія и буквы; не многіе изъ нихъ придаютъ имъ свой собственный смыслъ и значеніе, а вовсе не тотъ, что въ книгѣ написанъ, и всѣ поголовно только о томъ и думаютъ, какъ бы поокрасивше, позаманчивше описать видѣнные ими во время проѣзда, а чаще *пролета*, въ голопъ съ лорнеткой въ рукъ, — обертки, заглавія и буквы; всѣ они бьютъ исключительно на любопытство читателей; а любопытство изъ всѣхъ силъ души, самое хилое, самое податливое: побѣда надъ нимъ, по моему, если не позорна, то ужъ во все не лестна, потому что она не требуетъ особенныхъ силъ и вооруженій писателя; новое, неслыханное — вотъ ужъ и довольно для любопытства! Наука читать «Путевую книгу» — величайшая наука! Она требуетъ большихъ и большихъ предварительныхъ трудовъ и приготовленій, и системы, хорошо и глубоко обдуманной напередъ.

Въ Маякѣ не разъ было сказано *) что человекъ желающій достигнуть просвѣщенія научнаго долженъ непременно пройти четыре ступени: *Свѣдѣніе, Знаніе, Науку и Философію*; и чѣмъ выше ступень, тѣмъ она цѣннѣе, благороднѣе, благодѣтельнѣе. Точно тѣмъ же ступенями различаются между собою и путешествія, т. е. книги издаваемые путешественниками. Повторю, большая часть путешественниковъ остаются на однихъ *свѣдѣніяхъ*, сырыхъ матеріалахъ — спасибо и за это, безъ матеріаловъ, безъ свѣдѣній

*) ч. IX. гл. III. стр. 28.

** Между прочимъ ч. VII. — гл. V — стр. 55 — 57.

не возможно и знаніе, о наукѣ и говорить нечего. Но матеріалъ матеріалу рознь, алмазы и драгоцѣнные камни не валяются по мостовой; за ними надо рыться *глубоко*, да напередъ надо знать — гдѣ? — чтобъ не рыться по пустому; а что дѣлаютъ большая часть путешественниковъ? — именно подбираютъ только то, что валяется на мостовой: а тамъ кромѣ булыжника, мусора и всякаго сора, ни что болѣе не валяется. Правда, и булыжникъ, и мусоръ и соръ иноземный не то что нашъ, туземный, особливо когда еще вамъ его промоютъ, да подадутъ въ чистенькой салфеточкѣ, красивенькой коробочкѣ, и подадутъ мило, любезно съ присказочками, — «о-о! вещь преинтересная! читается съ наслажденіемъ!» Но сдѣлайте милость — результатъ такого чтенія? — «потеря времени, нѣсколько улыбокъ, и кулекъ лишняго мусора въ головѣ!... Право какъ людямъ не жаль себя!

Улицы, зданія, церкви, мосты, лавки, театры, похвала двумъ тремъ фабрикамъ по диктовкѣ самаго хозяина; забавныя, поразительныя встрѣчи, анекдоты, bon mots, костюмы двухъ трехъ прохожихъ, нѣсколько браней на безпорядки полиціи промотавшагося должника, случайно вамъ встрѣтившагося — балъ, церемонія, личные ощущенія, впечатлѣнія, восторги, возгласы, представленіе извѣстнымъ лицамъ, разговоры съ замѣчательными людьми, подкрашенные на досугъ — воля ваша! что все этокое, какъ не мусоръ? какая нужда, какая важность для человечества, что такой человекъ сказалъ такую то глупость, въ четвергъ былъ одѣтъ въ юпкѣ, а въ пятницу въ колетѣ, сжогъ сряду двѣ цыгары, и много пьетъ пива. Завтра же ничего этого не будетъ. Къ чему же ваши свидѣнія?

Все «случайное» недостойно вниманія умнаго путешественника и умнаго читателя! Надъ слишкомъ презирать общество, чтобъ осмѣливаться бросать въ него чѣмъ ни попало.

Путешественникъ рѣшившій ісажертвовать деньгами, которые такъ драгоцѣнны, жертвовать своимъ временемъ, которое еще драгоцѣннѣе, долженъ ли — по истинному порядку вещей — подумать, что онъ не владѣлецъ ни своихъ денегъ, ни своего времени, ввѣренныхъ ему отъ Бога, какъ казначею, на благое употребленіе, и что въ этомъ употребленіи у него нѣкогда потребуютъ отчета, какъ и во всемъ другомъ? Спрашивается долженъ ли онъ увеличивать собой толпу празднопатающихъ, если не чувствуетъ себя призваннымъ къ тяжелой обязанности путешественника. Спора нѣтъ: въ цвѣтной жижи нѣсколькихъ томовъ, можетъ встрѣтиться и дѣльное поднятое съ мостовой, но «стоитъ ли игра свѣчъ?»

Честный человекъ, кто бы онъ ни былъ, путешественникъ или чиновникъ, берется за работу по силамъ: готовится къ ней заблаговременно и выполняетъ ее по крайнему разумію и усердію. Путешественникъ — тотъ же купецъ, ѣдетъ «за море» за такимъ товаромъ, котораго нѣтъ на родинѣ, а нуженъ. Первая обязанность умнаго и честнаго путешественника узнать подробно: что необходимо для его родины; и гдѣ это «необходимое» можно добыть съ выгодой. И такъ познаніе истинныхъ потребностей своего отечества, и предварительное изученіе богатствъ чужеземныхъ — *первое* условіе, безъ котораго дальше Павловскаго воксала ужъ и ѣздить нечего. Для препровожденія времени *ad libitum*, и для ловли «сильных ощущеній» довольно и тамъ источниковъ.

Въ чемъ состоятъ отечественныя потребности?

Эти потребности — *внутреннія* и *внѣшнія*.

Внутреннія потребности общества: любовь къ Богу, къ Государю, къ Церкви, къ родинѣ, къ семьѣ, къ братьямъ своимъ. Истинная *религиозность*; истинная *философія*, истинная *народность* —

главныя жизненныя основы общества. **Исследуй** свое общество, пойми его достоинства и недостатки, добродѣтели и пороки, состояніе «общаго смысла» и его заблужденія.

Кто-бы ты ни былъ, путешественникъ: купецъ, воинъ, художникъ, поэтъ, ремесленникъ, ученый, промышленникъ, литераторъ, если ты добрый и честный сынъ отечества, и намъ ренъ свое путешествіе издать въ свѣтъ, — лови у иноземцовъ потребныя для тебя добычи, торговыя, ученыя, художественныя, ремесленныя, промысловыя, но помни, что все это должно служить только «оправой» драгоценнаго камня «внутреннихъ» добычъ, которыми должно быть проникнуто, какъ тѣло душой, твое путешествие, безъ того — мертвое безжизненное, гибнущее.

Ловля добычъ «внутреннихъ» весьма проста. Рисуй намъ примѣры истинны, добра и красоты, положительные и отрицательные въ религіи, въ службѣ, въ общественной жизни, въ домашнемъ быту, въ нравахъ и обычаяхъ, во всемъ гдѣ только увидишь ихъ въ чужой землѣ; рисуй вѣрно, безъ предубѣжденій, безъ преувеличеній и уменьшеній. Ставь ихъ рядомъ съ нашими домашними: заключенія мы и сами выведемъ: книга твоя получитъ всю полноту и прелесть занимательности, при самомъ питательномъ содержаніи, какихъ ни когда не можетъ имѣть «прекрасная болтовня легкаго чтенія» лишешная всякаго содержанія.

Какъ большая часть путешественниковъ добываетъ дорожныя свѣдѣнія, матеріалы? Онъ идетъ, видитъ, спрашиваетъ, слышитъ и записываетъ: — блѣдныя источники познанія! спросите у трехъ объ одной и той же вещи и вы получите три разныхъ свѣдѣнія. Припомните, сколько десятилетій проходило, пока которая либо изъ наукъ обрабатываетъ одинъ какой либо вопросъ, — одинъ, маленькой; обрабатываетъ и рѣшеніе его утвердить какъ истину, а вы

хотите на лету ловить истину, познанія, свѣдѣнія, достойныя печати, пригодныя на что либо: это не такъ легко дается. Правда, въ наше время искусство говорить ни о чемъ — искусство «прелестнаго» пустословія доведено до совершенства; за то, какъ оно легко приходить, такъ легко и проходить.

Войдемте въ подробности: станете ли вы собирать статистическія «свѣдѣнія»? — во первыхъ, они ежедневно измѣняются вмѣстѣ съ движеніемъ быта какого либо города, области, государства. — Во вторыхъ, много ли вѣрныхъ статистическихъ свѣдѣній даютъ намъ даже тѣ, которые только на этомъ и сидятъ? Можно ли полагаться на показанія двухъ трехъ прохожихъ, имѣющихъ можетъ быть причину исказить давности? И такъ, или путешественникъ живи годъ на одномъ мѣстѣ, или откажись отъ набора статистическихъ свѣдѣній, на что либо годныхъ.

Историческія свѣдѣнія? — О, какъ дорого они покупаются: видѣть памятники, срисовать ихъ, — и «прочестъ», уразумѣть памятники, двѣ вещи разные. Путешественникъ-глазѣрь, пожалуй сообщитъ намъ, при описаніи, на примѣръ, Константинополя: «я видѣлъ ворота, у которыхъ Магометъ II по взятіи города, командовалъ: стой! — и сошелъ съ лошади». Все это очень любопытно; согласенъ, но къ чему оно? А не такими ли историческими матеріалами набиты сплошь всѣ легкія путешествія? Не оттого ли они мирно почіютъ въ кладовыхъ до блаженнаго переселенія къ букинистамъ по 25 копѣекъ экземпляръ, отъ которыхъ уже разлетаются гдѣ то въ пространство, безъ вѣдома современниковъ и потомства.

Еще какія свѣдѣнія сообщите намъ? по части торговли, политической экономіи, успѣховъ военныхъ, ученыхъ, художественныхъ, мануфактурныхъ? — Предложите нѣсколько восклицаній одобрительныхъ, порицательныхъ, картинныхъ? — но на всѣ эти восклицанія, какъ

на «альшивую ассигнацію, не купите ни капельки благодарности отечества.

Спора нѣтъ, умный человекъ, «по поводу» каждой бездѣлицы наскажетъ множество прекрасныхъ, умныхъ вещей; но, вопервыхъ, этимъ самымъ вы вступаете на ту дорогу съ которой мы начали: т. е. что прежде надо быть *умнымъ* человекомъ, а потомъ уже посылать на путешествіе, могущее доставить *умную* книгу. Во вторыхъ, если вы хорошеңко вникните въ большую часть даже умныхъ путешествій, — опять та же бѣда: «мастеръ говоритъ, безъ содержанія!» нѣжить слухъ и только: мѣдъ звѣнящая! Путешественникъ «покажетъ вамъ себя» и больше ничего. Очень рады ѡшему знакомству, да позвольте спросить, на что вы пригодны? занять лишнюю полку въ книжныхъ лавкахъ, лишнее мѣсто въ каталогъ, отнять у насъ драгоценное время, поговорить три короба о вещахъ, безъ которыхъ мы обойдемся, или которыхъ вашими устами не получить намъ? вы видѣли и то и это? — передъ вами: дальше что? Изъ вашихъ сырыхъ матеріаловъ и рогожи смель нельзя, несмотря что вы заплели изъ нихъ дивные повѣствовательные узоры; художественно, и трудовъ не мало, да толку нѣтъ! отчего? оттого, что вы даете намъ то, что намъ *попадется*, а мы требуемъ того, что для насъ *необходимо*.

Убѣдитесь же, что «художественный» реэстръ вещей вамъ видѣнныхъ, слышанныхъ, чувствованныхъ, мысленныхъ во время путешествія, не есть еще «содержаніе» достойное вниманія вашихъ соотечественниковъ, если всѣ эти вещи не удовлетворяютъ прямо ихъ потребностямъ внутреннимъ и вѣшнимъ. Потребное — о, мы сами побѣжимъ за нимъ на край свѣта, не только въ книжную лавку! а такъ, этакое что ни будь легонькое, жиденькое — передъ вами!

Съ истиннымъ наслажденіемъ выпишываю заглавіе слѣдующихъ книгъ, прочитанныхъ нѣсколько разъ съ возрастающимъ наслажденіемъ и приращеніемъ добычъ.

Путешествіе ко святымъ мѣстамъ въ 1830 году. *Изданіе четвертое*. Двѣ части. 1840 Спб.

Содержаніе 1-ой Части: *Обзоръ Русскихъ путешествій въ св. землю* *). Адрианополь. Мпръ (съ Турціей, въ послѣдую войну). Царь градъ. древности. Св. Софій. Стѣны. Церковь Греческая. Смерть патріарха Григорія. Пера. Троя. Александрія. Ниль. Каиръ. Мегеметъ Али. Пирамиды. Остатки Мемфиса. Вавилонъ. Мечети Каира. Вышгородъ. Церковь Египетская. Пустыня. Эль-Аришъ. Газа. Рама. Иерусалимъ. Геосиманія. Крестный путь.

Содержаніе 2-ой Части. Иорданъ. Пустынно жители. Юдоля плачевная. Лавра св. Саввы. Иосафатова долина. Храмъ Воскресенія. Часовня св. Гроба. Соборъ. Голгофа. Лѣтопись храма. Вѣроисповѣданія. Страстная недѣля. Великая пятница. Великая суббота. Пасха. Обитель Апостола Іакова. Сіонъ. Гора Элеонская. Геенна. Царскія пещеры. Монастыри Іерусалимскіе. Слѣды рыцарства. Виллеемъ. Арабы. Горнякъ. Визанія. Наблусъ. Назаретъ. Оаворъ. Акра. Тиръ. Бейрутъ. Кипръ. Никосія. Архипелагъ. Эфесъ. Смирна. Воспоръ. *Орденъ рыцарей св. гроба. О обрѣдахъ, съ какими посвящаютъ рыцаря св. гроба, когда онъ лично присутствуетъ. Выписка изъ путешествія къ св. мѣстамъ Грузинскаго архіепископа Тимофея. О предѣлахъ Апостольскаго патріаршата Іерусалимскаго престола, и о подвластныхъ ему епархіяхъ.*

Путешествіе ко святымъ мѣстамъ Русскимъ *Изданіе третье*. Спб. 1840.

Содержаніе. Троицкая лавра. Ростовъ. Новый Іерусалимъ. Оспенъ Монастырь. Валдаиъ. Новгородъ. Кремль. Воспоминаніе о посѣщеніи святити Московскоя Го сударемъ Наслѣдникомъ. Чудовъ. Донскоя и Даниловъ Новый Іерусалимъ. Саввинъ монастырь. Грановитая палата. Троицкая Лавра. Соборъ Успенскій. Патріаршая риз-

*) Статьи напечатанныя курсивомъ прибавлены въ новомъ изданіи.

нища. Теремныя церкви. Спасъ на бору-Чудовъ.

Нѣтъ еще и 10 лѣтъ обьявилъ книгамъ и уже *третье, четвертое*, изданіе! Покажите намъ подобныя примѣры путешествій нваго содержанія изящнаго, прелестнаго, художественнаго, юмористическаго фантастическаго, которыя на первой четверти перваго изданія не уснули бы сномъ безпробуднымъ въ могильныхъ кладовыхъ гостиннаго двора. — какъ это такъ дѣлается? — очень просто. Авторъ понялъ истинныя *внутреннія* потребности Русскихъ, «еще невыжившихъ изъ ума» и предложилъ имъ обильные источники удовольствованія. Святыни Царьградскія, Палестинскія, Египетскія, Русскія, — развѣ не все это Русскія святыни? Какое Русское сердце не забьется благоговѣйнымъ трепетомъ при воспоминаніи св. Софій, Гессиманіи, Вилеема? Пусть юноши выжившіе изъ русскаго свѣтлаго ума, набившіе голову мноземною шелухой, и заглушившіе теплоту сердца русскаго холодомъ чуждыхъ намъ мудрованій, пусть они ополчаются китайскими прятками, и подъ призракомъ *Китайскаго духа* осмѣиваютъ искреннее, сознательное стремленіе къ духу религіозному, такъ свойственному и такъ необходимому для блага и непоколебимости Русскаго царства; пусть они — думая, въ заблужденіи своемъ, приносятъ службы Богу — служатъ жи, ливной для всѣхъ, кромѣ ихъ! Мнѣ ихъ сердечно жаль! сколько бы добра принесли эти дарованія, еслибъ не вдавались въ крайности. Но таковъ судъ Божій надъ заблуждающимся человѣчествомъ: оно тогда лишь познаетъ свое заблужденіе, когда развѣетъ его до послѣднихъ предѣловъ крайности. О, какъ они сами будутъ жалеть о томъ, что выставили себя публично съ такой, вовсе ужъ не местной, стороны, на судъ современниковъ и потомства. Еще годъ — два, и все раскроется. По крайній мѣрѣ, вотъ для нихъ живые фак-

ты — чего требуютъ Русскіе отъ своихъ писателей. Переродить весь народъ — предпріятіе Дедала.

Не стану дѣлать извлеченій изъ указанныхъ путешествій. Кто не читалъ по нѣсколько разъ этихъ книгъ, сдѣлавшихся настольными въ каждомъ добромъ Русскомъ семействѣ?

Путешествіе маршала Мармона *Герцога Рагузскаго* въ Венгрію, Трансильванію, южную Россію, по Крыму и берегамъ Азовскаго моря, въ Константинополь, нѣкоторыя части малой Азіи, Сирію, Палестину и Египеть. Пер. съ *Французскаго*. Изд. *Ксенофонты Полевой*. Четыре тома.

Вотъ одно изъ тѣхъ немногихъ и очень немногихъ путешествій, которое всякому досужему искателю приключеній должно принять — не въ образецъ, а въ доказательство того, что можетъ дѣлать человекъ съ глубокою ученостью, необъятною опытностью, искусившимися размышленіемъ. Герцогъ Рагузскій въ своемъ путешествіи былъ *не ученикъ*, жадно бросающійся на все, что для него ново, невиданно, и хватающій передъ всякимъ встрѣчнымъ своими игрушечными добычами, нѣтъ, онъ смотрѣлъ на все глазами *знатока*, цѣнителя, онъ лишь повѣрялъ свои давнишнія, разностороннія познанія тѣхъ странъ, по которымъ теперь проѣзжаетъ. Воинъ, политикъ, хозяинъ, ученый и — прибавимъ — знаменитое лице, которому вездѣ были раскрыты первые, офіціальныя источники свѣдѣній, показаны и объяснены подробности недоступныя для всякаго другаго, о — легко понять, что «путешествіе герцога Рагузскаго» можетъ удовлетворить условіямъ, выше изчисленнымъ, и доставляя полное наслажденіе всякому обыкновенному читателю, желающему только «почитать» — онъ сообщаетъ драгоценныя вещи историку, географу, статистику, воину, политику, хозяину, и человѣку любознательному — самую разнообразную пищу и бесѣду человека умнаго

все испытывающего, видывшаго, чувствовывшаго. Изложёніе, — чуждое претевзіи на прикрасы легкаго чтенія, — чрезвычайно увлекательное. Неугомимый К. А. Полевой изданіемъ и хорошиимъ переводомъ привнесъ большую услугу Русской Литературѣ.

С. В.

Путевыя записки веденныя во время пребыванія на Ионическихъ островахъ, въ Греціи, малой Азіи и Турціи въ 1835 году, *Владимиромъ Давыдовымъ*. Часть II. 1840. Съ живописнымъ атласомъ.

Послѣ плохихъ учебниковъ, романовъ и полемики, богатѣйшая изъ всѣхъ литературъ въ Европѣ есть литература путешествій.

Кто нынче не развѣзжаетъ по свѣту, не описываетъ своихъ поѣздокъ или пѣшешествій? Начиная отъ знаменитостей до ничтожества, отъ капитановъ Росса и Парри до *мнимаго героя нашего времени* — эгоиста пресыщеннаго порочными наслажденіями; отъ славнаго Гумбольдта до смиреннаго университетскаго Филстера, все скитается по міру — кто на корабль, пароходъ или паровозъ; кто въ дормезъ, дилижансъ или въ телѣгъ, кто верхомъ или пѣшкомъ, и все это описываетъ, расписываетъ, чертитъ, рисуетъ, живописуетъ свои путешествія — одинъ въ стихахъ, другой въ прозѣ; и всѣ эти путешествія, воспоминанія, странствія, поѣздки, скитанія, ощущенія, шатанія, и *бумагомаранія* издаются въ свѣтъ — иногда къ назиданію, а гораздо чаще съ соблазну читающей публики, столь уважаемой на письмѣ, и такъ презираемой на дѣлѣ! За то какъ приятно встрѣтить въ этой пестрой книжной толпѣ, сочиненіе выполненное съ знаніемъ дѣла и добросовѣстно. Разсматриваемая книга принадлежитъ къ числу ихъ. Вотъ содержаніе.

Смирна. Последнее время бытности въ Афинахъ; болѣзнь. Плаваніе въ Смирну. Русскіе матросы. Видъ Смирны. Англійскій корабль.

Разлука съ товарищами путешествія. Знакомство съ г-мъ Вронченко; Русскій консулъ.

Прогулка по Смирнѣ; кладбище; Греки и Католики. Народное гулянье.

Русскій брѣгъ. Брюловъ и его рисунки.

Отплытіе Русскаго брига.

Задержка брига. Католическая церковь.

Неисполнившіеся планы путешествія: Отплытіе на пароходѣ. Пассажиры. Турки и Итальянецъ. Миталенъ, Теvedось. Берёгъ Троянскій. Дарданеллы. Замки въ проливѣ. Дочь редактора Оттоманскаго Монитера.

Стамбулъ или Константинополь. Видъ города. Великолѣпіе зрѣлища. Разочарованіе. Топхана. Квартира у Итальянскаго ресторатера. Посѣщеніе Сосійской мечети. Ея внутренность; отащичіе зодчества. Мечети: Султана Ахмета, Магомета II-го, Солиманова. Гробница Магомета II-го. Турецкій домъ умалишенныхъ. Живописецъ Волфенбергеръ.

Прогулка въ Буюкдере. Дома Европейскихъ пословъ. Гулянье на Азиатскихъ прѣсныхъ водахъ. Турчанка и ихъ экипажи.

Квартира. Англичане путешественники. Прогулка. Собаки. Выгоды изъ стоположенія Царьграда.

Раздѣленіе Царьграда. Египетскій рыпокъ. Бани. Персидскій ханъ, оружейный базаръ. Рыпокъ рабовъ. Шербетъ. *Атъ-мейданъ*. Древніе памятники; Θεодосіевъ обелискъ. Казарма Янычаровъ. Колонна Марціана. Теке пляшущихъ дервишей; Городскія стѣны и Эдикуль. Златыя врата. Турецкая больница. Церковь рыбная; анекдотъ о посѣщеніи церкви султаномъ. Кладбище. Гробница Али-Паши. Эпи

юль-Эвзари. Гулянье на Европейскихъ прѣсныхъ водахъ.

Чума въ Царьградъ. Характеристика города.

Видъ съ Буй-гуру. Скутари. Халкедонская ггла. Турецкая кофейная. Дервиши. Кладбище на Азійскомъ берегу. Бешикъ - Тапъ. Обѣдъ христіанскаго духовенства у султана.

Башня Сераксира.

Поездка султана. Турецкая гвардія.

Намикъ.

Паши и *Сераскиръ*, Турчанки.

Книга Слейда. Прогулка на кладбище.

Пребываніе въ Буюкдере. Садъ при домѣ Русскаго посла; дипломатическій обѣдъ, отношеніе Европейскихъ пословъ въ Турціи.

Русскій пароходъ. Путешествіе Муравьева. Готфредовы платаны. Русское войско въ Царьградъ.

Водопроводы цареградскіе.

Казни. Возвращеніе въ Царьградъ.

Ссора на Безестенъ. Малая мечеть Софійская. Фанаръ и церкви его. Встрѣча съ Султаномъ.

Прибытіе Русскихъ кораблей.

Докторъ Миллингенъ. Его медицинскія замѣчанія: Гаремы. Нравы Турецкіе.

Острова Припцовъ. Монастыри. Русскіе пѣвники, Греческая комедія. Колокола.

Островъ Антигона. Русскій купецъ *Захаровъ*. Торговля въ Турціи. Греческій патриархъ. Греческое духовенство и Католики.

Рисунки Вольфенсбергера. Сборъ въ путешествіе на Аеонскую гору.

Англійскій посоль. Спектакль въ Буюкдере. Обѣдъ у посла.

Ужасы чумы.

Поспщеніе сералл. Обзоръніе *Софійской мечети* и планъ ея.

Дервиши плясуны. Трактиры.

Отплытіе. Гибель матроса.

Аеонская гора. *Дарданеллы*. Наемъ лодки. Видъ Аеона. Лавра. Описаніе. Нравы.

Святыни. Библіотека. Мѣсто казни. Хуторъ.

Управленіе Аеономъ. Библиографическія рѣдкости.

Монастырь св. Павла. Прогудка на вершину Аеона. Видъ оттуда. *Миражъ*. Пустынно-жители. Скитъ св. Анны. Обитель св. Павла.

Обитель св. Діонисія. Библіотека.

Обитель св. Григорія.

Симоцетръ. Архимандритъ Онуфій его спутничество. Ксиропотамъ. Библіотека: Русскій монастырь. Инокъ Прокфій; путешествіе Плаки-Албова.

Разлука съ арх. Онуфріемъ. *Инокъ Никита* (князь С. А. Шихматовъ). Духерія и Ксенофъ.

Кастамонитъ, Зографъ и Хиляндаръ. Стѣнная живопись. Нравы иноковъ.

Хиляндаръ. Эсфигмень. Зербскіе рукописи.

Предѣлы Аеона. Каналь Ксеркса.

Ватопедъ. Иноки тамошніе.

Библіотека. Рѣдкости ея. Пантократоръ.

Скитъ Идынскій. Иверская обитель. Библіотека. Окрестности.

Путь въ Карею, Администрація и доходы Аеона; число иноковъ.

Прощаніе съ Аеономъ. Русскіе иноки. Отплытіе.

Островъ Самотраки. Островъ газосъ. Ночная буря. Островъ Самотраки. Сказаніе матросовъ о горѣ на островъ Самотраки. Поклоненіе Кабировъ.

Дарданеллы. Сказанія матросовъ о горѣ на островъ Самотракъ. Имбросъ. Путешествіе на поле Троянское. Маршрутъ.

Эски-Стамбуль. Пріёмовъ дворець. Водоводъ, Прода-Аттаки. Тѣлеги.

Троянское поле. Пергамъ.

Описаніе чумы. Развалины на южной сторонѣ Троянскаго поля.

Поездка берегомъ Мраморнаго моря изъ Дарданель въ Бруссу и Константинополь Лампсакъ.

Орлы. Таборъ кочующихъ Турокъ.

Рѣка Граникъ. Димотико.

Продолженіе повѣдки. Характерная черта Турка.

Турокъ и Армянинъ. Мухалычъ. Чатамене.

Брусса. Сходство съ Греноблемъ. Живописная картина, видъ Бруссы; минеральные источники. Могила Орхана.

Армянская церковь и школа. Мечети. Поездка до Мудани.

Плаваніе въ Царьградъ.

Константинополь. Опасности отъ чумы. Новости. Путешествіе Чихачева. Музыка. Смерть Беллини.

Выборъ пути. Цистерны. Встрѣча съ Султаномъ. Пожаръ. Книга Лашартина.

Дорожныя приготовленія. — *Татаръ.* Обѣдъ на Англійской яхтѣ. Взглядъ на совершенное путешествіе.

Деревиъ Богадичъ. Отъѣздъ. Шоссе. Болгары. Богадичъ.

Стѣна Афанасія, Поспѣшное погребеніе Турка Чорду.

Каристранъ. Видъ страны. Поездъ знатнаго Турка. Пріѣздъ въ *Адриано-поль.*

Видъ города. Мечети. *Эски Серай.* Воспоминаніе о пребываніи Русскихъ.

Хармонлы. Ханъ. Цыганскій таборъ.

Филибе. Хороводъ Болгарокъ.

Балканъ. Болгары.

Софійа. Затрудненія въ пути.

Турецкій гаремъ. *Нисса.*

Семлинскій карантинъ. Сербы и Болгары. Казни преступниковъ. Лѣса. Любопытный разговоръ съ Сербомъ.

Семлинъ. Бѣлградъ. Граница. Австрійская. Перевозъ черезъ Дунай. Семлинскій карантинъ.

Семлинъ. Отъѣздъ въ Вѣпу.

Вѣни. Венгерцы. Пестъ и Буда. Таможня. Характеристика. Вѣпы.

Берлинъ. Пріѣздъ до Берлина. Разлука съ Грекомъ служителемъ. Противоположность сѣвера и юга.

Не правда ли, дѣльная и любопытная книга? Теперь неудобно ли прочесть на выдержку какую нибудь главу: напримѣръ хоть эту:

«Августа 13 пятница. Насъ уведомили, что Султанъ отправится сегодня, торжественно на лодкѣ, изъ Азіатскаго дворца въ мечеть, на богомолье, и что такое зрѣлище стоитъ вниманія. Тотчасъ побѣжали мы къ Топхану, и взяли лодку, поплыли въ направленіи къ Азіатскому дворцу. Салютованіе изъ пушекъ крѣпости, построенной на Азіатскомъ берегу, дало намъ знать, что Султанъ съѣлъ въ лодку. За послѣднимъ крѣпостнымъ выстрѣломъ, Махмудъ, первый адмиральскій корабль, выпалилъ изъ пушки, и въ одну минуту всѣ мачты и реи Турецкихъ кораблей покрылись разноцвѣтными флагами. Пальба, поддерживаемая всеми кораблями, произвела такой дымъ, что одни только разноцвѣтные верхи кораблей виднѣлись изъ него, да вдали мелькали мечети и минареты Константинопольскія. Казалось, будто прекрасный историческій городъ этотъ осажденъ былъ огромною морскою силою; вся поверхность Босфора содрагалась отъ выстрѣловъ. Зрѣлище было великолѣпно, какъ все, показывающее власть, силу и національный характеръ. Сцена совершенно противоположна величественной картинѣ, видѣнной нами на Босфорѣ, ожидала насъ на берегу. Мы приплыли слишкомъ поздно и не видали уже вступленія Султана въ маленькую мечеть гдѣ онъ молился въ то время, но мы видали построенныхъ въ четырехугольникъ солдатъ, неопратныхъ и оборванныхъ. Если сообразить, что они принадлежатъ къ гвардіи и такъ одѣты въ торжественный день, то невольно возникаетъ мысль о жалкомъ положеніи обмундировки Турецкой арміи въ будни; большая часть гвардейцевъ показались мнѣ мальчиками, не старше 16-ти лѣтъ; они одѣты были въ платье изъ толстаго сукна, какимъ мы не захотѣли

бы покрыть даже лошадей своих; вмѣсто сапоговъ носятъ они башмаки, панталоны у нихъ безъ штринокъ и короткія куртки, такъ, что эта одежда не можетъ совершенно прикрыть исподняго платья. Пока мы стояли за солдатами, ожидая, когда Султанъ выйдетъ изъ мечети, они попеременно уходили въ лавочки, оставляя свои ружья товарищамъ, или постороннимъ людямъ, тутъ находившимся. Послѣ двадцатиминутнаго ожидания, разные чиновники начали выходить одинъ за другимъ изъ мечети, и между другими и Намикъ Паша, бывшій при Петербургскомъ и разныхъ европейскимъ дворахъ, а также и Сераскиръ, восьмидесятилѣтній старикъ, но еще съ свѣжимъ, веселымъ лицомъ представляющимъ странную противоположность его кровавой душѣ. До сихъ поръ продолжаетъ онъ осуждать и казнить, и только послѣ исполненія приговора доносить о числѣ снятыхъ имъ головъ, ибо для порядка нужно, чтобы все было извѣстно Султану, который обыкновенно треплетъ его въ такихъ случаяхъ по плечу, говоря: «Ты дѣдушка поступилъ хорошо!» Не ручаясь впрочемъ за истину моего рассказа, но повторяю то, что слышалъ отъ другихъ. Наконецъ послѣ выхода чиновниковъ и камергеровъ, одѣтыхъ немного лучше солдатъ, начали сметать вѣниками пыль съ стѣнны и явился Султанъ. Ему подвели арабскаго коня, на котораго сѣлъ онъ довольно ловко. Сановники окружили его и начали поддерживать за ноги и за кушакъ, по странному, принятому здѣсь обычаю: Въ ту же минуту, послѣ насъ, дюжина молодыхъ людей закричали: Аллахъ, да подастъ здравіе Султану!» и потомъ побѣжали кратчайшимъ путемъ впередъ, на то мѣсто, гдѣ Султанъ долженъ сойти съ лошади, чтобы повторить ему то же привѣтствіе. Между тѣмъ музыканты играли пьесу изъ какой-то итальянской оперы. Во всей сценѣ было замѣтно для Европейца много нищеты и мишурнаго блеска. Сул-

танъ былъ въ зеленой шинели, и въ фескѣ, украшенной брильянтами. За окружавшей его толпою, я не могъ видѣть его нижняго платья. Смотри въ первый разъ на человека столь высокаго сана и твердаго характера, каковъ Султанъ Махмутъ, стараешься запомнить всѣ черты его и найти въ нихъ отпечатокъ души его. Согласно съ другими, я замѣтилъ въ глазахъ его твердость и рѣшительность: Борода его была выкрашена черною краскою. Онъ вошелъ въ домикъ, отдохнуть отъ довольно краткой, признаться, молитвы, и мы отправились впередъ на азіятскія воды, надеясь тамъ еще разъ увидѣть его. Хотя намъ не удалось, однакожъ мы были за то утѣшены любопытною картиною, какую представляли Турки, вѣхавшіе въ странныхъ загородныхъ каретахъ своихъ (араба) на гулянье. Всѣ подобныя картины невольно напоминаютъ прошедшія столѣтія Русской исторіи, и можно предполагать, что въ царствованіе Бориса Годунова было много подобнаго тому, что нынѣ мы видимъ здѣсь. Въ то время у насъ женщины жили въ заперти, какъ Турчанки, которыхъ видимъ теперь издали, закрытыхъ покрывалами и даже мужчины не могли быть дѣятельнѣе нынѣшнихъ Турковъ, которые, отъ нечего дѣлать, считаютъ клубы дыма, выходящіе у нихъ изъ рта. Въ то время алый цвѣтъ съ золотомъ былъ у насъ также вездѣ видѣнъ, и безъ сомнѣнія царствовали тотъ же Азіятскій вкусъ и тѣ же нравы, какіе нынѣ здѣсь. На Азіятскихъ водахъ началась неожиданно сильная ссора между Г-мъ Комидасомъ и Турецкимъ солдатомъ, который находилъ, что мы очень близко подошли къ женскимъ каретамъ и за то чуть не рѣшился гнать насъ кнутомъ. Мы избѣжали преслѣдованія только посредствомъ благоразумнаго бѣгства на лодку, которая перевезла насъ обратно въ Перу.»

Можно ли-проще, благороднѣе и съ меньшими претензіями на вычурность,

схватить характеръ наблюдаемаго народа?

Теперь вмѣстѣ съ наблюдательнымъ авторомъ бросимъ бѣглый взоръ на ужасы чумы списанной съ природы:

«Августа 12 понедѣльникъ. Только что возвратился я въ Перу изъ Букдере, оживленнаго веселостью, какъ сдѣлался свидѣтелемъ ужаснаго событія! Во время занятія моего въ кабинетъ, вдругъ прибѣжалъ ко мнѣ одинъ изъ жильцовъ въ домѣ, и пригласилъ идти за нимъ и убедиться, что мы окружены здѣсь чумою. Онъ побѣжалъ потомъ по лѣстницѣ въ комнаты Г-на Ефимова; я слѣдовалъ за нимъ. Въ самомъ дѣлѣ минута была ужасная, и доказательства, что мы дѣйствительно окружены чумою, были несомнѣнны. Въ комнатахъ г. Ефимова слышны были ужасные крики изъ сосѣдняго дома, отдѣленнаго отъ нашего узкимъ дворикомъ. Тамъ женщина умирала отъ чумы. Ежеминутно кричала она, и вдругъ среди стонъ и воплей, вырывался у нея такой ужасный, пронзительный вой, что казалось, будто несчастную страшно терзаютъ, или жгутъ на огнѣ. Слышно было также, что въ изступленіи бросалась она къ дверямъ, но двери были заперты спаружи, и никто не приходилъ къ ней на помощь. Мужъ, и дѣти ея стояли на балконѣ; другіе жильцы разбѣгались за мѣстами, людьми, которые увозятъ въ больницу зараженныхъ чумою. Можно ли порицать безчеловѣчное, по видимому, поведение мужа, который, не только совершенно удалилъ отъ больной дѣтей своихъ, но и самъ отъ нея удалился, между тѣмъ какъ онъ, можетъ быть, ей одной обязанъ былъ великимъ на землѣ благополучіемъ — счастливымъ семейнымъ? Въ первую минуту нельзя было глядѣть на него безъ негодованія; но, можетъ быть, въ подобномъ случаѣ (да удалить Провидѣніе отъ всякаго такое испытаніе!) и другіе также оставили бы погибавшую, и если не для себя, то для дѣтей оградили бы

себя отъ неизбежной гибели. Не умно описать волненія, которое чувствовалъ я, слыша непрерывные крики несчастной. Находиться такъ близко къ страждущему существу и не имѣть возможности подать ему руку помощи, дышать между тѣмъ воздухомъ смертоноснымъ, и глядѣть на дѣтей которыя скоро должны были осиротѣть—это такое мученіе отъ котораго сердце приходило въ уныніе! Но человекъ семейный долженъ чувствовать такое положеніе несравненно сильнѣе одинокаго.»

Вотъ еще нѣчто изъ характеристичны Турція и Турковъ:

«Вторникъ, 24. — Чтобы вещи не задерживали насъ, мы ихъ послали впередъ, въ 4 часа ночи, а сами погнались за ними около 7-ми часовъ. Продолженіе вчерашняго кустарника; горы низменныя; направо отъ дороги стада огромныхъ буйволовъ, отличающихся мягкой шерстью. Пробѣжавъ по пространной, открытой равнинѣ Атрастея, гдѣ по преданію мифологіи, Ганимедъ былъ похищенъ и поднятъ въ небо орломъ, мы увидѣли цѣлую стаю этихъ царственныхъ птицъ. Близость ихъ къ дорогѣ дала мнѣ мысль выстрѣлить въ нихъ изъ ружья одного Турка, который встрѣтился намъ, идущій пѣшкомъ (здѣсь все ходятъ съ ружьемъ; оно составляетъ часть костюма). Чтобы я не сдѣлалъ промаха, Турокъ впустилъ другую пулю въ стволъ, и благодаря развалинѣ, я могъ подойти къ орламъ довольно близко. Но двойной зарядъ не сдѣлалъ имъ никакого вреда, и тяжело подпавшись на воздухъ они слѣли въ десяти шагахъ подалѣе, съ оскорбительнымъ презрѣніемъ къ моему стрѣлянью. Никогда еще не видывалъ я такихъ огромныхъ птицъ; они показались мнѣ величиною аршина въ два. На этой равнинѣ увидѣли мы рѣдкость другаго рода, лагерь кочующихъ Турковъ, расположенный въ небольшомъ разстояніи отъ дороги, на лѣвой рукѣ. Звукъ дикой музыки, дѣтскіе крики, и цестрата

палатокъ и халатовъ принимали насъ къ ближайшему обозрѣнью. Хассанъ согласился на наши желанія, и бросившись съ обычнымъ крикомъ, предшествовалъ намъ, но онъ не произвелъ здѣсь такого испуга, какъ вчера въ полугреческомъ мѣстечкѣ Лампсакъ. Напротивъ, мы были приняты съ самымъ холоднымъ спокойствіемъ. Сойдя съ лошади, я вошелъ было въ первую палатку, но меня не пустили далѣе порога: это было мѣсто священное; и Турки, стоя, и чѣтя тихо, но въ слухъ, молились, преклоняли колѣни, кланялись въ землю, вставали, не заботясь о прищельцахъ, которые, какъ будто съ неба упали въ ихъ дебри. Характеръ Турка въ высшей степени религіозный; онъ поклоняется, благоговѣтъ, мыслить, и вся жизнь его проходитъ въ размышленіи. Я не могъ узнать, по случаю ли свадьбы, или какого-нибудь другаго праздника, собрались здѣсь Турки въ лагерь, представляющій видъ ярмарки? Когда молитвы кончились, старшіе изъ Турковъ велѣли подать намъ кислаго молока, говядины и хлѣба спеченаго въ видѣ тонкихъ мягкихъ листовъ, между тѣмъ барабанъ и двѣ дудки гудѣли въ ушахъ нашихъ. Дѣти бѣгали и играли вокругъ насъ, но наши суровые козюва съ нами не вѣли; они кормили насъ, какъ собакъ, не требуя и не принимая никакой платы, но и не отдавая намъ поклона. Вотъ истинно Турки, почитающіе себя первымъ народомъ въ мѣрѣ! Охотно сблизился бы я съ ними, но желаніе не было обоюдное; мы будемъ цѣнить другъ друга, можетъ быть, въ другомъ свѣтѣ, лучше чежели въ здѣшнемъ.

«Здѣсь было поле первой битвы Александра Македонскаго съ царемъ Персидскимъ. Граникъ, давшій свое имя битвѣ, рѣка не глубокая, текущая въ углубленіи оврага между деревьями, которыя растутъ на обѣихъ ея берегахъ. Мы перѣехали эту маленькую рѣку въ

бродъ близъ развалинъ великолѣпнаго моста; съ обѣихъ концовъ, мостъ прекрасно выстроенный изъ огромныхъ дикихъ камней, держится у береговъ, но середина его провалилась вѣроятно отъ дѣйствія землетрясеній. Къ лѣвому берегу, всѣ спайки между камнями остались горизонтальны, но къ правому, онъ всѣ искосились и масса камней, не разрушившихся въ мѣлкіе куски, вся подалась назадъ и упирается въ берегъ. Не зная, Римскому, или Греческому искусству должно отнестись сей памятникъ, но онъ прекрасенъ, и сдѣлалъ бы честь и тому и другому. Удивляясь прекрасной массѣ этихъ развалинъ, и переходя черезъ рѣку съ камня на камень, подъ обломками моста, вдругъ услышала я надъ головою шумъ между листьями, похожій на движеніе лошади, или чловѣка; но вмѣсто ихъ, я увидѣла сову величиною съ вчерашнихъ орловъ; испуганная моими шагами, она распустила огромныя крылья и съ страннымъ крикомъ пустилась по небу. — Къ удивленію моему эта хищная птица, которая могла бы поднять зайца на воздухъ, вмѣсто того, чтобы пугать другихъ птицъ, сама была ими испугана. Множество ихъ налетѣло на нее, и она скрылась въ высокомъ деревѣ на равнинѣ — подобно грѣху, который сверкаетъ очами въ ночной темнотѣ, но скрывается передъ солнечнымъ свѣтомъ.

«На ночь прѣехали мы въ мѣстечко Димотико, имѣя въ виду да горахъ, на правой рукѣ нашей, Бигу.

«Теплое время и неопытность хижинъ заставляютъ насъ располагать ночлеги наши на открытомъ воздухѣ.»

Чтобы ознакомить читателей съ духомъ автора занисокъ, прошу у нихъ позволенія сдѣлать послѣднюю выписку изъ путешествія В. П. Давыдова, которая можетъ служить и эпизодомъ.

«Берлинъ. 1836 годъ. Путешествіе мое окончилось нѣсколько мѣсяцовъ то-

му назадъ, но надобно приписать два слова, чтобы окончить мой заброшенный журналъ. Описывать Вѣну, Прагу и Дрезденъ не входитъ въ составъ моихъ записокъ: я путешествовалъ по Востоку и теперь съ Востокомъ прощаюсь! Виды и планы мои разосланы по разнымъ столицамъ Европы, для гравирования или окончанія ихъ, теми самими художниками, которые сдѣлали ихъ только въ эскизахъ. Я остаюсь относительно къ моему путешествію *vojo sop i miej repisiegj*, потому, что наконецъ и вѣрный мой Дмитрій меня оставилъ, но уже въ гавани. — «Слава Богу, говорилъ онъ», вы нашли въ полномъ здоровьи вашу жену, дѣтя и сестру; ваши молитвы на Аеовской горѣ снали насъ отъ всѣхъ опасностей, вы наслаждаетесь по вашему жизнию, хоть по моему мнѣнію здѣсь не умѣютъ жить такъ весело, какъ въ Корфу; но я каждую ночь вижу во снѣ моего старшаго сына и жену, будто они ходятъ со свѣчами въ рукахъ по церкви Святаго Спиридова, и боюсь, не случилось ли тамъ несчастія. Отпустите меня въ Корфу; я вамъ болѣе не нуженъ! — Онъ поѣхалъ обратно, написалъ ко мнѣ изъ своей родины, и я говорю въ мою очередь: «Слава Богу!» потому что онъ засталъ все свое семейство здоровымъ.

Не много я проѣхалъ, не много могъ проѣхать въ теченіи семи мѣсяцовъ, но не сожалѣю, что сдѣлалъ и это краткое путешествіе. Не скоро мнѣ удастся надать мои виды, потому что отдѣлка ихъ весьма медленная. Но между тѣмъ, я уже одолженъ моему пути, не только воспоминаніями, но и знакомствомъ съ разрядомъ людей ученыхъ и скромныхъ, которыхъ вообще надобно поискать, и которые, въ замѣнъ легкаго эскиза или изломанной надписи, охотно отвѣчаютъ на мои вопросы и вводятъ меня въ святилище трудовъ своихъ.

«Странно, когда не много подумаешь о противоположности въ предметахъ, ви-

дѣть себя вдругъ переселеннымъ въ совершенно другую гемисферу.

«Изъ страны, гдѣ превращаютъ сочный виноградъ въ гадкій резиновый растворъ, такъ, что невозможно пить его, я перѣхалъ въ страну, гдѣ дѣлаютъ сахаръ, водку, и чуть ли не шампанское изъ свеклы и картофеля! Изъ страны, гдѣ обломки рвений Америктонскаго совѣта вставлены въ фундаменты домовъ и въ мостовую улицъ, я пріѣхалъ въ городъ, гдѣ ученый Бекъ собираетъ съ жадностью малѣйшія надписи, и по тремъ словамъ узнаетъ и всю надпись, и въ какомъ городѣ вы ее нашли. Наконецъ, я оставилъ мѣсто, гдѣ мраморныя колонны упадаютъ, и пріѣхалъ въ городъ гдѣ мощный геній Шинкеля въ одно и то же время дѣлаетъ рисунки во вкусѣ мнѣологии и составляетъ родъ кирпичей неприкосновенныхъ морозамъ. Сѣверъ, какъ и югъ, имѣетъ свои собственныя звѣзды, но если онъ держится и идетъ впередъ посредствомъ промышленности, не забудемъ, что Югъ далъ намъ основу размышленія. Какъ ни глубока будущность Сѣвера, не менѣе глубоко прошедшее Греціи, и когда паровая сила сблизитъ на всемъ земномъ шарѣ разстоянія, и замѣнитъ труды тысячей народа, и тогда умъ человѣскій не создастъ ничего совершеннѣе Иліады и Парейнона».

Примѣчательное это сочиненіе украшено атласомъ заключающимъ въ себя 44 прекрасно гравированныхъ и литографированныхъ оттиска видовъ, плановъ и костюмовъ изящно украшающихъ наружность сего великолѣпнаго изданія; которое по всемъ правамъ можетъ состязаться въ богатствѣ и изяществѣ своей внѣшней отдѣлкѣ съ лучшими живописными путешествіями Европейцовъ: и любитель пріятнаго, поучительнаго, и артиста и ученый найдутъ въ немъ для любознательности своей обильную пищу. Иностранные ученые по части археологіи и родные наши

художники Н. Ежиновъ и К. Брюловъ по части изящныхъ искусствъ, были дѣтельными сотрудниками автора, который не жалелъ никакихъ издержекъ чтобы передать труды сихъ художниковъ въ видѣ ихъ достойномъ.

Гдѣ жъ осужденія? спросать читатели привыкшіе видѣть въ критикѣ бѣшеную собаку. Осужденіе? если уже на то пошло — и за нами дѣло не станетъ. Позвольте! . . . вотъ сей часъ! . . . что за бѣда? Рышлись долго—въ двухъ большихъ томахъ, я нашелъ нѣсколько фразъ, которые можно бы написать по кругу, поглаже, повычуриве, отмѣтилъ ихъ на полѣ карандашемъ, но ихъ такъ было мало, что совѣстно и говорить о нихъ. Если все зданіе изящно, то какой зодчій возьметъ на себя трудъ указывать на отколовшійся уголокъ штукатурки едва примѣтный въ увеличительное стекло? Я такъ залюбовался цѣлымъ, что не примѣтно стеръ свои ничтожныя критическія замѣтки. Кому угодно ловить крючкомъ галлицизмы, запятая и опечатки, тотъ читай самое сочиненіе и можетъ быть увѣренъ, что крючекъ его мало наудитъ желаемого, и карандашъ его недоброжелательства стольже легко сотрется, какъ и мон немногія критическія замѣтки.

Смѣю повторю, не опасаясь упрека къ пристрастію, что «Путевыя записки» В. П. Давыдова, не смотря на скромность ихъ автора, принадлежать къ путешествіямъ аристократическаго разряда

П. КОРСАКОВЪ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

RÉCITS DES TEMPS MÉROVINGIENS, précédés de considerations sur l'histoire de France, par Aug. Thierry Paris 2 vol. ins. *)

*) Продается въ магазинѣ Французскихъ книгъ у Белизара и комп. по 5 руб. сереб. а съ пересылкою 6 руб. сереб.

(Разказы времяъ Меровингскихъ, съ предварительнымъ обзоромъ Французской исторіи, соч. Авг. Тьерри).

Первыя времена Французской исторіи малоизвѣстны; это періодъ мрака, на которомъ историкъ не любитъ долго останавливаться, потому ли что онъ не постигаетъ всей его важности или пугается изысканій сопряженныхъ съ изслѣдованіемъ сего періода. И не удивительно: недостатку послѣдовательности и единства въ событіяхъ этихъ древнихъ времявъ, чрезвычайно затрудняетъ повѣствователя; единственные памятники тѣхъ времявъ суть мѣстные сказанія, съ большею или меньшею подробностію излагающія нѣсколько частныхъ событій, такъ что въ этой смѣси учрежденій и нравовъ слѣдовавшихъ за покореніемъ Галліи Франками, почти невозможно обнаружить общаго направленія и открыть въ самомъ народѣ или его начальникахъ какую нибудь систематическую хорошо выясненную цѣль. — Эта борьба столь разнообразныхъ элементовъ неминуемо должна была разрушить древнюю Римскую образованность, пораженную съ одной стороны грубымъ невѣжествомъ побѣдителей, а съ другой усердіемъ и ревностью едва рождавшагося тогда христіанства. Нельзя однакожъ сказать чтобы это дѣло разрушенія произведено было по обдуманному плану виновниковъ онаго. Разрушители эти были, нѣкоторымъ образомъ, слѣпыми орудіями Провидѣнія, языческой развратъ ослабшаго Римскаго общества немогъ имъ сопротивляться, и не смотря на то въ новыхъ учрежденіяхъ того времени остались видимыя слѣды древняго Римскаго права, которые, при возрожденіи образованности много способствовали къ возстаповленію его прежней силы. Это слитіе двухъ элементовъ—побѣдителя съ побѣжденнымъ—представляетъ любопытнѣйшій феноменъ для изслѣдователя. Вездѣ проявляется грубая сила, которая преобладаетъ

видъ слабостию и разсвѣаетъ вокругъ себя повсѣмѣстное разрушеніе; потомъ мало помалу уступаетъ она духовному началу сей жизни народовъ, которая возвращаетъ себя утраченное владычество и, посредствомъ едва приметныхъ измѣненій, сближаетъ между собою двѣ, повидимому, самыя противоположныя системы.

Чтобы хорошенько обнять все фазы этихъ работъ, проливающихъ такой яркій свѣтъ на новыя общества, на нравы и учрежденія ихъ, Г. Тьерри прибѣгаетъ къ формѣ эпизодическихъ разсказовъ довольно близкихъ къ современникамъ, изъ которыхъ почерпаетъ онъ свои матеріалы: этотъ образъ изложенія даетъ ему болѣе способовъ изчерпывать свой предметъ, слѣдить за процессомъ слиянія всѣхъ общественныхъ отношеній и живописать цѣлый рядъ частныхъ очерковъ исполненныхъ новой жизни и чрезвычайно любопытныхъ, которыхъ общность представляетъ полную картину избранной имъ эпохи. Кромѣ множества выгодъ найденныхъ имъ въ сей методѣ, она всѣхъ болѣе приличествовала его таланту отличающемуся какою-то необыкновенною, рѣзкою способностію схватывать характеристическія черты лицъ и вещей и воспроизводить ихъ драматически въ самомъ очаровательномъ и живучемъ видѣ. Какъ ни отдалены отъ насъ эти времена Мервинговъ, ввротатно каждый прочтѣтъ описаніе ихъ съ такимъ же, а можетъ быть еще и съ большимъ удовольствіемъ, чѣмъ самый занимательный романъ. Подобно всѣмъ сочиненіямъ того же автора и это произведеніе его придастъ конечно ходу историческимъ занятіямъ. Нельзя не подивиться той занимательности, которая брызжетъ у него изъ сихъ временъ мрака, послѣ тѣхъ сухихъ и холодныхъ очерковъ, какія мы о нихъ имѣли. Всѣ отдадутъ конечно дань заслуженнаго удивленія искусству его высокаго ума, умѣвшаго соединить глубо-

чайшую ученость съ рачительнѣйшими изслѣдованіями и украсить ихъ всею прелестью блистательнѣйшихъ литературныхъ способностей. Рѣдкое слѣдіе дарованій, въ которомъ слогъ—орудіе, покорное долгу, извлекаетъ повидимому все свое достоинство изъ простаго изложенія фактовъ, представленныхъ такимъ образомъ читателю, что они невольно возбуждаютъ въ немъ цѣлую пучину спасительныхъ размышленій. Вотъ тадакъ составляющій истинный гений историка.

Въ довольно пространномъ введеніи, Г. Тьерри обоариваетъ всѣ историческія работы бытописателей Франціи, произведенныя ими въ разныя времена, а съ тѣмъ вмѣстѣ и всѣ историческія системы. Этотъ быстрой очеркъ, составленный въ духъ истинной критики, принадлежитъ къ числу примѣдательнѣйшихъ частей его книги. Вопреки мысли преобладающей въ трудахъ историковъ новѣйшей школы, онъ морщитъ вторженіе философіи въ историческую область, или полагаетъ, до меньшей мѣры, что гг. историки пересѣкли границы благоразумія, отбросили факты на второй планъ и какъ бы подчинивъ ихъ требованіямъ систематическихъ видовъ, образованныхъ à priori. Нельзя не сознаться, что исторія служила не разъ къ развѣтлію мѣдвѣй болѣе или менѣе остроумныхъ и порожденныхъ духомъ партій, а иногда самымъ страннымъ и дерзкимъ воображеніемъ. Одни слѣдятъ въ ней шагъ за шагомъ дѣйствія Провидѣнія, напутствующаго людей въ стезяхъ имъ предназначенныхъ; другіе открываютъ въ ней одни слѣды мрачнаго фатализма изъясняющаго и оправдывающаго всѣ событія безжалостною необходимостію; иные, ограничиваясь однимъ частнымъ воззрѣніемъ, ищутъ въ исторіи доказательствъ политическаго или религіознаго вѣрованія, котораго торжество имъ всего пріятнѣе: наконецъ послѣдніе, предполагая что весь родъ человѣскій

искони вѣковъ раздѣлялся на нѣсколько враждебныхъ племенъ, видя въ послѣдствіи историческихъ событій одинъ видоизмѣненія той аварической борьбы, которая продолжится до повсемѣстнаго водворенія порядка общественнаго, основаннаго на іерархіи умственныхъ способностей. Каждая изъ системъ сикъ въ частности грѣшить одинаково общимъ недостаткомъ — односторонностью: все онѣ искажаютъ исторію, точно также какъ всѣ абсолютныя теоріи искажаютъ науку, ибо увлекаютъ её въ исключительную сферу независимую отъ общихъ законовъ науки: всѣхъ наукъ — философіи. Но таково заблужденіе вѣка, и самъ Г. Тьерри съ трудомъ избѣгаетъ его вліянія; когда онъ припоминаетъ ходъ событій: со времени французской революціи, указываетъ на единство народности какъ на цѣль, и почитаетъ благодѣяніемъ Провидѣнія постепенное уравненіе правотъ и учрежденій разрушавшихъ до основанія всѣ элементы провинціальной жизни. Какъ бы то ни было, но критика его постоянно носитъ на себѣ отпечатокъ умѣренности и безпристрастія; Г. Тьерри отдастъ полную справедливость историческимъ трудамъ нашего времени, и съ похвалою высказываетъ стѣхъ великихъ мужей, которые усилиемъ своимъ — такъ далеко подвинули впередъ историческія работы. Онъ кончаетъ искреннимъ сожалѣніемъ; что большая часть этихъ дивотныхъ людей промывали съ 1830 года безмолвіе кабинетовъ своихъ на блестящій политической арены. Но счастливо обвиненіе Г. Тьерри не охватываетъ справедливо, и пока онъ самъ не выпуститъ изъ лонныхъ рукъ своихъ свѣтлыя изысканія, можно надѣяться, что новое поколѣніе ревностныхъ учениковъ образуется подъ его руководствомъ и пойдетъ смѣло и твердо по проложенной имъ стѣзѣ. Теперь уже невозможно водвинути Исторію въ ея прежнюю колею. Если абтонисъ Монтранъ Французской не вышли еще сво-

его Тацита, то нельзя не сознаться, что изыскатели — каковы! Гизе, Сизмонди, Мишле и другіе, придали имъ новую жизнь и не обыкновенную яркость.

Прочтя книгу Г. Тьерри, мы совершенно соглашаемся съ французскимъ критикомъ, который доставилъ намъ приведенную нами статью. Лучше повторить чужое хорошее чѣмъ высказать дурно свое. По крайности мы издатели Маяка не отдаемъ въ павильны перья и не выдаемъ за свое чужаго: *sum cuique!*

Н. КОРСАКОВЪ.

Hi toire de France, depuis l'établissement des Francs dans la Gaule jusqu'en 1830, par Théodore Burette, professeur d'Histoire à l'Academie de Paris, auteur des cahiers d'Histoire à l'usage des collèges. Enrichie de 500 dessins par Jules David, gravés par V. Chevin — Paris 1810. (*Исторія Франціи, съ водворенія Франковъ въ Галіи по 1830 г. соч. Теодоза Бюреттъ, профессора исторіи въ Парижской академіи.* *)

Съ нѣкотораго времени великолѣпныя изданія завалили почти всѣ иностранныя книжныя лавки. Эти живописныя изданія (*éditions illustrées*) не поддерживать, конечно, пустой книги; но нельзя не сознаться что они придають много силы истинному достоинству текста. Впрочемъ она — фактически говоря — не поистинѣ; и прежде были печатаемы богатые изданія библий, путешествій, классическихъ авторовъ и пр. *для не-многоихъ*; бывали изданія

*) Продается здѣсь въ С. Петербургѣ въ магазинѣ французскихъ книгъ Ф. Велдизара и комп.: на Невскомъ проспектѣ близъ Полицейскаго моста въ домѣ Голландской Реформаторской церкви, по 3 руб. сереб. за томъ. При подпискѣ платится да два первые тома; послѣ выхода третьяго тома, вносятся деньги за остальныя. За пересылку каждыхъ двухъ томовъ предлагается особо 60 к. серебромъ

сего рода, которыхъ печаталось не более сотни экземпляровъ и вотъ причина недоступности ихъ для большинства прежнихъ покупателей; не всякій библіофилъ могъ заплатить рублей триста за одинъ какой-нибудь томъ in folio «Путешествія въ Далмацію» на «Липарскіе острова» и т. п. За то часть экземпляровъ сихъ книгъ и теперь еще лежитъ нераспроданною въ Парижскихъ книжныхъ магазинахъ. Съ распространениемъ вкуса къ изящному въ отношеніи художественномъ, съ усовершеніемъ типографическаго производства, число потребителей увеличилось по мѣрѣ дешевизны изданій, а дешевизна книги дорогого стоющей издателю окупилась количествомъ подписчиковъ на изданіе. Не только полтипажи, но и самыя эстампы вырванныя на мѣди можно было отдавать покупателямъ какъ дубочную гравировку. Но для этого нужны были тысячи, десятки тысячъ подписчиковъ, какъ то видѣли мы во Франціи, Англии, Германіи; какъ видѣли образчики того же и у насъ при подпискѣ на Плюшаровъ Энциклопедическій Лексиконъ — который къ прискорбію всѣхъ ревнителей просвѣщенія въ Россіи временно приостановился по разнымъ обстоятельствамъ.*) Чтобы постичь возможность этой дешевизны вышедшихъ роскошныхъ изданій, надобно знать типографское дѣло, въ которомъ наборъ есть главная, а оттиски второстепенная вещь, относительно къ цѣнности оныхъ. Стало быть только такія роскошныя изданія могутъ идти въ ходъ, у которыхъ есть тысячи подписчиковъ или огромныя капиталы у издателей оныхъ.

Сознаемся, что внигдѣ такъ не пріятна и не полезна роскошь художествен-

ная, какъ въ сочиненіяхъ по части исторіи Всемирной и Естественной; когда въ нихъ рука искуснаго артиста изображаетъ предметы поясняющіе самый текстъ!

И безъ сихъ искусственныхъ украшеній исторія Фрація Г. Бюретта имѣетъ высокое умственное достоинство, а съ ними дается она еще интереснѣе.

Г. Бюреттъ принадлежитъ къ немногому числу молодыхъ отличныхъ профессоровъ новой школы, развитой съ такимъ успѣхомъ во Франціи, подъ вліяніемъ всеобщаго направленія Европейскихъ умовъ къ историческимъ изслѣдованіямъ. Онъ не рядовой ученой, и не смотря на молодость свою, еще прежде знаменитаго Тьерри, пролилъ яркій свѣтъ на темныя времена царствованія первыхъ французскихъ королей. Онъ прилѣжно и съ величайшимъ успѣхомъ занялся преподаваніемъ предмета своего съ профессорскою кафедрой. Кроме новаго сочиненія его лежащаго у насъ передъ глазами, Французскія училища обязаны нашему автору другимъ примѣчательнымъ педагогическимъ сочиненіемъ извѣстнымъ подъ именемъ «Тетрадей всемірной исторіи (Cahiers de l'Histoire universelle).» Это собственно рядъ лекцій, въ которыхъ элементарнымъ, но блистательнымъ образомъ изложены многія важныя начала, обогатившія трудами сего ученаго область историческихъ наукъ. Онъ издалъ также краткую «Древнюю исторію» для нормальныхъ школъ — сочиненіе съ которымъ недурно справляться и преподавателямъ. Произведеніе это упрочившее авторитетъ Теодоза Бюретта въ историческомъ мірѣ — какъ бы вдвинуло знаменитость его въ міръ ученыхъ. Безспорно критика въ сей древней исторіи, предшественниковъ своихъ, онъ даетъ мѣсть и правдо и примѣръ какъ писать исторію, безъ примѣса всякаго издѣшества, уметованій и возгласовъ. Самъ знаменитый Тьерри, авторъ первоначальной Исторіи царствованія Маро-

*) Съ удовольствіемъ извѣщаемъ читателей Малка, что это общеполовое изданіе пойдетъ опять въ ходъ съ будущаго 1841 года. Искренно желаемъ ему успѣховъ!

виговъ *) отдастъ ему должную и заслуженную справедливость. Хотя Бюреттъ, по мнѣнію нашему, и уступаетъ ему въ изысканности изложенія, но онъ заслуживаетъ благодарность современниковъ своихъ за одинъ великій подвигъ, за смѣлое низверженіе многихъ древнихъ авторитетовъ въ исторіи, которымъ новѣйшіе бытописатели поклонялись какъ кумирамъ.

До изданія первыхъ выпусковъ своего новаго сочиненія «Исторіи Франціи», Бюреттъ былъ мало извѣстенъ въ Европѣ; но съ появленіемъ этихъ новыхъ трудовъ имя его сдѣлалось европейскимъ. «Исторія Франціи» Бюретта съ великолѣпными гравюрами украшающими это примѣчательное изданіе котораго вышло уже 24 выпуска, представляетъ публикѣ слияніе двухъ изысканностей взаимно поясняющихъ другъ друга: прекраснаго текста для умственныхъ размышленій, и превосходныхъ гравюръ для глазъ читателя, гравюръ марстеровъ съ изящныхъ рѣзцомъ Шевена съ прекрасныхъ рисунковъ Жюль Давида. По словамъ французскихъ журналистовъ «очаровательныя эти миниатюры восхищали Парижскую публику, на выставкахъ сего года—какъ произведенія образцовыя въ своемъ родѣ.»

Текстъ исторіи Бюретта начиная съ водворенія Франковъ въ Галіи, доведенъ имъ до временъ Карла VIII, и кто прочелъ сія выписки, тотъ конечно можетъ оценить труды ученаго, который, подобно благоразумному кормчему, провелъ читателя своего сквозь мглу вѣковъ едва не баснословныхъ—къ настоящей и положительной исторіи царствованія дома Валуа. Это ровно четверть всего изданія:

Но программѣ, все оно будетъ состоять изъ двухъ толстыхъ частей въ 8-ю д. л. раздѣленныхъ на четыре тома. Вся

*) См. et. Histoire France par Aug. Thierry.

книга печатается на превосходной веленовой глазированной бумагѣ (papier japonais velin glacé). Въ 1-мъ вышедшемъ томѣ находится 40 выпусковъ, а въ нихъ 150 разныхъ художественныхъ украшеній (illustrations); всѣхъ выпусковъ будетъ 160; слѣдовательно остается еще 120, которые раздѣлятся на три тома; 2-й томъ которымъ заключится половина изданія, выдетъ въ Іюль будущаго 1841 года.

Для произнесенія общаго сужденія о столь примѣчательномъ трудѣ, подождемъ выхода въ свѣтъ послѣдующихъ выпусковъ, и тогда выведемъ положительныя мнѣнія о духѣ и направленіи автора, нетерпѣливо ждемъ его описанія новѣйшихъ событій.

П. К.

Prodomus, or the Inquiry into the First Principles of Reasoning; including an Analysis of the Human Mind. By Sir Graves Chamney Houghton, K. H., M. A., F. RS, etc. etc. 8-o, p. 275. London 1839.

Prodomus есть введеніе въ новую, и по нашему мнѣнію, прекрасную систему философіи, въ которой Серъ Гревсъ Гаутонъ изображаетъ въ одной общей цѣпи и въ неразрывномъ единствѣ философію, метафизическую и нравственность; и изъ Первой великой Причины выводитъ источникъ всего существующаго въ мірѣ, всего реальнаго и отвлеченнаго, какъ того, что познается чувствами, такъ и того, что понимается умомъ.

Въ посвященіи своемъ авторъ со всею скромностію замѣчаетъ: «я надѣюсь, что общество вполне почувствуетъ высокую важность предмета, а вмѣстѣ и всю цѣну вѣрныхъ понятій въ физическихъ знаніяхъ, къ нему относящихся; и что всякій мыслящій человѣкъ сдѣлается осторожнѣе въ сужденіяхъ на счетъ того (философіи), что, какъ вспо-

могательное разума, служить основаніемъ нравственному превосходству человеческого рода». Эти же изслѣдованія прилагаются и къ другому весьма важному предмету — *природѣ языка*, безъ строгаго изслѣдованія котораго, всякая философія будетъ только грудою смѣшенія, противорѣчій и заблужденія».

Не имѣя возможности войти теперь въ подробное разсмотрѣніе этой системы, мы постараемся указать читателямъ Маяка всю ея важность изъ собственныхъ словъ автора.

«Если кто скажетъ, что истины предложенны мною, давно уже известны, то я попрошу его указать, гдѣ эти предметы были обслѣдованы систематически, и выяснены съ надлежащею точностью и полнотой. Онъ долженъ вспомнить, что какъ въ этомъ случаѣ, такъ и во всѣхъ другихъ наукахъ, съ каждымъ днемъ становится вѣрнѣе изрѣченіе Соломоново: «ничто не ново подъ солнцемъ». Имя этого мудраго монарха привело мнѣ на память расказъ о немъ, который до сихъ поръ въ ходу между магометанами, и который, мнѣ кажется, всего лучше объяснить цѣль послѣдующихъ разсужденій. Правовѣрные Муселимы того мѣстна, что Еврейскій монархъ большею частью своей славой обязанъ чрезвычайному искусству и прозорливости своего перваго министра Асафа, который имѣлъ столь глубокія познанія въ тайныхъ наукахъ, что могъ обуздывать гениевъ, (genii) племѣ замѣчательное по своей тупости и злокачественности. Они до такой степени боялись Асафа, что при жизни его воздерживались отъ всякаго зловреднаго поступка людямъ. Между тѣмъ, Соломонъ, желая, чтобы его подданные не переставали и по смерти Асафа, пользоваться страхомъ внушеннымъ его министромъ, велѣлъ его балсамировать и перенести въ сокровищницу, гдѣ онъ одѣтый стоялъ опершись на свой жезлъ. Genii не знавшіе о его смерти, время отъ времени под-

крадывались къ сокровищницѣ и воровски заглядывали въ окно — что дѣлать ихъ гонитель? И находи его всегда въ бодрственномъ положеніи, тотчасъ улетали, боясь чтобы онъ ихъ не наказалъ за ихъ дерзость. Долго оставались она въ такомъ невѣденіи, наконецъ, нѣсколько бѣлыхъ муравьевъ, столь извѣстныхъ на востокѣ по своимъ опустошеніямъ, пробрались въ сокровищницу, напали на Асафовъ жезлъ, и свалили самаго его на землю. Тутъ гении догадались, что ихъ дурачили, и снова по прежнему начали оскорблять людей.

Теперь читатель, что значить толпа метафизиковъ прежде существовавшихъ; такъ далеко не-Асафовъ, единственно старавшихся морочить человеческій родъ? и къ чему служатъ ихъ отвѣченныя слова, — жезлы, на коихъ опирались ихъ мертвые аргументы, и которыми до сихъ поръ стараются подпирать ихъ системы, теперь, когда онъ уже умерли? — и наконецъ: что значить эти немногія страницы — горсть бѣлыхъ муравьевъ, которые, такъ мнѣ кажется, свалить ихъ подпорки, сбросить тѣхъ обольстителей на землю, и не дадутъ имъ усѣсться по прежнему пугалами нашего рода? *)

«Занимаясь (продолжаетъ онъ) долгое время доказательствомъ необходимой связи, отношенія, и зависимости между физикой, метафизикой и нравственностью, я нашелъ во всей грудѣ этихъ топикъ совершенный хаосъ, дроисшедшій отъ обманичаго характера языка, и убѣдился, что работа моя будетъ безуспѣшна, если напередъ не разсмотрю приежно это существующее орудіе мышленія. Такимъ образомъ, послѣдующія замѣтки послужатъ предварительными поясненіями. Я счелъ за нужное, прежде нежели будетъ оконченъ весь трудъ, послать читателямъ этого маленькаго предвѣстника и узнать чрезъ него степень вѣроятности благосклоннаго приѣма. Надѣюсь что-а

*) Avis au philosophe soi-disant! Red.

въ состояніи буду привести читателя
«Через Природу къ Богу Природы».

И привести его, съ неотразимымъ
убѣжденіемъ, къ познанію несобразно-
сти и нелѣпости *материализма*. Съ
этимъ намѣреніемъ я трудился надъ
очищеніемъ мусора, насыпаннаго огро-
мною грудой, отъ древности до насто-
ящаго времени, сквозь который, исти-
на лишь мелькала, и то рѣдко. Берке-
лей весьма хорошо сказалъ: «мы спер-
ва поднимаемъ пыль, а послѣ жалуемся,
что ни чего не видимъ.» но онъ пре-
небрегъ разобрать природу этой пыли.
Человѣчеству необходимо имѣть сред-
ства осаживать ее всякой разъ какъ
только она мѣшаетъ видѣть. Если ка-
кое нибудь непредвидѣнное обстоятель-
ство не помѣшаетъ окончательному ис-
полненію моего плана, то смѣю сказать,
что я не даромъ жилъ, если трудъ мой
въ состояніи будетъ освободить чело-
вѣческое разумнѣе отъ нѣсколькихъ,
самыхъ крѣпкихъ, впрочемъ, оковъ са-
мообольщенія и нелѣпости.»

«*Вещи*. — Я говорилъ уже о тѣхъ
конкретныхъ терминахъ, которые отно-
сятся единственно къ вещамъ познавае-
мымъ посредствомъ чувствъ или по-
средствомъ несомнѣнныхъ выводовъ. Но
кромѣ того, есть много еще ощущеній,
которыя всегда остаются неизмѣнными
по привычкѣ нашей ошибаться въ ве-
щахъ ихъ производящихъ. Такъ ощу-
щеніе теплоты постоянно ошибочно,
по причинѣ *того* то, что ее возбуждаетъ.
Химики и другіе писатели естествен-
ной философіи, это чувствуютъ, созна-
ются, и во избѣжаніе темноты при
употребленіи слова, «теплота» въ двухъ
разныхъ смыслахъ, принуждены были
вести другое слово—«теплородъ»; но
никто изъ нихъ, кажется, не видитъ,
что также самая ошибка сдѣлана и отно-
сительно свѣта. Все то прекрасное ос-
вѣщеніе, которое, по видимому, во всей
природѣ производитъ солнце, есть толь-
ко ощущеніе; и не будь во всей все-
ленной ни одного глаза, все оставалось

Часть X. Гл. IV.

бы въ темнотѣ, совсѣмъ тѣмъ то, что
произвело въ насъ ощущеніе свѣта, су-
ществуетъ. Говоря: «я вижу свѣтъ, пла-
мя, колеръ,» мы дѣлаемъ точно та-
кую же ошибку, какую дѣлаютъ тѣ,
которые почитаютъ за одно и тоже
тепло и теплородъ. Таковую же ошибку
дѣлаютъ и тѣ, которые полагаютъ, что
дрожаніе воздуха есть звукъ, который
они слышатъ, и тѣ, которые считаютъ
что запахъ ими обоняемый есть имен-
но то, что выходитъ изъ цвѣтка, кото-
рый въ рукахъ; и тѣ, которые дума-
ютъ, что вкусъ ими ощущаемый про-
исходитъ отъ куска, прикасающагося
къ небу ихъ рта. Всѣ эти вещи при-
ведены здѣсь единственно для того,
чтобы читатель не смѣшивалъ конкре-
тныхъ терминовъ съ отвлеченными: ибо
зрѣніе, слышаніе, обонаніе, вкушеніе,
осязаніе все это слова отвлеченныя; а
вещи, производящія тѣ дѣйствія въ на-
шихъ чувствахъ, какія бы онѣ ни бы-
ли, вещественныя или не вещественныя,
только представляются конкретными
словами. Конкретныя слова — только
представители тѣхъ вещей.

«Вотъ что, мнѣ кажется, необходимо
было сказать на счетъ того, что такое
«конкретное»; а въ слѣдующей статьѣ
займусь разборомъ терминовъ «отвле-
ченныхъ», которые заключаются всѣ въ
словъ *состояніе*.

«*Состояніа*. Всякое отвлеченное сло-
во подразумеваетъ или *состояніе* или
дѣйствіе. Такъ, *доброта* есть состояніе
человѣка *добраго* т. е. *добро-чел.* *впо-*
состояніе. Такъ, *дрожаніе* или *дви-*
женіе суть дѣйствія тѣла *дрожащаго*
или *движущагося*. Кому желательно
еще большаго обобщенія, тотъ можетъ
сказать, что всѣ отвлеченныя слова
изображаютъ состояніе; потому что
можно сказать состояніе *дѣйствія*, со-
стояніе *дрожанія*, состояніе *движе-*
нія тѣла: это различіе окажется еще даже
полезнымъ, въ практикѣ, когда я вы-
ясню, что такое, въ самой вещи, от-
влеченныя слова: но напередъ я обра-

щу вниманіе читателя на то, какимъ образомъ онъ привыкъ употреблять ихъ. Онъ вспомнить, что онъ говоритъ о *добротѣ*, о *добродѣтели* и другихъ отвлеченныхъ состояніяхъ точно какъ бы о вещахъ столько же осязательныхъ какъ и тѣ, кои выражаются словами конкретными, о коихъ уже сказано; и потому, когда придетъ случай, онъ говорить: въ *добротѣ*, отъ *доброты*, съ *добротою* и проч. точно такъ же какъ онъ употреблялъ бы предлоги въ, отъ, съ и проч. говоря о *домѣ*, или иномъ осязаемомъ предметѣ, хотя очень легко доказать ему, что это неизбѣжное и необходимое употребленіе языка, въ обыкновенныхъ житейскихъ потребностяхъ, ведетъ къ самымъ блестящимъ заблужденіямъ, когда придется разсуждать объ основныхъ началахъ вещей вообще. Заведя такъ далеко читателя въ эти подробности вопроса, мнѣ хочется показать ему, что хотя мы можемъ говорить о *добротѣ*, *добродѣтели*, *чернотѣ*, *близинѣ*, и прочая; но не можемъ мыслить о нихъ. Если разложимъ какое нибудь изъ словъ выражающихъ «состояніе», то всегда найдемъ прилагательное и окончаніе ничего незначащее, напримѣръ *добръ* — ота, *чернъ* — ота, *близна* — кромѣ терминовъ сложныхъ изъ двухъ словъ, *добро-дѣтель* и проч. Подобнымъ образомъ какое нибудь слово выражающее дѣйствіе; напримѣръ, *движеніе*, происходитъ отъ глагола *двигаю*, и окупательныхъ ничего не значащихъ слоговъ. И такъ ясно, что всякое слово, которое выражаетъ состояніе происходитъ отъ прилагательнаго (или, въ другихъ языкахъ еще отъ глагола средняго), а всякое слово, выражающее дѣйствіе — отъ глагола дѣйствительнаго. Отсюда видимъ, что эти состоянія или дѣйствія существуютъ только какъ слова; стало быть, *отвлеченныя идеи*, какъ вещи — не существуютъ; ихъ нѣтъ; а есть только *отвлеченныя слова*. Еслибъ отвлеченныя идеи существова-

ли въ умѣ прежде нежели отвлеченныя слова вошли въ употребленіе, то можно бы допустить; что въ немъ существовали идеи *солености*, *песчаности*, *коздреватости*, *влажности*, и подобныя слова, прежде нежели мы узнали *соль*, *песокъ*, *зубку*, *клей*, или, во времени, открыли или сдѣлали другую вещь. Кто усомнится въ заключеніи, что мы употребляемъ только отвлеченныя слова, и не имѣемъ отвлеченныхъ идей, тотъ пусть попробуетъ составить себѣ идею о *солености*, *песчаности* и прочая, безъ всякаго отношенія къ *соли*, *песку* и прочая. И если это ему покажется возможнымъ, то пусть онъ попытается составить себѣ идеи или образы этихъ качествъ, не призывая умомъ звуковъ, которыя выражаютъ ихъ или тѣ вещи, отъ коихъ онъ отвлечены.

Навѣрно, онъ убѣдится что это не возможно; и для доказательства что въ основаніи этого заключенія нѣтъ ошибки, пусть попытается, обратнымъ путемъ призвать въ душу *домъ*, *лошадь*, *собаку* или другой какой либо предметъ, понятіе о которыхъ получаль онъ черезъ одно или нѣсколько чувствъ, и пусть сдѣлаетъ это безъ посредства имени ихъ на своемъ или другомъ какомъ языкѣ; я увѣренъ, онъ это сдѣлаетъ безъ всякаго затрудненія.

Сны, также можно привести въ доказательство этой истины. Мы видимъ и ощущаемъ во снѣ такія вещи, какіе могли, видѣть и чувствовать на яву: но отвлеченныя наши идеи исчезли, хотя никто не усомнится что очень можно видѣть во снѣ *соль*, *песокъ*, *зубку*, *веревку* и проч. Не спорю, трудно усвоить такой странный фактъ. по крайнѣй мѣрѣ усвоить сразу, трудно истребить въ душѣ закореняемое предубѣжденіе, т. е. мнѣніе усвоенное прежде нежели разсудокъ утвердилъ его; но пусть только каждый тщательно вникнетъ, и онъ, какъ бы ни былъ склоненъ, по привычкѣ, къ безпрестанному

упорству, непосредственно почувствует всю силу этой истины».

На таких основаниях действует Серъ Гревесъ и разбирает множество отвлеченныхъ и частныхъ терминовъ каковы: начало, качество, свойство движеніе и проч. равно и ученые разсужденія о притяженіи, *viv vitae*, и прочая; умъ, и метафизическія категоріи Платона, Готама, Зороастра, Жюна, Локка, Канта и другихъ; и наконецъ заключаетъ:

«Изъ предшедшихъ разсужденій видно, что метафизическія системы суть фантастическія созданія, и что онѣ точь въ точь столько противорѣчатъ другъ другу, сколько этого должно ожидать отъ природы ихъ начала. Не совсѣмъ безъ основанія большинство людей такъ мало уважаютъ тѣ системы, хотя они это дѣлаютъ просто по слѣпому инстинкту. Люди могутъ ослѣпляться тѣмъ что слышатъ, особенно если это сопровождается прелестью завлекательнаго слога и роскошнаго воображенія. Но если основаніе взято не изъ природы, то оно столько же сдѣлаетъ впечатлѣнія какъ и проходящее лѣтомъ облако, потому что произвести прочное убѣжденіе, или возбудить жажду основательнаго изученія можетъ только вѣрное изображеніе истины.

«Сужденіе, какъ это видимъ, совершенно зависитъ отъ отвлеченностей, и отличается только большимъ разнообразіемъ и объемомъ отъ *исчисленія*. Но всѣмъ извѣстно, что послѣднее совершается посредствомъ символовъ, то и первое (сужденіе) — кажется это ясно доказано, — совершается подобнымъ же образомъ, — т. е. посредствомъ символовъ, представителей. По вниманію, въ дѣйствіяхъ своихъ точно также зависитъ отъ словъ какъ пальцы отъ руки, которая посредствомъ ихъ скватываетъ все что только ей подѣ силу. А въ употребленіи языка мы точно также водимся инстинктомъ, какъ

зубами и челюстями кусаемъ и жуемъ пищу.

«Но прежде всего читателю слѣдуетъ обратить вниманіе на дивно любопытную природу отвлеченныхъ словъ: на то *начало*, на которое не можемъ довольно обращать вниманіе наше, по высокой важности и всемірности онаго. Мы должны убѣдиться, что сама природа призываетъ насъ употреблять одно или многія слова тождественныя слову *состояніе*: и если вздумаемъ доискывать начала сего таинственнаго символа — слушающаго явнымъ или подразумеваемымъ основаніемъ всего отвлеченнаго языка, — то . . . мы найдемъ, что понятіе человеческое не въ состояніи дать намъ отчетъ какимъ образомъ онъ сдѣлался богомъ сего дольнаго міра!»

Намъ остается только прибавить — говорятъ англійскіе критики — что система Сера Гревса Гаутена совершенна, изящна всѣхъ когда либо предложенныхъ разсмотрѣнію человечества; и мы увѣрены, что всякой изслѣдователь философіи, нашъ или иностранецъ, обратитъ свое вниманіе на глубокія и зрѣлыя сужденія автора.

Мы, Русскіе, съ своей стороны прибавляемъ, что тотъ сдѣлаетъ великую услугу нашей литературѣ, кто при достаточномъ запасѣ познанія философическаго англійскаго и русскаго языковъ, переведетъ эту книгу, какъ видится, величайшей важности, особенно при нынѣшней распутицѣ современнаго у насъ философствованія. Редакт.

РЕТІТ RESCUEIL DE FABLES, par Fr. Jacquier. Paris in 18.

«Мала птичка да ноготокъ востеръ!» говорятъ пословица. Мала книжка да толку много! скажемъ мы прочитавъ это небольшое собраніе басенъ! Французскіе журналы оцѣнили уже по достоинству эту маленькую книжку. Вотъ ихъ

сужденіе: авторъ не выказываетъ о-
молюбія, подражая неподражаемому
Дашонтеву: онъ не гонится за тѣмъ
искусствомъ съ которыми нѣмцы знаме-
нитый Дашонтевъ заставляетъ каждого
звѣря говорить свойственнымъ ему
языкомъ, и не смотря на это рассказъ
его простъ и естественъ. Рамка не
большихъ апологовъ его хорошо на-
полнена; въ басняхъ его видны жизнь,
свобода, движеніе; стихъ его легокъ,
не вялъ; его можно упрекнуть разве
въ томъ, что мораль его басни не все-
гда выходитъ изъ акціи съ одинаковою
тонкостью и остротой.»

Какъ образчикъ изложенія автора
приведемъ въ подражаніи отрывокъ
изъ басни его.

Два шарлатана.

— Сюда, сюда!

Скорѣе, господа!

Клянуся вамъ по чести

И увѣрю васъ безъ лести

Что представляется рудникъ вамъ золо-
той,

Какихъ еще ни кто не видалъ подъ лу-
ной:

Невѣроятное, неслыханное дѣло,

Въ которомъ капиталъ

Удвоите вы смѣло;

Сто на сто барыша для васъ я оты-
скалъ:

До угольной руды я наконецъ дорылся
И до какой руды! черна какъ чортъ,

А какъ блестяще — шу, самый первый
сортъ!

И каждый бы изъ васъ конечно выжи-
вился:

А какъ богата — шры нѣтъ!

И вѣренъ вашъ барышъ, какъ дашонъ
дневный свѣтъ,

Попробуйте, не пройдетъ и года

Какъ наша коня намъ дастъ мильона
три дохода:

Кто хочетъ денегъ, тотъ не думай, не
звнай

И акціи скорѣй до нельзя разбирай;

Скупайте ихъ кушцы, дворяне, генера-
лы —

Кто хочетъ черезъ годъ утронуть капи-
талы!

Такъ многихъ обалъ пройдоха шарла-
танъ,

И многихъ онъ умекъ доверчивыхъ
гражданъ;

И эти многіе, товаръ купивъ изнанкой,

Всѣ деньги чистыя на уголье прожгли,

И съ голоду потомъ въ больницы умер-
ли....

Съ рецептами въ рукъ, съ врачебною
приманкой,

Опасенъ плащадной бсвѣтлдый шарла-
танъ;

Но есть еще другой, на видъ почти не-
винный,

Радужно принятой у барича въ гостин-
ной;

Когда съ ними встрѣтитесь, — держитесь
за карманъ!

И. КОРСАКОВЪ.

НЕОРАМА, СМѢСЬ И РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

~~—~~

УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ

ПО МЕТОДУ ЖАКОТО.

Боже мой! какая скука читать вздоръ, по обязанности, по службѣ такъ думалъ я, сидя въ своей канцеляріи и ломая голову надъ поступившимъ ко мнѣ проэктомъ, въ которомъ на пожотнѣ листовъ наговорено обо всемъ, кромѣ того въ чемъ именно состоитъ прозекъ.

Это было въ нынѣшнемъ году, въ прекрасное, жаркое утро. Теперь вы конечно уже знаете когда именно это было, потому что прекрасныя и жаркія утра въ Петербургѣ бывають также почти часто, какъ день новаго года.

Совершенно не понимая въ чемъ состоитъ описываемый прозекъ, — я рѣшился вновь начать чтеніе ужасной полсотни листовъ, но начать *романтически*, т. е. *съ конца*, какъ вообще надо читать всѣ произведенія *лежаго чтенія*. Въ концѣ не-объяснимаго прозекта объяснилась его

польза, въ слѣдующихъ словахъ, списываемыхъ мною съ археологическою точностію:

«Польза предлагаемаго изобрѣтенія служить къ употребленію *этого* у всѣхъ многолюдныхъ древнихъ и новыхъ народовъ; и на всѣхъ водахъ для важныхъ надобностей выгодъ и пользы, которая каждая можетъ чтобы принести въ 50 разъ болѣе стойности; какъ никогда прежде не бывшее пособіе человечеству.»

Нѣтъ, рѣшительно ничего не понимаю . . . ужасно . . . ужасно! . . .

Досада, грусть овладѣла мною дѣлъ пропасть, безтолковое, вздорное маранье отнимаетъ время отъ занятій важнѣйшихъ, къ тому же и секретаря нѣтъ: прежній вышелъ въ отставку, новаго не могу приискать. Какъ, скажете вы, не приискать секретаря, въ Петер-

Часть X. Гл. V.

12

бургъ, гдѣ считается такъ много чиновниковъ безъ должностей; помиуйте, вѣрно вы черезъ чуръ прихотливы!...

Виновать, прихотливъ немножко. Извольте видѣть, у меня есть своя фантазія: я увѣренъ, что грамотнаго и образованнаго человѣка въ самое короткое время можно приучить къ дѣламъ, а безграмотнаго доку и дѣльца ни какъ нельзя сдѣлать грамотнымъ.

Не торопитесь возражать, я знаю напередъ что вы скажете, знаю общее повлѣрье, что нынѣ грамотнѣеъ развелось слишкомъ много и потому въ нихъ не можетъ быть недостатка. Все такъ; но *овому таланъ, овому два*: другіе не знаютъ куда дѣваться отъ грамотнѣеъ, а мнѣ нѣтъ на нихъ счастья. Правду сказать, являлось ко мнѣ много кандидатовъ на секретарское мѣсто; да все не такіе, какіихъ мнѣ надо. Иной кажется съ неба звѣзды хватаетъ, обо всемъ такъ и рѣжетъ, а погляднншь да *чораспросиши*, анъ ничего-то бѣдненькой не знаетъ, ничему не учился основательно, только во всемъ верхки хваталъ, по милосуду *легкаго чтенія*; о грамматикѣ же и говорить нечего, если не пишеть *силъ* и *онныхъ*, такъ и литераторъ. Иной заблаговременно спрашиваетъ: сколько разъ въ годъ бывають награды и какъ рано должно приходнть въ канцелярію, *каель одиннадцати часоевъ*? . . . Бывали и изъ молодыхъ людей, не кончившихъ курса ученія, да все народъ такой поэтической . . . что для нихъ служба? . . .

Фя! прозаическія бредня,
Фламанскаго школы пестрый соръ!

Какъ бы то ни было, а я безъ секретаря, — безъ сподручника, съ которымъ могъ-бы раздѣлнть горе отъ чтенія галиматнъ.

Отложнвъ въ сторону (къ числу прочихъ таковыхъ же) вышепомннутый необъяснимый прозекъ, въ разумѣ блуждалъ я взорами по анфиладѣ комнатъ моей канцеляріи и мысленно переносился къ тѣмъ временамъ, когда подѣ побѣдоносными Русскими орлами я леталъ за Кавказомъ и подѣ Варшавою, когда подѣ красными отворотами мундира моего не

билось даже и предчувствіе гражданской службы.....

Вдругъ является сторожъ и самымъ торжественнымъ тономъ объявляетъ мнѣ, что чиновникъ Дуняшенко наволнть желать видѣть мое высокоблагородіе.....

— Зови сюда.

Входитъ высокая, сухая фигура въ золотыхъ очкахъ, съ владимірскою ленточкою, подѣ которою бронзовая медаль спрятана такъ искусно, что наводнть подозрѣніе на владимірской крестъ.

Сухая фигура подаетъ мнѣ письмо отъ пріятеля моего, который въ письмѣ споемъ рекомендуетъ мнѣ въ секретари г. Пьеретенко, какъ весьма трудолюбиваго и борзаго писца, готоваго на щожн за каждую запятую.

Послѣ разнѣна обыкновенныхъ фразъ: прошу саднться и проч. т. п. между нами начался слѣдующій разговоръ:

Я. Владиміръ Петровичъ пріятель мой, рекомендуетъ мнѣ въ секретари г-на Пьеретенко.....

Онъ. Это я самый.

Я. Извините, мнѣ назвали васъ г-мъ Дуняшенко.

Онъ. Это все равно: въ Б: д: Ч: Пьерета переводнтся Дуняшено 1); *слѣдовательно и прочее.*

Я. Скажите пожалуйста, не родня ли вамъ, или по крайней мѣрѣ не знакомъ ли вамъ Павелъ Ильичъ Пьеретенко?...

Онъ. Онъ мнѣ дѣда, а потому-то я и не знакомъ съ нимъ.

Я. Какъ такъ?

Онъ. Помилуйте, да какъ же можно быть знакомымъ съ роднею?... родня есть вещь ужасная, пагубная, несносная, безотвѣдная, убнственная, отъ которой надо *бѣжеть въ Нльцы* 2), какъ говорнтся въ Б. д. Ч. А говорнтся тамъ, какъ пишеться, а пишеться какъ говорнтся. Цѣлый рядъ повѣстей въ Б: д: Ч: положнтельно это доказываетъ: Пьерета 3), всю жизнь и даже въ гробу преслѣдуема и терзаема

1) В. д. Ч. за апрѣль 1840. Повѣсть Дуняша.

2) В. д. Ч. за май. 1840. Повѣсть Медовый мѣсяць.

3) В. д. Ч. за апрѣль 1840.

была родней своей; Николай Никшевич 4) и все его семейство также терзаемы были своимъ дядей; а повѣсть Медовый мѣсяцъ 5) окончательно обнаруживаетъ родствен- ный деспотизмъ и ужасъ имѣть дядей и тетокъ. Давно убѣждено все человечество вообще и Русская публика въ особенности, что вѣрность супружеская не суще- ствуетъ, что дружба—мечта и проч. тому подобное, и убѣжденіе это послѣдовало отъ такихъ же повѣстей; теперь настала пора избавиться отъ мечты о родствен- ной любви; — какъ оно и сдѣлано.

Я. Помилуйте, можно ли такъ криво толковать труды людей, которые вовсе пишутъ не для наученія, а для шутки!

Онъ. Что же тутъ кривога? Такъ въ натурѣ, такъ и въ повѣсти, и въ этомъ согласны теперь очень многіе.

Я. По крайней мѣрѣ вашъ дядя со- всѣмъ не такъ думаетъ и очень любитъ всю родню свою.

Онъ. Я не полагаю, чтобы такой образецъ былъ теперь облыжающимъ для меня. 6).

Я. Оставимте этотъ тяжелой разговоръ, Скажите, пожалуйста, гдѣ вы учились?

Онъ. Въ Орелской гимназій.

Я. То есть въ Орловской?

Онъ. Въ В. д. Ч. говорится и пишет- ся: аспидскіе 7) глаза, следовательно и прочал.

Я. Не были-ли вы и въ университетѣ?

Онъ. Матушка моя желала быть мнѣ студентомъ; но я не счелъ нужнымъ для меня, чтобы дѣйствовать по первому вав- скому приказанію 8), какъ говорятъ зна- ющіе салонный языкъ высшаго круга. Я рѣшительно объявилъ, что не хочу те- рять времени, чтобы сдѣлаться педан- томъ; къ моему голосу присоединился еще одинъ мой товарищъ, чтобы тоже лаянуть несчастную матушку, 8) какъ го- ворятъ тѣ же салонные писатели, и — дѣло тамъ кончилось.

4) В. д. Ч. за февраль и мартъ 1840.

5) В. д. Ч. за май 1840.

6) В. д. Ч. за июль 1840. Лит. лѣт. стр. 5-я.

7) В. д. Ч. за июль 1840. Записка Шкв ил. стр. 52.

8) В. д. Ч. за июль 1840. Смѣсь стр. 33

Я. Какое же поприще избрали вы по выходе изъ гимназій?

Онъ. Я сдѣлаюсь литераторомъ и разо- шлюсь отъ бремени драммами 9).

Я. Не въ духъ-ли новой школы были ва- шни произведенія?

Онъ. Я человекъ моего времени 10), следо- вательно и прочее.

Я. Признаюсь вамъ, я не разделяю ва- шего мнѣнія о новой школѣ и съ при- скорбіемъ вижу дѣйствія тѣхъ изъ ея послѣдователей, которые усиливаются дѣлать нововведенія въ Русскомъ языкѣ, и своими литературными выдумками только искажаютъ языкъ нашъ.

Онъ. Помилуйте, въ этомъ-то и заслуга этихъ литераторовъ, что они трудятся для изгнанія какого-то Русскаго языка не- существующаго, небывалаго и невозможна- го. 11).

Я. Какъ небывалаго и невозможно! да какимъ же языкомъ выразалась и вы- ражается вся Русь, какимъ языкомъ пи- сали Карамзинъ и Батюшковъ, какимъ языкомъ говоримъ мы съ вами???

Онъ. Карамзинъ и Батюшковъ писали слѣдуя грамматикѣ, которая учитъ гово- ритъ и писать именно такимъ образомъ, какъ никто въ свѣтъ не говоритъ и какъ следовательно никто не долженъ писать 12); а мы выражаемся звуками языка жи- ваго, современнаго, неподпльнаго языка Русскихъ людей девятнадцатаго вѣка 13), — языка, который не подчиняется грамма- тикѣ, которая старается оттащить людей назадъ, къ бывшему прошедшему, несущему- ющему въ современномъ языкѣ 14).

Это не стоило возраженій; мнѣ даже передъ писцами въ канцелярїи совѣстно стало доказывать кандидату въ секре-

9) В. д. Ч. за июль 1840. Смѣсь, стр. 26.

10) В. д. Ч. за июль 1840. Лит. лѣт. стр. 5.

11) В. д. Ч. за июль 1840. Лит. лѣт. стр. 5.

12) В. д. Ч. за июль 1840. Лит. лѣт. стр. 3.

13) В. д. Ч. за июль 1840. Лит. лѣт. стр. 6.

14) В. д. Ч. за июль 1840. Лит. лѣт. стр. 4.

тари, что всякой лавочникъ пишетъ такъ какъ говоритъ, не стѣсняясь правилами грамматики, что по милости подобныхъ теорій мы скоро дойдемъ до языка лавочниковъ, что называть Русской языкъ (языкъ Карамзина и Ватюшкова) небывальшымъ и невозможнымъ — чистая горячка.

Я перемѣнилъ разговоръ и, послѣ нѣсколькихъ распросовъ о прежней службѣ г. Пьеретенко, напомнилъ кандидату въ секретари о необходимости подвергнуться служебному испытанію. Пьеретенко весьма огорчился моимъ предложениемъ, нѣсколько разъ поправилъ свои очки, подергивалъ свою владимірскую ленточку и наконецъ съ видомъ оскорбленнаго достоинства воскликнулъ:

Помилуйте, какъ можно подвергаться испытанію, *мнѣ который пѣжу на паразъ, 15) мнѣ который перевожу Вольтеръ-апострофъ — а (Voltaire'a *)*.

Я. Какъ вамъ угодно, но испытаніе необходимо.

Онъ. Неужели вы полагаете, что я стану искать должности, которую чтобы занять не имѣю способностей и *этакимъ образомъ пущусь съ надутельными продѣлками*.

Я. Испытаніе положено закономъ и я увѣренъ, что вы, — опредѣляясь въ секретари, — знаете тотъ законъ.

Послѣднее замѣчаніе подѣйствовало и Пьеретенко не сталъ болѣе отказываться отъ испытанія. На первый случай я поручилъ ему написать отношеніе въ департаментъ К. А. — Боже мой! какой сумбуръ въ правописаніи, какал лавочническаяд теорія! . . . Я не стану терзать васъ исчисленіемъ всѣхъ галлицизмовъ, барбаризмовъ, Французско-Татарскихъ оборотовъ, всѣхъ диссонансовъ падежей и наклоненій, — вы довольно терзаетесь ими, читалъ преобразовательные сочиненія; — не хочу утомлять васъ изложеніемъ всѣхъ моихъ объясненій съ Пьеретенко *по поводу каждой статьи*,

15) В. д. Ч. за іюль 1840 Лит. лѣт. стр. 5.

(*) Правописаніе иностранныхъ словъ въ В. д. Ч.

— опишу только окончаніе нашей бесѣды.

Я. Вы пишете: Австрійской Императоръ, не поставляя прописныхъ буквъ: А, И.

Пьер. Въ В. д. Ч. пишется: прусскаго короля, 16) *слѣдовательно и прочее*.

Я. Странно: Нѣмцы пишутъ: Картофель, Кффе, Колбаса, ставя большія К, и никто не возстаетъ противу того, а Русскіе отлѣчаютъ прописными буквами предметы священныя для нихъ, или имѣющіе особую важность и — цѣлая армія нападаетъ на обычай освященный давностію употребленія и вполне сообразный съ духомъ Русскаго народа. И для чего же всѣ такія усилія нововводителей? . . . изъ рабскаго подражанія брашимымъ, но безпрестанно обкрадываемымъ ими, Французамъ. Не удивительно что Французы не удостоиваютъ даже прописною буквою имена Религии, Короля, Министровъ и т. п. но неужели мы Русскіе должны во всемъ слѣдовать ихъ примѣру; неужели никто изъ Русскихъ людей не возстанетъ противу усилія внести въ Россію и Французское правописаніе (*) Далѣе г. Пьеретенко, . . . вы пишете: прежнихъ предписаній, безъ лагу и т. п. весьма часто полагая дательный падежъ вмѣсто родительнаго; неужели и это правильно? . . .

Пьер. Знатки нашего языка *говорятъ-пишутъ: безъ приказу 14), не возбужу смѣху 15); слѣдовательно и прочее*.

Я. Для доказательства всей шаткости вашей теоріи я покажу вамъ, что тѣже самыя, которымъ вы подражаете, пи-

16) В. д. Ч. за іюль 1840. Лит. лѣт. стр. 6.

(*) Грѣшныя люди! и на нашу долю придется здѣсь двѣ-три конфетки: глядя на другихъ и мы, съ нѣкоторыми излѣтими, употребляемъ, въ этомъ случаѣ, правописаніе французское — въ немъ есть и хорошая сторона; а отвѣчаютъ за нашъ грѣхъ пусть *другіе*.

Редакт.

14) В. д. Ч. за іюль 1840. Смѣсь стр. 30.

15) В. д. Ч. за іюль 1840. Лит. лѣт. стр. 6.

шуть: такого разбой 16), не изменила своего духа 17) и проч.

Давно уже усердный поборник новой школы и легкого чтения раздраженъ былъ монми возраженіями, а последнее замѣчаніе, на которое ему нечего было отвѣчать, совершенно вывело его изъ себя; онъ схватилъ шляпу и началъ сильнѣе подергивать свою ленточку отъ бронзовой медали. Будто не замѣчая его досады, я продолжалъ:

Грамматика весьма ясно опредѣляетъ гдѣ должно полагать родительный падежъ и повелѣнья. . . .

Упрямый кандидатъ въ секретари не выдержалъ, вскочилъ со стула и воскликнулъ:

Грамматика повелѣваетъ, да Б. д. Ч. нѣтъ.

Только мы его и видали.

Разсудите, господа, кто правъ, кто виновать?

С. НАВРОЦКОЙ.

НѢКОТОРЫЯ ЧЕРТЫ

Изъ Японскаго народнаго вѣта.

Японія и Китай составляютъ какой то особой *миръ* на обитаемой нами планетѣ. О нихъ нельзя судить по общему масштабу нашихъ Европейскихъ понятій. Любопытно однакожъ слѣдить челоуѣчество и въ этомъ странномъ *мирѣ* живущихъ и мыслящихъ существъ. Но чтобы судить о дѣйствіяхъ этихъ существъ, надобно сродниться съ ихъ вѣрованіемъ, обычаями и законами, совершенно противоположными нашему образу мыслей.

Къ числу такихъ полудикихъ странностей народа, впрочемъ образованнаго, нельзя не причислить жестокаго презрѣнія ихъ къ собственной жизни, презрѣнія — основаннаго на ложномъ понятіи о чести и какъ бы освященнаго законами. Просвѣщенный читатель вѣроятно догадается что здѣсь дѣло идетъ о *юридическомъ самоубійствѣ Японцевъ*.

Юридическое самоубійство! Вы вѣрно шу-

тите, г. редакторъ? — прочтите дальше, и вы увидите что нѣтъ. — Любопытны послушать этихъ чудесь! — Извольте: я нарочно выпишу вамъ одну статейку изъ любопытной книги записокъ Голландца *Титциуса*, болѣе 14 лѣтъ постоянно жившаго въ Японіи.

“*Юридическое самоубійство въ Японіи* представляемо только нѣкоторымъ классамъ людей заслужившимъ смертную казнь, съ правомъ распорѣть себя животь собственными руками (*).”

•Всѣ военныя, всѣ придворныя служители *Джогуна* (**), всѣ государственныя чиновники совершившіе какое нибудь преступленіе, *обязаны* сами распарывать себя животы, но не иначе какъ по предварительному указу Двора: въ противномъ случаѣ — *наследники* (***) ихъ подверглись бы лишенію мѣстъ и описи всего своего имущества. Самоубійство сего рода — такая обыкновенная вещь въ Японіи, что всѣ государственныя сановники, кромѣ обыкновеннаго своего костюма, и *пожарнаго шарфа*, безпрестанно носятъ на себѣ все нужное для подобной экзекуціи. Принадлежности сіи заключаются въ *блломъ ерхнемъ платьѣ* и *торжественной одесждѣ изъ пенковой холстины безъ гербовъ*. Для подобнаго случая вся наружность дома обтягивается бѣлыми обоями; ибо обыкновенно всѣ дворцы знатныхъ людей и всѣ станціи, на которыхъ они останавливаются *ѣдучи* въ *Иеддо*, или обратно, обтягиваются цвѣтными покровами съ вышитыми на нихъ гербами ихъ *фамилій*, — преимущество, которымъ пользуется и Голландскій резидентъ.

•Получивъ указъ двора, сановникъ обреченный къ юридическому самоубійству, приглашаетъ къ себѣ въ известное время всѣхъ ближнихъ и задушевныхъ друзей и угощаетъ ихъ *нанпкомъ Саки* (Японское вино, замѣняющее имъ и водку).

*) Нѣчто въ родѣ тогоже обычая — *шелковый шуурокъ*, посылаемый падишахомъ своимъ пашамъ, существуетъ и въ Турціи.

**) Свѣтскаго императора Японіи живущаго въ *Иеддо*.

***) Должности наследственны въ Японіи, если наследникъ совершеннолѣтенъ

16) Б. д. Ч. за июль 1840. Смѣсь, стр. 34.

17) Б. д. Ч. за июль 1840. Лит. лѣт. стр. 4.

Подгулявъ съ ними *наморднѣ*, онъ говорить ичѣ — *прости!* Указъ двора вычитывается ему снова. У вельможъ, дѣйствіе это происходитъ въ присутствіи ихъ секретарей и домоправителей (инспекторовъ). Наконецъ герой этой трагедіи проноситъ привѣтственную рѣчь; потомъ откусываетъ голову на *множку* (служащую Японцу вмѣсто ковра), и *собственноручно* распарываетъ себѣ животъ поперечнымъ ударомъ сабли до самыхъ кишокъ. Тогда любимѣйшій изъ его служителей, стояшій у него за спиною, отскакиваетъ ему голову. Храбрѣйшіе осужденники недовольствуясь однимъ поперечнымъ ударомъ сабли, порютъ себѣ животъ крестообразно вторымъ продольнымъ ударомъ, а третьимъ ударомъ пересѣкаютъ себѣ горло. Такая казнь не влечетъ за собой ничемалѣйшаго позора и сынъ самоубійцы препокойно занимаетъ мѣсто его въ Императорскихъ войскахъ, при Дворѣ или въ Государственномъ управленіи.

Каждый знатный преступникъ, опасаясь формальнаго обличенія въ винѣ своей, въ избѣжаніе позора площадной казни, точно также распарываетъ себѣ брюхо, и тогда (кромѣ нѣкоторыхъ, весьма немногихъ случаевъ) всѣ судебныя слѣдствія кончаются съ его смертію, а имѣніе и честь наследниковъ остаются неприкосновенными. Дѣло это столь обыкновенно въ Японіи, что на него и вниманія не обращаютъ. Къ удалству сему приучается съ молодуха каждый благородный Японецъ, какъ у насъ — къ гимнастикѣ, и такимъ образомъ привыкаетъ отъ младенчества своего смотреть равнодушно на смерть, которую предпочитаетъ самъ малѣйшему оскорбленію. Это презрѣніе къ жизни, обезславленной какою бы то ни было униженіемъ въ обществѣ, природно всѣмъ Японцамъ, даже и низшаго званія.

Между тѣмъ, изъ записокъ того же автора видимъ, что дуэли въ Японіи строго запрещены, казнитя торговою смертію и описью всего имѣнія наследниковъ. Какъ же согласить такія ложныя понятія о народной чести, съ преступленіями доволно обыкновенными и въ Японіи и въ Европѣ: съ воровствомъ, ложнымъ доносомъ, и пр. Видно права пословица: — *что корень, то порокъ, что деревня, то обычай!*

II.

Но вотъ другія черты изъ той же народной жизни Японцевъ.

Въ половинѣ прошлаго вѣка, *Мотомидзуки-Саней*, умный и искусный придворный врачъ, особенно сдѣлажа известнымъ любовію своею къ человечеству. Однажды, проходя по мосту *Теддо-баси*, онъ увидѣлъ дитя нищаго, пораженное оспою: простая рогожка служила ему и одеждою и постелью; лейбъ-медикъ его Кубо-скаго величества немедленно прописалъ ему лѣкарство и снабдилъ его пищею. Товарищъ его *Татсибана-Руиванъ*, узнавъ объ его человѣколюбивомъ подвигѣ, сказалъ ему: «ты срамишь себя: приличноль тебѣ — придворному медику возиться съ нищими? И что еще хуже — ты, какъ слышу я, прописывалъ лѣкарства какому то комедианту *Ичкиса-Еишо!* вспомни, что намъ лейбъ-медикамъ самаго Джогуна неприлично заниматься болѣзнями черни.» — «А я иначе думаю, возразилъ *Саней*, Джогунъ отецъ своего народа, и первый долгъ нашъ помогать страдающимъ его дѣтямъ. За то, когда я встрѣчаю больнаго на улицѣ, хотя бы онъ былъ самымъ бѣдѣйшимъ нищимъ, я не могу отказать ему въ помощи и исполняю этимъ первый мой долгъ.» — Руиванъ не зналъ что отвѣчать на такую неопровержимую истину и долженъ былъ уйти со стыдомъ отъ своего товарища *Саней*.

Начало того же осмнадцатаго столѣтія ознаменовано было вступленіемъ на престолъ Джогуну въ значеніаго преобразователя, Юримуна, Монарха, котораго можно назвать великимъ Петромъ Японіи. Онъ нашелъ государство свое въ самомъ жалкомъ состояніи Со времянь Свѣтскаго Императора Тсунайори, страсть къ щегольству, роскоши и разврату дотога вскружила головы всѣхъ Японцевъ, что сословія, которымъ бы и думать о томъ не надлежало, увлечены были всеобщимъ потокомъ. Безумство этихъ людей вышло изъ предѣловъ всякаго вѣроятія. Нерѣдко видали воинво которые бѣлились, румянились, подкрашивали губы и наряжались какъ настоящія щеголихи. Такая женоподобность возбудила негодованіе новаго Императора; въ справедливомъ гнѣвѣ своемъ противъ изнѣженыхъ,

наблизившихся войско своих, они успевали принять строжайшія меры къ принадлежно воссиять чинамъ въ прежній порядокъ; подчиняли ихъ надлежащей дисциплинѣ; заставляли ихъ рачительно обучаться своему дѣлу, упражнять тѣмъ своею искусными упражненіями, въ намѣреніи придать имъ болѣе ловкости и силы между тѣмъ и самъ неустанно наблюдалъ за порядкомъ военнаго ученья, отъ котораго они совершенно отвѣкли въ предшествовавшіе царствованія. Успѣха мудраго монарха увѣнчаны были желанными успѣхами: юношество посвятившее себя военному ремеслу вскоре отличилось въ всѣхъ свойственныхъ ему упражненіяхъ: явились искусные стрѣлки издававшие ни одного промаха и попадавшие разъ по сту въ цѣль изъ луковъ своихъ на полвѣмъ скаку; проворные копейщики — защипавшіеся противъ пяти или шести противниковъ вдругъ; ловкіе мечники отбивавшіе саблями по два десятка нападавшихъ. Мало этого: — преобразователь своей отчины заставлялъ ихъ учиться плавать и нырять, — искусству почти забытому Японцами въ послѣднее царствованіе, въ продолженіе котораго женоподобные ратники, ни о чемъ другомъ не думая кромѣ шардовъ своихъ, опасались чтобы нѣжная кожа ихъ не огрубѣла, если они вышедъ изъ холодной воды, стануть долго печься на солнцѣ. Неумолимый Юзи-Муъ, осмѣявъ публично такіа глупости, принудилъ лѣнливыхъ юношей своихъ сдѣлаться дѣтельными мужами и самъ возбуждалъ ихъ словомъ и дѣломъ, лично присутствовалъ при сятзаніи пловцовъ и ободралъ побѣдителей наградами въ извѣстные дни. До вступленія его на престолъ, пловецъ перешедшій рѣку Асакуза-Гаву шириною во 120 ики (около 840 футовъ) почитался чудомъ: при немъ переплывали ее разъ по 36 съ ряду, погружаясь только по поясъ въ воду. Не покровительство, а одно искусство и ловкость въ военныхъ упражненіяхъ открывали воинамъ путь къ наградамъ и повышенію.

Юзи-Муъ не забылъ также наукъ и художествъ: онъ учредилъ для нихъ особыя время и осмѣялъ дарамъ своими достойныхъ. *Ол-Джиситсэ*, ученый хитрецъ; *Фолоен-Сиротай*, искусный каллиграфъ,

Носэй-и-Бунаро и *Наниаса-Чуэро*, отличные астрономы, *Мисэй-Магоциро*, лучший ариѳметикъ — получили оклады ежегоднаго жалованья.

Матсура-Дзюро знаменитый правовѣдъ, избранный инспекторомъ (надзирателемъ) къ послѣднему принцу *Тяма*, награжденъ былъ ежегоднымъ доходомъ въ 400 *Кобановъ* *) но онъ не долго занималъ эту должность: во уваженіе глубокой его учености; рѣдкой чистоты и необыкновеннаго ума, назначенъ онъ былъ губернаторомъ *Осаки* подъ именемъ *Матсура-Касо-но-Каласэ*. Здѣсь отличился онъ примѣрнымъ правосудіемъ и благоурауміемъ. Между прочимиъ разсказываютъ о немъ слѣдующій анекдотъ.

Лѣнливецъ *Томайя-Кужеро*, проживавшій въ *Осаки* близъ моста *Корел-баси*, замѣтилъ однажды, что у него недостаетъ 500 *Кобановъ* (кофеовъ): не видавъ никакого чужаго въ домъ своемъ, онъ рачетъ, что обокрасть его было некому кромѣ котораго жибудь изъ домашнихъ слуги. Допросивъ ихъ всѣхъ по отдельности, онъ ни какъ не могъ открыть истощающаго вора. Тѣмъ не менѣе, подозрѣнія его пали на одного изъ нихъ — именемъ *Чуджетсэ*: ни хозяинъ ни домашніе не могли подумать ни на кого другаго. Его взяли подъ стражу, строго допрашивали; онъ заперся; доказательства очевидныхъ не было. Хозяинъ объявилъ ему, что если онъ не повинится, то дѣло перенесено будетъ на судъ къ Губернатору, и тогда, въ случаѣ улики, пощады ему не будетъ. Но какъ и эта угроза не помогла, — *Томайя* рѣшился донести на него правительству, обвиняя служителя своего въ покражу и проси примѣрно наказать его. Губернаторъ объявилъ исполнить просьбу доносителя. *Чуджетсэ* былъ востребованъ къ новому допросу, снова началъ увѣрять въ своей невинности и объявилъ, что ни какія пытки не заставятъ его взять на себя преступленія, котораго онъ не сдѣлалъ.

*) *Касби* или *Кобанъ* — золотая монета, которой достоинство часто измѣнялось: 400 кофеовъ составляютъ 420 Голландскихъ червонцевъ.

Губернаторъ Каваче велѣлъ его посадить въ тюрьму, послалъ за Томасей и его домашними, объявилъ имъ отзывъ обвиняемаго и требовалъ уликъ въ его преступленіи. Томайя объявилъ что хотя уликъ сихъ на лицо не имѣеть, но что онъ и весь домъ его увѣрены въ винѣ Чуджетса; что онъ закосятымъ плутъ, у котораго ни какія муки не выпытають сознанія въ его бездѣльствѣ. Каваче спросилъ ихъ, могутъ ли они *по совѣсти своей* подписать подобное объясненіе? что тогда онъ велитъ обезглавить преступника. Всѣ согласились, и подписали слѣдующую бумагу:

«Чуджетсъ, служитель Томайю, укравъ у холина своего пять сотъ кобанговъ; утверждаемъ это письменно и просимъ впредь для примѣра подвергнуть похитителя казни: мы нижеподписавшіеся служители и семейныя Томая, подтвердили извѣтъ сей подписью съ приложениемъ нашихъ печатей 2-го мѣсяца 1-го года *Генъ — буиъ* (1736).»

«Каваче-но-Ками принялъ жалобу и сказалъ Томайю — теперь, когда отвѣтственности мой передъ закономъ ограждена, я прикажу отсѣчь голову Чуджетсу; доволенъ ли ты? — «Доволенъ!» отвѣчалъ Томайя и поблагодаривъ Губернатора вышелъ изъ его присутствія.»

«Между этими временемъ пойманъ былъ одинъ воръ въ окрестностяхъ храма *Тень-ма*, и будучи пытанъ, показалъ что онъ укралъ и у Томайя Осакакаго пять сотъ кобанговъ. Извѣстясь о семъ, Каваче посылаетъ за Томасей и его домашними и спрашиваетъ ихъ, почему они безъ настоящихъ уликъ, обвинили невиннаго Чуджетса въ покражѣ и осмѣлились скрѣпить удостовѣреніе въ томъ своею подписью? Онъ извѣщаетъ ихъ о поимкѣ настоящаго вора, а равно и сознаніи его въ пыткѣ, которой онъ былъ подверженъ, потомъ прибавляетъ: «по извѣсту нашему, я велѣлъ обезглавить невиннаго; въ возмездіе за такое несчастіе, ты, жена твоя и домашніе будете обезглавлены также; а я *расторю себѣ брюхо* за то, что не изслѣдовалъ дѣла сего съ надлежащею осмотрительностью.» При сихъ ужасныхъ словахъ всѣ затрепетали; судьи и кварталныя приступили съ просьбою простить виновныхъ; но Каваче

отвѣчалъ имъ съ строгостію, что всѣ убжденія ихъ напрасны и чѣмъ болѣе ихъ станутъ оправдывать, тѣмъ они будутъ виновнѣе. Осужденные продались воплямъ и рыданіямъ. Каваче желалъ дать имъ полезный урокъ, оставилъ ихъ на нѣкоторое время безъ всякой надежды на помилованіе, чтобы они долѣе помнили эту торжественную минуту разлуки съ жизнью и научились быть добрыми и справедливыми. Наконецъ тронутый ихъ отчаяніемъ сказалъ имъ: «успокойтесь! отвѣты Чуджетса заставили меня увѣриться въ его неповинности. Я велѣлъ укрыть его, въ полной увѣренности что небесное правосудіе обличитъ настоящаго злодѣя. Радуюсь, что послѣдствія оправдали мою осторожность.» Потомъ велѣвъ позвать Чуджетса, продолжалъ: «Томайя! вотъ тотъ несчастный, котораго твой ложный извѣтъ, заставилъ томиться такъ долго въ тюрьмѣ и едва не погибнуть позорнѣйшею казнію. Благодарю боговъ, предварившихъ такое несчастіе, только по этому случаю избавляю тебя отъ заслуженной смерти; но ты обязанъ вознаградить пострадавшаго тебя ради: заплати же ему пятьсотъ кобанговъ, и обращай съ нимъ впередъ какъ съ вѣрнымъ служителемъ.»

Когда Джогунъ узналъ о семъ знаменитомъ приговорѣ, онъ публично изъявилъ ему свое благоволеніе, расхвалилъ справедливость Каваче и сказалъ торжественно: «желательно чтобы всѣхъ были подобныя губернаторы.» Вскорѣ потомъ онъ былъ сдѣланъ инспекторомъ счетной палаты и опредѣленъ губернаторомъ въ *Нагасаки* гдѣ и теперь еще вспоминаютъ о немъ съ благоговѣніемъ. Кто бы подумалъ что достопамятный мужъ сей, добросовѣстный сановникъ могъ быть лишень довѣренности своего монарха? Къ сожалѣнію это случилось въ послѣдующее царствованіе *Иез-зига*, сына того самого Юзю-муна, котораго онъ былъ достойнымъ наместникомъ. Слугу царей и сына отечества оклеветали, онъ лишень былъ чиновъ, должностей, доходовъ и взятъ подъ стражу. Но добродѣтель Каваче была выше гонителей. Онъ перенесъ судьбу свою и не палъ подъ ея ударами.

И мы скажемъ съ Императоромъ Юзюмуномъ: желательно чтобы *судей* подоб-

ныхъ Каваче и *орачей* подобныхъ Санією было побогъе въ Японіи, тогда, при вступленіи на престолъ новаго Джогуна подобнаго Юви-муну, измѣнились бы и тѣ законы о *юридическомъ самоубійствѣ*, которыхъ безчеловѣчіе возмущаютъ чувство и умъ!

П. К.

СОЗДАНИЕ НЕГРА,

БРАЗИЛЬСКОЕ ПОВѢРЬЕ.

Англійскій путешественникъ Калдклу (Caldcleugh) описывая жалкое состояніе Негровъ невольниковъ въ Новомъ свѣтѣ, приводитъ довольно забавное повѣрье этихъ бѣдняковъ о мнимомъ созданіи ихъ.

«Въ началѣ мірозданія, сатана увидѣвъ какъ Богъ твѣрилъ *благо челоука*, захотѣлъ вывалить такого же (въ подражаніе первосозданному) изъ глины; но какъ все до чего касались руки нечистаго, принимало черныи цвѣтъ, то сатана рѣшился вымыть своего челоука въ водахъ (Иордана). Съ приближеніемъ демона, воды священной рѣки отступили. Онъ едва успѣлъ кинуть черныи слѣпокъ свой на иль рѣки, еще мокрый; брошенный имъ черныи челоукъ упалъ на четвереньки и дотронулся до мокраго ила только ладонями и слѣдами, которыя тотчасъ же добылись. Взбѣшенный дьяволъ ударилъ въ сердцахъ челоука своего по носу кулакомъ и у бѣднаго негра сплюснулся носъ. Онъ началъ просить у черта пощады; нечистый умилостивился, погладилъ его по головѣ, но раскаленные лапы его такъ были горячи что у негра взерошились волосы и сбились въ войлокъ; съ этихъ поръ ни щетка ни гребень не могутъ развить его курчаваго тупея».

Таковы мысли бѣдныхъ негровъ—невольниковъ бразильскихъ объ ихъ созданіи, — естественный выводъ ихъ невольчества изъ той жалкой участи, которой жестокоствъ бѣлыхъ властителей ихъ подчинила!

ОБЩЕСТВО ЧИСТИЛАНЦА.

Великобританія и Ирландія — настоящее отечество компаній на акціяхъ и всѣхъ возможныхъ обществъ. Намъ попалась одна книжка Quarterly Review, въ которой начитали мы слѣдующее.

«Въ Дубаниѣ существуетъ съ 1806 года общество, котораго каждый членъ обязанъ вносить въ компанейскую кассу по одному *пенни* еженедѣльно. За это приобретаетъ онъ право на *три заупокойныя мѣста*: одну тотчасъ по кончинѣ своей, вторую мѣсяцъ спустя, а третью черезъ годъ послѣ смерти, не считая единовременнаго взноса на *общіе фонды* (joint stock) для поминованій всѣхъ умершихъ членовъ съ ихъ родителями, женами и проч. Права на таковыя поминованія лишаются только одни члены *задолжавшіе* обществу или умершіе *не естественною смертію*. Общество сіе называется заглавнымъ именемъ настоящей статьи».

ТРИБУНАЛЬ БОСОНОГИХЪ,

ШВЕЙЦАРСКАЯ СТАРИНА.

Въ стѣнахъ города Базеля, въ Швейцаріи, есть уединенный кварталъ называемый Коленберхъ (Kohlenberg). Тамъ жила въ старину городскій палачъ съ своими прислужниками, *производители пытокъ* (valets de la torture), могильщики зарывавшіе зачумленныхъ; однимъ словомъ — всѣ люди, которыхъ званіе почиталось позорнымъ; имъ не иначе дозволялось вступать въ брачной союзъ какъ только между собою; всѣ судилища были для нихъ закрыты. Но какъ и между ними также точно происходили иногда распри какъ и между порядочными людьми, то и дозволено имъ было устроить свой частный судъ и расправу, и для этого открытъ *словесный* трибуналъ изъ двѣнадцати босоногихъ ассесоровъ (засѣдателей) и одного президента, съ правомъ выбирать сихъ членовъ суда изъ *крючечниковъ* (дрюгилей или носильщиковъ) хлѣбнаго рынка, которые вѣроатно по этому и приняли названіе *свободныхъ парней* (garçons libres, *trifflants*), оставшеся при нихъ и по

мнѣ. Засѣданія этого словеснаго суда происходили на Коленберхѣ и засѣдателя являлся туда въ своемъ обыкновенномъ костюмѣ—*въ оборванныхъ рубашкахъ и босоногий*; президентъ съ судейскимъ жезломъ въ рукѣ, обязанъ былъ открывать и продолжать засѣданіе не иначе, какъ *стукъ правую ногу свою въ ведро холодной воды*—не взирая на время года—хотя бы то было и зимою. Когда всѣ усаживались и засѣданіе открывалось, — въ присутствіе вводимы были тяжущіеся и сами словесно объявляли свое дѣло, если не находили адвоката изъ среды своего сословія. Члены суда, послѣ тайнаго совѣщанія, подавали голоса, и провозносили рѣшительное опредѣленіе, на которое не было апелляцій. При равномъ числѣ мнѣній, голосъ президента; прибавленный къ той или другой сторонѣ, рѣшалъ дѣло. Страшный трибуналъ сей уничтоженъ въ концѣ XV или началѣ XVI вѣка. По документамъ недавно открытымъ видно, что онъ существовалъ еще въ 1474 году. Въ летописи Базельской обнародованной Гроссомъ, подъ этимъ годомъ именно упоминается, что въ одно засѣданіе этихъ босоногихъ приговоренъ былъ къ созженію *пятнадцать, уличенный въ свегеніи лица* что по тогдашнимъ повѣрьямъ считалось весьма опаснымъ дѣломъ: всѣ показали навѣрное что изъ такихъ лицъ выживались *василиски* ! !

Въ Англіи существуетъ и теперь еще не менѣе страшный трибуналъ земской полиціи, называемый *дворомъ пыльныхъ ногъ*, по той причинѣ что всѣ присяжные этого суда шабравуются безъ отлагательства изъ первыхъ встрѣчныхъ людей какого бы званія они ни случились. Само по себѣ разумѣется что не всѣ *таковыя засѣдатели заурядъ* бьвають не въ глиняныхъ башмакахъ, но гораздо чаще входятъ въ присутствіе съ пыльными ногами

УТЕСЪ ДѢВСТВЕННИЦЫ.

АМЕРИКАНСКІЙ РАЗКАЗЪ.

Почти противъ середины озера Пепенъ, въ Миссисиппѣ, берегъ сей величественной рѣки возвышается отвѣсно на 450 футовъ.

Это одно изъ самыхъ дикихъ и живописныхъ мѣстоположеній, которыми такъ богата сія неполюнская рѣка. Береговую Индѣйцы называютъ это возвышеніе *утесомъ дѣвственницы* (Rocher de la Vierge) по одному трагическому событію, отъ котораго онъ весьма недавно получилъ свое имя. Винона, старшая дочь одного начальника племени Вапачагъ, проживавшаго неподалеку отъ Кеверы, любила молодого охотника платянаго ей тѣмъ же чувствомъ. Они поклялись другъ другу въ вѣчной вѣрности. Охотникъ просилъ руки любезной своей у ея семейства и получилъ отказъ: рука ея отдана была одному знаменитому воину, прославившемуся на войнѣ съ Чипевайдами во время нападешя ихъ на Кеверу: но невѣста не любила героя. Когда родные начинали выхвалять его подвиги, красавица отвѣчала одно: «я не люблю его!» я выбрала другаго, который никогда менѣе не покинетъ, я не хочу быть женой такого мужа, который оставитъ меня для другой войны! «Всѣ эти убѣжденія не подѣйствовали на ея семейство: охотникъ былъ удаленъ, а Винона пригласена готовиться къ браку съ воинемъ. Такая жестокость тѣмъ болѣе поразила Винону, что родные ея, вопреки обычаю дикихъ племенъ, обращались съ нею чрезвычайно ласково: ибо женщинамъ не такое раздолье у нихъ какъ въ большомъ свѣтѣ. Съ великимъ трудомъ упростила она своихъ братьевъ чтобы ее не принуждали выходить за ностыляго жениха, если не хотятъ ее ждать за любимаго. Но семейство ея не оставило прежнихъ своихъ видовъ: чтобы обольстить невѣсту, оно обогатило жениха, одаривъ его всѣми вещами, которыя—по мнѣнію этихъ дѣтей природы—могли устроить взаимное счастье будущихъ супруговъ. Нѣсколько времени спустя, цѣлая толпа Индѣйцовъ отправилась въ челнахъ вверхъ по озеру за синеватой глиной, которою такъ богаты берега его и которую дикари сіи употребляютъ вместо *жемчуга*. Винона, братъ ея и не любимый женихъ были тутъ же вмѣстѣ съ другими. Воинъ—сдѣлавшійся богачемъ, приступилъ опять съ предложеніями къ Винонѣ: «я не люблю тебя!» отвѣчала Винона. Родные непреклонной красавицы рассердились не на шутку и обещали принять

решительныя мѣры противъ дальнѣйшаго упорства. «Я сказала и повторю что не люблю его, отвѣчала Винона! стало быть вы рѣшились привести меня въ отчаяніе. Я рѣшилась по волю вашей перенести разлуку съ любезнымъ, но объявила вамъ что хочу умереть *ex dinstet*, а вы велите мнѣ идти замужъ и послѣ этого вы меня любите! вы мнѣ твердите о любви своей, вы изгнанные моего любезнаго! онъ бродитъ теперь одинъ въ лѣсахъ дремучихъ, о немъ некому позаботиться! вы требуете, чтобъ я радовалась его невольной отлучкѣ, измѣнила ему для того человѣка, съ которымъ не могу быть счастливою! хорошо! вамъ скоро не кого будетъ мучить, не останется ни дочери, не сестры! Съ этими словами она убѣгаетъ опрометью; прежде нежели семейство ея занятое приготовленіями къ свадьбѣ и твердо рѣшившееся выдать Винону замужъ того же вечера, успѣла остановить ее. И вотъ она достигаетъ уже вершины утеса; тогда, обратясь къ роднымъ, она кричитъ имъ: «вы угрожали мнѣ, посмотрите какъ мнѣ страшны ваши угрозы!» Сказавъ эти роковыя слова, она громко запѣваетъ гимнъ смерти: вѣтеръ доноситъ погребальные звуки его до ушей ея ближнихъ; всѣ спѣшатъ за ней къ подошвѣ скалы, отецъ и братья умоляютъ ее остановиться, обѣщаютъ отдать ее любезному, лишь бы только отложила она свое жестокое намѣреніе — все напрасно: Винона, уже разъ обманутая, ничему не вѣритъ, и съ высоты 450 футовъ падаетъ раздробленная къ ногамъ своихъ ближнихъ.

ГЕРЦОГЪ АЛЬБА

НА ЗАВТРАКЪ ВЪ РУДОЛЬШТАДСКОМЪ ЗАМКѢ ВЪ 1547 Г.

(Историческій рассказъ Шиллера)

Перебиралъ листы старой хроники шестнадцатаго столѣтія (*Res in Ecclesia Politica Christiana gestae ab anno 1500. ad an. 1600 Aut. T. Joefling, Th D. Rudolst. 1676 г.*); я случайно встрѣчаю слѣдующій анекдотъ, который по многимъ причинамъ

не заслуживаетъ забвенія. — Въ актахъ подъ названіемъ: *Mausolea manibus Metzeli posita a. Fr. Meleh. Dedekind 1738 г.* я нашелъ подтвержденіе его истинны; въ чемъ еще удостовѣриться можно прочитавъ *Srongenbergs Adelspiegel Th. I D. 13 (С 445)*.

Когда императоръ Карлъ V въ 1547 г. послѣ Миллбургскаго сраженія, на пути своемъ во Францію и Шлабію проходилъ чрезъ Тюрингенъ, овдовѣвшая грѣфиня Катерина фонъ Шварцбургъ урожденная принцесса фонъ Геннебергъ, успѣла испросить себѣ у Монарха предохранительную льготу, въ силу которой поданные ея избалованы были отъ всѣхъ притѣсненій и насилій, могущихъ встрѣтиться при прохожденіи Испанскихъ войскъ; съ своей стороны она обязалась изъ Рудольштата къ Заальскому мосту (*Saalbrücke*) — мѣсту ихъ переправы, за умѣренную цѣну доставлять хлѣбъ, пиво и прочіе съѣстные припасы. Между тѣмъ, зная склонность своихъ будущихъ гостей, она съ поспѣшностію велѣла сломать мостъ, который находился у самыхъ городскихъ воротъ, а вмѣсто него построить въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ города другой, — чтобы этой предосторожностію отнять у нихъ всякую возможность къ грабежу. Сверхъ того жителямъ всей окрестности дозволено было, лучшіе свои пожитки перенести въ Рудольштатскій замокъ.

Этимъ временемъ Испанскій генералъ въ сопровожденіи Герцога Брауншвейскаго и его сыновей, приближался къ городу, и чрезъ нарочиво посланнаго, напросился на завтракъ къ графинѣ. Такой учтливой просьбѣ и въ такое смутное время, нелегко было отказать. — Честь неожиданная была отвѣтъ и если его превосходительство не прогнѣвается за то что Богъ послалъ, рады принять дорогихъ гостей. Между тѣмъ не забыли напомнить о полученной льготѣ, съ просьбою строгаго исполненія всѣхъ правилъ. Радужный приемъ и вкусныя блюда ожидали герцога въ замкѣ. Онъ долженъ былъ отдать полную справедливость гастрономіи и гостеприимству Тюрингенскихъ дамъ — Гости только что сѣли за столъ; — вдругъ графиню вызываютъ, и докладываютъ, что во многихъ деревняхъ Испанскіе солдаты употребляютъ насиліе, и у нѣкоторыхъ крестьянъ даже скотъ уведя.

Графиня была матерью своих подданныхъ, и несчастье постигшее бѣднѣйшаго изъ нихъ она считала собственнымъ своимъ. — До крайности огорченная такимъ вѣроломствомъ, она однако не потеряла присутствія духа, и велѣла всей своей прислугѣ, наблюдая величайшую тишину, съ поспѣшностію вооружиться и запереть всѣ ворота замка, потомъ воротилась въ залу, гдѣ гости ея все еще пиrowали; здѣсь она, въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ, старалась рассказать извѣстіе, только что полученное и жаловалась что солдаты худо держатъ слово, данное ей самимъ Императоромъ. — Сопровождавъ отвѣтъ свой громкимъ смѣхомъ, гости просили ее не безпокоиться, прибавляя что подобныя приключенія всегда случаются, ихъ отстранять не возможно: таковъ обычай военнаго времени. — Это мы увидимъ, сказала она, выведенная изъ себя: моимъ крестьянамъ должно быть полное удовлетвореніе, не то — клянусь вамъ: я потребую *крои князей за кровь свиней* *) прибавила она торжественнымъ голосомъ и оставила залу, которая немедленно наполнилась слугами, изъ коихъ каждый, съ мечемъ въ рукахъ, сталъ за назначеннымъ стуломъ и прислуживалъ по приему.

При видѣ этой вооруженной толпы, герцогъ Альва измѣнился въ лицѣ, его сподвижники, съ изумленіемъ, молча смотрѣли другъ на друга. — Отрѣзанные отъ арміи, окруженные такою толпою дюжихъ парней, что могли они сдѣлать? — Согласиться на всѣ требованія, каковы бы они нибыли, лишь бы только успокоить обиженную Амазонку: Генрихъ Брауншвейскій, прежде прочихъ, оправился отъ своего минутнаго испуга; въ головѣ его мелькнула счастливая мысль обратиться все это въ шутку. Прервавъ молчаніе громкимъ смѣхомъ, онъ хвалилъ то родительское попеченіе, которое Графиня имѣла о своихъ подданныхъ, хвалилъ ея геройскій подвигъ, просилъ ее успокоиться, общая взять на себя угроворить Герцога Альву, — настоящимъ

образомъ наградить ущербъ, нанесенный ея крестьянамъ, что действительно, по письменному приказанію сего послѣдьяго, и было исполнено. Когда Графиня убѣдилась въ достиженіи своей цѣли, она учтиво поблагодарила своихъ гостей, — которые въ свою очередь съ величайшею вѣжливостію съ нею простились.

Это происшествіе вѣроятно было причиною, того что Графиня Катерина Шварцбургская въ послѣдствіи получила названіе *мужественной*. Кроме того, она отличалась твердостію своей воли, которую доказала поощреніемъ Реформациі, получившей начало свое еще при покойномъ супругѣ ея Генрихѣ XXXVII, уничтоживъ монастыри и улучшивъ училища. — Многіе Протестатскіе проповѣдники преслѣдуемые чернью находили у ней убѣжище отъ враговъ своихъ. Между прочимъ и Залефельдскій пасторъ Саерас Aquila, который въ молодыхъ лѣтахъ своихъ, во время пребыванія Императорской арміи въ Нидерландахъ служилъ священникомъ при походной церкви.

Однажды, отказавшись по требованію солдатъ произвести обрядъ крещенія надъ пушечнымъ ядромъ, былъ ими посаженъ въ заряженную мортиру, чтобы взлетѣть на воздухъ; отъ этой очевидной смерти избавился онъ какимъ то чудомъ. Случилось что порохъ былъ подмоченъ и не могъ горѣть. Вскорѣ послѣ того, онъ навлекъ на себя негодованіе Императора; жизнь его снова была въ опасности, онъ долженъ былъ бѣжать, но за поимку его назначили 6000 гульденовъ награды; въ это время случилось что Катерина смягченная просьбами Заалфельдскихъ гражданъ дала ему убѣжище въ своемъ замкѣ, гдѣ онъ и скрывался въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцовъ.

Катерина графиня Шварцбургская умерла, оплаканная всеми своими подданными, на пятьдесятъ осмомъ году отъ рожденія и двадцать девятомъ своего правленія. Бранные останки ея до сихъ поръ хранятся въ Рудольфштадской церкви.

*) Obgleich es im Original „Fürstenblut für Ochsenblut“ heißt, fand ich doch keine passendere Uebersetzung. — ШИЛЛЕРЪ.

О РАЗНЫХЪ РОДАХЪ

писчей бумаге и некоторыхъ отъ вышшаго въ ней недостатка.

По свидѣтельству Прокопія въ V вѣкѣ первоначально употребляли вмѣсто бумаги *папирусъ* и *пергаментъ*. Бумага вошла въ употребленіе гораздо позже.

Папирусъ или *библосъ βιβλος* есть родъ Нильскаго тростника; корень его сожигаютъ или обращаютъ на столярную работу; стволъ идетъ въ постройку судовъ; изъ коры готовятъ паруса, одежду, одѣяла, веревки, корзины; сокъ употребляется въ пищу и лѣкарства; изъ кожицы или плевы выдѣлывалась бумага древнихъ. Выдѣлка эта была чрезвычайно проста; кожица снималась острой иглой, укладывалась крестъ на крестъ, пока не получала надлежащей толщины и склеивалась Нильскою водою: послѣ высушки, масса эта получала названіе *селщеннои бумаги*; ибо на ней писались обыкновенно книги посвященныя Богослуженію.

Плиній рассказываетъ что книга царя Римскаго Нумы вырѣзана изъ подѣ земли въ каменномъ ларцѣ пять сотъ лѣтъ спустя послѣ его смерти, равно какъ и письмо Сарпедона изъ Трои, открытое въ храмѣ, были начертаны на папирусѣ.

Съ обращеніемъ Египта въ Римскую область, императоры озаботились усовершенствованіемъ сего бумажнаго производства. Одножды перемытый папирусъ назывался *бумагою Августа*, а перемытый дважды — *бумагою Ливіи*. Египетъ вскорѣ сдѣлался бумагохранилищемъ всей имперіи и нерѣдко случалось, какъ на примѣрѣ въ царствованіе Тиверія, что не прибытіе кораблей съ драгоцѣннымъ этимъ грузомъ производило значительныя беспорядки въ столицѣ тогдашняго міра. Бумага составляла такой значительный предметъ Египетской промышленности и торговли Александрійскаго порта, что Фирмуль, овладѣвъ Египтомъ говорилъ: одного дохода отъ этого товара достаточно ему будетъ на содержаніе цѣлой арміи!

Въ осьмомъ вѣкѣ бумага Египетская исчезла въ Европѣ: появилась новая бу-

мага, Византійская, приготовленная изъ хлопчатника, начали выдѣлывать ее и изъ другихъ прозябеній, между прочимъ изъ липовой коры; но вскорѣ нашли что бумага сія слишкомъ толста, груба, ломка и не прочна.

Въ Китаѣ, гдѣ тростникъ идетъ на всѣ возможные производства, выдѣлывали изъ него и бумагу; но не ограничились имъ, а стали употреблять и другой матеріалъ: скоро въ каждой области появились новые способы производства. Вообще говоря, бумага Китайская гораздо объемистѣе нашей, тоньше, мягче и глядцевитѣе. Прозванная (не совсѣмъ справедливо) *шелковою*, выдѣлывается изъ хлопчатника; но Китайцы употребляютъ къ тому и шелковичные коконы, бамбуковую и шелковичную кору, коноплю, солому и прочая. Лучшая бумага ихъ называется *кутчу* и выдѣлывается почти также какъ и у насъ. Тонкая древесная плева растирается въ водѣ до тѣхъ поръ, пока не превратится въ кисель; потомъ отливается въ *формы* и вытягивается иногда футовъ до двѣнадцати въ длину; бумага сія обыкновенно напITYвается купоросомъ, отъ чего и принимаетъ свой глядцевитый серебристый цвѣтъ, который тѣмъ драгоцѣннѣе для Китайца, что онъ не пишетъ, а рисуетъ на ней узорчатыя буквы свои пензелями. Бумага сія не такъ прочна какъ наша и болѣе ее страждетъ отъ пыли и сырости. Кроме обыкновеннаго употребленія своей бумаги, Китайцы подбиваютъ ею платье и вставляютъ ее въ оконницы, вмѣсто стеколъ.

Японская бумага почти также приготовляемая какъ и въ Китаѣ, превосходитъ Китайскую блескомъ своихъ цвѣтовъ и прочностъ ея такова, что изъ нее крутятъ веревки и выдѣлываютъ матеріи. Лѣтъ за сто назадъ, Парижскія модницы шили себѣ платья изъ этой бумаги и носили изъ ней вѣеры.

Персіяне выдѣлываютъ бумагу свою изъ ситцоваго и миткалеваго тряпья, и наводятъ на нее доску раковинами.

Изобрѣтателями нашей Европейской бумаги почитаютъ Испанскихъ Мавровъ.

Муратори приписываетъ варварство среднихъ вѣковъ *недостатку писчей бумаги*. Не смотря на странность такого

мирія, оно однакожь не вовсе безъ основанія. Известно что XII вѣкъ — время введенія писчей бумаги во всеобщее употребленіе, былъ также и вѣкомъ возрожденія наукъ въ западной и средней Европѣ. Изобрѣтеніе книгопечатанія озарило Европу новымъ свѣтомъ. До того времени, безсмертныя творенія Грековъ и Римлянъ, большею частію, писались на пергаментъ. Дороговизна его была причиною, что почти всѣ знаменитыя произведенія ума сосредоточились въ одномъ сословіи богачей; а многіе изъ нихъ, по рѣдкости своей, совершенно исчезли. Египетскаго папируса, который былъ гораздо дешевле, уже не видать было въ VIII вѣкѣ, потому ли что фабрикаціею его перестали заниматься или потому, что торгъ съ Египтомъ стѣсненъ былъ Арабами: вотъ что заставило обратиться опять къ пергаменту древнихъ. Списки классическихъ сочиненій примѣтно рѣдѣли въ Европѣ, и тѣ изъ нихъ, которыхъ пощадило еще варварство тогдашнихъ обладателей востока, замѣнены были другими, болѣе согласными съ духомъ и требованіями своего времени. За немѣнѣемъ на чемъ писать новыя произведенія ума, нерѣдко высказывали для того цѣлую рѣчь Димосея или книгу Тита-Ливія! на этихъ выскобленныхъ листахъ драгоценнаго пергамента чертили готическими каракулями какую нибудь легенду, *бreviарій* (требникъ) или *дартственную записку* для монастыря: выскобленная такимъ образомъ сочиненія обыкновенно назывались Греческимъ именемъ *περιρβεντος*.

Сообразя дешевизну нашей *тряпичной бумаги* съ дороговизною пергамента, никто не удивится рѣдкости тогдашнихъ книгъ, малочисленности читателей и невѣжеству среднихъ вѣковъ. Въ этомъ случаѣ Муратори весьма справедливо замѣчаетъ что книга стоящая теперь нѣсколько *скуди* (сѣмковъ), обошлась бы тогда въ тысячу *дукатовъ* (венец. червонц.)

Цѣна пергамента была столь необъятна что одни только государи или города могли покушать книги: о многогомыхъ библіотекахъ тогда не было и въ помыслѣ. Книгъ надобно было искать въ однихъ богатыхъ аббатствахъ или въ Ватиканѣ: и тутъ еще до временъ Папы

Николая X, сего знаменитаго мецената современной словесности, каталоги публичныхъ библіотекъ наполнены были одними Богословскими, каноническими сочиненіями, и только изрѣдка документами истинными или подложными.

Изъ примѣра, который мы приведемъ, можно составить себѣ идею вочто обходились тогдашнія книги. Графиня Анжуйская заплатила за одинъ списокъ проповѣдей Галберштадскаго Епископа *десяти барановъ и пятнадцати бочекъ пшеницы*. Деспотъ Лудовикъ XI, взявъ на поддержаніе Парижскаго медицинскаго факультета сочиненія одного Арабскаго врача, не иначе получилъ ихъ какъ подъ залогъ своего столоваго серебра и то еще съ поручительствомъ одного известнаго богача. И теперь уцѣлѣло одно письмо Луна, аббата Феррьерскаго, написанное въ 855 году къ папѣ Вешедикту III, которымъ умолялъ онъ его святѣйшество *ссудить* монастырь свой комментаріями блаженнаго Иеронима на пророчества Іереміи; вмѣстѣ съ твореніями Цицерона и Квинтиліана, обещая возвратить сочиненія *сн от цѣлости и сохранности, по перепискѣ оныхъ; ибо, продолжалъ онъ, — въ цѣлой Франціи есть только открыки изъ нихъ, но ни одного полнаго экземпляра*.

Изъ письма сего видно что тогдашніе монахи начинали пріохочиваться къ литературѣ. Съ величайшимъ раченіемъ и трудомъ принялись они за переписку сочиненій классическихъ. На одномъ великолѣпномъ памятникѣ Веронскаго архидіакона IX вѣка, выбита эпитафія, гдѣ вмѣняется ему въ число великихъ его заслугъ *переписка собственною рукою его двухъ сотъ осьмнадцати рукописей и комментарій на библію, подаренныхъ имъ великому капиталу своего собора*.

Такая рѣдкость книгъ побудила было тогдашнихъ владыкъ западной церкви учредить для переписки ихъ особый монашескій орденъ, уничтожившійся и забытый со времени изобрѣтенія книгопечатанія и возникшей реформациі: орденъ сей основанъ былъ Девертерскимъ уроженцомъ *Херритомъ* (Гергардомъ) *де Хротомъ* (de Groot), подъ именемъ овещитвѣльнаго братства, которое вмѣстѣ съ конгрегаціею монаховъ —

кавонокъ Виндсгеймскихъ, по образу его учрежденною, распространялось по всѣмъ Нидерландамъ и сопредѣльнымъ съ ними областямъ Германии: это дватцать монастырей были ему подчинены, а оно имѣло въ числѣ своихъ братьевъ многихъ ученыхъ мужей, между коими былъ и знаменитый *Липсий*. Обязанностью и постановленіемъ ордена сего было — *обученіе юношества и переписка книгъ*: кетати (здесь будетъ прибавить) что общежительныя братья и монахи-кавоники сѣмъ преимущественно занимались перепискою сочиненій отцовъ своей церкви.

При всемъ злоупотребленіи бумаги нашими вѣкшыми писателями и писками, завалившими публику своимъ бесполезнымъ и нерѣдко вреднымъ мараньемъ, не лзя не сознаться, что повсемѣстное распространеніе фабрикъ писчей бумаги имѣло величайшее вліяніе на успѣхи наукъ, на распространеніе общезолезныхъ свѣдѣній, и что наконецъ — отвлекая людей отъ ихъ природной дикости, оно много способствовало къ умягченію нравовъ, направивъ дѣятельность человѣческую къ занятіямъ болѣе кроткимъ и приятнымъ для всѣхъ классовъ образованнаго общества.

П. К.

ПРАЗДНИКЪ.

Въ Царскоесельскомъ Лицеѣ:

Въ Субботу, 19-го Октября, воспитанники Императорскаго Царскоесельскаго Лицея праздновали наступленіе тридцатаго года существованія сего истинно Императорскаго заведенія, памятника благодати и любви къ наукамъ и просвѣщенію Александра Благословеннаго. Въ большой залъ Лицея устроенъ былъ театръ, на которомъ воспитанники представили двѣ комедіи, Русскую и Французскую. Передъ началомъ представленія, воспитанникъ В. Р. Зотовъ, пронанесъ слѣдующій прологъ, своего сочиненія:

Была пора: еще не прославляла
Въ Европѣ насъ ни битва, ни молва;
Еще тогда пожаромъ не пылала
Передъ врагомъ родимая Москва.
Не защищала нашъ Царь чужаго трона,
Насъ бичъ войны кровавой не постигъ,
И не каралъ еще Наполеона
Ни Русскій Царь, ни Русскій штыкъ.
Въ тѣ дни, когда гроза въ тиши собира-

лась,
И гибель намъ готовилъ славы сынъ,
Мысль у Царя Россіи развивалась
И думалъ думу мощной властелянъ.
Наукъ, искусствъ высокой Покровитель;
Лишь повелѣлъ, и для Его дѣтей
Возвысилась священная обитель —
И нашъ родной воздвигнулся Лицей.

Съ тѣхъ поръ прошли года; день основанья,
Прекрасный день, живъ въ памяти у насъ,
И дорого о немъ воспоминашь;

Какъ дорогъ Тотъ, Кто рано такъ угасъ!
Объ этомъ днѣ, въ заботахъ межкихъ свѣта

Никто изъ насъ вовекъ не забывалъ;
Объ этомъ днѣ, лицейскаго поэта
Гремуцій стнхъ, не разъ напоминалъ.
И каждый годъ, день основанья слав-

ный,
Холодный день сѣдаго Октября,
Мы празднуемъ въ знакъ милости державной

Великаго, почившаго Царя.
И каждый разъ мы весело, привольно,
На праздникъ собираемся толпой,
И каждый разъ тумнятся неволью
У насъ глаза горячею слезой,
Слезой чистой, данью умиленной
Великому — въ прекрасный этотъ часъ;
И върнемъ мы: тогда, Благословенный
Съ высотъ небесъ благословляетъ насъ!
И въ этотъ разъ весельемъ молодя,
Мы смѣло въ новый путь хотимъ идти,
И собрались, чтобъ въ скромный залъ Лицея

Сдѣсь Таію веселую ввести.
Благослови жъ, незримый Покровитель,
Селенія небесъ на мигъ оставь,
Какъ былъ всегда занятій нашихъ зритель,
Такъ будь теперь Ты зрителемъ забавъ.
Всѣ тѣ же мы: въ сердцахъ горитъ святая

Любовь у насъ къ престолу, къ алтарю,
Все тѣ же мы, усердіемъ пылая
И къ новому, Великому Царю!
Онъ нашъ Монархъ! Твоей прекрасной

славы
Наслѣдникъ Онъ достойный, мудрый сталъ;
Онъ нашъ отецъ, — въ заботахъ о Державѣ

Онъ никогда объ насъ не забываетъ!
Мы горести слезу Тебѣ приносимъ,
Въ знакъ памяти, печальною толпой,
Но всѣ объ Немъ Творца мы молямы,

просимъ,
И съ радостной, и съ чистою слезой.
У насъ въ сердцахъ одно желанье —
слава

И счастье отчизны и Царей!
Цвѣти во вѣкъ, Россійская Держава;
Цвѣти во вѣкъ, родимый нашъ Лицей!

При произнесеніи имени Александра, открылся на сценѣ бюстъ покойнаго Императора, увѣнчанный лаврами. По окончаніи пролога, сопровождавшася громкими и единодушными рукоплесканіями зрителей, раздались звуки народнаго гимна въ прилегающей залѣ библіотеки. Хоръ воспитанниковъ, окруживъ бюстъ нынѣ благополучно царствующаго Государя, съ искреннимъ выраженіемъ чистыхъ дѣтскихъ сердецъ, пропѣлъ: «Боже Царя храни!»

По окончаніи спектакля начались танцы

На этомъ праздникѣ, оставившемъ самыя пріятныя впечатлѣнія во всѣхъ присутствовавшихъ, любопытно было видѣть и дѣйствующихъ на сценѣ, и зрителей въ партерѣ, большею частью бывшихъ воспитанниковъ Лицея, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ въ этой самой залѣ участвовавшихъ въ играхъ и забавахъ отроческаго возраста, а нынѣ почтенныхъ садовниковъ и слугъ Государя, облеченныхъ знаками Его милости, и приобрѣвшихъ прочныя права на общее уваженіе и любовь. И посреди ихъ, съ выраженіемъ умилятельнаго чувства пріятнѣйшихъ воспоминаній и справедливо заслуженной въ душѣ награды, находился бывший Директоръ Лицея, Е. А. Энгельгардтъ, пожинаящій нынѣ самыя драгоценныя плоды прежнихъ своихъ трудовъ и стараній.

Всѣ бывшіе на семъ праздникѣ, особенно же родители юныхъ воспитанниковъ и прежніе воспитанники, выразили, за пріятный вечеръ, искреннюю свою признательность нынѣшнему почтенному Директору Лицея, Генералъ-Маіору Дмитрію Богдановичу Броневскому.

ПОДВИГИ ДЛЯ НОВАГО ГЕРКУЛЕСА

Въ здѣшней Нѣмецкой газетѣ Magazin angenehmer unterhaltung напечатана слѣдующая довольно забавная статейка.

«Еслибъ Геркулесъ былъ еще въ живыхъ, — ему можно бы задать работу, которая, вѣроятно, утомила бы его болѣе чѣмъ всѣ двѣнадцать подвиговъ совершенныхъ имъ въ древности»

Подвигъ 1-й). Вырвать съ корнемъ желанье нравиться хоть изъ одного женскаго сердца.

Под. 2-й). Наносить нѣкоторымъ рецензентамъ столько мѣшковъ золота, что бы они сами сказали: полно! (*)

Подвигъ 3-й). Удалить ложь и водворить въ мірѣ владычество истины.

Подвигъ 4-й). Сдернуть со свода небеснаго солнце и перенести на землю чтобы оно — вмѣсто свѣточа — озарило людямъ вещи въ настоящемъ ихъ видѣ. Какъ на примѣръ — что Жанъ-Поль (Рихтеръ) заслуживаетъ больше жертвоприношеній славы и денегъ, чѣмъ знаменитая Тальони.

Подвигъ 5-й). Провести на нѣкоторые вечеринки потокъ ума и очистить эти новыя конюшни Авгіа отъ матеріальнаго брюхо-наполненія и пустой болтовни.

Подвигъ 6-й). Приготовить для нѣмецкихъ литераторовъ гомеопатическіе кошечки, соотвѣтственныя получаемой ими задѣльной платѣ.

Подвиги 7. 8. 9. 10. 11. 12. Можно отмѣнить для новѣйшаго Геркулеса, если онъ побѣдительно совершитъ подлужину первыхъ подвиговъ,

А Редакція Маяка предлагаетъ новому атлету совершить *одинъ* только подвигъ и тогда предсказываетъ ему, что всѣ

*) Здѣсь дало вѣсть о рецензентахъ Германій. См. подвигъ 6-й Редактор.

предложенныя ему дѣла (кромѣ снятія солнца съ неба) совершаются сами собою. Пусть онъ только — вмѣсто *холоднаго эгоизма* — водворить въ сердцахъ людей *христіанскую любовь* и заставить ихъ — по заповѣди Евангельской — любить Бога *всѣмъ* сердцемъ и всею душою своею, а ближнихъ какъ самихъ себя.

Тогда, конечно, настанетъ для людей эра *взаимнаго снисхожденія*, въ которомъ (между нами будь сказано) нуждаемся мы пуще всѣхъ французскихъ винъ и тексельскихъ устрицъ! Тогда настанетъ и для литературы нашей золотой вѣкъ *образованности и просвѣщенія*, въ который скромные, не заносчивые, благонамѣренные рецензенты, отложивъ въ сторону корыстолюбіе и личные виды — подадутъ дружно руку литераторамъ (хотьбы и не своего прихода), и скромно и дѣльно выяснятъ основаніе своихъ мнѣній, соединятся всѣ въ одинъ общій ареопагъ для — *водворенія истины и здраваго вкуса*. И благонамѣренныя мнѣнія ихъ обратятъ всеобщій авторитетъ, какъ награду за добросовѣстность ихъ. Впрочемъ, кто знаетъ? можетъ быть — самая смиренная *плошка*, заженная добросовѣстностью и безкорыстіемъ, также ярко засвѣтитъ какъ великолѣпный эдистонскій Маякъ. Вотъ напримѣръ и нашъ Маякъ (каковъ онъ есть — не прогаивайтесь!) сколько разныхъ толковъ возбуждалъ онъ: одни его хвалятъ, другіе ругаютъ; это бы и туда и сюда, на всѣхъ не угодишь! Но вотъ что не дѣльно: ему приписываютъ то, чего издателямъ его и вонь не грезилось. Маякъ основанъ, какъ имѣли мы честь уже выяснять *неразъ*, съ искренно чѣлкою: при помощи добросовѣстныхъ и умныхъ сотрудниковъ, направить къ добру такъ называемую критику, на которую по слову Лессинга, *какъ на костыль*, опирается всякая словесность. И что же вышло? Намъ говорятъ: «Прочь костыли! намъ кричать и вопять, что критика, какъ мы понимаемъ ее, — критика добросовѣстная, доказательная, не нужна еще для *словесности дитяти, для литературы, которая тащется, у насъ будто бы, вровень съ землею!* Такъ величаютъ они нашу юную Русскую литературу. Между тѣмъ какъ теперь то имянно — если литера-

Часть X. Гл. V.

тура наша — дитя, теперь, когда она, подобно Алкиду на распутіи говорить: Wo soll ich mich hin wenden? (куда мнѣ обратиться?) теперь или никогда, нужно ей, пытающей юныя силы свои, указать путь истины, поприще ея будущей славы: а можетъ ли для народа религиознаго, какъ нашъ, для народа еще не очумленнаго западнымъ безуміемъ, быть лучше той стези, на которой ждетъ ее и слава и счастье отчины? Мы приняли три свѣточа славы и благоденствія: *самодержавіе, религіозность, народность*: — и намъ искреннымъ, пламеннымъ дѣлателямъ въ разработкѣ нашей литературной *нови* — приписываютъ жалкое намѣреніе уронить, подкопать работы собратій нашихъ! Вопервыхъ, еще не было примѣра, что бы кто либо уронилъ другаго подкопами; прочтите всю исторію литературныхъ подкоповъ.

Далѣе, указать ошибку, заблужденіе, не значитъ ронять, а значитъ поднимать упавшаго; наша цель убѣдить, а не согнать съ поля работниковъ, которые по мнѣнію нашему, *работаютъ усердно да не во прокъ*. Чѣмъ больше рукъ тѣмъ работа пойдетъ успѣшнѣе: раздѣленный трудъ будетъ и легче и спорѣ. Если же мы сами заблуждаемся? говорите господа! но не гнѣвайтесь, не гоните насъ, а убѣждайте. Вы ошиблись, помнѣнно нашему, и ваши ошибки могутъ повести васъ въ другія ошибки болѣе опасныя, вотъ мы и указали вамъ на *опасныя послѣдствія вашихъ ошибокъ*, не съ тѣмъ чтобы согнать васъ съ поля, а подали вамъ руки какъ братьямъ: *мы не отрицаемъ блага намѣренія вашего*, но возставали противъ ложности *пути* вашихъ, которыхъ не ведутъ, а удаляютъ васъ отъ цѣли; а чѣмъ пути ближе къ путямъ Божиимъ, тѣмъ они чище, свѣтлѣе, спасительнѣе. Вотъ что мы доказываемъ и желаемъ доказывать, пока Богу угодно будетъ. Но гоните-же насъ и раздѣлите съ нами обработку родимой почвы словесности въ славу Божию, въ угоду Царю отцу нашему и во благо общей Матери нашей Россіи!

— А кто васъ проситъ мѣшаться въ это дѣло? какъ хочу такъ и сужу!

— Можете дѣлать что вамъ угодно въ своемъ кабинетѣ; а чуть выйдете на улицу,

броситесь въ воду — побѣгу и вытасу, хотябъ вы и не просили. Не говорю уже о томъ, что никто не останется равнодушнымъ зрителемъ когда дѣти воздѣ стога сѣна играютъ огнемъ: — вы же первые, увидя это, безъ просьбы и приказа, броситесь и отнимите у нихъ огонь изъ рукъ. Поплачутъ, да и перестанутъ: за то не обожгутся, не такъ ли? — Вотъ точно такъ и мы. Огонь, который и грѣть и свѣтитъ — полезенъ. Огонь Везувія больше разрушаетъ чѣмъ пользуетъ; больше пожигаетъ чѣмъ свѣтитъ. — Какъ вы думаете, г-да читатели, не тоже ли самое и съ просвѣщеніемъ нашимъ безъ христіанской любви, съ умомъ людей безъ взаимнаго снисхожденія? Скажите мнѣ, по совѣсти, много ль доказываетъ *въ дѣлѣ истины* какое нибудь острѣнькое слово, или желчная эпиграмма? — Не правъ ли поэтъ, который сказалъ въ стихѣ своемъ: Слово истины — эхо вѣковъ; вспышка пасквиля — мыльный пузырь? Г. Геркулесъ! постарайся же!

П. К.

ОБЪЯВЛЕНІЕ ЖУРНАЛЬНОЙ МОЗАИКИ.

СѢВЕРНОЙ ПЧЕЛЫ.

Съ удовольствіемъ прочли мы въ 250 N СѢВЕРНОЙ ПЧЕЛЫ отзывъ ея о книгопродавцѣ А. Ф. Смирдинѣ, и еще съ большимъ удовольствіемъ перепечтываемъ все то у себя, какъ собственное наше убѣжденіе.

СѢВЕРНАЯ ПЧЕЛА, какъ отголосокъ общаго мнѣнія, нѣсколько разъ помѣщала справедливыя жалобы публики и литераторовъ на нашу книжную торговлю. Долгъ справедливости заставляетъ насъ сознаться, что въ изложеніи причинъ къ жалобамъ, издатели Пчелы никогда не думали о добромъ Смирдинѣ, которому, напротивъ, литература наша одолжена тою дѣятельностью, которая оживляла ее за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, а трудолюбивые литераторы обязаны ему событіемъ своихъ произведеній А. Ф. Смирдинъ былъ издателемъ Карамзина, Крылова, Жуковского, Пушкина (при жизни его), Ватюшкова, Марлинскаго, Козлова, Гнѣдича и другихъ лучшихъ нашихъ пи-

сателей. Можно рѣшительно сказать, что все, имѣвшее успѣхъ, издано Смирдинымъ, или приобретено имъ тотчасъ послѣ выхода въ свѣтъ. Имя его получило такой вѣсъ въ общемъ мнѣніи, что публика поддерживала каждое его предпріятіе. Имени Смирдина обязана успѣхамъ своими, въ первые годы, *Библиотека для Чтенія*. Почтенный А. Ф. Смирдинъ, первый изъ всѣхъ Русскихъ книгопродавцевъ, отъ введенія въ Россію книгопечатанія, сталъ вознаграждать труды литераторовъ достойнымъ образомъ, и всегда, по силамъ своимъ и по возможности, помогать имъ всѣми зависящими отъ него средствами. До сихъ поръ каждый литераторъ, имѣвшій однажды дѣло съ Смирдинымъ, вѣрить его слову болѣе, нежели всѣмъ возможнымъ векселямъ и заемнымъ письмамъ. Добродушіе его и желаніе помогать другимъ иногда увлекали его даже въ значительныя потери, но никогда, Смирдинъ, для выгодъ, своихъ, не довелъ кого либо къ потерямъ: это такая правда, какъ Богъ, святъ! А. Ф. Смирдинъ отказался отъ изданія *Библиотеки для Чтенія* и *Сына Отечества*, и на нѣкоторое время сжалъ кругъ своей дѣятельности, потому именно, что число *производителей литераторовъ не велико, и что они весьма недѣлительны*, но все таки удерживаясь отъ изданій. Смирдинъ, ведетъ самую обширную книжную торговлю въ Россіи, и магазинъ его, обширнѣйшій изъ всѣхъ Европейскихъ книжныхъ магазиновъ, есть только малая часть того, что хранится въ его кладовыхъ. Каждой вышедшей въ свѣтъ книги А. Ф. Смирдинъ покупаетъ всего вдесятеро или вдесятеро болѣе другихъ книгопродавцевъ, и мелкіе книгопродавцы только и живутъ тѣмъ, что покупаютъ у него книги на сроки. Словомъ, А. Ф. Смирдинъ есть настоящій двигатель нашей литературы, и каждый любитель ея, каждый истинный литераторъ долженъ уважать добраго Смирдина, который ждетъ только удобнаго случая и благоприятнаго времени, чтобы снова дать полетъ своей дѣятельности, основанной на честности и истинной любви къ Россіи и ея слаvesности.

Редакция Маяк открыла свою контору на Невскомъ проспектѣ въ домѣ *Котомина*, между Малай Миліонной и Полицейскимъ мостомъ, у Книгопродавца Ю. А. Юнгмейстера въ его *Магазинъ Русскихъ книгъ*.

Во избѣжаніе безпорядочнаго и несвоевременнаго получения подписчиками экземпляровъ, на которое до сихъ поръ было столько жалобъ, Издатели рѣшились вовсе уничтожить раздачу экземпляровъ лично самимъ подписчикамъ. Отнынѣ всѣ подписчики безъ исключенія будутъ получать Маякъ по городской и иногородной почтѣ, и только черезъ контору, которая, за то, исключительно отвѣчаетъ уже за всякой безпорядокъ доставки и за растрату экземпляровъ.

Для сего, всѣ мѣста и лица, гдѣ либо принимающіе подписку на Маякъ *сего года*, благоволятъ передавать, съ сохраненіемъ выгодъ имъ предоставленныхъ, подписку и адреса въ контору Маяка.

Гг. подписавшіеся, гдѣ либо, *безъ доставки* (на сей 1840 годъ), благоволятъ сообщить въ контору только свои билеты и адреса, безъ приложения денегъ на доставку. И контора, (выдавъ свой билетъ), по мѣрѣ выхода остальныхъ частей (IX, X, XI и XII) будетъ уже сама пересылать ихъ по городской почтѣ на домъ.

Этѣ распоряженіе и потому еще необходимо, что Маякъ — изданіе безсрочное, и обязываться выходами частей въ опредѣленные сроки никогда не намѣренъ. Контора будетъ разсылать книжки въ самый день выхода, тогда какъ газеты извѣщаютъ о выходѣ ихъ часто черезъ недѣлю.

Въ будущемъ 1841 году:

Маякъ будетъ издаваться въ томъ же духѣ, по прежней системѣ, тѣмъ

же компактнымъ наборомъ и большимъ форматомъ (котораго листъ равняется слишкомъ двумъ листамъ Б. для Ч. и почти четыремъ листамъ печати обыкновенныхъ романовъ), новымъ, болѣе четкимъ и красивымъ шрифтомъ.

Подписка во всѣхъ мѣстахъ будетъ приниматься только на 12 частей, непременно съ доставкою на домъ и по горюдамъ, по 13½ рублемъ серебромъ.

Если же кому угодно будетъ, по прежнему, подписываться въ три срока по 4 части, тѣмъ сдѣлается и это уваженіе, но съ условіемъ — адресоваться къ самимъ издателямъ, *) внося на каждыя четыре части по пяти рублемъ серебромъ. Разсылка будетъ производиться также черезъ контору.

Подписка принимается:

Въ С. Петербургѣ:

Въ конторѣ Маяка, у книгопродавца Ю. А. Юнгмейстера; въ *Газетной Экспедиціи* С. Петербургскаго почтамта (для иногородныхъ); у *Александра Ивановича Лаувица*, Начальника почтового отдѣленія на В. О.; въ конторѣ *Антоня Марковича Де-Колла* въ Почтамтской улицѣ, въ домѣ Керстена No 16 (для иногородныхъ). Издатели вполне отвѣчаютъ за исправность доставки подписавшимся во всѣхъ прописанныхъ мѣстахъ.

У всѣхъ здѣшнихъ книгопродавцевъ также можно подписываться.

Въ Москвѣ:

У *Александра Сергѣевича Ширлева* и у другихъ книгопродавцевъ.

*) *Петру Александровичу Корсакову* въ домѣ Цыrkовыхъ на Каликинской площади; *Степану Онисимовичу Бурачку* на В. О. по 14 лншн, между большимъ и среднимъ проспектами въ домѣ Мальгиной No 24.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ДЕСЯТОЙ ЧАСТИ.

ГЛАВА II. СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНИЯ.

Пѣсь пѣппиковъ. И. <i>Бородна</i>	7
Дѣв думы Вильдерейка.....	8
Луна и море. Е. <i>Заневскій</i>	—

ПРОЗА.

Старина морская и заморская.....	23
Какъ иногда женятся. А. <i>Будяскій</i>	35
Видѣніе въ царствѣ духовъ. С. Б.....	53

ГЛАВА III. МАТЕРІАЛЫ.

Вильна. Соч. <i>Крашевскаго</i>	—
Аэростати.....	99
Замѣтки жителя того свѣта. А. <i>Зогоскинъ</i>	103
Воспоминаніе о Крымѣ.....	114
Хронологія Славянскихъ племенъ. Ж.....ій.....	126

ГЛАВА IV. БИБЛИОТЕКА ИЗБРАННЫХЪ СОЧИНЕНІЙ.

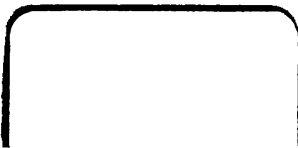
Письма къ редактору Маяка.....	33
Описаніе посольства отправленнаго въ 1659 году отъ Царя Алексія Михайловича къ Фердинанду II Великому Герцогу Тосканскому.....	45
Очерки Россіи, издаваемые <i>Вадимомъ Пассекомъ</i>	55
Сидкѣй, Капитанъ фрегата, соч. Князя <i>Мѣшицкаго</i>	61
Путешествія.....	63
Иностранныя книги.....	97

ГЛАВА V. НЕОРАМА, СМѢСЬ И РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Усовершенствованіе Русской грамматики. — Нѣкоторыя черты изъ Японскаго народнаго быта — Созданіе Негра. — Трибуналъ босоногихъ. — Утѣсь авественницы. — Герцогъ Альба на завтракъ въ Руольштадтскомъ замкѣ. — О разныхъ родахъ писчей бумаги. — Праздникъ въ Царско-сельскомъ Лицѣ. — Подвиги для новаго Геркулеса. — Разныя извѣстія..	21

Digitized by

Digitized by

